РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР КОРЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА ВОСТОКА АЗИИ

Ответственный редактор серии
академик РАЕН ***В. Е. Ларичев***

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск
2012

러시아 과학원 시베리아 지부
고고학 민속학 연구소.

노보시비르스크 국립대학교 한국학연구소.

붸.이. 라리체프

상쾌한 아침의 나라에서의 고고학 여행

책임편집자 : 에스.붸. 알킨

간행 : 러시아 과학원 시베리아 지부 고고학 민속학 연구소
노보시비르스크
2012

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЦЕНТР КОРЕЙСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В. Е. ЛАРИЧЕВ

ПУТЕШЕСТВИЕ АРХЕОЛОГА В СТРАНУ УТРЕННЕЙ СВЕЖЕСТИ

Ответственный редактор
кандидат исторических наук ***С. В. Алкин***

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск
2012

УДК 902 (31) + 91 (519.3)
ББК Т4 (54Ко) + Д8 (54Ко)
Л 25

Утверждено к печати
Ученым советом Института археологии и этнографии СО РАН

Рецензенты
доктор исторических наук *И. В. Асеев*
доктор исторических наук *С. П. Нестеров*
доктор исторических наук *А. Е. Демидчик*

Работа выполнена в рамках тематического плана (НИР 1.5.09) и АВЦП «Развитие научного потенциала ВШ (2009–2011 годы)» (проект РНП 2.2.1.1/13613) Минобрнауки.

Ларичев В. Е. Путешествие археолога в Страну утренней свежести / В. Е. Ларичев; отв. ред. С. В. Алкин. – Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2012. – 234 с.
Л 25

В книге впервые публикуются путевые заметки известного отечественного востоковеда-археолога, который принял в 1974 г. участие в поездке в Северную Корею. На основе личных наблюдений и широкого круга научных источников дается характеристика особенностей развития археологической науки в северной части Корейского полуострова в условиях идеологии «чучхэ». Излагаются взгляды археологов КНДР на основные этапы эволюции древних культур полуострова от нижнего палеолита до раннего железного века и раннего средневековья. Кроме того, книга – свидетельство любознательного очевидца, путешествующего по стране, которая на протяжении более полувека практически закрыта для экспедиционного изучения.

Издание предназначено для историков, востоковедов, археологов и всех, кто интересуется древней историей и археологией Восточной Азии.

이 책은 러시아의 유명한 동양학자이자 고고학자인 붸.이. 라리체프가 1974년 북한을 방문한 당시의 여행기이다. 그는 이 책에서 개인적인 관찰과 폭 넓은 학문적 소양을 바탕으로 하여, 한반도 북쪽 즉, 북한의 '주체사상'이란 이데올로기 아래에서 고고학이 어떻게 발전해 가는지 최초로 그 특징을 묘사하였다.

또 구석기시대부터 초기철기시대 그리고 중세 초에 이르기까지의 고대 한반도 문화발전의 주요 단계에 대한 북한고고학자들의 견해가 이야기 될 것이다. 뿐만 아니라 이 책은 지난 오십 년 이상 고고학적 발굴 및 연구가 사실상 가려진 북한을 여행한 호기심 많은 목격자의 증언이라 할 수 있다.

이 책은 역사학자, 동양학자, 고고학자들과 고대사와 고고학 및 동아시아 지역에 흥미를 둔 모두를 위해 만들어졌다.

ISBN 978-5-7803-0217-9

УДК 902 (31) + 91 (519.3)
ББК Т4 (54Ко) + Д8 (54Ко)

© ИАЭТ СО РАН, 2012 г.
© Ларичев В. Е., 2012 г.
© Алкин С. В., от редактора, 2012 г.
© Фендлер К., послесловие, 2012 г.
© Ахметов В. В., приложение, 2012 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Порядка двадцати лет назад при очередном переезде Сектора истории и археологии стран Зарубежного Востока в новое помещение я сортировал архивы и наткнулся на пачку машинописных листов. Это была рукопись дневникового отчета В. Е. Ларичева о поездке в Северную Корею в 1974 году. Написанный по горячим следам и спрятанный в «ящик стола» он не предполагался к опубликованию. Советская цензура никогда не пропустила бы этот текст. При практически полном отсутствии в те времена информации о жизни КНДР и о состоянии дел в корейской археологии эта рукопись была прочитана мною на одном дыхании, а затем я возвращался к ней неоднократно. Мысль о необходимости и возможности ее опубликования пришла много позднее и не так скоро смогла реализоваться.

Перед нами уникальный документ. Во-первых, это источник по истории отечественного археологического востоковедения. Во-вторых, это живые, заинтересованные путевые заметки интеллигента из новосибирского Академгородка середины 1970-х гг., который оказался в Северной Корее не как обычный турист, а по служебной надобности. В-третьих, это единственный такого рода документ, содержащий информацию об организации археологической науки в КНДР, о наиболее важных археологических открытиях корейских археологов, представленную ими советским гостям.

Безусловно, за прошедшие десятилетия появились новые материалы, изложены новые концепции археологии Корейского полуострова. Но при скудости археологической информации из Северной Кореи текст В. Е. Ларичева удивительным образом не потерял своей актуальности. Именно поэтому в качестве приложения к путевым заметкам мы даем текст ранее опубликованной статьи Виталия Епифановича о неолите и бронзовом веке Кореи. Сборник «Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла» (серия «История и культура Востока Азии», т. VI, 1978 г.) давно стал библиографической редкостью, а статья по-прежнему востребована специалистами. Как и небольшая работа о корейском неолите, которая была написана по горячим следам[1].

[1] **Ларичев В. Е.** Основные этапы эволюции неолита Кореи (по материалам новых исследований в КНДР) // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. – 1977. – № 1. – Вып. 1. – С. 113–118.

В последующие годы контакты с северокорейскими коллегами носили ограниченный характер. В то же время корейские материалы широко использовались в обсуждении общих проблем восточноазиатской археологии[2]. В ноябре 1987 г. по приглашению Академии наук КНДР состоялась трехнедельная поездка группы археологов Института археологии и этнографии СО РАН во главе с Е. И. Деревянко[3].

Археология Корейского полуострова (неолит и ранний металл). За время, прошедшее с поездки сибирских археологов в КНДР в 1974 г., общий взгляд на археологию Кореи претерпел существенные изменения[4].

Как и на сопредельных территориях Восточной Азии, на Корейском полуострове произошло существенное «удревнение» времени перехода от палеолита к неолиту. Один из самых ранних неолитических памятников – Косанри открыт на острове Чеджудо. Его микропластинчатая индустрия и керамика, датируемые временем около 10 тыс. л. н., демонстрируют сходство с памятниками первоначального дзёмона Японских островов, осиповской и громатухинской культур российского Приамурья. К этому же периоду отнесен памятник Оджинри (севернее г. Пусан). Однако многочисленные памятники раннего неолита, известные в корейской литературе как *чульмун* («гребенчатая керамика»), или «ранние поселения с керамикой» надежно датированы временем примерно 7 тыс. л. н.

Неолит Корейского полуострова существовал в условиях теплого атлантического периода голоцена и в суббореальное время (7–3 тыс. л. н.). На сегодня выделено несколько локальных групп памятников: центральная часть восточного побережья (Осанни), южное побережье (Тонсамдон, Саннодэ, Сугари, Сандал до, Чо до), юго-западное побережье (Тэхуксан до), центр западной части (Амсадон/Амсари, Мисари, Чоджири, Си до, Сонуи до, Ои до, Соя до, Гусанни, Читамни), северо-восток (Помый Кусок, Сопхохан).

Кроме того, для характеристики корейского неолита важно выделение двух больших зон: с круглодонной керамикой и с плоскодонной керамикой. В наиболее дробной хронологии для южной части полуострова определены 4 этапа: начальный – 10–7 тыс. лет до н. э., ранний – 7–5,5 тыс. лет до н. э.; средний – 5,5–4 тыс. лет до н. э.; поздний – 4–3 тыс. лет до н. э. В Северной Корее наиболее ранние памятники датированы временем 7,1 тыс. л. н., наиболее поздние – около 3 тыс. л. н. Таким образом, верхняя граница неолита пролегает в промежутке 3,5–3 тыс. л. н. Для позднего неолита, наряду с гребенкой, характерно использование новых приемов орнаментации сосудов: амурская плетенка, спираль, меандр. Появляются слабопрофилированные краснолощеные сосуды без орнамента.

---

[2] **Деревянко А. П.** Палеолит Дальнего Востока и Кореи. — Новосибирск: Наука, 1983. – 216 с.; **Деревянко А. П.** Древние культуры Кореи // Археология зарубежной Азии. – М., 1986. – С. 320–334.

[3] **Варёнов А. В.** Командировка сибирских археологов в КНДР // Изв. СО АН СССР. – 1988. – № 16. – Вып. 3. – С. 63–64.

[4] Дается по: **Алкин С. В., Комиссаров С. А.** Корея. Древнейшие археологические культуры на территории Кореи // Большая Российская энциклопедия. – М.: Науч. изд-во «Большая Рос. энциклопедия», 2010. – Т. 15. – С. 265–267; **Алкин С. В., Комиссаров С. А.** Археологические культуры Корейского полуострова (каменный век – ранний железный век): Краткий обзор современного состояния изученности // Вест. НГУ. Сер. История, филология. – Новосибирск, 2010. – Т. 9, вып. 5: Археология и этнография. – С. 18–24.

В неолитическую эпоху население Корейского полуострова принимает модель приморской адаптации, о чем свидетельствуют прибрежные памятники с раковинными кучами, датированные временем 5,9–3,4 тыс. л. н., на юге (Тонсамдон, Саннодэ), северо-западе (Гунсанни) и северо-востоке (Сопхохан). Среди промысловых моллюсков преобладает тихоокеанская устрица. В коллекциях определены остатки морских млекопитающих (тюленей, дельфинов, китов) и крупных рыб (акул, тунцов). Среди позднеолитических композиций петроглифов в Бангудэ (район залива Ульчу на юге полуострова) изображены промысловые морские животные – акулы (в т. ч. китовая), киты (касатка, дельфины, кашалот, финвал, горбач, серый и др.). Из наземных промысловых животных преобладали олени и кабаны, встречались и другие копытные (буйвол, водяной олень), а также барсуки, собаки, выдры, зайцы и медведи.

Во второй половине эпохи неолита, наряду с собирательством плодов (каштана – на Мисари, желудей монгольского дуба – на Амсадоне, Осанни и Мисари), охотой на наземных и морских животных, пресноводным и морским рыболовством, существовало примитивное земледелие на основе выращивания различных видов проса (могар, просо обыкновенное). Культурные злаки найдены на памятниках среднего неолита – Читамни, Гунсанни, Намгусанни, Мисари, Осанни. В основном они тяготеют к западным районам, что связано с распространением мотыжного земледелия просяного типа из лесостепной части Северо-Восточного Китая (около 5,5–3,5 тыс. л. н.). Об этом свидетельствуют радиоуглеродные даты для памятников юга полуострова с находками чумизы (Тонсамдон, Оун-1 и Санчон). Однако хозяйство оставалось в основном присваивающим. Данные о доместикации животных (собаки, свиньи) в эпоху неолита и бронзы фрагментарны. Развитие морского рыболовства привело к установлению контактов с Японскими островами, откуда вывозили обсидиан для изготовления скребков и наконечников стрел. Керамика типа *собата* на севере Кюсю возникла под влиянием гребенчатой керамики Кореи.

К бронзовому веку относится распространение риса (с территории Восточного Китая) и утверждение его в качестве основного источника питания. Наиболее ранние находки зерен риса на памятниках Хунамни и Каваджи (около Сеула), а также семян могара, ячменя и сорго датируются временем около 3,3 тыс. л. н. В Северной Корее обнаружены остатки красной фасоли (на стоянке Сокталли) и сои (на поселении Одон).

Таким образом, на Корейском полуострове в каменном веке (от палеолита до первой половины неолита, вплоть до 5 тыс. л. н.) существовал культурно-хозяйственный тип охотников, рыболовов и собирателей лесной зоны умеренно-теплого пояса. Начиная с 6 тыс. л. н. добавился тип береговых охотников, рыболовов и собирателей умеренно-теплого пояса, активно использовавших морские пищевые ресурсы наряду с добычей охоты на сухопутных животных. Около 5–4,5 тыс. л. н. начал формироваться тип мотыжных земледельцев лесной зоны умеренно-теплого пояса с сохранением элементов присваивающего хозяйства. С заменой проса на рис (в первой половине I тыс. до н. э.) начало интенсивно развиваться мотыжное земледелие. Однако плужное земледелие зародилось только в раннем железном веке.

Истоки корейской неолитической культуры продолжают оставаться предметом дискуссий. Возможно ее автохтонное развитие, однако очевидно, что культуры северных районов (с преобладанием плоскодонной керамики) имели непосредственную связь с неолитическими общностями Южной Маньчжурии и сопредельных территорий. Основное воздействие связано с общностью, наиболее древние памятники которой локали-

зованы в районе Пекина и в бассейне Ляохэ. Наличие в Сопхохане керамики с криволинейным узором указывает на северное направление связей с субстратным населением Нижнего Амура и Южного Приморья в рамках т. н. «кондонской» общности.

По мнению М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, древнее население Корейского полуострова принадлежало к байкальской ветви сибирских монголоидов. Возможная принадлежность корейской гребенчатой керамики к североазиатскому культурному ареалу выдвигалась в качестве основного аргумента в пользу палеоазиатского происхождения корейских племен. Некоторое подтверждение этому дает находка костей домашнего оленя на поселении Кунсанни. В позднем неолите происходила инфильтрация групп восточноазиатских монголоидов из районов Северо-Восточного Китая. По всей видимости, в III–I тыс. до н. э. сформировался маньчжурско-корейский вариант восточноазиатской ветви монголоидной расы. Относительно изолированное развитие корейских племен (начиная со среднего неолита) в сочетании с проникновением населения из восточных районов Маньчжурии и даже с Шаньдунского полуострова сформировали этнокультурный облик древних корейцев, окончательное становление которого, как в общих чертах, так и в локальных особенностях, происходило в эпоху раннего металла.

Эпоха бронзы на Корейском полуострове началась около 3,5 тыс. л. н. На смену сосудам с гребенчатым орнаментом пришла гладкостенная керамика. Некоторые ученые связывают это с предками тунгусов (известных по письменным данным как племена *емэк*). Население прочно освоило рисоводство, в т. ч. поливное, и разведение крупного рогатого скота, но сохранило ориентацию на морские ресурсы. Об этом свидетельствует перемещение раковинных куч с побережья на склоны холмов, ближе к жилью. Наметилась тенденция превращения поселений на холмах в городища, наиболее крупные из которых – Помый Кусок (пров. Сев. Хамгёндо), Соннанни на р. Тэдонган (южнее Пхеньяна) и Сонгукни (западнее г. Тэджон) – насчитывают более сотни жилищ. Можно выделить три основных типа хозяйства: земледельческо-скотоводческий, земледельческо-скотоводческий в сочетании с охотой, морской промысел. Большую часть орудий труда продолжали изготовлять из камня (шлифованные тесла и топоры, гарпуны, жатвенные ножи полулунной формы, ретушированные и шлифованные наконечники стрел). Встречаются сланцевые копии бронзовых изделий.

Остатки наиболее ранней мастерской по производству бронзы обнаружены в Янгули (возле Сеула) и датируются временем 2,7 тыс. л. н. Находки литейных форм, шлака и т. п. свидетельствуют о местных центрах металлообработки. Из металла изготавливали орудия труда, оружие и бытовую утварь. В составе оружейного комплекса есть местные варианты кинжалов и наконечников копий с профилированным лезвием (т. н. «скрипковидные»), сочетавшиеся с клевцами и секирами, изготовленными по чжоуским образцам. На контакты с Древним Китаем указывают находки ножевидных и лопатовидных монет. Некоторые виды бронзовых изделий (кельты, топоры, сосуды, колокольчики и бубенцы, пряжки, поясные крючки) свидетельствует о включении Корейского полуострова в зону влияния скифо-сибирских культур. Пройдя через весь полуостров, носители культуры бронзовых кинжалов *емэк* переправились через Корейский пролив на север Кюсю, где положили начало культуре *яёй*.

Происходит социальная дифференциация населения, увеличиваются локальные особенности культур. Это проявляется в типах погребального обряда. Грунтовые могилы неолитического периода сменяются каменными ящиками, что свидетельствует об инфильтрации населения из Северо-Восточного Китая. Встречаются многоярусные за-

хоронения (ящики поставлены один на другой), совмещенные, пристроенные к стенкам предыдущих погребений. На этапе развитой и поздней бронзы появились погребения (в основном детские) в двойных керамических урнах, имеющие аналоги в Дунбэе, на севере Шаньдунского полуострова и в Японии. Тогда же начали сооружать дольмены, происхождение которые иногда связывают с северной (маньчжурской) культурой плиточных могил. Дольмены были двух типов: столообразные (северный вариант) и модифицированные (южный вариант). Северные дольмены наиболее ранние, состоят из четырех крупных блоков, перекрытых сверху плитой, и с захоронением внутри. Южные дольмены обычно имеют наиболее крупную плиту в центре, которую как бы подпирают боковые блоки. В их внутренней части выкопано одно или несколько захоронений, выложенных камнем. Иногда дольмены отмечали границы родовых кладбищ.

Изменения в хозяйственной жизни и сложные процессы, вызванные притоком нового населения, привели к дальнейшему развитию общественных отношений. Появление городищ свидетельствует о возможном существовании племенных союзов и зарождении государственности.

Переход к раннему железу на территории Кореи произошел примерно в тот же период, что и на сопредельных территориях Китая и российского Приморья, т. е. не позднее V в. до н. э. Так, на поселении Одон на правом берегу р. Туманган, датированном серединой I тыс. до н. э., в наиболее поздних жилищах зафиксированы помимо каменных орудий изделия из железа. Переход от культуры раннего железа к протогосударствам «трех Хан» (Махан, Чинхан, Пёнхан), существовавшим на юге Корейского полуострова на рубеже эр, прослеживается на материалах культуры района г. Кимхэ. На севере в этот период (не позднее IV в. до н. э.) складывалось государство Древний Чосон, которое охватывало также значительную часть Ляодуна и вступало в активные контакты с древнекитайскими государствами. Раскопаны крупные поселения, где железные изделия (кельты, серпы, ножи, наконечники копий и стрел) найдены в комплексе с ножевидными монетами *миндао*, отливавшимися в царстве Янь: Йонъёндон (пров. Пхёнан-пукто) – 800 монет, Седжунни (пров. Пхёнан-намдо) – 2,5 тыс. монет. Это свидетельствует о значительных объемах торговли. После завоевания Чосона империей Хань на этих территориях был создан округ Лолан, культурное влияние которого сказалось на последующем историческом развитии Кореи.

Корееведение в Новосибирском научном центре. Археология Кореи традиционно находится в сфере интересов сотрудников ИАЭТ СО РАН. Начиная с конца 1960-х гг. и до настоящего времени корейские материалы привлекаются учеными для анализа проблем развития древних и средневековых культур российского Дальнего Востока и сопредельных территорий Северо-Восточного Китая (А. П. Деревянко, В. Е. Ларичев, Ю. М. Бутин, Ю. С. Худяков, С. А. Комиссаров, А. В. Варёнов и др.). Активно развиваются связи с коллегами. В ИАЭТ СО РАН прошли подготовку несколько археологов из Республики Корея, трое из которых защитили диссертации. Осуществляются совместные археологические проекты по изучению древностей в российском Приамурье и на юге Корейского полуострова (А. П. Деревянко, В. Е. Медведев, С. П. Нестеров, С. В. Алкин, П. В. Волков, Л. Н. Мыльникова и др.).

Институт археологии и этнографии СО РАН и Новосибирский государственный университет в настоящее время составляют единственный в Сибири центр корееведческих исследований. В последнее десятилетие здесь идет активная работа по подготовке молодых кадров. Выпускники первой группы кореистов гуманитарного факультета НГУ

(организована в 1997 г.) – А. Л. Субботина (2008 г.) и А. А. Гилёв (2010 г.) защитили кандидатские диссертации по археологии Кореи. До них по этой теме защищал диссертацию Юрий Михайлович Бутин – автор книг по истории Древнего Чосона и Трех государств, уехавший из Новосибирска в 1980 г.

В 2005 г. начался новый этап развития корееведческой специализации в НГУ. Университет стал одним из организаторов Российской ассоциации университетского корееведения (РАУК). НГУ сейчас самый молодой среди классических университетов центр подготовки корееведов, как для практической работы в области высшего образования, так и для активизации научного изучения Кореи. Научная работа ведется в рамках Центра корейских исследований НГУ. Студентам-корееведам предоставлена возможность выбора специализации по тем проблемам истории Кореи, изучение которых в последние десятилетия практически сошло на «нет» в других центрах: археология, ранняя и древняя история, традиционная корейская культура.

Отрадно, что в подготовке этой книги к печати принимали участие сначала студенты НГУ, а затем аспиранты ИАЭТ СО РАН и Университета Корё – В. В. Ахметов и М. А. Стоякин.

На разных этапах работы над книгой помощь и поддержку оказывали участники командировки в Корею в 1974 г. – академик А. П. Деревянко и кандидат исторических наук А. К. Конопацкий, кореееведы Р. Ш. Джарылгасинова, А. В. Загорулько и Т. М. Симбирцева, аспирант НГУ Пак Кюджин. Всех искренне благодарю.

Послесловие к путевым заметкам В. Е. Ларичева написал известный венгерский кореевед и карьерный дипломат Карой Фендлер. В период обучения в МГУ (1952–1958 гг.) он был учеником Михаила Николаевича Пака, а в 1957–1958 гг. – первым венгерским студентом в Пхеньяне. С 1958 г. и до выхода в отставку в 1989 г. Карой Фендлер находился на службе в Министерстве иностранных дел Венгрии, а в 1960–1967 гг. – на дипломатической работе в Пхеньяне.

С. В. Алкин
Новосибирск – Пхеньян, июнь – октябрь 2011 г.

ЧАСТЬ I

ПРЕДВАРЕНИЕ ПОВЕСТВОВАНИЯ:
несколько пояснительно-оправдательных страниц – беглый взгляд из века нынешнего в век минувший

Год назад, прикидывая дела на грядущие ле́та, я перелистал густо пожелтевшие от времени страницы рукописи «Впечатления от поездки в КНДР» почти сорокалетней давности. Перечитывание написанного столь давно, до ужасов трагедий «эпохи перемен» в моем Отечестве, вызвало весьма противоречивые чувства при размышлениях о том, стоит ли публиковать конспективные, должным образом не систематизированные наброски, основанные на блокнотных, почти стенографических записях. Ведь они делались поспешно, от случая к случаю, для памяти, насколько позволяли обстоятельства следующих один за другим переездов и экскурсионных походов, в соответствии с программой научных и ознакомительных мероприятий подготовленных для команды археологов нашей страны. К тому же эти заметки, т. е. приведенный всего лишь в относительный порядок текст, не предназначенный для издания в таком виде, я намеревался использовать в последующем лишь отчасти, в случае продолжения, как предполагалось, сотрудничества с корейскими коллегами по изучению дальневосточных древностей. Листы предварительных записей могли стать для меня черновым материалом для написания научно-популярной книги о Корее в современном обличье и в первобытном прошлом, восстановленном усилиями археологов Кореи. Мне, в мечтаниях, хотелось повторить опыт издания подобного же стиля и сюжетов, ставшего результатом участия в нескольких археологических экспедициях на территории Монгольской Народной Республики в 60-е годы прошлого века[1].

Но, как говорится: «Человек предполагает, а Господь располагает». Судьба в очередной раз развернула (подправила!) мой жизненный путь, а с ним и намерения, так что мне, увы, не довелось более странствовать по Корее и принимать участие в раскопках ее древних памятников, а идея написания книги оказалась в списке несбывшихся научно-литературных грез. Первая же заготовка к ней, рукопись с пометкой на первом листе «Впечатления…», затерялась на десятилетия в груде бумаг – отходов научного производства. Я вспоминал о «Впечатлениях…» лишь при случайных разговорах о «путешествиях» со-

[1] **Ларичев В. Е.** Азия далекая и таинственная: Очерки путешествий за древностями по Монголии / Ред. С. О. Омбыш-Кузнецов. – Новосибирск: Наука, 1968. – 291 с.

трудников нашего института в иную Корею, Южную, и запамятовал даже, где они, эти записки, укрылись. А все оттого, что мне никогда не приходила в голову мысль опубликовать их, учитывая черновой стиль текста, требующего исправлений, дополнений и, как диктуют правила восточного летописания, до́лжного комментирования.

Возможно, все так и осталось бы на очередное и последующие десятилетия, а, быть может, и навсегда, если бы не случайность – административная необходимость переезда Сектора истории и археологии стран зарубежного Востока со всем его громоздким архивным имуществом в новое здание. Это мероприятие потребовало разбора и критического просмотра всего, что было накоплено за третьвековую деятельность сотрудников, с целью «отделить зерна от плевел». Первые надлежало бережно упаковать, а со вторыми «безжалостно расстаться» (так гласил строгий циркуляр высокого начальства), «во избежание захламления нового места службы лишними бумагами». Переезд – воистину аналог пожара, но порой это досадное событие не обходится без неожиданных обретений. Таковыми стали (помимо многого иного, подзабытого и потерянного в суете повседневья) фотокопии чистового и чернового дневников выдающегося русского китаеведа Палладия Кафарова, руководителя Пекинской духовной миссии (центр православия в Поднебесной с конца XVIII в.; своеобразное дипломатическое представительство России, долгое время – тонкая нить, связующая императорский и царский дворы, и, что особенно важно, мощный образовательный и научный центр, коему Отечество обязано подготовкой знатоков языка, истории и культуры народов великого соседа). Копии дневников путешествия П. Кафарова по Маньчжурии, Приамурью и Приморью, которое он совершил по заданию Русского императорского географического общества в 1870-е гг., я сделал в конце 1950-х гг. Они считались потерянными, и мне удалось отыскать их, работая в архиве Географического общества над сбором материалов для книги «Тайна каменной черепахи»[2]. Эти документы предполагалось издать после соответствующей подготовки, ибо они содержали любопытные сведения по истории русского Дальнего Востока и соседних территорий.

Благие намерения исполнить не удалось. Их, как водится, отодвинули некие первоочередные заботы. И вот теперь некогда «потерянные», затем счастливо обретенные и опять «потерянные» дневники, задвинутые в шкафу во второй ряд архивных папок и потому надолго оставленные вне ежедневной видимости, вдруг напомнили о себе, молчаливо упрекая владельца архивных сокровищ своим очередным и опять-таки случайным явлением на свет. В тот же день поневоле опустошительных ревизий с той же обидной горечью напомнила о себе и моя папка с текстом «Впечатлений…». Происшествия эти возбудили (в очередной раз!) разговоры о прискорбной традиции неисполнения (изменения) сотрудниками сектора планов научных работ и теперь, за давностью лет, необъяснимых, видите ли, заменах намеченного к завершению проекта чем-то первоочередным, более актуальным. Решение было принято такое: возобновить, наконец, подготовку к публикации дневников архимандрита, ускользающих от печатания из-за неистребимых в гуманитарной науке пристрастий к «изменениям плановых намерений».

[2] Персонажем одного из сюжетов ее был Палладий Кафаров. Подробности см.: **Ларичев В. Е.** Потерянные дневники Палладия Кафарова // Изв. СО РАН СССР. – Сер. обществ. наук. – 1966. – № 1, вып. 1. – С. 114–122; **Ларичев В. Е.** Тайна каменной черепахи / Ред. В. А. Колеватов. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1966. – 251 с.; **Ларичев В. Е.** Путешествие в страну восточных иноземцев / Ред. К. Д. Павлова. – Новосибирск: Наука, 1973. – 339 с.

С тех пор прошло много лет. За это время удалось завершить самую объемную по затратам труда и сложную по кропотливости работу – прочитать скорописную, с трудом распознаваемую копию чернового (исполненного прямо в пути) дневника Палладия Кафарова. Ее снял иеромонах Николай до отъезда главы духовной миссии морем, через Тихий и Индийский океаны и Средиземноморье в Европу (во Францию), откуда ему предстояло вернуться на родину. Здесь он, надо полагать, намеревался подготовить к публикации дневник поездки по Маньчжурии, Приморью и Приамурью, пополнив записи сведениями из летописных источников. В знании их П. Кафарову не было, пожалуй, равных во второй половине XIX в. Кто, как не он, воочию познакомившийся с древностями г. Уссурийска и его окрестностей, мог с наибольшим успехом решить задачу, поставленную им самим в письме из Приморья от 23 августа 1870 г.: *«Для археолога, самого опытного, здесь предстоит немало преткновений»*. Речь шла об исключительно сложной проблеме соединения в одну историко-культурную панораму летописных сведений и памятников материальной культуры – мемориальных скульптур, найденных около средневековых гробниц, развалин храмовых строений и крепостей эпох Бохая, Золотой империи и, возможно, Мин и Цин.

Судьба распорядилась жестоко: по прибытии парохода в г. Марсель П. Кафаров заболел, скоропостижно скончался и был погребен в Ницце на кладбище у православного собора, построенного по велению русского государя (я видел эту вдохновенную архитектурную красоту в 1976 г., будучи участником Всемирного конгресса археологов, но, полагая, что архимандрит погребен в Марселе, не посетил место его захоронения). Дальневосточные же древности стали на полтора последующих века объектом исследований местных любителей старины и сотрудников Дальневосточного научного центра Сибирского отделения Академии наук СССР, а затем РАН[3].

Жанр дневниковых записей всегда вызывал интерес у читателей, ибо непреходяща ценность документально зафиксированных на бумаге фактов теми, для кого все увиденное в чужой стране – экзотика, будь то быт, нравы, обычаи, пища, способы хозяйствования, жилища, жизнь религиозная, культово-обрядовая, праздничная, траурная, сельская или городская, кочевая или оседлая. В том можно убедиться на примере путевых записок Иакинфа Бичурина – отца отечественной синологии и других членов Пекинской духовной миссии. Они вели их, совершая служебные и научные поездки по степям Монголии, тайге Маньчжурии, горно-пустынным областям запада Китая и Тибета. Изучая историю и культуру Поднебесной, можно отыскать нужные сведения не только на страницах систематизированных придворными летописцами династийных хроник, но и среди записей имперских путешественников в земли неведомых народов, заметок дипломатов, посланных в соседние страны с бумагами государственной важности, или дневников тех, кому было поручено собрать сведения о владетелях пограничных земель и описать народы, населявшие их. Письменные отчеты послов и прочих странствующих персон, в том числе скрытых лазутчиков и осведомителей, стали бесценными документами для историков, этнографов и археологов современности, являя собой источниковые раритеты, толкования коих длятся века, и несть тому конца.

[3] **История** Золотой империи / Отв. ред. В. Е. Ларичев. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. – 284 с. – (Сер. «История и культура востока Азии»). См. тексты В. Е. Ларичева «От редактора» (с. 5–9) и «Краткий очерк истории чжурчжэней до образования Золотой империи» (с. 34–87). Там же ссылки на литературу.

Путевые заметки П. Кафарова остались, по печальному стечению обстоятельств, в черновом (необработанном и недополненном) виде. Теперь, по прошествии 130 лет, можно лишь гадать, каким бы стал чистовой вариант дневника. П. Кафаров, думаю, в значительной мере расширил бы его за счет текстов, извлеченных из средневековых летописей и прочих сочинений китайских историографов, а также комментирования с целью увязывания фактов, сохраненных в письменных источниках, с археологическими памятниками (это, надо полагать, особо интересовало Русское Императорское географическое общество). Однако и без таких вставок путевые записи архимандрита интересны специалистам и любителям литературы, посвященной путешествиям прошлых веков. Во всяком случае, я испытывал волнение, перечитывая листы дневника. Записи обстоятельств поездки высокочтимого в Отечестве лица по сухопутным дорогам Маньчжурии, по водам Амура и Уссури, а затем вновь по сухопутью, но уже Приморского края, как будто, на первый взгляд, не содержали ничего захватывающего. Бытовое повседневье поездки XIX в., скупые слова о придорожных пейзажах, встречи накоротке с аборигенными обитателями мест проезда, обыденные путевые происшествия, беглые, по случаю, историко-географические реплики, метеорологические заметки и т. п., – все это, к моему удивлению, вызывало, по ходу чтения, интерес…

Изложенное отнюдь не порождено затаенным стремлением сравнить записанное в моем дневнике с почти полуторавековой давности листами черновых заметок отца Палладия. Ранг авторов, конечно же, несопоставим, и я никогда бы не решился помыслить подобное. Желание было совсем иное: убедиться в том, что черновые записи быстротечных, как в калейдоскопе, впечатлений от стремительных переездов не на телеге, запряженной буйволами, или пароходом, а по воздуху, на самолетах, по асфальту и земле – в автомобилях, могут представлять ценность, достойную того, чтобы их напечатать. В эпоху изобилия информации газетной, книжной и телевизионной, а также собранной в библиотеках и специализированных хранилищах, выуженной из воистину неохватного Интернета, возникают сомнения в решении исполнить такую затею. Однако колебания мои развеял, в определенной мере, редактор, реальный инициатор издания. Он, убеждая меня, говорил о многом: о своеобразии взгляда археолога – служителя науки, далекого от политических треволнений, на «Страну идей чучхэ»; об одномоментном, вроде последствий вспышки фотоаппарата, видении картин жизни чужой страны «человеком со стороны», не подготовленным к восприятию непривычных реальностей, о которых ранее судил по очеркам и телесюжетам СМИ; о важности взгляда, не замутненного предрассудками пиара. Так ли это – судить тому, у кого окажется в руках это издание, кто перелистает его страницы. Меня же во многом успокаивает полезность (осмеливаюсь на то надеяться) включенных в текст записей, посвященных археологии Кореи – удивительным памятникам и блестящим в своеобразии и яркости древним культурам. Таково было, в конспективном изложении, их знание более трети века назад. Археологи могут сравнить теперь, каков прогресс в углублении познанного ранее. Полезное занятие для подтверждения истины о том, что нет ничего постоянного в этом мире, встроенном в неудержимый поток времени – носителя всех событий, земных и небесных!

В заключение, *pro domo sua*, о печальных явлениях идеологического плана, которые нашли отражение на страницах «Впечатлений…». О них нельзя умолчать, ибо все мы, путешествующие, были всецело погружены в обстоятельства жизни «страны посещения». При оценке этого аспекта мне хочется, чтобы читатель, воспринимая негативное, учитывал факторы, понятные без комментариев, не менее существенное – традиции ис-

торические и культурные, а главное, как для того времени, так и сейчас, – геополитические обстоятельства. В первую очередь заслуживает упоминания «Потусторонняя сила», страна, самовольно провозгласившая себя «Осью Добра» и носителем набора абсолютно чуждых народам Востока «ценностных стандартов Запада», либерального (т. е. вседозволенного, как я понимаю) и «демократического» толка абстракций, которые навязываются извне жестко и насильно, вынуждая защищаться не всегда лучшим образом.

Пишу обо всем этом потому, что для меня 1974 год стал беспрецедентно удачным, если принять за везение участие в путешествиях по белу свету. Мне тогда удалось посетить и Корею, и Новый Свет, Америку, а в ней ту самую «Ось Добра» – звездно-полосатые штаты. Беспрецедентность же состояла в том, что в эпоху, когда выезд за рубеж был для советского ученого явлением, сходным с мечтаниями о полете на Марс, мне довелось совершить, без малого, кругосветное путешествие: перелететь из Москвы через Атлантику в Нью-Йорк, оттуда через всю территорию США на тихоокеанское побережье, в некогда русскую Аляску, в столицу ее – Анкоридж, а затем на Алеутские острова, в село Никольское с православным храмом и могилами с надгробиями, на коих начертаны русские имена и фамилии. Здесь, на островке Анангула, той же группе археологов из СССР предстояло впервые провести совместно с американскими коллегами раскопки поселения каменного века. Все это я припоминаю к тому, что у нас появилась возможность сравнить не материальное, а духовное и нравственное бытие в стране своей и двух чужих мирах Старого и Нового Света, пограничных с Россией на Востоке, на южном и северном побережьях Тихого океана. Не могу в чем-либо упрекнуть любезно принимавшую нас сторону. Но было и кое-что шоково-озадачивающее – в Университете Аляски, созданном на деньги «Алеутского фонда» (мы были его гостями и финансировались им), назойливо мельтешили учебные плакаты «Родословного древа человечества». Нижние, у самой земли, ветви его, олицетворяющие низменность, примитивизм, нецивилизованность и вырождение *Homo sapiens* современности, были отданы на откуп русским и китайцам, представляющим славянство Восточной Европы и народы азиатского Востока.

Это «шутка» отнюдь не простая, а по глубинному существу – знаковая, фундаментальная по смыслу. Придумана она не провинциальным обывателем с долларовыми глазами и бездушным сердцем, а представителями от науки, бизнес-политической и финансовой элиты «Страны Добра». Достаточно взглянуть на «Родословное древо человечества» Аляски, с самодовольно восседающим на макушке американоидом, чтобы, ужаснувшись, уяснить скрытую суть той же, допустим, идеологии «Оси Зла» – порождения цинично извращенного ума воротил заокеанской элиты, помешанной на жажде обретения мирового господства. Ведь это она, а не заурядный актер Голливуда Р. Рейган, нанизала на виртуальный шампур и мое Отечество, предопределяя его катастрофический для судеб мировой цивилизации развал, и Корею, в предвкушении ее смертного удушения для выхода к побережьям Китая и России, стран «концентраций мирового зла». Надо же! Все в этом бренном мире мешает «Стране Добра» – и тем, что просто само по себе для чего-то (видимо по ошибке Творца и Провидения) существует на свете, и тем, что, несанкционированное ею, живет не так, как надо бы. «Живое воплощение гуманизма и доброты», начав свою историю с конкистадорски кровавого, под корень, опустошительного уничтожения аборигенных цивилизаций Нового Света (не считаясь ни с чем, огнем и мечом расчищало для себя жизненное пространство), ныне завершает ее тем же самым и для того же – погромными зачистками теперь уже цивилизаций Света Ста-

рого, отстоящих от заокеания на десятки тысяч километров. Для этого вколачиваются в сознание их народов так называемая «демократия» (оранжевое компрадорство и хаос), либерализм (вседозволенность), нравственная «раскованность» (бездуховность, всепоглощающий меркантилизм, дебильное бескультурье шоу-бизнеса, аморальные жизненные установки, иезуитски трактуемые «права человека», «свобода слова» и т. п.). Все это делается посредством ковбойских бесчинств в стиле «либеральных» нравов «Дикого Запада» двухвековой давности, что и подтверждают опаленные огненным смерчем жертвы – СССР, Югославия, Ирак, Афганистан, Узбекистан, Сербия, Ливия. На «очереди» – Иран, Корея, Сирия и главная страна-«заноза» – Россия, на которую уже наброшена удавка приграничных баз и ловчая сеть ядерных ракет авангардного удара.

Читатель, возможно, удивится: что это вдруг археолог столь эмоционально несдержанно вторгся в современную политику высших сфер? Да совсем не вдруг, а чтобы пояснить оправданность идеологии «опоры на собственные силы» государств, своевольно нанизанных на «Ось Зла» заокеанским разбойником-«дядюшкой». Каждому из них не остается ничего иного, как, обрекая себя на бесчисленные жестокости жизни, во спасение свое, сплачивать нацию в мощный ударный кулак, чтобы отбиться от разрушительных благ идеологии глобализма – от внушающих ужас либеральных ценностей «Дикого Запада».

КНДР вынуждена делать это ценой тяжелейших потерь и затрат, ибо хочет жить по-своему, сохраняя суверенитет, а с ним и национальные традиции бытия…

В. Е. Ларичев
Новосибирск, 2011 г.

ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ ПОЕЗДКИ В КНДР
(19 сентября – 16 октября 1974 года)

Поездка в Корею планировалась в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР в течение трех лет, однако обстоятельства сложились так, что корейские ученые отклоняли настойчивые предложения об установлении научных контактов. Возможно, лишь очередное предложение программы ознакомления с археологическими коллекциями академических учреждений, центральных и провинциальных музеев, а также археологических лабораторий вузов, как и намерение провести совместные с корейскими специалистами исследования в «поле», в какой-то мере озадачили Академию общественных наук КНДР. В 1972–1973 гг. корейская сторона уже не отказывала с той же решительностью в организации визита, но всякий раз назначались не очень подходящие для нас сроки, которые затем переносились. Зная теперь, с какими организационными и прочими сложностями связаны приемы иностранных гостей в Корее, могу сделать вывод о необходимости точного выполнения заранее оговоренного времени прибытия в страну. Организаторы визитов, естественно, бывают очень недовольны, когда изменяются даты приезда, какими бы уважительными причинами они не объяснялись. Поэтому учреждения, организующие отъезд наших делегаций в Корею, в том числе Иностранный отдел Президиума АН СССР, должны работать предельно четко, чтобы исключить разного рода срывы из-за организационной нерасторопности, неразберихи, а то и обычной чиновничьей безответственности.

Я пишу об этом потому, что делегации не удалось вылететь в Корею 2 сентября, как было назначено Академией общественных наук КНДР. К этому времени еще не были готовы документы и забронированы места на самолет, летавший из Москвы в Пхеньян всего один раз в неделю. Причина задержки банальна: в Иностранном отделе сотрудник, курирующий дела по Корее, находился в отпуск. В итоге завершение оформления поездки, в том числе бронирование билетов, отложили до времени его возвращения из отпуска. Не удивительно, что когда в Пхеньян сообщили о нашем возможном прибытии лишь 9 сентября, Академия общественных наук Кореи ответила: группа советских археологов не может быть принята из-за отсутствия свободных мест в столичных отелях. Учитывая, что это были дни накануне празднования юбилея образования КНДР, такой ответ едва ли следует расценивать как попытку сорвать поездку, которая, возможно, намеренно была приурочена к торжественным дням (если бы мы вылетели, как предпо-

А. П. Окладников (слева) с корейскими коллегами во время посещения мемориального комплекса ванов государства Корё, г. Кэсон.

лагалось, 2 сентября). Как выяснилось уже после нашего прибытия из Новосибирска в Москву, делегация в любом случае не могла бы вылететь в Пхеньян 9 сентября, поскольку Иностранный отдел слишком поздно предпринял попытку забронировать места на самолет. Аэрофлот отказал в билетах, и только телеграмма из Пхеньяна по существу спасла нас от очередного конфуза. В такой ситуации нам не оставалось ничего другого, как после бесполезного приезда в Москву покинуть ее. Участники делегации в разное время и разными маршрутами добирались до Хабаровска, откуда, согласно телеграмме, заранее посланной в Пхеньян, 19 сентября мы вылетели, наконец, дополнительным рейсом в столицу КНДР.

Маршрут пролегал большей частью над морем, а не над территорией КНДР, и только на параллели Пхеньяна самолет круто повернул на юг и направился в сторону города. Совершивший посадку самолет двигался по посадочной полосе в сторону строений аэропорта сопровождаемый внимательно-настороженными взглядами вооруженных автоматами пограничников, вышедших из кустов, обрамляющих взлетное поле. Лишь после того, как таможенные чиновники забрали паспорта, нам предложили выйти из самолета. У трапа делегацию никто не встречал. Вскоре всех прибывших пригласили пройти к расположенным вдали одноэтажным строениям, отгороженным металлической оградой, за которой толпились люди. Чуть правее этих строений возвышалось современное архитектурное сооружение – недавно построенное здание аэровокзала, на фронтоне которого висел огромный портрет Ким Ир Сена. Сюда, по-видимому, направляли правительственные и другие делегации высокого ранга.

Как выяснилось вскоре, среди встречающих находилась группа лиц, прибывших приветствовать советских археологов. Состав ее строго соответствовал протоколу: со-

трудник советского посольства, первый секретарь, выполняющий обязанности атташе по науке и культуре А. Т. Иргебаев. Советник представил нас директору Института археологии Академии общественных наук, академику Ким Сок Хёну, его заместителю и заведующему Отделом археологии, кандидату исторических наук Ким Ги Уну (последние оказались теми, с кем нам предстояло, как было сказано, «совместно работать» на протяжении всего визита в страну). Встреча была теплой и радушной. Академик Ким Сок Хён сразу же напомнил А. П. Окладникову, что они встречались и беседовали друг с другом где-то в конце 1950 – начале 1960-х гг., во время его визита в СССР. После короткого знакомства и обмена обычными для такого случая репликами нас поприветствовали пионерским салютом девочки младших классов школы и вручили каждому по букету цветов. Дети были одеты в национальную одежду и выполнили все с полным сознанием необыкновенной важности, почетности и торжественности порученной им миссии. Волновались они необычайно, не отпускали руку каждого из нас ни на секунду, пока вся эта процедура не завершилась фотографированием. Однако при съемке ни один из встречающих археологов к группе гостей не присоединился. Затем мы распрощались с пионерками (как при встрече, так и при расставании поцелуи и прочие знаки обычного русского радушия и расположения к детям, согласно корейской традиции, недопустимы), и нас провели в здание, где производился таможенный досмотр, а также заполнялись соответствующие декларации, проверялись документы прибывших и прочее. Декларации мы заполнили, а что касается процедуры досмотра вещей, то гости были избавлены от нее: как только вещи доставили с самолета, их сразу же куда-то унесли, «пресекая» по ходу дела попытку подойти к ним хотя бы на несколько шагов.

После вручения паспортов нас провели к автомобилям, где мы распрощались со встречающими. Никто из них, кроме наших постоянных сопровождающих Ким Ги Уна и переводчика Ли Сын Рока, с нами не сел. Директор, его заместитель и начальник Иностранного отдела Академии поехали на других автомобилях позже. Нас же проводили в путь, помахав руками и улыбаясь вслед. Академик Ким Сок Хён сказал на прощание, что мы встретимся вечером в Институте на беседе. В автомобили нас разместили по рангам: в первом поехали А. П. Окладников и А. П. Деревянко в сопровождении переводчика Ли Сын Рока, а во втором – я, А. К. Конопацкий и Ким Ги Ун. Я не знал, что он слегка говорит по-русски и, по-видимому, много понимает, в особенности если произносить слова размеренно, не торопясь. Он сразу же дал понять, что в случае нужды с ним можно объясниться. Первой его фразой, произнесенной по-русски, были примечательные, не без намека, слова: «Можно говорить по-корейски». Во всяком случае, по пути он бросал короткие реплики, разъясняя что-либо примечательное, встретившееся вдоль дороги. Однако в присутствии переводчика все последующие дни он старался никогда не говорить по-русски, хотя было очевидно, что многое из произнесенного нами, он понимал, поскольку кивал головой и даже порой помогал переводчику. Ким Ги Ун предпочитал терпеливо дождаться, что скажет по-корейски Ли Сын Рок, а затем говорил ему, что следует передать нам. Трудно сказать, где и как изучал русский язык Ким Ги Ун. Возможно, освоение нашего языка было связано с научной необходимостью изучения литературы по археологии Дальнего Востока. Без сомнения, он был знаком с материалами по археологии Приморья и Приамурья, изданными в СССР. Во время бесед на специальные темы он всегда оживлялся и радовался, что знает и имеет представление о конкретных памятниках и культурах нашей страны. Как выяснилось позднее, Ким

Ги Ун активно участвовал в Отечественной войне 1950–1953 гг., в частности, воевал в районе г. Хамхына. Возможно, навыки разговорного русского языка были приобретены им при общении с русскими военными специалистами. Способности к изучению и освоению иностранных языков у Ким Ги Уна бесспорны: он превосходно знает китайский язык, иероглифику, в том числе хорошо разбирается в древних, весьма своеобразных по написаниям китайских иероглифах (я подарил ему сборник «Бронзовый и железный век Сибири» с моей статьей, в которой была надпись XIII в., и он сходу прочитал древние знаки, почти не допустив ошибок), читает и говорит по-японски. Вообще следует отметить, что изучению иностранных языков придается в КНДР особое значение. Знать язык – дело чести, поскольку специалист должен непременно представлять, что делают по его специальности ученые в соседних странах. Из книг особенно дефицитны в Корее словари: корейско-русские, корейско-японские, корейско-китайские и т. д. Несмотря на неоднократно выраженное нами желание приобрести любые из двуязычных словарей и искреннее стремление корейцев достать их и вручить нам, мы их не получили. Ким Ги Ун смущенно заявил, что в Корее очень популярно изучение иностранных языков, поэтому свободных словарей попросту нет, потому что они раскуплены. Что касается Ли Сын Рока, то он окончил, кажется, филологическое отделение Университета им. Ким Ир Сена, где в какой-то мере изучал русский язык. Затем он совершенствовался в нем на специальных курсах. По-видимому, он продолжает изучать русский, в частности, читает какие-то книги на русском языке, которые имеются у него дома. В Корее, по его словам, популярна книга А. Н. Толстого «Хождение по мукам», переведенная на корейский язык. В целом Ли Сын Рок знает русский язык слабо, переводит медленно и, по-видимому, не всегда правильно, часто упрощенно, сохраняя лишь общую канву разговора, в особенности если речь идет о специальных вопросах. Поэтому, наверное, при встречах со специалистами-археологами перевод бесед осуществлял другой переводчик, экономист по образованию.

Дорога от аэропорта до Пхеньяна содержится в превосходном состоянии. Два сравнительно широких, покрытых асфальтом полотна с односторонним движением окаймляют почти на всем протяжении (что-то около 40 км) полосы аккуратно высаженных цветов и ряды старательно ухоженных деревьев, подбеленных у корня и оконтуренных покрытыми известью камнями. Полоса земли, разделяющая оба полотна дороги, тоже сплошь усажена цветами. Оформить так шоссе и содержать его в столь идеальном состоянии дело, конечно, трудоемкое. Судя по тому, что мы наблюдали проезжая по дороге, оно, по-видимому, целиком отдано в руки школьников. Отряды их (в большинстве случаев пионерские), рассыпавшись редкими цепочками, с усердием мели полотно, приводили в порядок цветники, ухаживали за деревьями, обкладывая их камешками, подбеливали известью фигурную каменную оградку центральной полосы, разделявшей шоссе. Мы неоднократно наблюдали, как школьники, завидев, что по шоссе двигаются легковые автомобили, прерывали работу и поворачивались лицом к шоссе, а как только машина подъезжала к ним, вставали по стойке смирно и поднимали руки в пионерском салюте. Младшие школьники и старшеклассники приветствовали проезжающих или кивком головы, или легким поклоном, но тоже по стойке смирно. Если вдоль шоссе двигался строем отряд школьников, и тот, кто вел их (обычно такой же школьник, а не взрослый), замечал двигающийся по шоссе легковой автомобиль, то передвижение прекращалось, дети поворачивались лицом к дороге и приветствовали проезжающих соответствующим образом. Автомобилям салютовали не только те дети, которые работали

А. П. Окладников (справа) во время посещения мемориального комплекса ванов государства Корё, г. Кэсон.

группами, но и встречавшиеся на шоссе поодиночке. Правда, нельзя было не заметить, что четкость приветствий и желание выполнять их падала по мере увеличения возраста. Старшие делали это с меньшей охотой, а то и вообще не приветствовали. Большей дисциплиной отличались девочки. По-видимому, для младших школьников, которых учат всему этому в классах, процедура приветствия воспринималась как своеобразная игра, доставлявшая удовольствие сидящим в автомобилях взрослым, которые в ответ махали рукой. Корейцы почтенного возраста и молодые люди старших классов или студенты, а также, естественно, работающие в поле люди не приветствовали автомобили. Однако появление машин, в особенности в сельской местности, всегда вызывало любопытство, т. к. указывало на то, что едут какие-то важные гости или высокого ранга начальство. Лишь однажды, в районе г. Кэсона, автомобилю почему-то откозырял солдат. Не следует, однако, обольщаться радушию такого приветствия. Как это ни парадоксально, но приветствуют не столько вас как гостя, сколько, подозреваю, легковой автомобиль как некий символ, который олицетворял прибытие иноземцев или высокого начальства. В самом деле, в Корее школьнику почему-то никогда не приходит в голову приветствовать тебя как иностранца на улице, идет ли он в строю или один, за исключением случаев, когда кто-то организует их и дает знак делать это. Так случилось на улице г. Кэсона, где мы вышли из автомобиля, чтобы осмотреть старинную башню. Школьники, которые за несколько минут до того были удалены с места древнего строения, где они играли, стояли поодаль, с большим любопытством наблюдая за прибывшими. Затем они неожиданно построились, подошли к башне, дружно развернулись и коллективно поприветствовали нас. В других ситуациях школьникам было явно не до приветствий: они в ужасе шарахались, если ты пытался подойти к ним. В особенности они пугались и убегали

изо всех сил, если я доставал фотоаппарат и делал вид, что надумал сфотографировать их. Однажды, заметив, что школьник не может достать с высокого забора палочку от барабана, мы захотели помочь ему. Но вручить палочку школьнику не удалось: он шарахнулся и упрямо не желал подойти, чтобы взять потерю из наших рук. К тому же на месте события вскоре начала скапливаться толпа насупленных людей. Они молча наблюдали за происходящим, и нам ничего не оставалось делать, как положить этот злосчастный предмет на глинобитный забор и удалиться, оставив надежду сделать мелочное дело и «установить дружеский контакт» со школьником (может быть, тем самым, что час назад салютовал нашему автомобилю, демонстрируя вежливость, радушие и воспитанность).

Дети дошкольного возраста и школьники младших классов, увидев иностранца, смотрят на него с нескрываем любопытством, будто он явился с Луны. Иногда они наблюдают с ужасом или страхом. Проявить интерес к ребенку, шагнуть в его сторону или попытаться заговорить – это значит поставить его в тупик, перепугать. Такого рода эксперименты, как правило, заканчивались паническим бегством ребенка. Дело здесь, по-видимому, заключалось не только в том, что с иностранцами, кто выглядел непривычно, по-европейски, возможно, связывали разговоры взрослых об американских агрессорах-империалистах. Не исключено также, что с детьми в школах проводились специальные беседы, где не рекомендовалось вступать в контакты с незнакомцами или позволять им фотографировать себя. В г. Кэсоне, около башни, когда нас приветствовали школьники, стоявшие строем, я спросил Ли Сын Рока, могу ли я сфотографировать детей, которые так радушно салютуют нам. Он дипломатично ответил, что не стоит на это тратить пленку: «Ее ведь у вас не так много, как вы сами говорили». Следовательно, приветствия и театрально-показная вежливость имеет рамки, строго ограниченные неведомыми инструкциями и правилами. Приветствуется, повторюсь, скорее легковой автомобиль, поскольку заранее ясно, что в нем могут ехать лишь приглашенные «важные персоны». Если это двигался шведский автомобиль с цветной бумажкой на ветровом стекле, то, вероятнее всего, везли иностранцев, на которых следовало, согласно правилам, произвести хорошее впечатление…

Минут через сорок после отъезда из аэропорта нас доставили в отель «Тэдонган», расположенный на центральном проспекте имени Сталина, о чем и не преминул сообщить Ким Ги Ун, лишь только наши авто повернули на него. Это один из лучших отелей в городе, построенный, судя по архитектуре, в середине 1950-х гг. Отель, по-видимому, предназначался специально для иностранцев. Часть номеров и ресторан были снабжены японскими установками для кондиционирования воздуха. А. П. Окладников и А. К. Конопацкий были размещены в номере «Люкс» на третьем этаже, я и А. П. Деревянко жили отдельно, в номерах, предназначенных для двоих – обширных и удобных. Ким Ги Ун и начальник Иностранного отдела Академии поинтересовались через Ли Сын Рока – нравятся ли нам номера, достаточно ли они приятны, нет ли у нас каких-либо дополнительных пожеланий в связи с тем размещением, которое нам предложено. Мы поблагодарили хозяев, сказав, что всем довольны, а пожелание дополнительное у нас лишь одно – хорошо, если бы горничные гостиницы нашли для нас какие-то сосуды, в которые мы могли бы поставить подаренные пионерками цветы. Ким Ги Ун сказал, что такое распоряжение уже отдано – цветы будут установлены в стеклянные вазы, а пока нам следует привести себя в порядок после долгой дороги, чтобы через час отправиться в ресторан и пообедать. Он и Ли Сын Рок готовы проводить нас туда в соответствующее время.

Через час мы отправились в сопровождении «опекунов» в ресторан, расположенный на первом этаже. Нам указали стол, который отныне закреплялся за нами, и никто из посетителей ресторана за него не должен был садиться. Мы пригласили Ким Ги Уна и Ли Сын Рока пообедать с нами, но они вежливо отклонили предложение, заявив, что будут обедать в другой комнате. Это раздельное питание гостей и сопровождающих строго выдерживалось все последующие дни, в каком бы городе мы ни оказались (за исключением двух случаев, когда ехали в поезде и в обеденное время находились в пути – тогда нас приводили в ресторан, где захваченная из города еда ликвидировалась совместно). Потом я убедился: те, кто обслуживал прибывших в страну иностранцев, обедали, завтракали и ужинали в небольшой комнатке, расположенной у входа в основной зал ресторана. Трудно сказать, что за питание полагалось им, но, судя по дорогим блюдам, которые приносили, согласно меню, гостям, оно резко отличалось от нашего. Наверное, они ели главным образом рис и овощи, поскольку, как стало известно позже, мясо и сливочное масло, например, появлялось, на столе подавляющего большинства корейцев всего лишь несколько раз в году (по-видимому, два раза – в юбилей республики и день рождения вождя).

На питание гостям выделялась, надо полагать, достаточно большая сумма денег, поскольку на так называемые карманные расходы нам выдали сумму не столь уж значительную, учитывая цены в киосках «Интуриста», а также в магазине для иностранных специалистов, расположенном в посольском квартале. Наценки там оказались исключительно высоки. Там не менее, сумма, назначенная гостям для питания, все же ограничивалась определенными рамками. Однажды вечером во время ужина мы попросили принести бутылку пива. Смущенный официант стал производить расчеты на листке бумаги и говорить при этом что-то (он плохо объяснялся по-русски). Мы сделали вывод, что положенная на ужин сумма оказалась превзойденной. Конечно же, мы от пива отказались. Этот эпизод, однако, имел неожиданное последствие: начиная с того конфузливого вечера, нам при заказах стали настойчиво (и даже назойливо) предлагать, чтобы мы заказывали больше. При этом официант сокрушенно качал головой и говорил: «Вы заказали мало еды. Надо заказывать больше». Он же несколько раз предлагал принести пиво. Следовательно, официант допустил грубую ошибку, затеяв с нами никчемный разговор о злосчастной бутылке пива, и ему начальство сделало соответствующее внушение. Вот почему, чтобы сгладить возможное неудовольствие гостей, ему предложили отныне выражать нам укоризненное неудовольствие малым количеством заказанных блюд. Официантам, как правило, нравилось, что гости заказывают национальные блюда (рис, кимчи, куксу). Позже они осведомлялись, как нам понравилось то или иное корейское блюдо. Вообще у нас установились с ними дружеские и даже, можно сказать, теплые отношения. Во всяком случае, Ли Сын Рок несколько раз говорил мне, что официанты выражали желание «угостить нас по-своему» (из чего следует, кстати, что наше сопровождающие поддерживали постоянный контакт с теми, кто нас обслуживал за столом). Действительно, иногда нам ставили на стол блюда (главным образом десерт), которые мы не заказывали, да и не могли заказать, поскольку они не упоминались в меню. Это были обычно приличные на вкус корейские лакомства – сладости из кунжута, сладкий картофель (батат), запеченный вместе с кожурой, а затем политый сахарным сиропом.

Однако примечательно, что официанты, обслуживающие нас, постоянно менялись. Как правило, мы общались с ними два, максимум – три дня, после чего происходила замена, и вновь начиналось знакомство. Наши прежние официанты обслуживали другие,

дальние столы зала ресторана. Далеко не каждый из них затем показывал, что знаком с нами (т. е. не очень-то жаждал приветствовать нас, как старых знакомых). То же, кстати, происходило с водителями автомобилей, в которых мы ездили по городу: они время от времени менялись. У меня создалось впечатление, что некоторые из них понимают по-русски. Во всяком случае, когда как-то раз одному из шоферов показали, что из мотора капает масло, он сокрушенно покачал головой и сказал: «Да, не "Волга"».

Через некоторое время после возвращения из ресторана все мы собрались в номере А. П. Окладникова, куда пришли наши сопровождающие, чтобы провести ознакомительную беседу. Ким Ги Ун вел разговор через переводчика Ли Сын Рока. Существо кратких реплик сводилось к тому, что корейские товарищи хотели выслушать пожелания советских археологов на время их пребывания в КНДР. А. П. Окладников сказал на это, что мы, как археологи, желали бы прежде всего познакомиться с коллекциями, полученными нашими коллегами при раскопках, ибо одно дело знать о достижениях из публикаций, по иллюстрациям, а другое – подержать вещи в руках. Итак, подвел он итог, одна из наших главных целей – поработать с коллекциями, которые хранятся в лабораториях Института археологии, а также в столичных и провинциальных музеях. Это позволило бы представить конкретнее взаимоотношения древних культур Приморья и Приамурья с древними культурами Корейского полуострова, составить для себя более живую картину главных событий в культурной истории на востоке Азии. Важно при этом, чтобы показ коллекций сопровождался по возможности более длительными беседами с коллегами – корейскими археологами, которые могли бы в деталях рассказать о достижениях в каждом из разделов нашей науки. Обмен мнениями мог быть взаимно полезен для обеих сторон, поскольку позволил бы оперативно, на месте выработать взаимоприемлемые точки зрения на процесс эволюции соседних культур на протяжении тысячелетий.

Нам было бы приятно также, если корейская сторона предоставит возможность осмотреть ключевые памятники, в особенности многослойные, чтобы мы могли увидеть место их расположения, характер поселений и особенности стратиграфии. Мы были бы счастливы вместе с корейскими археологами провести раскопки непосредственно в «поле». Что касается конкретных памятников, то для нас, занятых изучением древнекаменного века, особый интерес представляет двухслойная стоянка Кульпхо, расположенная на крайнем северо-востоке страны, в непосредственном соседстве с русским Приморьем, где открыто несколько палеолитических стоянок. Сравнить материалы наших раскопок с находками Кульпхо было бы полезно. Важно осмотреть орудия, обнаруженные корейскими археологами при раскопках в Кульпхо, ибо публикации (а они нами используются), не дают должного представления о вещах.

Мы хотели, помимо этого, ознакомиться с музеями страны, а также с достижениями корейских трудящихся во всех областях социалистического строительства. Я добавил к сказанному А. П. Окладниковым следующее: особое значение мы придаем ознакомлению с археологической литературой, в особенности за последнее десятилетие, т. к. она очень слабо, с большими лакунами представлена в библиотеках нашей страны. Идеально было бы получить главное из опубликованного, поскольку в предстоящие годы мы намерены ознакомиться с основными монографиями и сборниками статей корейских археологов, а станет это делать сотрудник сектора истории и археологии стран зарубежного Востока. Нас интересовали также периодические журналы по археологии и этнографии. Хотелось бы на месте, в хранилищах библиотек, ознакомиться со всеми изданными трудами корейских археологов. Нам важно получить любые корейские слова-

В. Е. Ларичев (второй слева) и А. П. Деревянко (крайний справа)
с сопровождающими лицами (крайний слева – тов. Ким Ги Ун).

ри – толковые и двуязычные (список я тут же передал Ким Ги Уну). Отсутствие в нашей стране хороших словарей затрудняет работу над переводами научной литературы, заполненной специфическими терминами. Что касается будущего, то мы придаем особое значение регулярному, быстрому и безотказно действующему обмену литературой или лично с корейскими археологами, с которыми нам предстоит познакомиться, или между библиотеками Академии общественных наук КНДР (возможно, библиотекой Института археологии) и ГПНТБ СО АН СССР в Новосибирске.

Ким Ги Ун внимательно выслушал высказанные пожелания и по ходу перевода занес их в записную книжку. Он переписал также список корейских словарей, которые мы хотели получить. В заключение беседы было сказано, что наши пожелания к программе пребывания в стране корейские товарищи обсудят. Следует сразу же отметить, что при этом разговоре и в последующие дни какую бы просьбу мы ни высказывали, Ким Ги Ун никогда не брал на себя смелость тут же решить проблему. В таких случаях следовал стандартный ответ: «Обсудим», «Посоветуемся», «Подумаем», «Все понятно». Речь при этом зачастую шла отнюдь не о каких-то значительных, с нашей точки зрения, вещах. Так, например, в Хамхыне в городском музее мы неожиданно узнали, что корейские археологи опубликовали предназначенный для вузов учебник «Первобытная археология Кореи». Я спросил, имеет ли библиотека музея эту книгу, чтобы можно было бегло ознакомиться с нею. Выяснилось, что в музее эта книга есть, но Ким Ги Ун сообщил, что на 6 часов вечера у нас назначен прием в Институте археологии у директора Ким Сок Хёна и его ближайших сотрудников, а в 8 часов вечера нам предстоит поужинать здесь же, в гостинице, с директором и некоторыми корейскими археологами. Что касается программы на следующий день, то о ней мы узнаем в 9 или 10 часов.

Без четверти 6 вечера Ким Ги Ун и Ли Сын Рок появились вместе (сначала это правило соблюдалось неукоснительно – наши сопровождающие избегали оставаться с нами наедине по одному, даже выскакивали из номера, если такая перспектива появлялась) и сообщили, что нам пора ехать. Институт располагался не очень далеко от отеля «Тэдонган». До него можно было дойти пешком. Однако как бы ни был близок объект, куда предстояло направиться, нам неизменно предлагали сесть в автомобиль и проехать. Правда, с другой стороны, в конце визита наши сопровождающие спокойно воспринимали желание возвратиться из посольства в отель пешком, поскольку мы обычно не хотели попусту задерживать автомобиль, а до «Тэдонгана» можно было дойти за 15–20 минут неторопливой прогулки. У подъезда Института археологии (возможно, это было центральное здание Академии общественных наук, поскольку там же нас накануне отъезда принимал президент Академии) мы были за несколько минут до 6 часов. Нас встречал начальник Иностранного отдела, человек спортивного вида, энергичный, стройный, с военной выправкой и оценивающим взглядом. Рукопожатие его было крепким – сразу чувствовалось, что этот человек регулярно занимается спортом. Он любезно пригласил нас в здание.

Помещение, расположенное за входными дверями, было ярко освещено. Свет направлялся на главный объект – огромную картину, изображающую встречу Ким Ир Сена с деятелями науки. Под картиной на полу стояло несколько плетеных корзин с цветами, преимущественно красными. Цветы, однако, были не живыми, а искусственными. Такого рода картины – обычная принадлежность помещений, расположенных при входе в центральное административное или культурное учреждение, что приходилось наблюдать неоднократно. Поза вождя традиционна – он улыбался, произнося руководящую речь, а окружение его менялось в зависимости от характера и назначения учреждения, в котором выставлялась картина. Люди, изображенные на полотне, благоговейно слушали вождя, а некоторые заносили в записную книжку указания. Я сказал Ли Сын Року, что, как мне кажется, справа на картине изображен директор Института археологии. Он сдержанно засмеялся и ответил, что это ошибка. Здесь нет конкретных лиц (кроме, само собой разумеется, вождя): художник изобразил встречу Ким Ир Сена с учеными, что означает важность, которую он придает всем наукам.

Нас быстро провели по коридору, затем попросили подняться на второй этаж и пройти к помещению, где, по-видимому, всегда принимали гостей. Коридоры были полутемными и пустынными: никто нам не встретился на пути, никто не выглянул ни из одной из многочисленных дверей, мимо которых мы проходили. Впрочем, возможно, это объяснялось тем, что рабочий день закончился, и в здании никого не было. Прием у президента Академии тоже проходил вечером и, скорее всего, такое время протокольного визита назначалось намеренно. В этой связи кажется далеко не случайным, что нам не удалось посетить в рабочее время ни Институт археологии, ни библиотеку, поэтому представить, как организована и протекает в них работа, трудно. Возможно, организаторы визита не пожелали показать ни то, ни другое во избежание ненужных, с их точки зрения, контактов.

Прием у директора Института был теплым и прошел непринужденно. Гости и хозяева сидели напротив друг друга за низкими столиками, на которых стояли вазы с конфетами и печеньем, а также чашки для чая, покрытые фарфоровыми крышечками. Через некоторое время после начала беседы красивая девушка, одетая в национальное платье, наполнила чашки чаем, а затем доливала его, временами появляясь в зале. Согласно пра-

вилам, гости должны показать пример, пробуя конфеты и печенье, после чего к той же процедуре приступали хозяева. Академик Ким Сок Хён сидел слева, а не напротив нас; справа устроился Ким Ги Ун и начальник Иностранного отдела. Приглашенные на беседу археологи, в том числе заместитель директора, сидели напротив. Ким Ги Ун усердно вел запись наиболее существенного из того, что произносили гости.

Ким Сок Хён начал разговор с традиционных, как нам стало известно в последующие недели, фраз, раскрывающих указания вождя на важность изучения национального культурного наследия. Он говорил в общем плане, не вдаваясь в детали, об успехах корейской археологии и направлениях работ, увязывая все это с общим трудовым подъемом в стране и задачами выполнения шестилетнего плана. А. П. Окладников представил корейской стороне членов советской делегации, кратко рассказал об их занятиях и научных интересах. Он коснулся также успехов сибирской и дальневосточной археологии, отметив важность установления контактов между русскими и корейскими специалистами по древним культурам Азии. Ему пришлось снова подчеркнуть желательность ознакомления с коллекциями, необходимость бесед с археологами о конкретных достижениях в области изучения древней истории КНДР и предоставления в наше распоряжение изданной литературы и словарей, важность организации поездок на места, где открыты особенные по стратиграфическому значению памятники (например, Кульпхо). Академик Ким Сок Хён сказал, что план посещения страны разрабатывается так, чтобы наш визит был плодотворным. Дело это в руках Ким Ги Уна. Кульпхо, конечно, памятник интересный, но очень далеко расположенный. Да и дороги туда не так идеальны, как хотелось бы. Даже сам он не побывал там до сих пор.

Директор также говорил о вреде, который нанесли корейским древностям японцы и американцы. Они расхищали национальные ценности. Кроме того, по его словам, японцы внесли своими публикациями массу путаницы. Они искажали историю в угоду колониальным притязаниям. Между тем, роль корейской культуры в истории Азии очень велика. В частности, теперь можно прямо говорить об огромном влиянии корейской культуры на культуру японскую, а не наоборот. Ким Сок Хён подробно рассказал о фресках, недавно открытых в Нара (Япония) в императорских захоронениях. Оказывается, найденные в одном каменном склепе фрески отнюдь не японские, а корейские по стилю (типа Когурё, т. е. относящиеся примерно к VI–VII в.). По словам академика, это открытие вызвало бурную дискуссию в научных кругах. Находка привлекла широкий интерес прессы, она стала делом большой политики. Оно и понятно – японцам трудно отказаться от традиционного представления о наличии всего лишь одного направления культурных влияний на востоке Азии: со стороны Японии на Корею, а не напротив. В споры ввязались видные научные авторитеты. Но и они, в конце концов, вынуждены были силой неотразимых фактов признать свои заблуждения и прямо заявить об открытии в Нара когурёских по типу росписей. Ким Сок Хён в связи с этим посетил Японию, самолично изучил фрески на месте открытия. У него не осталось сомнений, что гробницы с такого рода росписями на каменных плитах или созданы под влиянием Когурё, или в Нара, возможно, было похоронено некое важное лицо из Кореи, которое оказалось в те далекие времена в Японии. Примечательно, что люди на фресках гробницы были изображены не в японской, а в корейской одежде.

Как бы то ни было, влияние Когурё на Японию для академика бесспорно. Такой вывод он сделал в связи с данным открытием. Судя по тому, с каким волнением говорил обо всем этом директор, какое внимание уделил гробнице в Нара во время приема, стало

А. П. Окладников (стоит в центре) и А. К. Конопацкий (сидит) с корейскими коллегами на археологических раскопках.

ясно: вопросу о культурном воздействии Кореи на Японию в древности придается принципиальное значение. Это стало делом национальной чести и гордости для корейцев, униженных и раздавленных в прошлом японцами в период оккупации. Ким Сок Хён радовался, что появился превосходный предлог указать на грубейшие ошибки и очевидную тенденциозность японских специалистов, которые высокомерно рассуждают о никчемности корейской культуры, неспособности корейцев создать нечто значительное и своеобразное, достаточно мощное для воздействия на окружающие страну культурные регионы Азии и привлекательное для заимствования соседями. Беседа в этом плане, как стало ясно впоследствии, не была случайным эпизодом, а Япония – не единственная страна, которая включается корейскими археологами в орбиту влияния и воздействия древней культуры Кореи. Таким образом, археология стала оружием для достижения определенных целей. Она включена в систему тщательно разработанных мероприятий, связанных со всемерным усилением идеи величия отечества, воспитания у населения чувства национальной гордости за достижения предков в прошлом, в свете которых естественными выглядят небывало грандиозные успехи современности. Они обусловлены всецело усилиями самого корейского народа и только его.

В заключение беседы А. П. Окладников вручил директору Института и его заместителю книги и оттиски статей по археологии Сибири и Дальнего Востока.

В 8 часов вечера состоялся ужин, который организовал в честь приезда гостей академик Ким Сок Хён. Однако кроме него на этой полуофициальной беседе никого из корейских археологов, как предполагалось, не было (если не считать переводчика

Ли Сын Рока). Ким Сок Хён извинился и сказал, что корейские коллеги не пришли вследствие неожиданно сложившихся обстоятельств. Они заняты другими делами и, к великому его сожалению, не могут присутствовать на встрече с нами. Беседа за столом велась как по вопросам общим, в том числе политическим, так и по проблемам археологии. Ким Сок Хён говорил о том, в какой напряженной международной обстановке приходится народу КНДР вести строительство социализма, что главная трагедия страны – американская оккупация, искусственно разделившая Корею на две части. Задача состоит в том, чтобы решить, каким образом произвести воссоединение народа. Он говорил о милитаризации юга и высказал мысль, что они, южане, могут вынудить северян пойти на военное решение проблемы. Мне трудно сказать – был ли при этом не совсем точный перевод Ли Сын Рока или Ким Сок Хён именно так и выразился. Но заявление о военном решении вопроса воссоединения Кореи в единое государство было единственным за все пребывание в КНДР. Обычно, когда такая тема выплывала в беседах и разговорах, четко проводилась мысль о мирном и самостоятельном воссоединении страны после соответствующих переговоров двух сторон, о необходимости вывода из Кореи американских войск и т. д.

За ужином мы говорили об исключительной важности полевых исследований корейских археологов для углубленного понимания процесса эволюционных культур на восточной окраине азиатского материка, о необходимости учета вклада в мировую культуру каждого из народов, о ключевом значении корейской археологии для решения ряда проблем. Оживление и поддержку Ким Сок Хёне вызвали реплики, касающиеся вопроса о первоначальном заселении Японии человеком древнекаменного века. Их невозможно решить, не имея представления о палеолитических материалах Корейского полуострова, поскольку первые люди в Японию могли пройти на острова только через этот естественный мост. Академик тут же счел возможным снова возвратиться к теме открытия в Нара гробницы когурёского типа, к политическим и научным дискуссиям, связанным с последствиями этой находки. Снова стало ясно, насколько важна для корейских археологов проблема роли их страны в культурной и политической истории Восточной Азии. При таких тенденциях в исследованиях древностей Япония не могла быть единственной стороной, на которую оказала сильное воздействие древняя Корея. Возникал вопрос: а как рассматривать взаимоотношения ее культуры с соседними материковыми частями Азии – Китаем и русской частью Дальнего Востока, т. е. Приморьем и Приамурьем. Однако эта тема в разговорах осталась незатронутой, хотя касательно Китая в дальнейшем картина основных исследований и тенденции в интерпретации археологических материалов стала вполне определенной.

Ким Сок Хён с интересом выслушал рассказ о работах по изучению истории и археологии стран зарубежного Востока, которые ведутся в ИИФФ СО АН СССР. Его порадовали планы института, связанные с необходимостью начать специальные исследования по ранней истории Кореи. В этой связи следует отметить, что корейские историки и археологи выражали недовольство и разочарование в связи с публикацией разделов по истории Кореи в 10-томной «Всемирной истории», опубликованной АН СССР в конце 1950-х годов. По их мнению, наши специалисты слабо использовали, а то и полностью оставили вне внимания, достижения корейских коллег в области изучения истории их страны. Резкая реакция (это нашло отражение в специальной рецензии) станет понятной, если вспомнить, что упомянутые разделы основаны главным образом на японских публикациях, в которых, с точки зрения корейских специалистов, много фальсификаций

и тенденциозности. По той же причине корейские археологи избегали в разговорах давать оценку книге М. В. Воробьева «Древняя Корея» (он же был автором раздела по ранней истории Кореи во «Всемирной истории»).

Со следующего дня началось выполнение программы нашего пребывания в стране. Что касается Пхеньяна, то до начала разъездов и в промежутках между ними мы посетили музеи современного и древнего искусства, этнографии, истории, Отечественной войны, а также оперный театр, ботанический сад и зоопарк. Кроме того, были совершены две длительные поездки на автомобилях с целью ознакомления с древними памятниками культуры Пхеньяна и его окрестностей. В свободное время в специальном зале отеля «Тэдонган» для нас устроили два киносеанса, где демонстрировали фильмы «Город Пхеньян» и «Памятники искусства эпохи Когурё». (Такие просмотры устраивают для отдельных делегаций, как бы малы они ни были, каким бы длинным не предстоял сеанс, в том числе и тогда, когда гости желали посмотреть художественный фильм.) В кинотеатры города со столичными зрителями иностранцев, кажется, вообще не водят. Во всяком случае, я дважды высказывал Ким Ги Уну желание пойти посмотреть обычное кино, но он отклонял мои предложения. Кинотеатры посещают, видимо, коллективно от предприятий или учреждений. Осталось неясным, можно ли вообще просто так, при появлении желания, купить билет и пойти в кино, если выдалось вдруг свободное время. Вероятнее всего, судя по организованным толпам, которые появлялись порой перед зданиями кинотеатров накануне начала сеанса, просмотры осуществлялись организованно и в назначенное время, строго по плану. В кинозале отеля «Тэдонган», судя по двум рядам стульев и кресел, вряд ли бывает более 10–12 человек. Однажды просмотр фильма был устроен для единственного человека – эпидемиолога из Чехословакии. Мы совершили также две поездки за город: для осмотра комплекса, связанного с местом рождения Ким Ир Сена (Мангёндэ), и в Кансо, где располагаются гробницы эпохи Когурё.

Что касается музеев, то каждый из визитов проходил в строго расписанном порядке (за исключением Музея истории в Пхеньяне при втором посещении в самом конце визита, когда мы встретились с его работниками как со старыми знакомыми, а также провинциальных музеев истории Хамхына и Кэсона). Отъезд в музей происходил в строго определенное время. Около подъезда здания нас встречал директор или его заместитель, а также сотрудники, которые затем, обычно вместе с экскурсоводом, сопровождали гостей при осмотре экспозиций, отвечали на вопросы, возникавшие по ходу экскурсии (то были, как правило, специалисты в той или иной области истории, т. к. сотрудники музея ведут научную работу, в частности, производят раскопки древних памятников). В эти дни и часы в музеях обычные посетители отсутствовали. В музеях истории и этнографии, а также в картинной галерее поразило полное безлюдье (осмотр экспонатов в пустынных залах). Это, конечно, не означает, что корейцы равнодушны к истории страны и национальному искусству. Посещение музеев, как и кино, являются мероприятиями коллективными, а не индивидуальными, связанными с личным желанием или настроением.

После встречи у порога музея нас вводили в здание, где сразу же на входе можно было осмотреть картину беседы вождя с работниками именно этого учреждения. Затем хозяева вели посетителей в комнату, где обычно происходила предварительная беседа с почетными гостями. Ритуал разговора с незначительными вариациями повторялся от одного раза к другому: объявлялось, какое важное значение придает вождь тому или другому разделу культуры, в общих словах сообщалось об успехах страны и объяснялось, что они определялись, конечно же, мудрой линией вождя и великим энтузиазмом масс,

затем цитировались высказывания вождя, подходящие к случаю. Потом говорилось, что сама по себе организация того или иного учреждения культуры связана с личным указанием вождя. При этом считалось необходимым уведомить гостей о том, когда именно построено здание музея, сколько раз и когда посетил его вождь, что при этом им было сказано. Беседа сопровождалась чаепитием за традиционными столиками, на которых в качестве угощения стояли вазы с конфетами и печеньем. Если осмотр экспозиций затягивался, то нас снова возвращали в ту же комнату, где мы опять пили чай, обменивались впечатлениями об увиденном, а то и просто отдыхали, разговаривая. Ким Ги Ун часто вел записи того, что мы говорили при таких беседах. Восхищение увиденным и квалифицированностью, с каким представлялись материалы посетителям, вызывало неподдельное удовольствие организаторов экскурсии. Корейцы гордятся своими успехами, и когда обращаешь внимание на подтверждающие это детали, их сдержанность смягчается, а отношение к собеседникам заметно теплеет.

Начало экспозиций музеев этнографии, художественного, а также истории пронизывает одна главная идея – подчеркнуть глубокие корни корейской истории, древность истоков национальной культуры и значительность достижений ее носителей на фоне успехов культуры мировой. Вот почему в музее истории выставлены камни, обнаруженные в одной из пещер недалеко от Пхеньяна вместе с костями животных, которые существовали около 800 тыс. л. н. Камни эти, как выяснилось позже, не имеют бесспорных следов искусственной обработки. О том, следует ли их считать орудиями древнейших людей, нет единодушного мнения даже среди корейских археологов (на протяжении нескольких лет по данному вопросу ведутся дискуссии). Однако пока суть да дело, муляжи нескольких изделий на всякий случай выставили в экспозиции. Они служат отправной точкой для разговора о необычайно раннем появлении человека каменного века на территории Кореи. Если определения палеонтологов верны, то культура древнекаменного века Кореи окажется равной по времени самым ранним палеолитическим памятникам Китая, а быть может, превзойдет их по древности. Двухслойный памятник древнекаменного века, открытый в Кульпхо, по тем же причинам является предметом особой гордости корейских археологов. Что касается новокаменного века, то подчеркивается ранний переход древних корейских племен к земледелию. Не случайно в каждом музее истории на стендах можно увидеть муляжи каменных плугов, будто бы, древнейших на востоке Азии. В Музее этнографии экспозиция открывается демонстрационными стендами, подтверждающими древность корейских культур. Они призваны отразить величие достижений предков корейцев. Большое внимание в экспозициях этнографического музея уделено показу разнообразия типов одежды корейцев в эпоху царства Когурё. Их восстановлением занимались модельеры на основании изучения цветных фресок из могил. При этом подчеркивается, что именно корейский национальный тип одежды был характерен для различных социальных слоев когурёского общества. Так демонстрируется живучесть культурных традиций. Большое внимание уделяют когурёскому этапу в истории Кореи как профессиональные историки, так и политические деятели страны, в том числе Ким Ир Сен. Последний неоднократно высказывался о культурном величии и военно-экономическом могуществе Когурё. Вот отчего столь подробно и ярко показаны в Музее этнографии разновидности одежды Кореи эпохи раннего средневековья.

То же самое можно сказать о картинной галерее. Начальный этап художественного творчества эффектно представлен в нескольких больших залах превосходными, исполненными в натуральную величину копиями фресок из могил эпохи Когурё. Среди

Делегация в мемориальном комплексе Мангёндэ.

них особенно сильное впечатление производят многофигурные и сложные композиции, открытые при раскопках курганов Когурё, которые ныне располагаются на территории Китая. Они изучались, по-видимому, в начале 1960-х гг., когда отношения Китая и Кореи были дружественными. Именно в это время корейские и китайские археологи вели совместные раскопки на Ляодуне. Материалы по изученным тогда памятникам были сначала опубликованы в Корее, как принадлежавшие корейскому культурному ареалу. Вряд ли подобный оборот дела понравился китайцам. Не исключено, что именно подобного рода взгляды привели к разрыву сотрудничества между археологами соседних стран. Любопытно в этой связи отметить, что китайские археологи до сих пор не опубликовали материалы совместных с корейцами работ на Ляодуне. Напрасно искать в археологических публикациях Китая сведения о результатах изучения гробниц правителей Когурё, открытых около города Цзиань в Маньчжурии. Такие издания для Китая с политической точки зрения невыгодны, ведь характеризовать данные памятники как китайские невозможно. Подобный шаг как откровенная натяжка вызвала бы неудовольствие корейцев. С другой стороны, по тем же причинам нетактично и неуместно делать упор на то, что когурёская «варварская» культура сформировались под благотворным влиянием одновременной ей китайской культуры бассейна Хуанхэ. Китайцы, надо полагать, превосходно осведомлены о стремлении корейских археологов установить границу ареала, освоенного в древности предками тех, кто позже заложил основы первых корейских государств – Древнего Чосона и Когурё. Однако они не находят пока удобным вступать в дискуссию с корейскими специалистами. Съемка фильма о когурёских гробницах Цзиань и копирование там фресок бригадой видных корейских художников осуществлялись, судя по всему, до выявления специфических точек зрения на «деликатные» проблемы древней истории Восточной Азии. Мне ка-

жется, что мероприятия, осуществленные на Ляодуне, в настоящее время оказались бы невозможными.

При осмотре других экспозиций, представленных в картинной галерее, наибольшее впечатление производят работы корейских художников XVII–XVIII вв. и последующего времени. В музее собраны подлинные шедевры, которыми может гордиться национальная художественная школа. Однако по контрасту удручающее чувство охватывает при ознакомлении с творчеством современных художников страны: тематически и по выразительным средствам их картины уныло однообразны. Сюжеты произведений связаны главным образом с показом деятельности вождя для возвеличивания культа его личности. Сусально-лубочно отражены изменения в жизни народа после освобождения страны от японской оккупации и ликвидации последствий американской агрессии. 80 % картин посвящены прославлению мудрости Ким Ир Сена, что связано, как легко догадаться, с общей направленностью идейно-политической работы с населением республики. Единичны в музее картины, выполненные художниками в традиционном для корейского искусства стиле. Их поэтому воспринимаешь с изумлением. Как, например, мог попасть в экспозицию трогательный рисунок бамбуковых зарослей, выполненный современным художником в духе лучших традиций старой школы корейских мастеров? Значит, работа в традиционном плане продолжается, однако такое направление не получает официального покровительства. Но кто знает, что хранится в запасниках художественного музея? Корейские художники едва ли, думаю, озабочены только тем, чтобы фиксировать каждый эпизод деятельности вождя по преобразованию республики. В Пхеньяне и Кэсоне я видал на этюдниках молодых художников (наверное, студентов художественного училища) пейзажи, рисунки памятников стариной корейской архитектуры или строений, сооруженных в традициях Востока.

Возвеличивание в стране культа личности превосходит все мыслимое и достигает подлинного гротеска. Это начинаешь понимать сразу, как только подъезжаешь к Пхеньяну. Тон задает величественный комплекс Музея революции на горе Мансудэ. Сама по себе обширная возвышенность с чередой ступенек широких лестниц, что тянутся от подножия к вершине, грандиозное здание музея, многофигурные скульптурные композиции, симметрично расположенные по сторонам – все подавляется и превращается в ничто центральной частью мемориала – колоссальной бронзовой скульптурой вождя с протянутой вперед рукой. При взгляде со стороны не можешь отделаться от мысли, что авторы проекта напрочь лишились чувства соразмерности при сооружении комплекса. Возвеличивание вождя бросается в глаза на каждом шагу: в портретах, плакатах, призывах, лозунгах, в значках на груди людей, проходящих по улицам, при осмотре колонн с изображениями домиков Мангёндэ – «колыбели корейской революции», месте рождения Ким Ир Сена, а также памятных стел с высказываниями вождя. В огромный мемориал превращен сам район Мангёндэ, благоустроенный и ухоженный. Через дворик усадьбы, где жили родственники Ким Ир Сена, окрестные места, связанные с его прогулками и играми, специально выстроенный музей, показывающий революционную деятельность его близких (начиная с прадеда), проходят тысячи людей. Они воспитываются здесь соответствующим образом. Мангёндэ – место, куда привозят иностранных гостей. Экспозиции музеев, посвященных современной истории (в них отражены события, начиная с 1919 г.), построены по одной пропагандистской схеме. Центральная фигура в них – вождь Ким Ир Сен. Здания таких музеев, стандартные по архитектуре, сооружались, как мы наблюдали в Хамхыне и Кэсоне, непременно на склоне господ-

ствующей над городом возвышенности и недалеко от величественных бронзовых монументов вождя. Посещение музеев современной истории в нашу программу не входило, однако представить их характер после поездки в Мангёндэ не составляло труда. Стандартность экспозиций можно было предположить.

О характере приемов тех, кто постоянно осуществляет однажды выработанную линию идейно-политического воспитания народа, можно судить по Музею Отечественной войны, открытому для посещения недавно. Встречал нас у входа в огромное четырехэтажное здание заместитель директора, подполковник. В короткой предварительной беседе он рассказал об истории создания музея. Сооружали его военные, поэтому не все здесь со строительной точки зрения идеально, как хотелось бы. Однако это излишняя показная скромность – музей отделан превосходно. Для оформления не пожалели средств. При отделке широко использовался мрамор. С первых же комнат стала ясна направленность экспозиций – показать главенствующую роль вождя Ким Ир Сена в решающих событиях новейшей истории Кореи, а также разработанные им «идеи чучхэ» («Сам себе голова», «Опора на собственные силы»). Дама среднего возраста, служившая гидом, бойко изъяснялась по-русски. В ее рассказе никакой корректировки на то, что ее слушают гости из СССР, не было. В начале беседы она не сказала ни слова об Октябрьской революции и ее роли в революционных событиях на востоке Азии. Можно подумать, что истоки революционных преобразований в Корее связаны только с началом революционной деятельности родителей вождя, а такое впечатление создавалось сразу же. Сопротивление корейского народа японской оккупации страны в 1930-е гг. связывалось с революционной деятельностью Ким Ир Сена. Гипертрофированное значение придавалось роли организованных им действий партизанских отрядов на севере страны, а также на территории Маньчжурии: незначительным стычкам и эпизодическим столкновениям с полицейскими групп повстанцев на местах отводилась роль генеральных сражений, чуть ли не решающих судьбу войны. У неподготовленного слушателя могло создаться впечатление, что японцы в течение более десятка лет были озабочены только тем, как блокировать и разгромить армию, созданную Ким Ир Сеном. Ни о каких более театрах боевых действий Второй мировой войны, в которых решались судьбы мира, не говорилось. Я сначала не поверил своим ушам, когда в заключение обзора событий, предшествующих освобождению страны от японской оккупации, в виде резюме было буднично и спокойно сказано, что отряды Ким Ир Сена «сковали действия миллионной квантунской армии».

Не менее поразительно и то, что в экспозициях и рассказе гида не нашел отражения факт, который, казалось бы, невозможно замолчать: вступление СССР в 1945 г. в войну с Японией, разгром нашими войсками Квантунской армии и, как следствие этого, освобождение русскими от японцев Маньчжурии и Кореи. То, что именно советские войска, войдя в Корею, освободили страну от японских оккупантов, обойдено молчанием. Как это ни покажется странным, именно нам, историкам из СССР, гид рисовал фантастическую картину событий, из которой следовал вывод об освобождении страны от ига японцев армией Ким Ир Сена. Это был не грубый просчет недифференцированного подхода к гостям музея, но прямое следствие господства в идеологии «идей чучхэ», которые исключают при любых обстоятельствах использование внешней помощи и сил, будь они самые дружеские и бескорыстные. Здесь, понятно, речь шла о событиях, которые вывели на арену политической деятельности самого создателя «идей чучхэ» – Ким Ир Сена, что представляет противоречие неразрешимое и нетерпимое. Единственным

А. П. Окладников (справа) и А. П. Деревянко (слева) у входа в гробницу.
Мемориальный комплекс ванов династии Корё, г. Кэсон.

выходом из затруднительного положения оказалось замалчивание и фальсификация истинного хода событий. То и другое становилось необходимым, поскольку далее приходилось объяснять события последующих десятилетий в духе «идей чучхэ». Речь идет о толковании успехов в хозяйственном и культурном строительстве на современном этапе (размах побед тут невозможно представить без помощи стран социализма). Выходит, что все можно принести в жертву идеям и культу вождя, а умолчание истины не могло встретить отпора, помогая эффектно оттенить мудрость и совершенство предначертаний правителя.

А вот как освещались события Отечественной войны. Когда южнокорейская армия была оттеснена на юг полуострова, второй период войны начался с кровавого вмешательства в борьбу так называемых «войск ООН». Затем началась заключительная стадия противоборства, которая завершилась заключением перемирия и установлением демилитаризированной зоны по 38 параллели. Все эти события рассматриваются с подчеркиванием роли, которую играл в них Ким Ир Сен. Под его руководством осуществлялись победоносные военные операции на юге, его мудрость столь же ярко проявилась в стратегии вывода армии с юга на север. Наконец, он обеспечил успех контрнаступления на заключительной стадии войны. Оно привело «к капитуляции американского империализма и его марионеток в Сеуле». Гид ни словом не обмолвилась о роли СССР в отражении агрессии с юга, о значении вступления в сражения отрядов китайских добровольцев, о помощи нашей страны военной техникой. Как и в повествованиях об эпизодах антияпонского периода борьбы народа Кореи за освобождение, все представлялось делом, осуществленным собственными силами, без помощи извне, но под мудрым руководством вождя, что и обеспечило, в конечном счете, победу. Так, все военные опе-

рации, которые заканчивались разгромом противника, описываются посетителям последствиями осуществления стратегических замыслов полководца. Успехи в сражениях представлены в музее наглядно и красочно грандиозными диорамами со стереофоническим звуковым и световым оформлением. Панорамы воспроизводят ход сражений на табло. Бой показан в движении макетированной техники и сопровождается, для убедительности, кинофильмами. Техническая сторона дела в музее обеспечена на самом высоком уровне и производит впечатление. Лишь с трудом можно вообразить, сколь сильное воздействие оказывает вся эта демонстрационная техника, лихо управляемая с помощью набора кнопок, на толпы посетителей, что проходят сплошным потоком из одного зала в другой. Чудеса техники призваны убедить гостя музея в разгроме и капитуляции американского империализма с помощью собственных сил. Ни разу гид не отметил, что вся разнообразная военная техника, которая демонстрируется в залах, представлена макетами и изображается на фотографиях, поставлена из СССР. Усвоившему «идеи чучхэ» может, между тем, показаться, что все это производит военная промышленность КНДР. А как же иначе, если страна во всем опирается на собственные силы? С этой точки зрения коварными выглядят невинные на первый взгляд экспонаты – автоматы ППШ, изготовленные корейскими умельцами по заданию Ким Ир Сена. Не подтолкнут ли они к представлению, что и все остальное военное снаряжение, вплоть до ракет, изготовлено умельцами? После подобных наблюдений перестаешь воспринимать как курьез рассказ о разговоре на трибунах во время военного парада, когда один из корейских товарищей, указывая на проносившиеся в небе звенья «МИГов», будто бы спросил у русского атташе: «А у вас есть такие самолеты?» Таковы плоды обработки населения «идеями чучхэ».

После частичного, «из-за нехватки времени», осмотра музея состоялась обстоятельная беседа с заместителем директора. Как человек военный, он хорошо, полагаю, представлял, какие мысли возникли у нас по завершении экскурсии. Ему пришлось, во избежание подобных вопросов, сразу же выразить сожаление, что мы не осмотрели экспозиции залов «интернациональной помощи борьбе корейского народа с американским империализмом». Замдиректора обратился к нам и болгарскому специалисту, который знакомился с музеем вместе с нами, с просьбой прислать в музей материалы, подтверждавшие такого рода помощь. Как выяснилось позже, зал интернациональной помощи КНДР не отражал существа дела: в нем представлены в изобилии фотографии народных демонстраций в зарубежье с портретами Ким Ир Сена. Именно такого рода документы и просил прислать заместитель директора. Что касается роли СССР в событиях Отечественной войны, то она, если верить экспозициям, не отличается чем-либо существенным от вклада, к примеру, Румынии или Чехословакии. Да и роль Китая оказалась приниженной в той же степени. Завершал беседу заместитель директора, настойчиво предлагая высказать мнение о музее. Болгарскому специалисту не удалось отмолчаться, несмотря на нежелание говорить полагающиеся в таком случае банальности. Он произнес несколько фраз. Мнения посетителей по ходу беседы записывались.

На службу культа личности Ким Ир Сена привлечены даже зоопарк и ботанический сад. Гиды, как и полагается, сообщали сначала, по чьей инициативе и когда создали то и другое, сколько раз и когда вождь побывал тут и там, что при этом сказал. Речь шла о конкретных местах, связанных с посещениями дорого руководителя. Так, в зоопарке около искусственного озера стоит обыкновенная парковая скамейка, а рядом с нею на деревянных подпорках укреплен щит с пространной надписью. Я спро-

сил у Ли Сын Рока, почему около этой скамьи поставлен щит. Он ответил, что тут отдыхал после прогулки по зоопарку товарищ Ким Ир Сен. Об этом событии и сообщал текст. Одна из такого же рода скамеек на территории Ботанического сада спрятана под стеклянный колпак. По-особому ухаживают служители сада за деревьями, на которые обратил внимание вождь. Они подбелены, ограждены у основания ствола кругом из камней, заполненным выбеленными известью гальками. На такие деревья нельзя не обратить внимание: около них всегда располагается щит с надписью, разъясняющей существо дела – «Гуляя по аллее товарищ Ким Ир Сен подошел к этому дереву и понюхал цветок»; «Товарищ Ким Ир Сен сказал, как красиво выглядит эта сосна» (рядом с деревом уложена большая угловатая гранитная глыба); «Товарищ Ким Ир Сен спросил, как называется это дерево, и, услышав неблагозвучное словосочетание (речь идет о дереве, листья которого используются в народной медицине как мочегонное средство), попросил изменить наименование». При посещении таких мест экскурсантами из разных районов страны, а также иностранными делегациями щиты с надписями призваны показать, с одной стороны, простоту вождя, а с другой – его мудрость и озабоченность делами совсем, кажется, ничтожными. Многозначительностью окутываются самые обыкновенные действия, а в итоге в народе укрепляется осознание величия и неординарности его руководителя. Вообще в КНДР сейчас особое внимание уделяется вопросу «руководства товарищем Ким Ир Сеном производством на месте». Этой же теме посвящен довольно продолжительный фильм, который часто демонстрируется по телевидению. В нем эпизоды выездов вождя Ким Ир Сена на промышленные предприятия, в сельскохозяйственные объединения, магазины, столовые и т. д. Сюжеты фильма однообразны: Ким Ир Сен непрерывно говорит, давая советы по самым разнообразным вопросам хозяйствования, а остальные участники событий почтительно сопровождают его, подчеркнуто внимательно слушают и усердно делают записи в блокнотах. Если к этому добавить то, что по телевидению столь же часто показывается фильм о встречах Ким Ир Сена с самыми разнообразными делегациями из-за рубежа, о широком распространении «идей чучхэ» в мире и внимании, которым они пользуются у трудящихся других стран, то можно представить, какое впечатление производит все это на рядового гражданина, ограниченного, к тому же, до предела информацией о происходящих за рубежом событиях. Наступает момент, когда он может, пожалуй, всерьез поверить в то, что главные противоречия в мировой политике сконцентрированы вокруг проблем Кореи, а что касается революционного движения планеты, то именно Ким Ир Сен – признанный лидер пролетариев всех стран. Для рядового корейца такой оборот дела не кажется диким и странным, как он представляется для человека со стороны.

Что касается работы, которая ведется в ботаническом саду и зоопарке, то можно высказать много самых лестных слов их сотрудникам. Все содержится в идеальном порядке, всюду трудятся люди увлеченные и знающие. Руководители говорили о планах расширения сада и зоопарка, поэтому можно не сомневаться, что намеченное будет выполнено. С рядовыми работниками ботанического сада, занимающимися повседневным уходом за деревьями, кустарниками и цветниками, поговорить или обменяться дружескими репликами не удавалось. Завидев группу иностранцев, они, следуя, видимо, специальным на сей счет инструкциям, мгновенно исчезали из поля зрения, сворачивали с тропинок, покидали места, где нам предстояло остановиться. Полагаю, делалось это не потому, что появлялись именно русские. Рядовые корейцы, кажется, вообще предпочи-

тают не дифференцировать приезжих. Для них все просто «гости из далекой страны», дружественной, разумеется, но все же очень далекой.

Зоопарк, ботанический сад и другие примечательные места в окрестностях столицы, в том числе районы отдыха на лоне природы, посещаются жителями Пхеньяна коллективно, как кинотеатры и музеи. Мы видели в выходные дни специальные автобусы или грузовые автомобили с экскурсантами, взрослыми или детьми, одетыми празднично. Индивидуальный отдых в свободные от работы дни в КНДР исключен, поскольку строго выполняется правило: трудящийся не может находиться вне коллектива не только при трудовой деятельности, но и большую часть свободного времени. Последнего, кстати, в рабочие дни не так и много, учитывая, что вечерами большинство населения занимается критикой и самокритикой. Человек предоставлен самому себе и своей семье лишь в те часы, когда он ужинает, завтракает или спит. Прибыв к месту коллективного отдыха, участники его направляются в организованном порядке (обычно строем) к пункту назначения, где и проводится запланированное мероприятие. Дети тоже почти не имеют свободного времени, чтобы заняться играми. Их то и дело можно видеть марширующими строем с песнями, отправляющимися с рюкзаками на экскурсии или в походы, выполняющими работы по уборке улиц или приводящих в порядок газоны (трава выщипывается руками и срезается ножами и серпами). Детский трудовой день начинается очень рано: обычно в 6 часов утра уже слышишь песню, с которой младшие школьники отправляются учиться или заниматься трудом. Много времени у школьников отнимает разучивание коллективных спортивных упражнений для выступлений на массовых празднествах и стадионах, а также, вероятно, военная учеба. На улицах Пхеньяна иногда приходилось видеть детей старших классов, которые шли поодиночке с деревянными автоматами ППШ в руках. Не меньше внимания уделяется в школах подготовке к встречам «дорогих друзей из далеких стран». Последние отряды поющих и марширующих школьников проходят по улицам где-то в десятом часу вечера, когда и заканчивается, по-видимому, их трудовой день. О каком детском отдыхе и играх можно в таких условиях говорить? Дети, по существу, лишены детства в обычном понимании этого слова. Они включены как составная часть в жесткий механизм, работа которого строго направляется твердой рукой. Предельная регламентация жизни, взаимный контроль членов коллектива, беспрекословная направленность больших масс населения на решение определенных задач, первоочередных с точки зрения руководства, сознательный отказ от всего «излишнего», по его же мнению – это то, что включает так называемый «образцовый порядок», идеальный, согласно установкам Ким Ир Сена, для социалистического и коммунистического общества. В комплекс подобных представлений следует включить мысли о необходимости уравнительного решения материальных благ, вследствие чего совсем не кажется странной идея о вступлении страны в коммунистическое общество с той карточной системой выдачи продуктов и товаров широкого потребления, которая существует в КНДР в настоящее время.

Во время пребывания нашей делегации в Пхеньяне значительное место в программе занимало ознакомление с древними памятниками культуры, являющимися предметом национальной гордости, которому уделяется, судя по всему, исключительное внимание. Сначала мы осмотрели в черте города ворота старой крепости, беседки, а также древние стелы и бронзовый колокол. Во время Отечественной войны строения, сохранявшиеся веками, были варварски уничтожены. При восстановительных работах в столице они стали одними из первоочередных и главных объектов строительства. Реставрация

А. П. Окладников (слева) и А. П. Деревянко (справа)
на ступенях мемориального комплекса ванов государства Корё, г. Кэсон.

проведена мастерами на исключительно высоком уровне, с точным воссозданием облика памятников древней архитектуры. На работы выделяются большие суммы, а с размером затрат не считаются, поскольку памятники старины превращаются затем в могучее орудие воспитания у народа чувства национальной гордости за величавое прошлое и высокий уровень культуры предков. В настоящее время восстановлены интересные объекты на берегу реки Тэдонган, на горе Моранбон, где по склону проложена асфальтовая дорога, поэтому путешествие вдоль древней крепостной стены можно совершать с максимальными удобствами и сравнительно быстро, останавливаясь лишь в наиболее примечательных местах, главным образом, около «беседок» – наблюдательных постов, с которых осуществлялось руководство сражениями при осаде крепости врагами. Особенно

значительные по масштабам реставрационные работы и мероприятия по благоустройству проведены в пределах крепости Тэдонган, расположенной в 10–15 км от Пхеньяна. Именно там располагалась ранее столица древней Кореи, поэтому исследованиям археологов и историков, а также восстановлению наиболее примечательных объектов уделяется такое пристальное внимание. По склонам горы Тэдонсан, как и на горе Моранбон, проложена отличная асфальтовая или покрытая бетонными плитами дорога, восстановлены некоторые участки высокой, сложенной из каменных плит крепостной стены с зубчатым верхом, сооружены «беседки» с традиционными фигурными крышами из черепицы, ведутся реставрационные работы на отдельных объектах городища. В частности, приводятся в порядок древние водоемы, из которых осажденные в крепости люди брали воду, прокладываются новые ветки дорог для лучшего и осмотра различных участков столицы Когурё, предшественницы того города, который был построен на территории современного Пхеньяна. Судя по всему, Тэдонсан будет превращен в крупный центр отдыха трудящихся и район патриотического воспитания масс.

Для иностранных туристов здесь много заманчивых для осмотра мест. Привлекательны не только остатки старины, крепостные валы, рвы и прочее, но также удивительные по красоте пейзажи горного района и обширных, превосходно возделанных речных долин. С вершин Тэдонсана открывается широкая панорама Пхеньяна. У подножия горы находится, кроме того, еще один замечательный памятник эпохи Когурё – дворец правителя Анак. Раскопки его начали японские археологи, а после освобождения здесь копали корейские специалисты. В итоге здесь воссоздана достаточно полная картина расположения дворцовых комплексов. Ким Ир Сен посетил это место и отдал распоряжение восстановить дворцы в том виде, в котором они возвышались у подножия Тэдонсана более десяти веков назад. Именно в этих строениях разместится в будущем исторический музей. Все усилия по реконструкции, требующие значительных материальных затрат, производятся не случайно: Тэдонсан – знаменитая в истории древней Кореи крепость, которая неоднократно выдерживала атаки многотысячных армий врагов страны, в особенности танского Китая. Именно это обстоятельство подчеркивается при осмотре городища: как бы ни был могущественен враг, его усилия и желания покорить корейский народ всегда сводились на «нет» совершенным военным искусством предков, их свободолюбием и храбростью. В экспозициях исторического музея, помимо темы совершенства, высокого уровня и своеобразия национальной культуры, неизменно освещаются вопросы величия и могущества страны, ее больших размеров в древности, успехов армии в отражении нашествий внешних врагов – китайцев, киданей, чжурчжэней и монголов. Сюжеты, связанные с ожесточенными военными столкновениями с китайцами, которые неоднократно предпринимали попытки покорить Корею или подтвердить ее вассалитет, обсуждаются спокойно и откровенно. Всячески проводится мысль, что Китаю не удавалось покорить Корею. Она успешно отстаивала свою независимость во все века.

При осмотре Тэдонсана и его окрестностей мы постоянно встречали около «беседок» довольно большие группы экскурсантов, в том числе военных. Фотографировать с вершины горы разрешают не везде. Так, Ким Ги Ун не позволил мне сделать снимки очень красивых, покрытых рисовыми полями долин, расположенных у северного подножия крепости. Не удалось также получить разрешение сфотографировать сооруженный из рисовой соломы домик на сваях в яблоневом саду у юго-западного подножия Тэдонсана. Постройка эта поставлена для сторожа, охраняющего сад, и представляет боль-

шой интерес с этнографической точки зрения. Однако Ким Ги Ун не дал сделать снимки, сказав, что нам предстоит посетить сельскохозяйственный кооператив, где можно сфотографировать все, что пожелаешь. Дело, однако, в другом: Ким Ги Ун, по-видимому, не ожидал, что подобный «объект» деревенского пейзажа может нас заинтересовать, а согласованного с начальством решения на сей счет у него, естественно, не было. К тому же постройка из рисовой соломы, имеющая архаический и непрезентабельный вид, могла, как он, вероятно, считал, исказить наше представление о характере современной корейской деревни, черепичные крыши которой – предмет особой гордости в разговорах о сдвигах и достижениях в сельском хозяйстве. Забегая вперед, можно сказать, что нам так и не удалось сделать снимки такого соломенного дома на сваях. Вообще, фотографирование на горе Моранбон и Тэдонсан предмет особого контроля лиц, которые крутятся около «беседок», где обычно останавливаются автомашины и автобусы. Они прогуливаются на смотровых площадках, около «беседок», неожиданно появляются на тропинках, сидят на газонах, читая книги. Рассказывают о случаях, когда при фотографировании без разрешения в неположенных местах пленка тут же извлекалась из камеры и засвечивалась. Мне казалось, что нет смысла спрашивать разрешения на фотографирование с горы Моранбон вида города Пхеньяна с огромной телебашней и центральным стадионом на переднем плане, поэтому я сделал снимки. Как оказалось потом, за мной в этот момент с большим подозрением наблюдал военный, стоявший на площадке. Однако ожидаемые санкции не последовали.

Через несколько дней после прибытия, когда завершался осмотр главных объектов Пхеньяна и его окрестностей, Ким Ги Ун сообщил, что вечером нам предстоит отправиться в первую поездку по стране – на восток, к побережью, в один из крупных промышленных центров страны, город Хамхын. Ехать мы должны были поездом в 7 часов вечера, отчего прибытие к месту назначения оказалось не очень удобным – в 2 часа ночи. Но ничего не поделаешь: таково железнодорожное расписание. Нам показалось, что это путешествие намеренно приурочено к ночным часам, чтобы мы не могли посмотреть страну даже из вагона поезда. Но впоследствии стало очевидным, что это подозрение не имеет под собой оснований: действительно, железнодорожное расписание именно такое. Отправление поезда, однако, задержалось до полуночи. Ким Ги Ун неоднократно звонил на вокзал, наводил справки, пока, наконец, не появился начальник иностранного отдела, и мы вышли в его сопровождении из отеля к автомобилям. На вокзале мы оказались незадолго до отправления поезда: нас подвезли к особому подъезду, привели в зал ожидания, специально предназначенный для иностранцев (несмотря на разгар посадки, он был совершенно пуст). Здесь, после 5–7-минутного разговора с начальником иностранного отдела, который интересовался, как выполняется наша программа, довольны ли мы ею, нас пригласили пройти к поезду. Это была торопливая пробежка по перрону к вагону, который располагался невдалеке. Спальный вагон предназначался только для иностранцев. Распрощавшись с начальником иностранного отдела, вся наша группа заняла три крайних купе. Ким Ги Ун и Ли Сын Рок принесли вскоре минеральную воду и лимонад, а далее состоялась довольно продолжительная и дружеская беседа, несмотря на то, что сначала они с неловкой настороженностью приняли приглашение задержаться в купе и немного посидеть с нами. Рано утром поезд прибыл в Хамхын, где на вокзале нас встретили представители городских властей, посадили в автомобили и доставили в отель для иностранных туристов.

Памятник Ким Ир Сену в г. Хамхыне.

Город при беглом осмотре производил благоприятное впечатление, хотя и чувствовался иной, чем в столице, уровень благоустройства. Бросалась в глаза менее совершенная по качеству техника строительства, что, естественно, отражалось на внешнем облике строений: они выглядели не так аккуратно, как дома в Пхеньяне. Не столь чисты улицы, не так старательно ухожены газоны и деревья, кое-где виднелись даже обшарпанные или облупившиеся стены, что исключалось для столичных построек. Город ровный по этажности, в его пределах обширны районы старых одноэтажных построек обычного типа. Короче говоря, до столичного уровня Хамхыну далеко. С другой стороны, усилия по строительству и благоустройству города, конечно, колоссальны. Необходимо учитывать, что Хамхын после войны пришлось по существу строить заново, настолько сильны были разрушения. Отдельные проспекты воссоздавались с дружеской помощью социалистических стран. Так, Ким Ги Ун сообщил, что улица, расположенная недалеко от отеля, строилась с помощью ГДР. Особое внимание уделяется при строительстве объектам культуры (музеям, театрам, кинотеатрам и др.), комплексам, связанным с пропагандой роли Ким Ир Сена в революции и преобразованиях в стране после освобождения. Эффектно смотрится многоэтажное здание нового отеля, отделанного снаружи керамическими плитками. Оборудование в номерах устанавливалось с очевидным желанием предоставить максимум удобств и комфорта, как в лучших отелях зарубежных стран (с телевизорами, холодильниками, радиоприемниками и прочим).

После отдыха Ким Ги Ун сообщил программу пребывания в Хамхыне. Она включала ознакомление с памятниками старины, посещение исторического музея и работу в нем, поездки в сельскохозяйственное объединение и на промышленное предприятие, а также осмотр города с вершины распложенной невдалеке от отеля горы. С последнего и началось выполнение программы. На автомобилях нас доставили по довольно хоро-

шей, покрытой асфальтом дороге на вершину горы, господствующей над городом. Эта возвышенность с крутыми, обрывистыми в сторону реки склонами в средние века была местом размещения построек города, укрепленного каменными стенами и рвами. От стен, как выяснилось вскоре, почти ничего не осталось. Во всяком случае, на площадке рядом с «беседкой», восстановленной после войны, гид не без труда, путаясь, отыскал небольшой участок кладки с защитной цепью около нее. При этом полуразвалившаяся кладка была названа образцом варварского отношения японцев к культурному наследию Кореи. Рядом с беседкой, высокое основание которой сложено из хорошо обтесанных каменных блоков, стоит садовая скамейка с атрибутами, свидетельствующими о том, что на ней сидел Ким Ир Сен. Как выяснилось, он действительно побывал здесь, поднимался на площадку беседки, осматривал город и давал указания: каким образом вести восстановление и осуществлять последующее развитие. Перспективная цель состояла в том, чтобы переселить жителей из старых домов, которые еще, к сожалению, многочисленны, в новые многоэтажные благоустроенные здания. Ким Ир Сен обратил внимание на большую задымленность атмосферы города выбросами труб химических предприятий, с чем следовало начать борьбу, и дал указание предоставить городу дополнительное количество автобусов, поскольку наглядны трудности с перевозкой людей. Автобусы выделили, но, судя по громадным очередям, которые выстраивались утром около остановок рядом с вокзалом, до окончательного решения транспортных проблем Хамхына еще далеко.

Большие средства были, между тем, затрачены на сооружение колоссальной бронзовой скульптуры Ким Ир Сена и благоустройство прилегающих к ней склонов горы, а также на каменную лестницу, что тянется от подножия до вершины. К мемориальному комплексу примыкает обширное здание Музея современной истории. Все строения самым активным образом используются в идеолого-политической работе с массами, а проводится она в значительных масштабах. Трудящиеся строем направляются к памятнику, где ведутся соответствующие беседы. На фоне скульптуры вождя фотографируются группы празднично одетых людей (передовики производства?). Длинные очереди выстраиваются у входа в музей. Многолюдные толпы располагаются вблизи здания, дожидаясь времени, когда они могут пройти внутрь. Ким Ги Ун без особого желания и с замешательством принял мою просьбу сфотографировать здание музея в тот момент, когда к нему направлялось множество людей. Мне пришлось при этом сказать, что у нас в Москве тоже к мавзолею В. И. Ленина приходит много трудящихся. Только после этого он как-то неуверенно махнул рукой, позволяя сделать снимок. Вообще, у корейцев, по-видимому, считается нежелательным фотографирование иностранцами людей, когда они заняты политическими мероприятиями (из-за возможной оценки за рубежом подобных снимков как свидетельств казарменности жизни). На сей счет, как можно догадаться, тоже есть инструкции. Так, когда я приготовился фотографировать склон горы с лестницей, что ведет к монументу Ким Ир Сена, меня заметила группа корейцев, вышедших из-за кустов где-то на середине склона. Они мгновенно, как по команде, ретировались за деревья, посаженные вдоль прохода, т. к. не хотели попасть в кадр.

Фотографирование на улицах города неизменно превращалось в проблему. Нужно же было однажды случиться тому, что при съемке привлекательного на вид многоцветно окрашенного здания из-за угла показался отряд марширующих пограничников. Ким Ги Ун в панике замахал руками и попросил подождать, когда отряд скроется за поворотом. При посещении морского пляжа за городом Ким Ги Ун предупредил, что там можно

фотографировать все, за исключением рейда бухты. Когда после осмотра монумента и «беседок» мы спустились к подножию горы, где нас поджидали автомобили, я попросил разрешения пройти пешком до отеля, благо он располагался в 5–7 минутах ходьбы. Ким Ги Ун разрешил это сделать, но сам не сел в машину, а остался, чтобы сопровождать меня в прогулке. Он знал мою любовь снимать на улицах и, во избежание возможных недоразумений, прогулялся со мной. При этом даже фотографирование театра с цветной рекламой двух фильмов, которые шли тогда по всей стране («Цветочница» и «Море крови»), было разрешено им не без досады.

Сотрудники Музея истории встретили нас с исключительной доброжелательностью. Группу сопровождали при осмотре экспозиций работники, которые занимаются археологическими исследованиями и специализируются в изучении истории Кореи до 1919 г. Материалы в экспозициях размещались почти так же, как в Музее истории Пхеньяна. Добавлены были лишь стенды с находками, обнаруженными археологами на территории провинции Хамгён. Не удивительно поэтому, что в коллекциях по первобытным культурам иных регионов Кореи много муляжей, что снижает интерес к экспозициям. На это, помимо нас, обращали внимание и другие иностранцы, как нам однажды сказали в Пхеньяне. Работники музеев стараются, по мере возможности, изменить такое положение, чтобы избежать нареканий. Шаблонность и унифицированность в построении экспозиций, как и одинаковость представленных на стендах муляжей, графической документации и фотоматериалов, – показатели исполнения указаний, на основании которых строится музейная работа, нацеленная на расширение исторического кругозора населения. В музее трудятся, конечно же, энтузиасты своего дела – люди, влюбленные в историю своей страны, усердные собиратели уникальных материалов. Так, обратила на себя внимание странная, сделанная в красках карта-схема известного художника, который избрал сюжетом картины факт отражения населением японской агрессии. Примечательными оказались также археологические коллекции случайных находок в хранилищах музея (за ними работники выезжают в районы провинции). Отдаленность Хамхына от Пхеньяна просматривается в задержке с освоением «новых веяний», связанных с усиливающейся пропагандой «идей чучхэ»: неожиданно было услышать слова экскурсовода о роли Октябрьской революции в подъеме освободительного движения корейского народа. Таких признаний в музеях Пхеньяна не услышишь, поэтому очевидное начинает восприниматься показателем чуть ли не отчаянной смелости гида. Все дело, однако, объясняется или тем, что не внесены коррективы в некогда утвержденное, или в Хамхыне, центре экономических связей с СССР, иначе говорить нельзя.

На следующий день, когда была продолжена работа в музее, мы смогли оценить благожелательное отношение к нам – стремление предоставить наилучшие условия для осмотра коллекций. Сотрудники музея, из тех, кто специализируются по археологии, выразили готовность извлечь из застекленных витрин те вещи, которые заинтересовали нас. Ким Ги Ун при этом сказал, что вообще-то подобное в музеях не допускается, но для нас сделано исключение. Кроме того, в соответствии с выраженным нами накануне желанием ознакомиться с археологическими фондами, работники музея к нашему утреннему приходу доставили из хранилища ящики, в которых хранились каменные и бронзовые орудия, глиняная посуда, всевозможные изделия эпохи камня, бронзы и железа, а также собрание средневекового корейского фарфора. На столах была разложена бумага, карандаши, линейки и прочее мелкое «снаряжение», которое могло понадобиться при работе. Ким Ги Ун сказал, что все, предоставленное в ящиках, мы можем описывать, зарисовывать и фото-

графировать, а если возникнут вопросы, то работники музея готовы удовлетворить любопытство. На столах стояли вазы с угощением из конфет и печенья, а также бутылки с минеральной водой и лимонадом. Это был весьма плодотворный для работы день. Нас не ограничивали во времени ознакомления с коллекциями, мы изучали вещи и одновременно вели детальное обсуждение археологических проблем, благо хозяева были профессионалами высокого класса. На вопросы они отвечали охотно и со знанием дела, были предельно предупредительными, интересовались нашими мнениями относительно датировки и культурной принадлежности отдельных собраний. В заключение нам позволили сфотографировать наиболее интересные находки, для чего вещи вынесли на крыльцо, где съемкам благоприятствовала хорошая освещенность. Собранные в музее коллекции, представленные для осмотра, отличались случайностью подбора вещей. Это объясняется тем, что специальные археологические исследования музей не ведет, довольствуясь поступлениями находок от населения, сборами при эпизодических визитах сотрудников на места открытий или при участии их в отрядах этнографических экспедиций.

При всем внимании, которое уделяется изучению памятников старины, на местах львиная доля средств уходит на отражение успехов современности, связанных с деятельностью Ким Ир Сена (мудрость его руководства). Однако в превосходном состоянии сохраняется расположенный в окрестностях Хамхына дворцовый комплекс основателя династии Ли (мы совершили туда особую экскурсию). Большинство построек дворца тщательно отреставрировано, а другие продолжают приводиться в надлежащий вид. Всюду посажены цветы, в хорошем состоянии содержатся лужайки и искусственное озеро. Особый предмет внимания и гордости – декоративная сосна, возраст которой насчитывает несколько веков. Специальные подпорки поддерживают ее ветки, и они низко стелятся над землей, занимая половину одного из внутренних дворов дворца. За деревом тщательно ухаживают (на стволе видны следы лечения). При осмотре сосны гид не преминул подчеркнуть, что американцы варварски обошлись с бесценной реликвией, но, к счастью, дерево благополучно пережило все невзгоды. При дворцовом комплексе в специальном павильоне и на открытом воздухе сохраняются несколько древних стел с иероглифическими надписями.

Особо следует рассказать о той части программы пребывания в Хамхыне, которая не была связана с наукой, а преследовала цель ознакомления со страной и людьми. Сначала состоялась поездка на промышленное предприятие. В качестве достойного такой экскурсии образца был выбран не завод, а нечто вроде кустарного объединения, артели. Его организовали по инициативе Ким Ир Сена с тем, чтобы дать посильную работу инвалидам Отечественной освободительной войны. Это предприятие вождь при поездках в Хамхын неизменно посещает, детально знакомится с его цехами и беседует с рабочими, о чем свидетельствуют соответствующие атрибуты во дворе: огромное панно, изображающее встречу рабочих с Ким Ир Сеном, а также многотонная гранитная глыба прямоугольной формы, установленная на пьедестале (на ней выбит обширный текст, рассказывающий о встречах с вождем и об указаниях, которые он сделал при этом). Сопровождавшие нас на экскурсии рассказали, как рабочие решили установить огромную стелу, как отыскали камень, доставили его в Хамхын, обработали здесь, на месте, как один из резчиков вырезал на поверхности обширный текст. Что и говорить, затраты труда и средств на создание этого памятника были велики.

Во дворе производственного объединения нас встретили два представителя администрации и провели в одно из одноэтажных зданий. Рабочие, которые находились ря-

А. П. Окладников (третий слева) и А. К. Конопацкий (крайний справа) с корейскими коллегами. Мемориальный комплекс ванов государства Корё, г. Кэсон.

дом с ним, тут же поторопились уйти, как будто не хотели, чтобы мы заговорили с ними. Во всяком случае, не наблюдалось ни малейшего желания проявить к нам интерес или поприветствовать. Самодеятельный экспромт тут был начисто исключен. Незапланированные контакты не поощряются, они невозможны. Вместе с тем я заметил, с каким любопытством смотрели на гостей рабочие из окон проходной. Однако ни один из них не вышел из помещения. В зале приема состоялась беседа, которая производила тоскливое гнетущее впечатление из-за традиционности слов «запева» разговора, из-за незначительности содержания сообщаемых сведений. Неудивительно, что оживленной беседы не получилось. Заданность мероприятия совсем не располагала к тому. У меня создалось впечатление, что те, кто принимал нас, тоже чувствовали большую неловкость. Чтобы как-то сгладить скованность ситуации, нас усердно потчевали конфетами и печеньем, а также настойчиво предлагали попить лимонада. Говорил лишь один из хозяев приема, а тема беседы долго не выходила за пределы сюжетов, связанных с Ким Ир Сеном. Было рассказано о том, как он сфотографировался на территории предприятия с рабочими и их женами, об инвалиде с одной ногой, который, завидев вождя, с энтузиазмом крикнул: «Да здравствует товарищ Ким Ир Сен!», но не мог спуститься по ступенькам крутой лестницы, чтобы поприветствовать гостя. Руководитель страны помог ему сойти, а затем долго держал за руку, оттягивая время отъезда.

Затем последовала экскурсия в цеха предприятия. Нельзя сказать, что для инвалидов войны подобрали подходящее производство: сырье, из которого изготовлялась синтетическая пленка, издавало удушающий запах. Вождь при посещении «горячего цеха», конечно же, не мог не обратить внимания на это. Как нам сообщили, он сразу же отдал распоряжение уменьшить вредность производства. Однако при том оборудовании, которое

используется в цехе, сделать что-либо для уменьшения выделения вредных газов невозможно. Тот же удушающий запах стоял в остальных цехах, где из порезанных рулонов пленки делали скатерти, сумки, игрушки, портфели, плащи и прочие предметы. Гости из «далекой страны» не вызывали интереса работающих, среди которых было много женщин. Рабочие не проявляли даже минимального интереса к нам. На нас просто не смотрели, как будто мы были невидимками. Никто не замечал проходящих межу рядами столов гостей. Никто нас не приветствовал хотя бы кивком головы или легким взмахом руки. Не уверен я также в том, что рабочие знали, откуда прибыли люди, которые почему-то интересуются их производством. Эта отчужденность и равнодушие производят удручающее впечатление, поэтому стараешься быстрее оставить помещение и выйти наружу. Дворики между цехами хорошо ухожены. Всюду посажены деревья, разбиты цветники. Осмотр предприятия завершился в цехе, где выставлены образцы изделий. Все они производят впечатление заурядной кустарщины. Здесь работал самодеятельный художник, который разрабатывал эскизы рисунков. Мы проявили интерес к его работе, но разговор и тут не получился. В заключение экскурсии состоялась короткая беседа около гранитного монумента-стелы, «поставленной для будущих поколений» и около стендов с цифрами, «отражающими выполнение планов бригадами в процентном выражении». Наши хозяева без особого энтузиазма согласились сфотографироваться на фоне памятных сооружений. Затем мы, завершив положенные процедуры знакомства с рабочим классом, сели в автомобили и с облегчением отбыли в отель. Кажется, те же чувства испытывали и хозяева, дежурно помахавшие нам рукой. Никто из рабочих, кто находился в проходной и наблюдал за разговорами во дворе предприятия, нас не приветствовал. Зато проезжая по вечерней улице города, то и дело приходилось компенсировать недополученное – отвечать на приветствия школьников младших классов, которые приводили в порядок газоны и мели тротуары.

Визит в крестьянский производственный кооператив состоялся под вечер. Деревня эта располагается в получасе езды от Хамхына, за рекой. К ней вела асфальтовая трасса – свидетельство того, что нам предстоит встреча с тружениками образцового села, выбранного для показа «гостям издалека». Вдоль дороги встречалось множество пешеходов, взрослых и школьников. Они с интересом провожали взглядами легковые автомобили. При подъезде к деревне асфальтовая трасса сменилась вымощенной булыжниками дорогой. Автомобили остановились при въезде на территорию кооператива, где располагался большой стенд, отображающий встречу вождя с крестьянами и стела с обширным текстом его указаний. Тут же сооружалась памятная колонна, которую окружали скрепленные веревками леса. Отделкой объекта занималась группа крестьян, мужчин и женщин. Они лишь украдкой посматривали на вышедших из автомобилей, но не приветствовали нас и вообще не выказывали каких-либо знаков внимания. Около въезда в деревню находились учреждения, которые призваны были произвести впечатление на гостей: большой магазин с обращенной в сторону дороги витриной (в ней была выставлена обувь) и огражденное забором здание детского сада с игровыми аттракционами, среди коих выделялись вращающиеся по кругу самолеты. К нашему приезду готовились: самолеты уже поднялись на значительную высоту, и становилось страшно от мысли, что дети могут вывалиться и упасть на землю (ни взобраться, ни сойти с самолетов дети без помощи взрослых не могли). Воспитанники садика шумно приветствовали нас из-за ограды. Гостей встретил заместитель председателя сельскохозяйственного кооператива и провел в комнату приема со столами и стульями в центре. Перед нами пос-

тавили блюда с яблоками нескольких сортов и грушами, сообщив, что все это выращено в садах кооператива. Хозяин предложил отведать фрукты и побеседовать.

Заместитель председателя подробно поведал о кооперативе, его истории и структуре. В него входят 5 районов. Каждая бригада содержит детский сад и ясли. Во всех районах построены магазины, парикмахерские и прачечные. В центральной усадьбе, куда мы и прибыли, есть школа-десятилетка и больница, которую обслуживают 10 врачей. Земли кооператива обрабатывают 50 тракторов. Большинство полевых работ механизировано. В частности, рассадка риса ведется машинами. Решена также проблема полива – вода распределяется по полям с помощью пяти водоподъемных станций и столько же установок откачивают воду во время обильных дождей. Большое внимание в каждой бригаде уделяется внесению в почву химических удобрений (сейчас на гектар приходится по 1,5 т). Урожай риса составляет в среднем 6–7 тонн с гектара. На двор при выдаче заработанного приходится по 6,5 тонн (всего в объединении 401 чел.). На полях ведется борьба с сорняками химическими методами. Заместитель председателя рассказал также о посещении объединения вождем, который руководил на месте производством, давая крестьянам полезные в их деле советы.

После беседы нам было предложено ознакомиться с культурными и производственными учреждениями. Сначала мы прошли в превосходно отстроенное здание – место работы с массами. Сопровождающий продемонстрировал несколько комнат, где ведутся практические занятия. В каждой из них находились небольшие столики с лампами. Всюду царила идеальная, почти нежилая чистота. Поневоле возникала мысль: да бывают ли здесь люди, помимо почетных гостей? Отдельная комната была посвящена отражению обстоятельств визита в объединение Ким Ир Сена. Все стены помещения покрыты плакатами, лозунгами и фотографиями, повествующими о приезде вождя, о встречах и беседах его с крестьянами. Затем мы проследовали в детский сад. Начал накрапывать дождь, и нам вручили зонтики. Дети, между тем, продолжали «летать» на самолетах, и у «летчиков» был довольно-таки изнуренный вид. На пороге нас встретили воспитатели и шумно приветствовали дети. Когда же мы, надев специальную обувь, вошли в коридор, вперед выдвинулась девочка, одетая в парадное платье. Лицо ее было раскрашено румянами и усердно отделано прочей косметикой. Содеянное над ребенком производило удручающее впечатление. Девочку подготовили для встречи «гостей из далекой страны». Она говорила нараспев твердо заученный текст, театрально кланялась, балетно разводила руками, наклоняла голову, жеманно улыбалась. Ничего от живости и непосредственности в ребенке не осталось, что наводило на печальные размышления. Последующее, тоже рассчитанное на умиление гостей, представляло не менее грустную картину: девочка подвела нас в коридоре к листку бумаги с распорядком дня детского сада и пропела, что именно около него остановился любимый вождь Ким Ир Сен, когда посетил этот дом, и поинтересовался, чем занимаются дети в течение дня. Затем все прошли к детской спальне, около входа в которую висела небольшая табличка с текстом, из которого следовало, что в эту комнату заглянул во время визита Ким Ир Сен и спросил: «Сколько ребят здесь спят?»

Осмотр остальных комнат проходил так же: если на кухню или в помещение, где дети совершают туалет, заглядывал вождь, об этом событии сообщала табличка с соответствующим текстом. В детском саду есть также комната, большую часть площади которой занимает макет Мангёндэ – места рождения Ким Ир Сена. Вокруг макета расставлены стульчики: дети здесь учат жизни на примере вождя. В заключение осмотра

А. П. Окладников и А. П. Деревянко.

детского сада мы прошли в комнату, где проводятся музыкальные занятия. Здесь, под аккомпанемент старенькой фисгармонии начала века, дети исполнили хор из оперы «Море крови». Солисткой была девочка, которая показывала садик. Впечатление жесткой вымуштрованности не покидало меня во время всего показательного концерта. Дети смотрелись забитыми, запуганными. Они выполняли положенное бесстрастно, наверное, потому, что разыгрывали одно и то же неоднократно. Они не выглядели ухоженными: одежда была разнообразная и скромная, вели они себя как механические куклы с однажды и навсегда заданной программой действий. Особые симпатии и жалость вызвала у меня «девочка с характером», которая, явно нарушая «парад», упрямо не хотела петь и сумрачно стояла у окна. С нарушителями дисциплины (детям так хотелось просто посмотреть на гостей, а не петь малопонятную арию из взрослой оперы) воспитатели обращались бесцеремонно, что выглядело резко контрастно любезным улыбкам, которые не сходили с их лиц при обращении в нашу сторону. После окончания пения детям была отдана команда проводить гостей, хором скандируя прощальные слова, что они и делали, пока мы не вышли за ворота. После этого последовал окрик, чтобы дети прекратили галдеть. В целом визит в детский сад оставил очень тяжелое впечатление вследствие неестественности всего происходившего. Ребята вызывали острую жалость как покорные исполнители образцово-показательного сценария, призванного продемонстрировать счастливое детство.

Затем последовало посещение сельского магазина. Оно лишь укрепило впечатление о демонстрации хозяевами корейского варианта «потемкинской деревни», выполненного ее «строителем» без намеков на правдоподобие. Деревенский магазин открыли незадолго до того, как мы вышли из детского сада. Казалось бы, когда, как не в вечернее время, работать ему, ибо сельский житель к тем часам освобождался от производственных

забот. Обращало на себя внимание странное для переполненного товарами торгового предприятия отсутствие покупателей: за все время, пока мы находились в помещении, никто в магазин не зашел. Даже беглый осмотр того, что находилось в зале, не оставляло сомнения в оправданности подозрения. Покупатель не мог тут появиться, поскольку торговая точка есть всего лишь выставка желаемого, идеальный деревенский магазин, призванный произвести впечатление на иностранцев. На полках было выставлено все, что могло понадобиться сельскому жителю, вплоть до очков. Однако товары располагались в таком порядке, что не оставалось сомнений: их всегда показывают покупателям, но никогда не продают. В особенности такой вывод справедлив для продуктового отдела. Так, сушеная рыба была уложена в ящики доверху, отчего становилось ясно, что ни одна из рыбешек не извлекалась по желанию покупателя. Свободная продажа продуктов питания просто невозможна при жестком нормировании и распределении по карточкам по всей стране. Яблоки были насыпаны в лотки так, что становилось понятно: они не предназначались для весов и покупателя. Сами по себе весы и картинно расставленные гирьки наводили на мысль, что они предназначены не для дела. Разгуливающим за прилавками женщинам отводилась роль продавцов, которые никогда не отпускают товар, ибо продавать его некому. В такой ситуации поневоле зарождается дерзкая мысль: высказать желание купить что-нибудь из выставленного на полках. Это могло поставить любезных хозяев в затруднительное положение. Хотя на такой случай существовал, по-видимому, заранее продуманный выход. Не была же продана мне в Пхеньяне в одном из магазинчиков прелестная картинка, сделанная художником в традиционном восточном стиле. Причина заключалась в непонимании продавцом того, что я говорил. Я был убежден, что Ким Ги Ун и Ли Сын Рок отдавали себе отчет, что мы видим «липовость» демонстрации. Во всяком случае, когда я, указывая на мешки с яблоками, уложенные высоким штабелем у стенки, сказал шутливо Ли Сын Року: «Не купить ли нам один мешок, чтобы отвезти в Пхеньян?» – он засмеялся и погрозил мне пальцем.

По окончании знакомства с магазином объектом осмотра стал рядовой дом корейского крестьянина – члена образцового кооператива. Он располагался вблизи административных зданий, так что прогуляться по деревенским улицам нам не пришлось. Дом, который мы посетили, не был случайным, а оказался весьма знаменательным: в нем побывал Ким Ир Сен. После этого дом стал строением почти сакральным. Небольшой приусадебный участок около построек был тщательно возделан: на грядах росли перец, фасоль и прочие овощи. В хлеву визжала свинья – показатель достатка и благополучия крестьянской семьи. Около дома нас встретила пожилая хозяйка и пригласила пройти к жилищу. В комнатах, насколько можно было рассмотреть извне, сияла такая чистота, что, несмотря на настойчивые предложения зайти внутрь, мы не решились переступить порог. Алексей Павлович лишь на минутку зашел в пределы кухни, где на полках выстроилась рядами обычные кухонные принадлежности. Он приоткрыл деревянную крышку большого котла, стоявшего на печи. Все было так, как и следовало ожидать: котел оказался наполнен испускающей пар водой, в которой плавали жгуты *куксу* – длинной корейской лапши, праздничной еды крестьянина. В одной из комнат стояла ножная швейная машинка (еще один выразительный символ достатка в деревне), а в последней комнате – этажерка с книгами, среди которых выделялись корешки пятитомного издания трудов Ким Ир Сена. На стенке висел портрет вождя. Музейный характер усадьбы не располагал к беседе на деревенские темы, и мы поспешили покинуть дом, поблагодарив хозяйку за гостеприимство. У меня возникло подозрение, что дом нежилой, а пред-

назначен для экскурсионного осмотра гостями как своего рода идеал, подобный сельскому магазину, детскому саду и дому культуры. Хозяйка же играла в нем роль гида и не более того. Но для кого же предназначалось куксу? Чей поросенок визжал в хлеву?

Затем нас провели еще к одному образцовому учреждению кооператива – к сельской больнице и связанной с ней аптеке. По дороге к ним крестьяне не встречались. Казалось, что вся деревня вымерла или была зоной, запретной для жителей во избежание случайных контактов. Трактор «Беларусь», не вовремя выехавший на улицу, где мы шли, сразу же остановился и не сдвинулся с места, пока приезжие не завернули в переулок. Двор перед больницей ухожен: всюду посажены цветы, в порядке содержатся дорожки. У входа в лечебное учреждение нас приветствовал персонал. Нам выдали тапочки и повели осматривать процедурные кабинеты для взрослых и детей, а также палаты (мужскую и женскую) для стационарного лечения и аптеку. В деревне в те дни не было больных для госпитализации, поэтому палаты пустовали. Те же, кому требовалась срочная помощь, посетили, видимо, лечебницу в первую половину дня, до нашего приезда. В общем, впечатление от осмотра больницы оказалось сходным с испытанным в магазине: это учреждение использовалось большей частью в качестве рекламы сдвигов в быту и культуре корейской деревни.

Мы совершили также экскурсию к морю, на пляж. Он расположен в пограничной зоне, поэтому чтобы проехать туда нужно специальное разрешение. Асфальтированная дорога проходит вдоль рабочих поселков и промышленных предприятий. Загазованность воздуха здесь велика: все как бы подернуто густым синевато-серым туманом. Всюду вдоль дороги большое количество людей занималось благоустройством – приводили в порядок шоссе и прилегающие к нему участки местности. Довольно часто встречались женщины с малыми детьми за спиной: они или убирали мусор или срезали траву на газонах. На территории пляжа выстроено несколько четырехэтажных зданий, где можно раздеться, принять душ, получить мячи для игры в волейбол или футбол, а также ракетки для бадминтона. Здесь же располагается небольшое деревянное одноэтажное здание – буфет, где в разгар летнего сезона готовилась еда для отдыхающих. Не думаю, что пляж предназначался для кого-то из городских или сельских жителей, кто вдруг пожелал бы выкупаться в море. В условиях КНДР мысль об отдыхе вне коллектива абсурдна

На этом программа пребывания в Хамхыне была исчерпана. Поезд на Пхеньян отправился не в 7 часов вечера, как следовало по расписанию, а поздно ночью, в первом часу. К вокзалу нас доставили на автомобилях и провели в специальную комнату. В ней находилось несколько корейцев, надо полагать из круга высокопоставленных персон. Провожающий нас представитель местных властей выполнил полагающееся по протоколу, т. е. встретил около вокзала и проводил до вагона, не удостоив заключительной беседы, вести которую не полагалось. В поезде нас снова разместили в специальном спальном вагоне. В Пхеньяне на вокзале нас встречал начальник иностранного отдела и препроводил в гостиницу «Тэдонган», разместив в те же номера, в каких мы были до отъезда в Хамхын.

Второе путешествие заняло несколько дней и связано с посещением приграничных городов Кэсона и Пханмунджома. Они пологаются на юге страны, в районе демилитаризованной зоны (38 параллель). В Кэсон можно попасть или на поезде (он идет туда, как и в Хамхын, вечером), или на автомобиле. После возвращения из Хамхына Ким Ги Ун во время одной из бесед в отеле изложил в общих чертах программу дальнейшего пребывания в стране. Она выглядела заманчиво и учитывала главные из пожеланий – оз-

накомление с археологическими коллекциями, беседы со специалистами, а также посещение памятников, представляющих наибольший интерес с точки зрения стратиграфии (т. е. осмотр многослойных стоянок и поселений). Ким Ги Ун подчеркнул, что организация этого дела сложна, но Институт археологии делает все возможное для решения трудных проблем. В частности, на месте будущих экскурсий и раскопок нужно выслать археологические отряды, чтобы подготовить все необходимое. Ким Ги Ун сказал также, что вопрос с книгами решается успешно, хотя и есть трудности: не каждую книгу, которую хотелось бы подарить, удается найти, ибо многие из них изданы давно и даже в библиотеках авторов не всегда имеются. Наши коллеги, однако, стараются сделать все возможное, уверял Ким Ги Ун. Короче говоря, «Красная стрела» идет вперед и на пути ее горит зеленый свет. А пока предстоит совершить поездку в Кэсон, причем не на поезде, а, к нашей радости, на автомобилях.

В путешествие отправились днем, и оно заняло около пяти часов, учитывая время остановки для отдыха посредине пути, в месте, где на небольшой возвышенности с обширным фруктовым садом находилась беседка. Страна в этот день чтила предков (нечто вроде русского «родительского дня»), а крестьяне торжественно срезали первые снопы созревшего риса. По асфальтовой трассе на юг двигалось большое количество грузовых автомобилей, в кузовах которых ехали люди. Наступила горячая пора жатвы проса, кукурузы и риса, а потому горожане в массовом порядке отправлялись из города в деревню на помощь земледельцам. Уборка риса должна была начаться через несколько дней, и это дело становилось, по словам Ли Сын Рока, общенациональным по значимости. Вся страна от мала до велика выходила на рисовые поля и буквально в течение нескольких дней основные массивы главной зерновой культуры срезались серпами и увязывались в снопы. Так оно и случилось, чему мы стали свидетелями. Большинство крестьян в этот воскресный день не работало. По обочине шоссе шли группы празднично одетых людей, часто с детьми. Они направлялись к местам погребений предков, на склоны холмов, расположенных вблизи деревень, и выполняли около могил обряды поклонения под руководством пожилых людей – хранителей традиции. Кладбища и могилы содержатся в порядке, над погребениями устанавливаются порой каменные стелы. Нарушать покой мертвых, пока в округе живут родственники, невозможно. В Санамли, например, раскоп археологов достиг границы кладбища, откуда, по их мнению, начинался самый интересный участок древнего поселения. Корейские археологи и мысли не допускали, чтобы расширить площадь раскопок, т. к. у могил в деревне были «хозяева», а значит, работы следовало прекратить.

Дорога на Кэсон – наезженный туристический маршрут, по которому направлялся один из основных потоков иностранных гостей. Ему корейская сторона, как нам стало ясно позже, придает особое значение, поскольку именно здесь наглядно можно продемонстрировать гостям из зарубежья трагедию разделению страны на две части. Учитывая все это, можно подумать, что всюду там наведен лоск, ибо турист обычно привередлив. И все же, суммируя впечатления от поездок в окрестностях Пхеньяна, в Хамхын, а также от путешествия в конце командировки в Синыйджу, следует отдать должное значительным результатам, достигнутым в сельском хозяйстве. Общий вывод такой: страна ухожена и возделана с любовью и старанием. Большое впечатление производит исключительно бережное отношение к земле, пригодной для обработки. При обширности территории, занятой в Северной Корее горными массивами, крестьянам приходится самым тщательным образом продумывать рациональное использование полей для размещения

Корейский археолог, А. П. Окладников, А. П. Деревянко,
В. Е. Ларичев (слева направо).

в их пределах самых разнообразных сельскохозяйственным культур. Каждый подходящий клочок земли используется максимально. Корейский крестьянин с его безграничным трудолюбием умеет делать это. Долины рек и межгорные впадины с небольшими ручейками возделаны предельно возможно: рисовые поля занимают всю подходящую по почвенным условиям и режимам орошения площадь. Суходольных рисовых полей нет. Превосходно продуманная и рационально организованная система орошения охватывает всю страну. Граница рисовых полей с обычной для них сетью дамб, каналов и плотин подступает прямо к подножию предгорных холмов и окраинам шоссе. Даже склоны тропинок, разделяющих квадраты полей, не оставлены без посадок: на них выращивается фасоль и стелящиеся культуры. Над широкими каналами делается ажурная сетка-каркас, которую покрывают плети тыквенных растений. Широкие просторы с любовью возделанных рисовых полей-кормилиц производят сильное впечатление. Возникает мысль: да как же можно в короткий срок убрать все это серпами?

Около деревень широкие массивы занимают поля капусты и редьки, следующих за рисом продовольственных культур особой значимости. Возвышенные места, недоступные для орошения, засеиваются различными сортами проса, а также отводятся под плантации табака. На склонах холмов высаживается батат, но главным образом они используются для разбивки садов, которые на юге КНДР, в прилегающих к Кэсону районах, занимают огромные площади. Среди плодовых культур первое место занимают яблоки, затем следуют персики, сливы и виноград. Когда склоны холмов крутые, крестьяне делают от их подножия и до вершин террасированные площадки, склоны которых (в особенности часто в окрестностях столицы) укрепляются тщательно уложенными каменными плитами. Часть яблоневых садов, несмотря на значительность высоты холмов, орошает-

ся. Вообще создается впечатление, что в КНДР почти совсем не осталось участков, которые можно было бы в ближайшем будущем начать возделывать для расширения площади сельскохозяйственных угодий. Разве что придется приступить к освоению крутых горных склонов. Но оптимальны задачи, к решению которых уже приступает корейский крестьянин: интенсификация сельского хозяйства, использование более продуктивных сортов зерновых, стремление вносить в землю большое количество минеральных удобрений. При условии, когда решены задачи, связанные с созданием разветвленной гидротехнической сети, а также с освоением большей части пригодных для возделывания земель, перечисленные проблемы не кажутся особо обременительными для крестьянства. На первый план теперь выступает промышленность, которая призвана обеспечить село техникой, и сельскохозяйственная наука со всеми ее отраслями.

Корейскую деревню мы, за исключением одного случая (при поездке в Синыйджу), могли наблюдать только со стороны. Поэтому можно говорить лишь о внешнем впечатлении, не вдаваясь в какие-либо детали быта и условий жизни крестьянина. Корейские села, обычно размещающиеся на склонах холмов, чтобы постройки жилые и хозяйственные не занимали участков, которые могли бы использоваться для посева зерновых, при беглом взгляде производят благоприятное впечатление. Дома аккуратны, побелены. Все они, за редким исключением, покрыты черепичными крышами, что делает деревню живописной на фоне красоты природы. Внешний облик жилища и в целом вид деревни, как и порядок на улицах, прежде всего чистота, – объекты особого внимания отдельных жителей и всего села. Работа в этом направлении проводится, судя по всему, систематическая и приносит свои плоды. В некоторых местах мы видели ряды построек, выполненных в нетрадиционном для корейской деревни стиле. Они представляют собой сложенные из кирпича двухэтажные дома типа коттеджей. Верхний этаж занимает меньшую площадь, чем нижний, в результате чего строение выглядит как подобие двухступенчатой пирамиды с плоской крышей. Ряды таких домов выглядят скучно. В них размещается 5–6, а, быть может, и больше семей. Мне не удалось узнать у Ли Сын Рока, для кого же предназначены столь необычные постройки (он знает о них?). Когда я сказал, что мне не очень нравятся такие дома и, представься мне случай, предпочел бы поселиться в традиционном для Кореи деревенском доме, он улыбнулся и ответил, что ему не приходилось жить в новых для села строениях, поэтому он ничего не может сказать об их выгодах или неудобствах. Мне кажется, что подобные постройки нового стиля – показатель попыток вождя изменить сложившийся веками быт крестьянина, сделать его более комфортным и одновременно попытаться усилить коллективистские начала жизни в деревне. Возможно, это осуществление идеи создания в деревне поселков городского типа.

Встречающиеся по дороге небольшие города и уездные центры тоже произвели благоприятное впечатление. Судя по новизне построек, они в большинстве случаев были заново отстроены после опустошительного смерча Отечественной войны. Трудно представить, каких колоссальных усилий, самоотверженности, материальных и трудовых затрат стоила народу эта восстановительная работа по всей стране. В этой связи представляется малореальной мысль о возможности намеренного, по желанию северокорейской стороны развязывания новой войны по освобождению юга. Риск свести на нет безграничный по жертвам и самоотверженности труд двух десятилетий восстановительного периода слишком велик, чтобы осмелиться вступить в противоборство, не имея уверенности в успехе. Уверенность же такая возможна лишь при поощрении мощного союзника, каким мог быть в сложившейся на востоке Азии ситуации только Китай. Однако при

настороженном отношении к соседу, которое чувствуется в КНДР, вряд ли такого рода «подталкивание» именно со стороны Китая может иметь успех. Конечно, войну может спровоцировать юг, и такая возможность держит страну на полувоенном положении. На улицах Пхеньяна часто видны вооруженные патрули, а по мере продвижения на юг количество военных, которые попадаются на глаза, возрастает. На шоссе одна проверка у контрольного пункта со шлагбаумом следовала за другой, причем документация постовыми проверялась тщательно. Наибольшее количество военных встречается в Кэсоне и его окрестностях. Город этот «прифронтовой». Множество солдат трудятся на окрестных полях. Они помогают убирать урожай.

В Кэсоне около недавно построенного отеля нас встретили представители местных властей, а также директор и сотрудники исторического музея. Отель построен специально для туристов-иностранцев, но в те дни, когда мы находились в Кэсоне, он был почти пуст. Помимо нас в обширном здании проживало всего несколько человек – гости из ГДР, а также, кажется, из Румынии. Мы постоянно встречали их позже в местах, предназначенных для посещения иностранцами. Нас разместили в удобные номера, где для чего-то стояли по два телевизора. Служители поинтересовались: нравятся ли вам помещения, как мы находим их по сравнению с номерами в отеле Хамхына. Они порадовались, услышав, что у них лучше. После короткого отдыха и обеда Ким Ги Ун представил программу пребывания в городе. Она включала следующее: ознакомление с современным Кэсоном и памятниками древности, расположенными в его черте; поездка к ванским гробницам эпохи Корё; экскурсия к водопаду Пагён, где также имеются памятники старины; работа в историческом музее, сотрудники которого уже подготовили для нас материалы из фондов; знакомство с демилитаризованной зоной Пханмунджома – «передовым постом борьбы с американским империализмом».

Началось все с поездки на господствующую над городом возвышенность, на вершине которой установлен огромный монумент Ким Ир Сену. Все здесь выполнено так же, как в других местах: длинная и широкая каменная лестница, по которой, проникаясь важностью и торжественностью момента, нужно восходить к площадке с бронзовым скульптурным изображением вождя. Плоская вершина горы благоустроена: всюду рассажены цветы, разбиты зеленые газоны, а дорожки вымощены бетонными плитами. Ниже по склону располагается непременная часть мемориального комплекса – Музей современной истории. Посещение его на сей раз не было запланировано, надо думать потому, что экспозиции в нем стандартны и повторяют то, что мы уже видели в Пхеньяне и Хамхыне. Когда наши машины по асфальтовой трассе взобрались на гору, то на площадке ниже монумента нас встретила девушка-гид, одетая в национальную одежду. Она рассказала нам о городе, начав с фраз, высказанных вождем при визите в Кэсон и свидетельствующих о том внимании, которое он постоянно уделяет развитию этого центра юга страны. Город война пощадила, обойдя стороной: американцы не бомбили его, будучи уверены, что Кэсон после заключения перемирия отойдет к югу. Вот почему здесь, в отличие от других населенных пунктов, сохранилась старая часть города с обширными полями черепичных крыш, прикрывающих деревянные строения. При том опустошении, которому подвергалась страна во время войны, эти районы Кэсона приобрели уникальную историческую ценность. Не случайно Ким Ир Сен, осматривая город с горы, высказал пожелание руководителям его оставить в неприкосновенности для памяти будущим поколениям старую часть застроек. Такое решение представляется оправданным и с той точки зрения, что на фоне непрезентабельных построек дореволюционного времени в особенности величе-

ственно выглядят новые городские кварталы с современными многоэтажными домами, широкими улицами и проспектами, обилием деревьев и цветников. Кэсон превращается в рекламный центр преимуществ нового строя над старым и мудрости вождя. В городе гордятся огромным, построенным в стиле национальной архитектуры «Дворцом счастья для детей» и «Народной больницей», оснащенной современным медицинским оборудованием. Детским учреждениям, как и повсюду в стране, уделяется пристальное внимание, поскольку, как говорит Ким Ир Сен: «У нас в стране есть только одни господа, на которых мы неустанно работаем – это дети». Все это благородно и заслуживает высокой оценки, но не следует забывать, что воспитание подрастающего поколения, начиная с детских садов, ведется с чудовищным уклоном в сторону возвеличивания культа личности вождя. Данное обстоятельство не следует сбрасывать со счетов, ибо оно может грозить неприятными последствиями в будущем.

В Кэсоне, как и в других местах КНДР, древние памятники культуры бережно сохраняются, реставрируются и продуманно используются в культурно-воспитательной работе с населением. Во время экскурсий по городу нам демонстрировали ворота Намдэмун старой крепости столицы государства Корё, комплекс средневековых построек и стел, расположенных в пределах парка Сонджук, величественную каменную пагоду, привезенную издалека и установленную в парке Самгак – одном из мест отдыха трудящихся Кэсона. Все это – предмет гордости народа, осознания им величественных культурных достижений предков. К сожалению, показ памятников культуры древности был строго ограничен немногими пунктами. Если в программе намечено посещение каких-то памятников, то расширить список за счет других невозможно. Так, Ким Ги Ун с площадки у монумента Ким Ир Сену указал на гору, у подножия которой располагался дворец правителей государства Корё, а выше – крепостные стены города. Напрасно было изъявлять желание посетить те места и осмотреть памятники. Когда же я, услышав о павильоне Сонгюнгван – постройке, связанной с «университетом эпохи Корё» в окрестностях Кэсона, спросил о возможности посетить его, мне было сказано, что строение находится на реставрации. В другом случае, когда речь зашла об осмотре гробниц эпохи Когурё с настенными фресками, нам ответили, что они находятся слишком далеко. Итак, стало ясно, что количество памятников, подлежащих осмотру, заранее ограничивалось и определялось программой, а расширение ее по желанию гостей и сопровождающих, в особенности в местах, где не было возможности «посоветоваться», решительно исключалось.

Осмотренные нами памятники содержатся в хорошем состоянии. Комплекс эпохи Коре сохранился в парке Сонджук. Здесь интерес привлекает средневековый мостик с каменной оградой. Отдельные плиты моста имеют желтоватую окраску, в связи с чем в народе бытует легенда о том, как здесь пролилась кровь верного правителю Корё чиновника. Вот почему мостик оберегался еще в древности. В павильонах, расположенных по обе стороны от комплекса, установлены стелы с надписями. В них прославляют обстоятельства того же события. Особенно впечатляющие памятники сохранились в павильоне, окруженном каменной стеной. Вход к нему оформлен в виде парадных ворот с черепичными крышами, дорожки к павильону выложены плитами, а под крышей эффектного строения, выполненного в восточном стиле, стоят тяжеловесные каменные черепахи с водруженными на их спины отполированными до блеска плитами, покрытыми строчками иероглифов. Эти памятные стелы, поставленные здесь в разное время, тоже посвящены событиям, связанным все с тем же чиновником.

А. П. Окладников и А. П. Деревянко с корейским коллегой (в центре)
во время посещения мемориального комплекса ванов государства Корё, г. Кэсон.

Многочисленные культурные ценности сосредоточены в Историческом музее Кэсона. При его посещении нас радушно принимал коллектив сотрудников во главе с директором. Во дворе музея выставлено большое количество каменных изваяний животных и людей, а также плиты с надписями. Все это свезено из окрестных районов. В традиционных по содержанию экспозициях демонстрируется, как нам пояснили, далеко не все. Из-за тревожного времени многое находится в специальных хранилищах. К нашему приходу работники музея выставили на столы содержимое отдельных фондов, что было добрым знаком расположения к гостям. Как выяснилось при осмотре, музей обладает богатыми коллекциями керамики эпохи Корё, а также уникальным собранием изделий из бронзы. В музее хранится также впечатляющая коллекция разновременных монет. В нем, однако, отсутствовало то, что интересовало нас более всего – керамика эпохи неолита, а также каменные и бронзовые орудия III–I тыс. до н. э. Исследования по этим периодам музей не ведет, потому что специалистов по эпохам камня и бронзы среди сотрудников нет. Наши надежды на работу с коллекциями не оправдались. Пришлось ограничиться осмотром экспонированных вещей. После ознакомления с музеем сотрудники приступили к угощению. Нас потчевали чаем, всевозможным печеньем и конфетами и, с особой гордостью, фруктами, доставленными к столу прямо с веток яблонь и груш, которые, как выяснилось, музейные работники выращивают в музейном саду. Узнав, что А. П. Окладников особенно любит груши, хозяева уложили в багажник его автомобиля целую груду вкусных плодов, а утром следующего дня корзины с фруктами пополнили продуктовые наборы для предстоящего путешествия к водопаду Пагён.

Сильное впечатление произвело посещение эффектных памятников средневековой Кореи – королевских гробниц эпохи Корё. Эта усыпальница представителей правящей династии, расположенная в укромной, пейзажно фантастической горной долине, стиснутой с обеих сторон покрытыми густым лесом горами, включает в себя две купольные гробницы. Насыпанные из земли курганы с плавно округлыми вершинами по периметру подпирают каменные плиты. Границы местоположения усыпальниц определяет гранитная ограда вокруг могильных холмов. Вблизи ограды размещаются в определенном порядке каменные изваяния баранов и львов. По краям расположенной ниже площадки, слева и справа, установлены изваяния воинов и чиновников (по четыре с каждой стороны: один воин молодой, а второй пожилой; по возрасту отличаются чиновники, которые держат таблички с текстом доклада повелителю и для записей его указаний). Изваяния позволяют рассмотреть в деталях покрой одежды, вооружение, украшения, обувь и т. п. Скульптуры представляют собой классические образцы ваяния мастеров эпохи Корё, не уступающие по совершенству аналогичным китайским структурам той же эпохи.

В погребальный комплекс входят также два жертвенника. Их составляют массивные прямоугольные баранообразные плиты, уложенные на четыре подставки. Под плитами, возможно, располагается вход в коридор, а далее – в погребальную камеру. Два каменных столба на краю площадки с гробницами служили, как объяснил Ким Ги Ун, опорами для шатров из ткани. Их устанавливали в дни, когда совершались поклонения умершим государям. На второй площадке, расположенной ниже, напротив каждого кургана размещались два каменных светильника со ступеньками у подножий. По ним поднимались те, кто зажигал очистительный огонь. На третьей площадке, выполненной еще ниже, некогда стоял храм. От него сохранилась лишь каменная вымостка и базы для деревянных колонн. Около лестницы из камня – прохода с первой на вторую площадку – установлен прямоугольный каменный блок, предназначенный для свершения жертв и приношений. Узкая каменная лестница соединяет также вторую и третью площадки погребального комплекса.

Ким Ги Уну доставило удовольствие наблюдать, с каким интересом осматривали мы гробницы и все связанное с ними. Досаду доставило лишь одно обстоятельство – дождь и наступившая вскоре темнота прервали изучение памятника. И тут случилось воистину невероятное: нам удалось довольно легко договориться с обычно непреклонным Ким Ги Уном о повторном визите в долину могил государей Корё. Это и было осуществлено в последний день пребывания в Кэсоне, когда, посетив водопад Пагён и пообедав в городе, мы отправились в обратный путь, в Пхеньян. По прибытии в долину гробниц Ким Ги Ун просил не торопиться, разрешил фотографировать все, что хочется, и делать это можно сколько угодно. Он терпеливо дожидался, когда я отсниму две последние оставшиеся у меня черно-белые пленки. Позже поинтересовался: «Ну, как – вы довольны? Все сделали, что хотели?»

Около гробниц неотлучно находится сторож, охраняющий погребальный комплекс от случайных посетителей. Благоустроенная асфальтовая трасса заканчивается далеко от долины с гробницами, а грунтовую сельскую дорогу вынуждены постоянно приводить в порядок крестьяне ближайших деревень, ибо по ней проезжают туристы. Объяснений при осмотре гробниц сопровождающие почти не давали. Ким Ги Ун, возможно, не был подготовлен к рассказу о них (в Пхеньяне он в минуты переезда от одного памятника к другому обычно готовился к немногословному повествованию, торопливо прочитывая книжку-путеводитель). Как выяснилось позже, предварительное изучение гробниц ко-

рейские археологи провели и опубликовали отчет. Если Ким Ги Ун и говорил тогда что-то по собственной инициативе, то делал упор на факт расхищения одной из гробниц японскими археологами. Они проникли в одну погребальную камеру, но что нашли – неизвестно. Бесценны хорошо сохранившиеся настенные художественные росписи (главным образом фигуры людей). Ким Ги Ун сообщил, что в следующем году корейские археологи планируют начать раскопки второй гробницы, которую японцы не разграбили.

Водопад Пагён – одно из красивейших в Северной Корее мест, превращенное в зону отдыха трудящихся. Туда ведет асфальтовая трасса, протяженность которой составляет несколько десятков километров. Она пересекает живописную горную местность. Благоустройство дороги продолжается: для предохранения от камнепадов укрепляются крутые склоны гор, примыкающих к дороге. Кладку ведут мастера своего дела. Масштабные реставрационные работы осуществляются и в районе водопада. Оттуда непрерывно слышится гул компрессорных машин и дробный перестук отбойных молотков. Там обустраивается край скального обрыва 15-метровой высоты. Поток воды поступает из озера. От беседки с фигурной крышей к истокам водопада ведет выстланная плитками широкая тропа с множеством каменных лестниц. Они призваны облегчить подъем по крутым лесистым склонам.

Около водопада построено несколько зданий, в том числе современный павильон. Это места отдыха гостей. По склонам живописных гор вьется сложенная из камня стена крепости эпохи Корё. К берегам озера и водопаду можно попасть, пройдя по тропе через ворота, построенные тогда же, когда возводилась крепость. Далее дорога следует вдоль горных склонов по берегу небольшой горной речки. Здесь всюду видны развалины каменной стены с бастионами для стрелков из лука, пещеры-убежища и камни, покрытые выбитыми в эпоху династии Ли фамилиями знатных посетителей водопада. Экскурсионный маршрут завершается у храма и пещеры, в которой размещался некогда буддийский храм. Склоны обширной храмовой площадки укреплены каменными блоками. Храм у пещеры, судя по свежести окраски, был отреставрирован совсем недавно. С ним связана легенда о талантливом мальчике – скульпторе и художнике, над которым издевались японцы. Он отрубил себе руку и ушел в горы, к партизанам. В резной композиции на дереве изображен юный художник, лишенный кисти руки, что и призвано объяснить незавершенность сцены. На площадке около храма есть древняя каменная пагода, а внизу, у лестницы, установлена черепаха со стелой на спине. Судя по сохранности и особенностям скульптуры, древность ее едва ли выходит за пределы X века. Но чтобы убедиться в этом, нужно заняться прочтением текста на стеле.

Осмотр района Пагён показал, что на восстановительные работы по реконструкции древностей и объектов, связанных с эпизодами успешного отражения агрессоров, которые вторглись в Корею совсем недавно, государство выделяет крупные суммы. Интенсивно ведется и новое строительство. Все это делается потому, что район водопада Пагён считается заповедным партизанским краем. Очевидно стремление превратить его не просто в зону отдыха и демонстрации красот природы страны, но и, что особенно важно, в центр воспитательной работы.

Поездке в Пханмунджом хозяева придавали особое значение из всего, что связано с посещением Кэсона. Экскурсия в район разделения войск двух противостоящих сторон продумана до мельчайших деталей. Все это делается для того, чтобы показать трагедию разделенной на две части страны, поставить лицом к лицу с теми, кто виновен в нарушении единства корейского народа, продемонстрировать самоотверженность борьбы ко-

рейцев на передовой линии соприкосновения с империализмом и еще раз подчеркнуть величественную роль Ким Ир Сена в событиях Отечественной войны. Ход ее освещался в классическом духе «идей Чучхэ»: замалчивая интернациональную помощь корейскому народу. Поездка в Пханмунджом для иностранных делегаций предполагала активное и открытое выражение гостями протеста американцам. Нашему случайному попутчику – чеху прямо намекнули о желательности прокричать со смотровой площадки соответствующие лозунги. Нам таких предложений не делали.

В назначенный час в отель прибыл офицер, одетый в парадную форму. После короткого разговора о сложившейся в Пханмунджоме ситуации он сказал: «А теперь поедем и посмотрим, как все было и есть». Офицер сел в свой автомобиль, и мы двинулись вслед за ним по дороге к Пханмунджому. Ничто, как будто, не изменилось в округе. Несмотря на предельную близость демилитаризованной зоны, тщательно возделывались рисовые поля, что тянулись вдоль трассы, покрытой асфальтом или брусчаткой. Крестьяне, не обращая ни малейшего внимания на военных, количество которых заметно увеличилось, занимались своим привычным делом. Офицер-гид сказал нам позже: «Мы здесь, в отличие от южных корейцев, не теряем ни клочка пригодной для отработки земли. Ведем полевые работы в прямом соседстве с линией разграничения. А на той стороне земля заброшена. Никто ее не обрабатывает. Может ли быть нагляднее разный подход к делу? Нас же упрекают в том, что мы сеем тут рис в пропагандистских целях».

При подъезде к Пханмунджому появились признаки приближения к особой зоне: вдоль дороги громоздились крупные гранитные блоки, поставленные друг на друга вдоль дороги, змеились глубокие рвы, ряды колючей проволоки, а цепочки каменных глыб тянулись до горизонта. Автомобили остановились у небольшого домика, в одной из комнат которого размещался макет местности. Офицер объяснил систему расположения вдоль линии разграничения постов корейской и американской стороны, ставок нейтральных миссий, показал маршрут, которым мы должны проследовать к месту переговоров. Он сообщил также, что передвигаться будем в сопровождении специальной охраны. По окончании беседы в автомобили к нам сели вооруженные автоматами офицеры, а к дверцам прикрепили золотисто-желтые полоски материи, свидетельствующие, что по линии перемирия едут экскурсанты. Все эти приготовления, явно рассчитанные на психологический эффект, произвели на нас соответствующее впечатление. (Вот она, близкая война!) Проезд в непосредственной близости от контрольных постов с вооруженными американскими солдатами усилил стрессовое состояние. Машины остановились у строений, где велись переговоры о заключении перемирия. Нас ввели в ближайшую постройку и усадили за длинный стол, покрытый зеленым сукном. «Именно на этих стульях и именно за этим столом, – объяснил офицер, – сидели представители корейской стороны. А там сидели американцы, здесь же располагались столы стулья советников». Затем последовал подробный рассказ о ходе тяжелых переговоров с упором на разъяснение принципиальной позиции представителей делегации КНДР и шаткость положения противника – американцев. Понятно – им не хотелось признавать свою капитуляцию. Военный гид обрисовал детально картину торга по вопросу о линии демаркации армий, говорил о коварных попытках американцев нарушить «Временное соглашение» и улучшить стратегическое положение своих войск. Мощные контрудары корейской армии сорвали эти планы. Офицер ни слова не сказал об участии в переговорах представителей китайских добровольцев и об их участии в войне. Происходящее представлялось как противоборство только лишь двух сторон – северных корейцев и американцев.

А. П. Деревянко с корейскими коллегами.

Когда же упорство американцев было, в конечном счете, сломлено и они, смирившись с поражением, согласились подписать акт о капитуляции, началась дискуссия, где должно свершаться это событие. Американцы говорили, что для этого достаточно установить армейскую палатку. Однако корейцы сразу раскусили их коварный замысел: не оставлять для потомства позорный для своей военной истории символ – помещение, где они признали свою капитуляцию. Ведь палатку разберут, и не останется ничего, что напоминало бы миру о разгроме их армий. Вот почему корейцы настояли на строительстве специального помещения. Американцы были вынуждены согласиться. Корейские солдаты возвели этот дом из металлических конструкций за короткий срок. В нем-то и состоялось подписание итоговых документов, подтверждающих поражение и капитуляцию американского империализма. В одной половине дома стоят три столика с флажками сторон и прочими атрибутами, связанными с подписанием соглашения о создании демилитаризованной зоны (не знаю, был ли на одном из них флажок КНР, но сейчас его нет). Рассказ, связанный с разъяснениями обстоятельств подписания документов, драматизировался на протяжении всего повествования. Всячески подчеркивалось униженное, растерянное и тяжелое положение главы американской делегации. Еще бы – американцы никогда за всю свою историю не подписывали акта о капитуляции. Именно здесь, в Корее, им предстояло впервые сделать это. Не удивительно, что, уже усевшись за стол, американец долго колебался: подписывать ли бумагу? Он то подносил перо к ней, то вновь поднимал, пока, наконец, после пятнадцатиминутных колебаний решился сделать росчерк. Так капитулировал американский империализм перед мужественным корейским народом.

Во второй половине дома размещены экспозиции, посвященные истории Отечественной войны. Эпизоды ее раскрываются так же, как в музее Пхеньяна. Это – борьба, спровоцированная американцами. Войну вели корейцы Севера за освобождение Родины самостоятельно. Офицер при разъяснении экспозиций ни словом не упомянул об участии в войне китайских добровольцев и их роли в организации отпора «так называемым войскам ООН». Что касается помощи СССР, то офицер произнес лишь несколько слов о нашей военной технике. В самой экспозиции этот вопрос вообще не нашел никакого отражения. В конце осмотра музея офицер обратил внимание на стенд с сувенирами, оставленными теми, кто посетил Пханмунджом (книги, значки, монеты и пр.). Стенду придается особое значение, поскольку гид дал понять, что не мешало бы и нам что-либо оставить. Обилие знаков внимания на стенде – показатель широкой поддержки борьбы корейского народа во всем мире. Такой смысл вкладывается в процедуру, связанную с подношением сувениров. В заключение осмотра комплекса строений нас провели в дом, где представилась возможность отдохнуть, выпить чаю, побеседовать. Здесь демонстрировался хроникальный фильм, показывающий эпизоды войны на разных ее стадиях, а также ход переговоров в настоящее время.

Финальный этап экскурсии в Пханмунджоме завершился осмотром места переговоров. Нас привели к ряду домов, построенных так, что демаркационная линия проходила как раз посредине одного из строений. Одна половина дома принадлежала корейской стороне, а другая – американской. Офицер ознакомил нас с наиболее интересными обстоятельствами переговоров и настойчиво (как и на иных этапах проезда вдоль демаркационной линии) предлагал фотографировать все, что пожелаем. Затем мы посетили зал заседаний, где одна сторона высказывает претензии другой, а потом прошли к зданию, перед которым располагалась площадка, где принято выкрикивать в сторону американцев обличительные лозунги. Наблюдательная вышка агрессоров расположена рядом. Дежурные проводят «регистрацию» тех, с кем представители противника проводят разъяснительные беседы на площадке. Так было и с нами: вышедший из будки солдат сделал фото и запись в блокноте. В то же время из окна помещения велись наблюдения в бинокли, какие используют пограничники. Завершив осмотр, мы прошли в здание, где состоялась короткая беседа. Офицер попросил А. П. Окладникова высказаться о впечатлении, которое мы вынесли от посещения демаркационной линии. Все услышанное гид записал и заверил, что обязательно расскажет об этом солдатам и офицерам корейской армии, которые несут службу на передовом фронте борьбы с американским империализмом. Каждому из делегации вручили памятный значок с надписью «Пханмунджом» и по две книжки (одна из них – памфлет, позорящий личность Пак Чжон Хи, а вторая разоблачала американскую агрессию, ее подготовку и ход). Попив чаю и побеседовав еще немного, мы отправились в сторону контрольного пункта, с которого начался осмотр разъединительной зоны. Там мы поблагодарили гида и сопровождавшую нас охрану. Офицер тепло распрощался с гостями, высказал благодарность автоматчикам за хорошую службу.

Вторая половина срока пребывания в КНДР была, увы, использована не лучшим образом. Все дело в том, что из Москвы пришла телеграмма, в которой А. П. Окладникову предлагалось выехать в ФРГ, где ему предстояло выступить на некой пресс-конференции. После возвращения в Пхеньян корейской стороне пришлось сообщить: обстоятельства складываются так, что мы вынуждены прервать визит, поскольку неотложные дела А. П. Окладникова и А. П. Деревянко вынуждают их срочно возвратиться в СССР. Такой оборот дела имел досадные последствия – Институт археологии вынужден был отозвать

отряды археологов, которые готовили для осмотра и раскопок несколько памятников. Между тем, из-за отсутствия билетов на ближайшие рейсы самолетов А. П. Окладников не смог в должный срок выехать в Москву. Поездка в ФРГ должна была состояться в строго определенное время, поэтому получилось так, что нам не было смысла покидать КНДР в последующие дни. Когда выяснилось, что трое из четырех членов делегации могут остаться и продолжить работу, корейская сторона оказалась совсем уж в затруднительном положении. Начинать заново подготовительные работы на памятниках и вновь посылать отряды археологов в «поле» было неисполнимым делом. Выход из положения удалось найти к взаимному удовлетворению: нам предложили совершить поездку на крайний северо-запад страны, к границе Китая, где расположен город Синыйджу. Недалеко от него, в деревне Синамни, продолжал раскопки отряд, работами которого руководил один из ведущих корейских археологов – Ким Ён Ган. Именно туда нам и предстояло отправиться.

Последнее путешествие было совершено днем, на поезде, в сидячем вагоне, в котором ехали рядовые граждане страны. Мы вместе с Ким Ги Унем и Ли Сын Роком заняли два отсека вагона, разместившись у окон, по сторонам от прохода. Во время поездки девушки проводницы приносили нам яблоки и груши, а также минеральную воду и лимонад. В обеденное время сопровождающие провели нас в ресторан, где угостили едой, купленной в столице (мясные консервы, яйца, пиво, консервированные огурцы). В ресторане за столиками сидели пассажиры, которые перекусывали налегке. На нас все смотрели с любопытством, но никто не изъявлял желания вступить в разговор и задать вопрос иностранцам или поинтересоваться у сопровождающих, кто мы и откуда, зачем и куда едем обычным рейсовым поездом, а не международным экспрессом. Мы, как при поездке в Кэсон, имели возможность в течение четырех часов наблюдать страну из окон вагона. Северные районы производили благоприятное впечатление видом превосходно обработанных полей. Жатва риса была в полном разгаре, и крестьяне трудились с полной отдачей сил. Большинство полей покрывали густые ряды снопов (их расставляли по-разному, в том числе фигурно, в виде меандра). Работа, однако, впереди предстояла большая: своз снопов на тока, молотьба и т. д., поэтому селу требовались длительная помощь города. Когда я спросил Ли Сын Рока, чем он будет заниматься после того, как распрощается с нами (вероятно, станет переводчиком в другой делегации гостей), он задумчиво покачал головой и сказал, что, вероятнее всего, отправится на село убирать урожай.

В Синыйджу нас разместили в отеле для иностранцев, расположенном рядом с вокзалом, в пределах центральной площади города. Там же находился Музей современной истории. Перед ним стоял бронзовый, в полный рост монумент вождя, поза которого отличалась своеобразием: Ким Ир Сен вознес над площадью руку с крепко сжатым кулаком. Представители городских властей, которые нас встречали (один из них сопровождал нашу группу во всех поездках в Синамни, где велись раскопки), сообщили, что новый отель строится и в скором времени вступит в строй. Они со смущением отметили, что город их не очень благоустроен, но сейчас проводится большая работа, и вскоре предстоят значительные изменения в его облике. Беседы в автомобиле по пути к раскопкам и обратно были неизменно дружескими и теплыми. Представитель города постоянно высказывал благодарность нашей стране за помощь и говорил о большом значении дружбы, которая связывает народы СССР и КНДР. Вместе с тем, это отнюдь не означало отсутствия настороженного интереса в отношении к гостям из России.

Посещение археологических раскопок в Синамни.

В отеле мы встретили наших специалистов, которые работают в Синыйджу с декабря месяца. Условия их пребывания в городе иначе как весьма тяжелыми не назовешь. По их словам, они не имеют возможности свободно выходить на улицы, чтобы просто погулять. Нежелательно также спускаться, без особой на то необходимости, на расположенные ниже этажи отеля. На работу их возят на автомобиле, а после ее окончания доставляют в гостиницу. Строго контролируются контакты русских строителей с обслуживающим персоналом. Так, на 8 марта официанткам в столовой наши ребята вручили скромные подарки, а на следующий день эти девушки исчезли из отеля. Их заменили два молодых человека, которые лишь слегка объяснялись по-русски и по-английски. Слежка, видимо, ведется за всеми, кто приехал из нашей страны: при прогулках за городом, в лесу постоянно оказываются на виду как бы случайно появившиеся люди, истинные цели которых, однако, не оставляют сомнений. Нередко в комнатах, где живут специалисты, устанавливаются подслушивающие устройства. Это делается даже в больницах, ибо обслуживающему персоналу становятся порой известны подробности разговоров, о которых в ином случае невозможно было бы узнать (тогда к больным резко меняется отношение, от них стараются поскорее избавиться, т. е. выписать).

Нам не запрещали выходить за город, но мы и не пытались это сделать, чтобы не возбуждать лишних подозрений. Что касается манеры организации работы в Синыйджу, то она была такой же, как у специалистов-строителей: нас утром увозили в деревню, где мы знакомились с коллекциями, беседовали с археологами, участвовали в раскопках, а когда наступало обеденное время, вновь ехали в отель, чтобы, перекусив, снова проделать путь, дальность которого составляла в 35–40 км! На пустые переезды уходила масса времени, но изменить заведенный порядок было невозможно. Бесполезно было высказывать предложения по рационализации работы ради увеличения ее продук-

тивности. Представители руководства сельскохозяйственным объединением принимали нас радушно. В качестве подарков на раскоп постоянно приносили фрукты, выращенные в садах деревни, – яблоки, груши и каштаны. Синамни – рядовое корейское село, поэтому приятно отметить, что внешний вид его произвел хорошее впечатление чистотой и порядком. Крестьяне и организаторы поездки смущались и досадовали по части непрезентабельного состояния сельской дороги. Жители к приезду гостей привели в порядок те участки, по которым нам предстояло ездить. Шли также разговоры о дождях: из-за них грязь и вообще разные неудобства. На окраине села из камня построен длинный ряд свинарников – куполообразных ангаров, тесно примыкающих друг к другу. Весь этот довольно значительный по занимаемой площади комплекс с отлично отстроенными помещениями содержался в идеальном порядке.

Теперь о самой интересной и продуктивной части поездки. Институт археологии организовал для нас в Пхеньяне нечто вроде симпозиума – встречи с коллегами. Для этого в отель «Тэдонган» доставили из хранилищ множество коллекций, полученных при раскопках в последние годы (палеолит, неолит, бронза и железо). В наше распоряжение было представлено также большое количество альбомов с фотографиями вещей и мест, где велись исследования. В итоге о существе дела можно было получить представление должного объема и широты. Нам предложили сделать отметки у тех фото, которые мы хотели бы иметь. Отпечатки с негативов были сделаны без каких-либо исключений. Нам вручили их перед самым отъездом. В течение трех дней ведущие сотрудники Института подробно информировали нас о ходе археологических исследований в стране и своих достижениях. В итоге мы получили исчерпывающие данные о направлении научных изысканий. Основные тенденции исследований сводятся к следующему:

1. Отчетливо выявилась антикитайская направленность ряда работ. Ареал типично корейской культуры распространялся, по мнению специалистов разных эпох (начиная с каменного века), далеко за пределы полуострова, охватывая Южную Маньчжурию и Ляодунский полуостров. В общих обзорах по древней истории страны памятники, расположенные в тех районах, подключаются при описании ареалов типично древнекорейских культур.

2. Подчеркивается своеобразие всех древнекорейских культур и их отличие от китайских, особое внимание обращают на опровержение высказанной ранее точки зрения об открытии в районе Пхеньяна могильников, в которых будто бы похоронены китайцы. Это теперь решительно отвергается.

3. Особое внимание уделяется идеям, связанным с подчеркиванием важной роли корейских культур в истории Восточной Азии. Конечная направленность такого рода работы не вызывает сомнений: корейские археологи стремятся во что бы то ни стало показать несправедливость мыслей о доминирующем влиянии Китая в культурной истории востока Азии. Вклад Кореи – не менее значителен.

4. Тщательно изучается период начала формирования государственности (Древний Чосон). Как закономерность успехов корейцев в этом отношении рассматриваются «блестящие достижения» времен существования государств Когурё и Бохай – традиционных союзников Китая на северо-восточных границах. Корейские историки подчеркивают, насколько успешной была борьба того и другого государства при попытках вторжения армий агрессоров в их пределы.

Мне кажется, что добрый прием, оказанный советским археологам, объясняется тем, что мы в части концепций оказались с корейскими археологами единомышленниками.

Краткие записи бесед с корейскими археологами

А. П. Окладников выразил удовлетворение тем, что коллеги нашли время встретиться с нами и обменяться мнениями по волнующим проблемам древней истории. Он сказал: «Опыт советских археологов может, надеюсь, оказаться полезным для наших друзей – корейских археологов».

Хван Ги Док, патриарх корейской археологии, приветствовал советских археологов и сказал следующее: «Мы все рады встрече с гостями. Археология Кореи начала развиваться после освобождения страны, благодаря мудрому руководству и указаниям вождя Ким Ир Сена. Корейские археологи добились определенных успехов при постоянной заботе вождя. Во изменение намеченных ранее планов, мы будем вести разговор не в общей форме, а по отдельным разделам археологической науки. Можно начать с палеолита и неолита. Сегодня в беседе, наверняка, ограничимся лишь анализом первобытного периода. По ходу беседы обменяемся мнениями. Нам есть чему поучиться у вас. Но нет ли каких-либо замечаний по организации дела? О каменном веке расскажет Ким Ён Ган».

Ким Ён Ган: «Мы приветствуем делегацию советских археологов во главе с академиком А. П. Окладниковым. Археология Кореи по-настоящему начала развиваться после освобождения, благодаря неустанным заботам тов. Ким Ир Сена. Он уделяет особое внимание тому, чтобы научно обосновать историю нашего народа, показать в деталях наследие национальной культуры и полнее сохранить памятники и стоянки. Нам созданы все условия для научно-исследовательской работы. Ким Ир Сен говорил: “Памятники – лучшие материалы, которые рассказывают о продолжительной истории нашей страны и о лучших культурных традициях нашего народа”. Следуя словам вождя, археологи провели большую работу, связанную с поисками памятников. Они нашли много хороших материалов, не известных ранее “наемным ученым”, которые монополизировали в прошлом изучение материалов корейской археологии. У нас есть много того, о чем следовало бы рассказать, но мало времени, поэтому я остановлюсь лишь кратко на достижениях, а по ходу рассказа покажу кое-что из доставленных в гостиницу коллекций.

Сначала о палеолите. Товарищ Ким Ир Сен сказал: “Труд занимает важное место в общественной жизни людей. Все богатства – результат труда. Без труда не может быть общества, и оно не может развиваться”. Палеолит – начало трудовой жизни людей и начало корейского общества. Отдельные памятники показывают, что палеолит, наличие которого ранее отвергалось, в Корее имеется. Мы взяли на себя инициативу найти палеолитические памятники, следуя указаниям тов. Ким Ир Сена, и нашли их. Еще в 1954 г., в связи с широким строительством в стране и открытиями в ходе его разного рода древностей, правительство приняло специальное решение, согласно которому работы в таком случае сразу же прекращались, вызывались специалисты – археологи для научных исследований и только после завершения всех дел, связанных с изучением открытого, можно было продолжать строительство. 30 апреля 1958 г. было принято еще одно постановление, касающееся улучшения работы по сохранению памятников и находок. В 1966 г. недалеко от Пхеньяна, в уезде Санван района Хугури, при добыче известняка рабочие нашли ископаемые кости млекопитающих животных и сообщили об этом в городской комитет партии. На место открытия выехали ученые и начали там исследования. В них приняли участие сотрудники того отдела Института археологии, в котором занимаются палеонтологией, геологией и каменным веком. Место, которое показали строительные рабочие, оказалось пещерой в известняковой горе. Длина пещеры 30 м. Южная часть ее

уничтожена давно. Среди находок были кости носорога Мерка, гиены, лошади Стенона, большерогого оленя и оленя, похожего на пятнистого, саньмэньской гиены и свиньи. В стране у нас напряженная ситуация, культурные ценности находятся в специальных хранилищах, поэтому здесь вы можете ознакомиться только с отдельными образцами. Главные из собранных камней мы показываем. Они наиболее выразительные. Костей обнаружено большое количество, и с их образцами тоже можно ознакомиться. Они датируются нижним плейстоценом и переходной порой к раннему периоду среднего плейстоцена. По времени можно сопоставить все это с эпохой галечных культур (первое межледниковье, Гейдельберг; каменные орудия сходны с Чжоукоудянь-1, а фауна близка местонахождению Чжоукоудянь-13). Итак, можно говорить об открытии в Корее нижнего палеолита.

Затем следует верхнепалеолитическая культура Кульпхо. Первый памятник обнаружен во время строительства 30 апреля 1958 г. в провинции Северная Хамгён (уезд Унги, местность Кульпхори). Здесь сначала был найден культурный слой неолита, а после, когда стали наводить порядок на раскопе, наткнулись и на палеолит. Затем в ходе уточнения памятника и зачистки того, что считалось материком, мы нашли два слоя палеолита – нижний (№ 1) и верхний (№ 2). В слое № 1 в качестве сырья для орудия использовался кварц. Слой № 2 представлен двумя пунктами, расположенными друг от друга на расстоянии 4 км. Второй пункт называется Токсан, но там пока раскопки не велись. Нижний слой Кульпхо относится к среднему палеолиту. К сожалению, фауна в нем не обнаружена. В верхнем слое в качестве сырья палеолитические люди использовали кремнистый сланец (роговик?) и кварц (мрамор?).

О неолите. Вождь Ким Ир Сен сказал: “Культура каждой страны имеет свой лучший национальный признак, и все страны вместе вносят вклад в общую сокровищницу мировой культуры”. Находки, обнаруженные после освобождения, позволят выяснить культурные особенности древнего времени! Корейские археологи систематизировали сведения по неолиту и отвергают попытки японских ученых фальсифицировать культуру неолита нашей страны. Конечно, по-разному определяют культуру неолита нашей страны. Мы подразделяем ее на два периода.

Ранний неолит – от V тыс. до н. э. до второй половины IV тыс. до н. э. К нему относится стоянка Сопхохан I, в слое которой обнаружено жилище № 9. Ко второй половине IV тыс. до н. э. относится Сопхохан II (жилища № 3, 17, 19, 23), Кунсан I (жилища № 1, 3, 4) и Читамни (жилище № 1). Наиболее выразительные стоянки культуры *кунсан* – Кунсанни и Читамни. К особенностям раннего периода неолита относятся следующие признаки: оседлость жизни, мотыжное земледелие, рыболовство и охота в хозяйственной деятельности. Среди каменных изделий встречаются мотыги, в том числе плечиковые, зернотерки и куранты, в том числе не только сегментовидные. Керамика украшена гребенчатым узором (Сопхохан). Встречается также “амурская плетенка”.

Поздний неолит подразделяется на два этапа. Ранний датируется первой половиной III тыс. до н. э. К нему относятся стоянки Сопхохан III, Кунсанни II и Седжунни (уезд Нёнбён, провинция Северная Пхёнан). Вообще, памятников, датированных этим временем, много. Я называю главные. В Сопхохане III к раннему этапу позднего неолита относятся жилища № 8, 13, 20 и 26–30. Читамни, где обнаружен плуг, относится к культуре Кунсанни II (жилища № 2, 3). Тем же временем датируются жилища № 7 Кунсанни и жилище № 7 Сечтунли. В Кунсанни II на керамике обнаружены отпечатки палочки с острым концом (изображался вертикальный зигзаг). В Сопхохане III поверхность сосу-

дов украшена спиралью. Конец плуга из Сопхохана приострен и пришлифован. Топоры здесь односторонне-выпуклые, с приостренными боковыми ребрами. Обнаружен также конический нуклеус из обсидиана с широкой ударной площадкой. Плечиковая мотыжка найдена в смешанном горизонте Сопхохана. Удивительна находка в Сопхохане IV: изделие из кости кита с одним волнисто-зубчатым краем (назовем его гребнем). Спираль на керамике оказалась характерной для памятников типа Сопхохан III и Кунсанни. Спираль впервые появляется в первой половине III тыс. до н. э. Для орнаментированной кости характерны вырезанные треугольники. В Сопхохане обнаружено большое количество изделий из кости: рыболовные крючки, шпильки, личины, отжимники, разнообразные по виду гарпуны, а также составные крючки нескольких типов. Поверхности костей обычно залощены. Найдены также тонкие игловидные изделия, что-то вроде длинных игл. Шпильки оформлены в виде фигурок. Встречаются наконечники стрел из кости с длинной, массивной и округлой верхней частью. В Кунсанни изделия из кости не найдены. Среди фауны Сопхохана палеонтологи определили кости козы.

Ко второй половине III тыс. до н. э. относятся следующие памятники: Сопхохан IV (жилища № 11, 15, 18, 21, 22), Сопхохан V (жилища № 5, 9, 11, 15), Помый Кусок (Тигровая Падь, слой 1, жилища № 1–3, 9, 12а-б, 23, 24, 41; стоянка находится в уезде Мусан провинции Сев. Хамгён), неолитический горизонт стоянки Тхосонни (жилище № 2; уезд Чунган провинции Чагандо), слой 1 Сантхаза (Шуантоуцзы?) (жилища № 14, 15, 17, 18 и 19, п-в Йончхон провинции Сев. Пхёнан), Нонпхори (открыта в районе г. Чхонджин, перед портом Пусан в Южной Корее). Для этой стадии характерно появление крашеной керамики. Среди орнамента на поверхности встречается меандр, резной зигзаг, волнистые (прочерченные?) линии. Для этой стадии корейского неолита характерны квадратные жилища с крышей, опирающейся на столбы. В экономике хорошо выражено земледелие. К эпохе культуры Кунсанни I относится поселение Читамни. Для зерновых позднего неолита характерны чумиза и просо. Что касается эволюции жилищ, то на раннем этапе встречаются как круглые, так и квадратные постройки. На стоянке Сопхохан II преобладают, например, круглые жилища. С эпохи Сопхохан III встречаются только квадратные постройки. Что касается техники производства каменных орудий, то примечательная особенность раннего этапа неолита – малочисленность изделий из ножевидных пластин. Начиная со времени Сопхохан III, в качестве сырья широко использовался обсидиан. Вот с этого-то времени и возрастает резко количество ножевидных пластин. В частности, в Кульпхо найдено много пластин.

Сопхохан – один из наших ключевых памятников. Здесь разновременные жилища перекрывают друг друга, и наблюдения позволили установить стратиграфию неолита. Граница корейской неолитической провинции охватывает, помимо полуострова, бассейны Ляохэ и Сунгари, а также часть дальневосточного района (имеется в виду русское Приморье). Даты, которые я назвал, выделяя этапы, конечно же, предположительные, ориентировочные».

Хван Ги Док: «Я расскажу об исследованиях культур эпохи бронзы. Товарищ Ким Ир Сен сказал: “Корейский народ имеет длинную историю и блестящие культурные традиции”. Для изучения истории и традиций большое значение имеет познание культур эпохи бронзы. Мы провели обширные работы и теперь отвергаем взгляды наемных японских ученых, которые утверждали, что в Корее не было этапа бронзового века. О том, что в нашей культурной истории был этап бронзового века, свидетельствуют все материалы, которые теперь имеются в наших руках. Эпоха бронзы в Корее охватывает

период в тысячу лет – с первой половины II тыс. до н. э. Над изучением бронзового века работает целый коллектив наших археологов. Корейская культура эпохи бронзы охватывает, помимо полуострова, бассейны рек Ляохэ и Сунгари, а также частично русский Дальний Восток. Культура бронзы подразделяется на два периода – ранний и поздний. Значительная часть позднего периода относится к I тыс. до н. э.

Остановимся кратко на особенностях культуры ранней бронзы. Для нее, правда, присуща немногочисленность бронзовых изделий. Однако памятники найдены разнообразные: как могилы, так и поселения. Для этого этапа характерно широкое употребление сланцевых орудий: среди изделий они составляют абсолютное большинство. Именно они использовались как инструменты. Орудия из сланца в изобилии использовались также в поздний период бронзы на широкой территории от Ляодуна до Пхеньяна. Что касается могил района Кансан (Ляодун), то там найдено множество бронзовых изделий, но почти полностью отсутствуют каменные орудия. К раннему периоду бронзы относятся следующие памятники: нижний культурный слой Сопхохана, нижний (первый) культурный слой Хверён, Одон (здесь выявлено 4 культурных горизонта), первый культурный слой Саньтицзы, Сяоиньцзы около Яньцзы и каменные гробницы Чангунсана на Ляодуне. Самый ранний этап представлен нижним культурным слоем Сопхохана, затем следует первый культурный слой Одона.

Каменный инвентарь сходен с Яньцзы, а скульптура напоминает кондонскую. Сосуды по формам близки яншаоским глиняным изделиям. Для орнаментики сосудов ранней бронзы характерно исчезновение гребенчатого узора. Примечательная черта – появление больших орудий из сланца. Для жилищ примечательна четырехстолбовая конструкция (это в особенности четко прослежено в Одоне). Погребения встречаются как под землей (грунтовые?), так и в каменных ящиках (в Яньцзы, например). Для орнаментики сосудов из Саньтицзы характерны налепные вертикальные валики, а также «шишечки». Многие сосуды лишены узора. Примечательны сосуды с низким поддоном. Среди каменных орудий выделяются прямоугольные в сечении топоры. Могильники – коллективные, с обширной каменной наброской сверху, под которой рядами располагаются индивидуальные погребения. Из примечательных находок следует отметить флейту, такую же в точности, как известные в Корее по этнографическим сборам. Сопхохан – особенно интересный памятник: поселение здесь располагалось на берегу большого озера.

К поздней поре бронзового века относится большое количество памятников. Охарактеризовать все нет возможности, поэтому расскажу о наиболее выразительных, открытых главным образом в бассейне реки Туманган. Если систематизировать наши знания, то выяснится следующая картина: на стоянке Сопхохан выявлено 5 слоев неолита, а выше их располагаются два горизонта бронзового века. На поселении Одон зафиксировано 4 культурных слоя, а на стоянке Помый Кусок (Тигровая Падь), начиная с неолита, – 7 слоев. Все эти памятники позволяют представить характер культуры бронзы на берегах Тумангана. Последовательность этапов следующая: Сопхохан VI (до этого 5 неолитических слоев), Одон (слой 1), Помый Кусок (слой 1; датируется как Сопхохан VII), Одон (слой 2), Помый Кусок (слой 3) и Одон (слой 3), Помый Кусок (слой 4), Помый Кусок (слой 5; датируется как слой 4 Одона), Помый Кусок (слой 6), Помый Кусок (слой 7). Памятники до слоя 1 Одона включаются в пределы II тыс. до н. э. Слой 3 Помого Куска и слой 3 Одона относятся к концу II – началу I тыс. до н. э. Слой 5 Помого Куска датируется VI–V вв. до н. э. В слое 7 Помого Куска найдены ножевидные монеты III в. до н. э. Раньше считалось, что

ножевидные монеты были распространены только в Китае. Эта находка свидетельствует о том, что такого типа деньги использовались и на территории Кореи.

Остановимся несколько подробнее на слоях 2 и 3 памятника Помый Кусок. В слое 2 при раскопках обнаружены 4 жилища, в каждом из которых выявлено по 4 столба. Глубина котлована жилищ № 1 составляет 6,0–1,7 м. Среди находок много каменных орудий, изготовленных из обсидиана. Сначала употреблялись оббитые изделия, а затем появилось много шлифованных. Наконечники стрел изготавливались из обсидиана или шифера. Количественно они приблизительно равны. Найдено множество полулунных ножей, изготовленных из шифера (жатвенные инструменты). В изобилии встречаются большие глиняные сосуды (высота их достигает 60–70 см; по форме они бочковидные). Иногда в одном жилище встречается до 10 сосудов такого типа. В сосудах подобной разновидности в жилище № 15 найдены зерна гаоляна. Из него готовили пышный хлеб. Зерна чумизы найдены в четырех жилищах. Во втором слое Одона обсидиановые орудия исчезают, а поверхность сосудов покрыта красной краской. Более не встречаются короткие треугольные наконечники стрел. Они заменяются длинными. В слое 3 Помого Куска и в Одоне раскопаны жилища с фундаментами, выложенными из камня. Сначала встречаются две линии фундаментов, идущих парами (возможно, речь идет о выкладках – подставках под столбы?). Все это характерно для первой половины I тыс. до н. э. В пределах провинции Пхёнан по долинам Тэдонгана и Черёнгана обнаружены выразительные памятники, характерные для II тыс. до н. э. (стоянка Кымтханни, слой 3; Синьчён района Цымхындо).

Остановимся немного на характеристике культуры первой половины I тыс. до н. э. На поселении Сопхохан не обнаружены оббитые орудия, а только шлифованные. Для столбовых конструкций жилищ не выкапывались ямки. Столбы ставились прямо на землю. Количество столбов «без фундамента» достигает 120. Их месторасположение определяется по обуглившимся остаткам дерева. Они занимают участки до 60–70 см. Все это наблюдалось при исследовании слоя 8 памятника Помый Кусок. Могильники этого времени коллективные, перекрытые сверху присыпкой из галек. Мужские погребения обычно перекрываются большим камнем (плитой?). Среди находок имеются полулунные ножи (из сланца), каменные топоры и ступенчатые тесла.

Эпоха Древней Кореи (Чосон). Чосон – первое государство нашей страны. Оно занимает важное место в эволюции Кореи как в культурном, так и в экономическом плане. В 1963 г. тов. Ким Ир Сен сказал: “Необходимо исследовать историю Древней Кореи... В области исторической науки нужно исследовать не только капитализм, но и разрешать вопросы, которые касаются Древней Кореи, рабовладельческого общества, антропологии и дать оценки так называемого «реалистического течения»”. Сейчас созданы хорошие условия для успешного решения поставленных проблем. Есть и методологические ориентиры для исследовательской работы. За 10 лет труда мы преуспели во многом и сделали шаг вперед. У нас имеются находки, которые относятся к началу I тыс. до н. э. Однако, поскольку центром Кореи того времени был Ляодунский полуостров, материалов в нашем распоряжении не так уж много, чтобы вести широкие исследования. Находки происходят главным образом из могил. Они систематизированы следующим образом: могильник Кансан (Ганшан) датируется VIII–VII вв. до н. э.; могильник Лусан (Лоушан) – VII–VI вв. до н. э.; могильник Варёнчён (Волунцюань) – VI–V вв. до н. э.; могильник Ингачен (Иньцзяцунь) – V–IV вв. до н. э. В Кансане, при раскопках могильника с каменными насыпями, над погребенными обнаружено жилище, материалы из

которого близки находкам из Саньтицзы (слой 3). Анализ изделий показал, насколько большое различие существует между Саньтицзы и могильником Кансан. Хронологически и стратиграфически они несовместимы. После того, как жилища типа Саньтицзы были заброшены, поверхность заровняли, и там появилось кладбище. Следовательно, Саньтицзы относится, по крайней мере, к концу II тыс. до н. э.

В эпоху Древней Кореи господствовала в основном культура бронзового века. Не случайно на памятниках этого времени обнаружено множество бронзовых орудий: наконечников копий, кинжалов и т. п. Среди изделий из камня встречаются булавы. Остановимся подробнее на могильнике Кансан. Культура этого типа, как сейчас становится ясно, распространена по всей территории полуострова. Размеры могил неодинаковы: очень обширные (в них погребены представители знати), меньшего размера, но с богатым инвентарем; встречаются также небольшие погребения со средним количеством находок (в них погребены простые представители свободного населения). Обнаружены также погребения, которые рассматриваются нами как захоронения рабов. По находкам в могилах можно наглядно представить, каким было социальное размежевание населения Древней Кореи.

Могильник Кансан располагается на холме, длина которого 40–50 м, а высота чуть меньше 10 м. Вершина возвышенности была намеренно срезана, чтобы разместить там могильник. Размер пространства могильника, заваленного камнями, составляет 20×28 м. Подразделяется он на три части: 1) наиболее обширное место занимала большая могила и ряд секций с могилами среднего размера; 2) одна могила меньшего размера, по сравнению с упомянутой выше, и мелкие могилы; 3) коллективные погребения (в них захоронены от 7–8 до 17–18 человек). Иногда погребальные камеры завалены множеством сожженных костей. Возраст захороненных людей самый различный. Попадаются и младенцы. Я не исключаю, что такие могилы представляют собой коллективные захоронения с последующим сожжением погребенных (?). В центре могильника располагалось захоронение № 7, в котором лежали останки трех человек. Остальные погребения были коллективными. Они располагались вокруг центральной могилы, возможно, там захоронены рабы. Подчиненность одних другим очевидна из самого расположения могил. К тому же, захоронения, помимо центральных, не отличаются обилием инвентаря. Среди обычных находок в рядовых погребениях наиболее часты пряслица, а в некоторых могилах обнаружены украшения из меди и литейные формы. При анализе конструкций могил удалось установить, что некоторые из них нарушались (грабились?). Обнаружены также погребения лишенные находок.

Раскопки в Кансане на Ляодуне производились совместно с китайскими археологами в 1964 г. Результаты раскопок до сих пор в полном объеме не опубликованы. О них имеются только заметки хроникального типа. Культура, о которой я рассказал вам, распространена от Пхеньяна до Порт-Артура. Среди характерных для нее вещей в особенности примечательны и впечатляющи кинжалы с навершиями. Они встречаются только в ареале культуры Древней Кореи».

Чён Чхан Ён: «Теперь приступим к характеристике следующего культурного этапа, который охватывал приблизительно 300–400 лет, т. е. продолжался до середины I тыс. до н. э. Хронологически вслед за Кансаном следует Лусан. Этот могильник расположен в 500 м от Кансана. Его нашли школьники, а в 1960 г. обследовали археологи. Незначительные по масштабам раскопки провели в Лусане работники исторического музея города Порт-Артура. Они мало что дали. В 1963–1964 гг., во время совместных с китайцами

археологических работ, Лусан был полностью раскопан. По особенностям устройства у него много общего с Кансаном, хотя следует отметить более строгое расположение отдельных частей. Могильник занимает площадку, с востока на запад протянувшуюся на 30 м, а с юга на север – на 25 м. Как и в Кансане, могила сооружена из камней, а на дно уложена плита известняка. Однако следует подчеркнуть, что имеются и отличия. Всего при раскопках найдено 10 могил. Центральное место среди них занимают погребения № 1 и 2. В них обнаружены остатки трупосожжений. Количество находок обильно. Среди них есть изделия из бронзы, а также керамические сосуды. Каменных орудий мало. Орудия из меди отличаются типологическим совершенством при сравнении их с находками подобного типа из Кансана. В список наиболее важных изделий можно включить следующие: 9 кинжалов из меди, 2 топора (кельта?), 3 долота, 2 ножа, 2 сверла, 2 наконечника стрел, головки от зонтика, пряжки от сбруи (?), колокольчик от той части сбруи, которая одевалась на головку коня. В могилах найдено множество всевозможных украшений. Приходится в связи с этим пожалеть, что большое количество изделий из бронзы, а также, вероятно, других вещей растащили китайские школьники в то время, когда они копались на территории могильника.

Что касается найденных при раскопках вещей, то о них можно сказать следующее. Керамика из Лусана сходна с кансанской. На поверхности сосудов встречаются грибовидные налепы. Однако обнаружены также сосуды, отличные от кансанских. Они украшены параллельными линиями геометрического орнамента. Такого же рода керамика найдена в Ингачене (Иньцзяцунь), о чем речь пойдет далее. Бронзовые кинжалы Лусана отличаются примечательными особенностями: их внешний вид иной, а рукоятки изготовлены из металла. Эти признаки в дальнейшем закрепились. В культуре много общего, но много и отличий при сравнении с Кансаном.

К более позднему времени относятся погребения могильника Варёнчён. Здесь при раскопках обнаружены 4 “волнистых” (с фигурными лезвиями) кинжала и литейная форма. Тем же временем следует датировать Муянчэн, хотя японцы, которые раскапывали этот памятник, “омолаживают” его возраст. Все дело в том, что находки из данного могильника можно разделить на два хронологических этапа, а каждый их них, в свою очередь, – на два периода. Могилы, которые японцы относили к самому раннему времени и датировали III–II вв. до н. э., следует отнести к IV в. до н. э. Могилы одного из ранних периодов датируются V в. до н. э. Они примечательны спецификой. В Юнганчёне, как и в могиле № 12 Муянчэна, отсутствуют признаки трупосожжений. Вокруг погребенных, а также поверх них, навалены большие камни. Около головы ставили обычно сосуды, а также клали булавы и кинжалы. Эти могилы важны потому, что они по времени располагаются на рубеже II и I тыс. до н. э. Такое заключение можно доказать следующим образом: найден кинжал переходного типа от “волнистого” к “видоизмененному” (прямой, без выемок на лезвии?); керамика изготавливалась на гончарном круге; форма и орнамент на сосудах таковы, что могилы следует датировать рубежом II и I тыс. до н. э. Что касается территории распространения культуры такого типа, то характерные для нее кинжалы встречаются, помимо Ляодуна, в районе Мукдэна, около Пхеньяна и далее в сторону юга полуострова. Материалы из Лусана (Ляоянцзы?) китайцы опубликовали в “Каогу” (№ 8, 1960 г.). Они писали, что нашли монеты. Но, как нам удалось установить, в Кансане найдены монеты другого вида – *учжу*. Поэтому возникает вопрос: из могил ли происходят деньги? Нам кажется, что следует датировать могилы III–II вв. до н. э., а остальные находки попали в слой позднее».

Пак Чин Ук (заведующий сектором): «Финальная эпоха Древней Кореи подразделяется на два периода. Памятники этого времени открыты от долины р. Кимцаньган в провинции Северная Пхёнан до района Ляоси в Китае. Могильники и жилища обнаружены также в Сечхонни – Ренгабо (около Пусана) и южнее р. Чхончхонган (?). Для культуры поздней поры Древней Кореи характерны узкие бронзовые кинжалы и сельскохозяйственный инвентарь нового типа. Широкое распространение получили также монеты типа *миндао*. Раньше считали, что они встречаются только в Северном Китае. Сейчас нам стало ясно, что на территории распространения культуры Древней Кореи они при раскопках и подъемных сборах попадаются во множестве. По нашему мнению, эти монеты отличались от тех тем, что имели хождение в самом Китае. Вообще, можно привести множество аргументов, подтверждающих идею отличий в характере культур Древней Кореи и Китая одного и того же времени.

Упомянем главное – в зоне господства населения Древней Кореи не обнаружены специфические сосуды типа *ли*, которые в изобилии встречаются в пределах Китая. Сосуды из металла у корейцев также иные. Стоянки финального этапа Древней Кореи обнаруживают большое сходство с таким ранним по типу памятником как Ингачен. Много встречается керамики коричневого цвета. Кинжалы из бронзы обнаруживают много общего, но есть и различия. Они более узкие, но все же нет по-настоящему узких кинжалов. Южнее Чхончхонгана найдены узкие кинжалы, но там отсутствуют монеты *миндао*. По монетам памятники следует датировать III–II вв. до н. э.

Рассмотрим вопросы, связанные с распространением узких кинжалов. Они обнаружены южнее Чхончхонгана, в южной части провинции Южная Хамгён и далее до берегов Южного моря (побережье Корейского пролива). Встречаются они также на территории Японии. Культура узкого кинжала называется там культурой *яёй*. Такие кинжалы найдены, кроме того, в Хверён, на берегах Тумангана и далее в пределах районов Приморья (в частности, на горе Известковой в долине р. Майхэ). На одном из таких изделий, найденном в Корее, выявлена надпись, гласящая следующее: “Казенное копье, принадлежащее семье короля Хаджоюна”.

При раскопках обнаружены типичные для ханьской эпохи бронзовые зеркала, характерные части телег, в том числе металлические детали, сквозь которые продевали вожжи, ступицы, навершия на ось, колокольчики, предназначенные для увеселения седока и поторапливавшие коня.

Керамика изготовлялась ручным способом или на гончарном круге. Ее наиболее распространенные формы такие: в виде цветочного горшка с отогнутым венчиком; “пузатые” с высокой или низкой шейкой.

Могилы подразделяются на три типа. К первому относятся погребения из плит в Чхонгонни (уезд Сохын, провинции Хванхэ), могилы без плит из Сонсанни (уезд Понсан, провинции Хванхэ). По конструкции такие могилы близки погребению № 12 Юнгачёна: здесь тоже при сооружении гробницы употреблялись камни. Для могил второго типа нехарактерно использование камней. Погребения такого рода раскопаны в Хаседоне (уезд Синчхан, провинции Южная Хамгён) и в районе Сонсанни (провинция Южная Хванхэ). К этим же группам погребений относится захоронение из Пудонни, где и был обнаружен “казенный кинжал семьи короля”. В могилах третьего типа размещался гроб, сколоченный из деревянных досок. В него и помещали умершего вместе с сопровождающим инвентарем. Такие могилы во множестве найдены в Пуджоегуне у поселка Чонбэкдон и в Наннане около Пхеньяна. Погребения первого типа да-

тируются III в. до н. э. В них обнаружено большое количество изделий из бронзы, а также иногда попадаются железные вещи. Могилы второго типа датируются II в. до н. э. Для них характерно изобилие железных инструментов, но встречаются также изделия из стали. Захоронения третьего типа относятся к I в. до н. э. Среди находок абсолютно преобладают изготовленные из железа, а что касается бронзы, то она применялась при отливке предметов религиозного назначения. Детали арбалета обнаружены только в погребениях третьего типа. Интересно, что встречаются арбалеты, украшенные золотой фольгой.

Культурная преемственность с предшествующим этапом истории Древней Кореи не вызывает сомнений, ибо инвентарь могил IV в. до н. э. имеет определенное сходство с вещами из могил III в. до н. э. Примечательно, в частности, и то, что и в том, и в другом случае погребение совершалось в сооружениях из камней. Украшения "культуры кинжалов узкого типа" обнаруживают много сходства с украшениями "культуры фигурного кинжала". С этой точки зрения интересны ажурные ножны: у нас нет сомнений, что первая культура происходит из второй, продолжает ее. В могилах III в. до н. э. обнаружены вещи, которые позволяют установить точную дату. К ним, в частности, относится деталь от зонта, которая датируется 13 г. до н. э., и еще одна вещь, время изготовления которой – 56 г. до н. э.

Особо следует остановиться на сооруженных из кирпича могилах, в которые были помещены деревянные гробы. Они раскопаны в районе Наннана, около г. Пхеньян. Из-за особого характера этих гробниц японские археологи считали их в свое время китайскими. В них, как они писали, похоронены китайцы эпохи Хань. Мне кажется, подобные взгляды неверны. Первый аргумент, который можно привести, опровергая вывод японцев, заключается в том, что устройство кирпичных могил сходно с устройством погребений третьего типа (они датируются, как указывалось, I в. до н. э.). Можно отметить, впрочем, одно несоответствие – увеличенные размеры деревянного гроба в так называемых "китайских могилах". Что касается находок, то примечательно сходство керамики в тех и других погребениях: сосуды, главным образом, «горшечные». Подразделяем их на четыре варианта. Три из них относятся к бронзовому веку, а один – к железному. Первый культурный слой датируется первой половиной II тыс. до н. э., второй – второй половиной II тыс. до н. э., третий – концом II – началом I тыс. до н. э. Слой, относящийся к железному веку, датирован XII–X вв. до н. э. Пятый слой памятника Помый Кусок (Тигровая Падь) датирован XII–X вв. до н. э. Это и есть начало железного века Кореи. Китайцы утверждают, что у них железо появилось в то же время, но нет конкретных материалов, подтверждающих это, или они не опубликованы. В связи с появлением железа количество каменных орудий уменьшилось. То же касается и костяных инструментов. В пятом культурном слое памятника Помый Кусок мало орудий из камня, в основном они изготавливались из железа. К таковым относятся топоры (кельты?) и ножи. В шестом слое железных орудий много – топоры, серпы, рыболовные крючки. Возможно, появление железа в Корее относится к более раннему времени, чем XII в. до н. э. Сейчас ясно одно – наши железные изделия старше, чем найденные в Китае. К периоду возникновения государственности в Корее, т. е. к эпохе Чосон (X–IX вв. до н. э.), железо широко распространилось по стране. На памятниках, однако, столь же многочисленна и бронза. Почему? Это связано с тем, что бронза сначала по качеству превосходила железо. Вообще, бронзолитейное производство в Чосоне стояло на очень высоком уровне. В то же время в других местах (Восточной Азии?) оно было менее специализированным, и оттого качество

изделий не отличалось совершенством. Местонахождений меди в Корее много, а олово, возможно, доставлялось со стороны.

Относительно других вопросов. В бассейне р. Туманган обнаружены следующие типы могил: каменные ящики (иногда с перегородками, но это не так существенно); грунтовые могилы. Что касается племен, то нужно учитывать, какие традиции устойчивы в способах погребений и в типологии керамики, каковы предметы быта, как устроены жилища. Восточнее бассейна р. Ляохэ и южнее р. Сунгари встречаются как дольмены, так и каменные ящики. Культуры, следовательно, развивались смешанно. Там же обнаружены могилы из простых камней. Что касается грунтовых могил, то метод их устройства прост и, может быть, поэтому они встречаются повсюду. Изучение их мало что дает.

Керамика важна, а ее орнаментика – в особенности. Для корейского неолита характерны гребенчатые узоры. По различным регионам они отличаются, но основной тип орнаментации для всей культурной области один. Для бронзового века Кореи в особенности типична керамика коричневого цвета. Самая главная ее черта – отогнутый наружу венчик. В эпоху бронзы такого типа керамика была распространена по бассейнам рек Сунгари, Ляохэ, Туманган и Тэдонган. Жилища по районам различаются, но их характерные черты следующие: прямоугольная яма, а в ней – три линии столбов; в центре прослеживается система столбов, которые поддерживали крышу. Кинжалы для всего района одинаковы.

В общем, для всей этой территории характерно однотипное население. Разделение на племена произошло после продолжительного обитания в указанном ареале. Территорию, заключенную в пределах южнее Сунгари и восточнее Ляохэ, наши археологи рассматривают как область, где проживали предки корейского народа. Исходя из единства языка и образа жизни государства Когурё, Сила, Пэкче и население Восточного Ляодуна нужно рассматривать как древнекорейское.

Еще несколько слов о погребениях. Каменные ящики появились в первой половине II тыс. до н. э., а исчезли до первой половины I тыс. до н. э. Они встречаются повсюду. Дольмены появились в середине II тыс. до н. э. и сосуществовали с каменными ящиками. Дольмены открыты на берегах Тумангана, в верхней части течения Ялуцзяна и южнее Сунгари, где их почти нет. Погребения в кувшинах характерны для “культуры узкого кинжала”. Для захоронений использовались волчкообразные сосуды. Культура *яёй* Японии происходит от культур материка, т. е. от культур Корейского полуострова. Не случайно три типа и вида “узких кинжалов” выявлены также в *яёй*. Правда, здесь их изготавливали несколько более массивными, но этот признак нужно рассматривать как следствие дальнейшей эволюции “узкого кинжала”. Японские археологи считают, что “фигурные кинжалы” появились после узких. Но материалы, полученные при раскопках в Корее, свидетельствуют об обратном. Японские археологи признают сейчас, что культура *яёй* сначала появилась на севере Кюсю, а затем распространилась на восток Японии. Если это так, то все указывает на близость изначального *яёй* Корейскому полуострову. В связи с возможной миграцией носителей культуры *яёй* примечательно открытие сосудов с изображенными на них лодками с веслами. Следовательно, переселение морем из Кореи на Японские острова было в те времена предприятием вполне осуществимым. Судя по антропологическим данным, коренное население Японии того времени было на 5 см ниже тех, кто представлял культуру *яёй*. Далее произошло смешение. Переселение из Кореи в Японию продолжалось, по крайней мере, до XII в. н. э. Иначе не объяснишь, каким образом японцы переняли так основательно культу-

ру “Трех царств” Кореи. Об этом свидетельствует открытие в Нара могилы с фресками когурёского типа.

Давайте продолжим разговор по проблемам первобытной археологии. Поговорим подробнее по вопросам археологии, начиная с эпохи неолита и до бронзы. Пусть будет непринужденная обстановка, а беседа свободной. Мы будем интересоваться достижениями вашей археологии, задавать вопросы».

А. П. Окладников: «Интересен нижний культурный горизонт Кульпхо. На какой глубине располагаются находки, и что говорят археологи о стратиграфии? На какой площади собран этот материал?»

Ким Ён Ган: «Поселение в районе Кульпхо располагается около склона возвышенности. При раскопках сначала были зафиксированы культурные горизонты эпохи неолита и бронзы. Палеолитические изделия залегали на глубине 3 м от поверхности. Однако следует учитывать, что при эрозии склона водные потоки смыли значительное количество рыхлых отложений. Поэтому первоначально оббитые камни донеолитического времени залегали на большей глубине. Упрощенная стратиграфическая схема местонахождения следующая: сверху залегает песок, затем следует пласт с раковинами (раковинная куча?), под ним прослежен горизонт с верхнепалеолитическими находками, а еще ниже – слой с еще более древними культурными остатками. Стратиграфическая колонка подстилается пластом галечника.

Что касается времени отложений, то работы в Кульпхо продолжаются, а геологи ведут дискуссии. Они высказывают разные точки зрения по вопросу датировки слоев с палеолитическими орудиями. Одни считают, что все это верхний плейстоцен, другие склонны датировать более ранним временем – средним плейстоценом. Но пока единого мнения нет. Некоторые считают, что в этот период господствовал жаркий климат, но есть и другие мнения. Мы пытались также провести спорово-пыльцевой анализ, однако результаты пока не получены. Вообще, на Тумангане распространены отложения, напоминающие лёссы. Я не согласен с тем, что нижний горизонт формировался в период господства в Корее жаркого климата. Думаю, что плейстоцен в Кульпхо – верхний.

Площадь раскопа палеолитических горизонтов составляет примерно 50–60 м^2. Из культурных комплексов заслуживают внимания остатки шалаша (?) и наковальня с расположенными около нее обработанными камнями. Часть коллекций Кульпхо хранится в музее, но наиболее выразительные изделия вы можете посмотреть здесь. В качестве наковальни использован камень иной породы, чем сырье, которое применялось для изготовления инструментов. На поверхности наковальни отчетливо видны выбоины. Наковальня большого размера, поэтому мы оставили ее на месте и не привезли в Пхеньян. Среди орудий имеются чопперы. В обработке камня можно выделить две стадии – грубая оббивка и затем легкая подправка».

Ким Син Кю (палеонтолог): «Я хочу остановиться несколько подробнее на памятнике Санвон. Кости были открыты в пещере во время строительных работ в марте 1966 г. Она расположена недалеко от Пхеньяна, в уезде Санвон, на 3 км западнее уездного центра, там, где в районе села Хыури («Черный участок») проходит горный хребет. От него отходят три отрога, в конце которых располагается холм, называемый “Гора колодца” (когда в округе не хватает воды, то крестьяне берут ее здесь). Высота холма 117 м, а высота памятника над уровнем моря 15–17 м. При разработке пласта известняка на склоне этой возвышенности обнаружен слой красной глины (протяженность 30 м). У подножия горы протекает р. Санвонган. Здесь 50 лет назад находилось место для лов-

ли рыбы. Красная земля некогда располагалась внутри пещеры с двумя входами. Когда специалисты осмотрели пласт красной земли, то у них создалось впечатление, что в далеком прошлом в пещере могли жить люди.

После определения фаунистических остатков выяснилось, что ископаемые представлены 29 видами животных, среди которых особого внимания заслуживали кости носорогов, лошадей, оленей и водяных буйволов. Тридцать процентов всей фауны – кости носорога Мерка. Остатки непарнокопытных составляют 50 процентов. Среди них выделяется большерогий олень, похожий на пятнистого оленя. Сам по себе набор животных, парнокопытных и непарнокопытных, свидетельствует о том, что на них, вероятно, охотились люди. Вот почему фаунистические остатки и обнаружены в древней пещере. В целом фауна свидетельствует о глубоком возрасте красной пещерной глины. Действительно, вымерших животных в ней найдено более половины, в то время как в Чжоукоудяне они составляли всего лишь 30 процентов. Поэтому мне кажется, что Санвон древнее Чжоукоудяня-1. Лошадь в нашей пещере напоминает отчасти лошадь Стенона, но в ней уже прослеживаются признаки более развитого вида. Она отличается и от саньмэньской лошади, поэтому корейские палеонтологи назвали ее *банвонской лошадью*. Гиена из Санвона напоминает гиену… (?) – кости принадлежат только этой разновидности, которую мы назвали "короткомордой". В пещере Чжоукоудянь найдены остатки двух разновидностей гиен – пещерной и … (?), а у нас только… (?), что также свидетельствует о раннем возрасте Санвона. В других, более поздних палеолитических местонахождениях страны гиена исчезает полностью, но появляется ее "пещерная" разновидность.

Думаю, что Санвон древнее Чжоукоудяня-1. Такой вывод подкрепляется следующими фактами. Большерогий олень из Санвона совпадает по особенностям с большерогим оленем Чжоукоудяня-13 (у оленя с Чжоукоудяня-1 челюсть более массивная, чем у оленя с местонахождения № 13). Лошадь Стенона характерна не только для третичного периода. Как теперь стало ясно, она продолжала существовать до среднего плейстоцена. Носорог Мерка появился в нижнем плейстоцене и продолжал существовать достаточно долго. В Санвоне найдены также кости слона, но поскольку скелет его представлен только остатками конечностей, то к какой разновидности он относится – сказать пока невозможно. Согласно данным коллагенового метода, Санвон следует датировать концом нижнего – началом среднего плейстоцена».

Чу Ён Хён (заместитель директора Института археологии по науке): «Перейдем теперь к беседе относительно особенностей культуры Когурё и Бохая. Товарищ Ким Ир Сен говорит: "В историческом прошлом нашей страны было такое время, когда наша нация была сильнейшей. Это время Когурё".

Государство Когурё существовало около 800 лет – с I в. до н. э. до 668 г. н. э. Люди Когурё отличались крепкой волей, активным образом жизни. С юных лет они любили ездить на конях, усердно тренировались в стрельбе из лука. Они любили повышать мастерство в военном искусстве. В конце концов, все это вместе взятое усилило могущество государства. Когурё унаследовало достижения предшествующих государственных образований Кореи – Чосона и Пуё – и слилось с передовой мировой культурой. Короче говоря, время Когурё – это эпоха в истории Кореи, когда мощь государства была могуча, а культура получила всестороннее развитие».

Чан Сан Ёль (заведующий сектором): «Я могу кое-что добавить к сказанному. Возможность вести по-настоящему исследовательскую работу мы получили после освобождения. Товарищ Ким Ир Сен указал нам принципиальный курс и определил пути, по которым

должны вестись исследования. Ким Ир Сен лично способствует проведению научно-исследовательской работы – выделяются средства, определяются методы. Товарищ Ким Ир Сен неоднократно посещал памятники эпохи Когурё и на месте лично руководил работой.

Важный этап в истории нашей науки – создание во время войны Академии. После войны тов. Ким Ир Сен лично направлял отряды на раскопки и разработал широкий план исследований. Он не один раз посещал дворец Анак, гору Тэсонсан, могилы Цимпори, Кансо, место погребения Мичхон вана».

Ким Чон Хёк: «Товарищ Ким Ир Сен около десяти раз посещал гору Тэсонсан и указывал конкретно, как вести исследования и осуществлять реставрационные работы. Сотрудники Академии общественных наук благодаря теплой заботе вождя под знаменем идей чучхэ ведут широкую работу в области археологии. Мы вели исследования как на территории нашей страны, так и в Маньчжурии. Я лишь вкратце остановился на том, как тов. Ким Ир Сен заботился о развертывании археологических исследований».

Чу Ён Хён: «Поговорим сначала о крепостях».

Чан Сан Ёль: «Крепости эпохи Когурё подразделяются на горные и городские. Сначала расскажу о горных крепостях. Их много на территории страны. Они могут рассматриваться как своего рода символ для устрашения иностранных агрессоров. Обилие крепостей не случайно – наша страна веками страдала от иностранной агрессии. Горные крепости играли важную роль в развитии Когурё как могучего государства. Мы много работали для изучения их устройства. Среди наиболее важных горных крепостей можно упомянуть следующие: Тэсонсан – в районе Ёнори уезда Тэчхон, Пэнма (Белый конь) – в районе города Ыйчжу, Чамо – в уезде Сунчжон, Винамсон – около Цзиань, горная “Крепость пяти девушек” и множество других.

Горные крепости располагались их строителями в стратегически наиболее важных местах. Они связаны друг с другом и образуют своего рода оборонительные линии столицы. Так, западнее долины р. Ляохэ находилось 10 крепостей, назначение которых – наносить упреждающий удар по врагу. Далее прослеживается цепочка приграничных крепостей, а также оборонительных пунктов, с помощью которых решались разного рода тактические задачи. Ближе к столице возводились горные крепости-спутники. Они защищали столицу, с какой бы стороны света не появился агрессор. Топография горных крепостей такова, что штурмовать их необычайно трудно, но защищать легко. В то же время, они возводились в таких местах, где вблизи можно создать достаточно обширную зону для продуктового и прочего обеспечения военных гарнизонов. Как правило, места, где возвышались стены горных крепостей, представляли собой ключевые пункты транспортных артерий страны. Строители превосходно использовали особенности природного окружения, чтобы обеспечить надежную оборону крепостей. Для строительства их одновременно определялись такие места, чтобы в случае опасности на территории укрепленных пунктов могло укрыться большое количество населения. Стены сооружались из превосходно подогнанных друг к другу камней.

Для горных крепостей характерно наличие большого количества фортификационных сооружений. Ворота укреплялись “двойной защитой”, стены – башнями и “ячейками” для стрелков из луков, что обеспечивало перспективный обстрел угрожаемым участкам оборонительной линии. Вообще, горные крепости в значительной мере совершенствовались в эпоху Когурё. Строители передавали свое мастерство и достижения из поколения в поколение и усовершенствовали свое фортификационное искусство в такой степени, что оказывали влияние на этот раздел градостроительства за рубежом».

Ким Чон Хёк (заведующий сектором): «Что касается городских крепостей, то они хронологически подразделяются на ранние и поздние. Классические образцы тех и других представлены крепостями Цзиань и Анхаккун. Помимо изучения самих крепостей, многое для уяснения их устройства дает анализ фресок, среди росписей которых встречаются рисунки внешнего вида городов. Так, в Сунчхоне обнаружена стенопись с изображением Ляодунской крепости. Ее тоже построили когурёсцы, поскольку Ляодун, как и район бассейна Ляохэ, входил в состав государства Когурё.

Относительно различий между горной и городской крепостями можно сказать следующее: в равнинном укрепленном городе башни располагались внутри (?) его границ. Это связано с тем, что штаб обороны находился не на стене, а внутри поселения. Отличается также расстояние между крепостными стенами и дворцовыми постройками: у равнинной крепости оно меньше. В качестве образца поздних равнинных крепостей можно рассмотреть Пхеньянскую. Во внутренней ее части находились строения, в которых жили ван и его семья. Вне центральной части обитали простые жители и представители аппарата управления феодальной верхушки (юго-западный район города). Северный участок крепости предназначался для ведения боевых действий в случае осады города врагами. Поскольку у древнего Пхеньяна была еще внешняя линия обороны, которая гармонически сочеталась с укреплениями самого города, то столица, по существу, оставалась неприступной. Когурёские города производили сильное впечатление своим грозным величием. Сила государства была значительна, и потому, как отражение этого факта, так величавы были его города.

Особого внимания в связи с этим заслуживает также знакомство с оружием когурёсцев. Товарищ Ким Ир Сен в трудные годы военной поры указывал следующее: “Наша нация может гордиться развитой военной техникой. Наши предки 2 000 лет назад изобрели «станок» (?) для стрельбы из лука, а Ли Сунсин построил *кобуксон* (корабль, обшитый железными листами)”. Корейские археологи имеют сейчас в своем распоряжении большое количество материалов по оружию Когурё. Подлинные изделия обнаружены при раскопках памятников, а если к этому добавить фрески в гробницах, где среди рисунков можно выделить большое количество соответствующих изображений, то ясно, какие благоприятные перспективы открываются для изучения темы “Оружие эпохи Когурё”.

К оружию дальнего действия относится лук. Изображения его многочисленны на фресках. Части луков в изобилии обнаружены при раскопках. Лучшие изображения луков выявлены среди деталей стенописи могилы Мичхон вана (Анак III), могилы в Яксури и Цзиани. Когурёские воины славились как отличные стрелки из лука. Из летописей известен рассказ о том, как лучник поразил в глаз главаря армии, вторгнувшейся в пределы Когурё. Воины Когурё также использовали в сражениях арбалеты, унаследованные от эпохи Чосона (арбалеты появились в Корее в XI–X вв. до н. э.).

К оружию ближнего боя относятся копья, крючья для стаскивания с седел конных воинов, сабли с “кольцом” (?), топоры. Меч с двулезвийным клинком называется *ком*, а орудие с одним лезвием – *то*. Чаще всего когурёсцы использовали рубящее оружие с прямым лезвием, а изделия с округлым лезвием встречаются значительно реже. При атаках на крепости, а также при защите их в случае осады, воины Когурё использовали баллисты, с помощью которых метали каменные ядра. Для разрушения городских ворот и крепостных стен применялась *чумча* (букв. “ударная телега”)».

Чан Сан Ёль: «Несколько слов скажу о защитном снаряжении, которое использовалось воинами в сражениях. К нему относятся шлемы, панцири и специальное пред-

охранительное одеяние для лошадей. Качество всего этого снаряжения превосходно. Это произведения великолепных когурёских мастеров».

Чу Ён Хон: «В хорошем качестве и своеобразии боевого снаряжения заключается преимущество воинов Когурё. Следует также учитывать тот факт, что главный род войск Когурё – конница. Вот почему такое внимание уделялось защите лошадей. Воины Когурё отлично освоили стрельбу из лука с седла лошади. В то же время китайцы могли стрелять только с колесниц, а они не такие маневренные и подвижные, как отдельные всадники. Надо к тому же учитывать, что лук Когурё (*хваль*) хоть и меньше по размерам по сравнению с китайским, но мощнее последнего, а следовательно, стреляет дальше. О своеобразии и оригинальности лука Когурё свидетельствует то, что среди военных терминов китайцев есть специальный, обозначающий когурёский лук, – *мэккунь,* "лук Когурё". Это лук, отличающийся особой мощностью. Из него часто выпускали стрелы со свистульками, которые издавали устрашающий свист, призванный навести ужас на врагов. Наконечники копий делали в Когурё вместе с крючьями, с помощью которых воины стаскивали с седел врагов.

С раннего периода Когурё появляется "защитная одежда". В нее облачались, готовясь к сражениям, воины и одевали коней. На востоке когурёские воины стали использовать панцири и броню для лошадей. Всадник не применял для защиты тела щит, поскольку в этом не было никакой нужды, т. к. весь он, от волос до ногтей, был закрыт "защитной одеждой". Воин выглядел в ней как рыба в чешуе. Это первый и достаточно древний вид "защитной одежды": она, возможно, существует, начиная с эпохи бронзы. Позднее появилась "одежда" из крупных составных частей – блоков. Первый тип "брони" в особенности удобен для конных воинов, а по характеру она близка национальной корейской одежде обычного вида. История ее весьма давняя. Катафрактарий, например, появился в середине IV в. н. э., т. е. со времен Мичхон вана (его конные воины изображены на стенной росписи верхом на лошадях, облаченных в броню). Но если к этому времени широко распространились катафрактарии, то отсюда можно сделать вывод, что "защитная одежда" для людей появилась значительно раньше. Во всяком случае, шлемы, например, встречаются уже в ямных могилах (см. Сборник по археологии и этнографии № 2). Броня для лошадей – изобретение Когурё. В Китае такого рода защита появилась на сто лет позже. Китайцев устрашал вид когурёских воинов, закованных в броню. Они называли их "железные воины". Появление сплошного панциря можно связывать с использованием стремян, так как трудно было удержаться на спине лошади в таком тяжелом одеянии. Первые стремена обнаружены в могилах Когурё, датированных эпохой до н. э. (см. сб. "Культура Когурё"). В могиле, раскопанной около сада Пунчхонли, археологи нашли панцирь, разнимающийся на части. Такая "защитная одежда" передавалась из поколения в поколение, а обычная одежда менялась. До появления стремян тело воинов лишь частично покрывали броневыми пластинами.

Архитектура. Для жилья в особенности характерен *ондоль* – "теплый пол". Впервые ондоль появился в III в. до н. э. Он был узким, однолинейным. В эпоху Когурё ондоль стал двулинейным. В Китае в то время *кан* еще не использовался. В жилищах китайцев он появился только после их вторжения в Маньчжурию. Ондоль у корейцев и китайцев конструктивно неодинаков: у первых он встроен прямо в пол, а у вторых располагается выше пола.

Образцы типичной дворцовой архитектуры обнаружены при обследовании Тэсонсана и Анхаккуна. В Цзиани тоже располагался дворец, но в тех местах разросся город и поглотил участки, где находился дворец. По указанию тов. Ким Ир Сена дворец

Анхаккун долгое время раскапывался и всесторонне исследовался. Дворцовые комплексы располагались здесь в пределах квадрата, каждая сторона которого составляла 620 м. Большое количество архитектурных сооружений, сады и искусственное озеро были окружены земляными валами и рвом. В южной части находилось трое ворот. От них на север тянулись три линии дорог. Вдоль них строители возвели целые кварталы архитектурных сооружений. По центру возвышались наиболее важные строения. Остатки фундаментов особых групп открыты на юге, севере и востоке дворцового комплекса. Длина здания в центре составляла 100 м. На востоке находился так называемый "Восточный дворец". Часть построек Анхаккуна была двухэтажной. В целом дворцовый комплекс занимал площадь 380 тыс. м^2.

Не менее интересны храмовые постройки эпохи Когурё. Типичным сооружением подобного рода является Кымганса – "Алмазный храм". Он располагался поблизости от Пхеньяна (построен буддистами в 495 г. н. э.). Храмы такого типа воздвигали во многих других местах нашей страны. Думаю, что эта архитектура была заимствована японцами (Нара, Храм Окадэра).

Подводя итоги краткого обзора архитектуры Когурё, можно говорить о следующих ее особенностях. Первый примечательный признак – максимальное соответствие построек климату, природе и образу жизни народа. Каны обеспечивали тепло в жилище, и люди в строении располагались прямо на полу. Вторая особенность заключается в прочности сооружений, что обеспечивалось самым широким использованием камня в строительстве. Камни шли на постройку фундаментов зданий и для колонн, на выкладку могильных камер и мостов. Камень – любимый материал, который использовали при постройке памятников. Стоит ли поэтому особо останавливаться на том, насколько высокого уровня достигла в Когурё техника его обработки. Прочность же самого материала обеспечивала длительную сохранность строений. Третья особенность – большой размах строительных работ и их значительные масштабы. Величие построек отражает богатый и сложный духовный мир когурёсцев. Стремление создать значительное у них очевидно. Так, не случайно гробница одного из генералов по размерам не имела себе равных на Востоке в те времена. Размер надмогильных стен тоже непревзойденный. А какое упорство и энтузиазм проявляли когурёсцы при постройке крепостей! Все это вырастает из достижений строительного мастерства Чосона. Его архитектура совершенствовалась в эпоху Когурё и вступила на путь дальнейшего развития».

Ким Чон Хёк: «О могилах Когурё. Самая ранняя форма могильных камер – выкопанная в земле яма, ступенчато спускающаяся вниз. Сверху такие могилы покрывались камнями. Камеры для умерших размещались в яме. В более позднее время ступеньки стали делать более тщательно, а стены "погребальных комнат" оформляли каменными плитами. Следует подчеркнуть, что такая форма "каменной гробницы" происходит от образцов далекого прошлого, во всяком случае, восходит к временам Чосона. Захоронения такого типа оригинальны и характерны именно для Кореи.

Размеры гробниц весьма велики. Иногда только одна ее сторона составляет 63 м. Строились они очень основательно, поэтому неудивительно, что, несмотря на большую древность, могильные комплексы сохранились хорошо. Наиболее известные гробницы располагаются в районе столицы Когурё, там, где сейчас находится город Цзиань. В Кансо могильный холм в основании имеет четырехугольную форму, а камера в них одна. Это поздние могилы, хотя такие гробницы появились очень рано. Эволюция прослеживается такая: сначала строились гробницы с одной центральной камерой и двумя бо-

ковыми комнатами, затем с одной камерой с фресками и, наконец, появились сложные сочетания комнат. Потолки у камер разной высоты.

Особую ценность из разнообразных фресок представляют жанровые панно, обнаруженные в гробнице Мичхон вана. Эффектно показаны танцы. Оказывается, у когурёсцев существовала специальная одежда для танцев. Художник превосходно сумел отразить красоту и необычность танцевальных па: посмотрите на позу, которую приняла танцовщица, как необычно отброшена назад ее рука. Мастер сделал мгновенный, как бы фотографический снимок, когда девушка вся была выражением устремленности вперед. Высокого уровня в Когурё достигла портретная живопись. Следовательно, традиция рисования портретов возникла достаточно давно. После Когурё она получила дальнейшее развитие. Художники-портретисты Когурё достигли большого совершенства в искусстве. Они отлично умели передавать в своих произведениях неповторимый характер каждого "героя". Не меньшее изумление вызывают картины природы. Например, в могиле № 1 Чинпори сосна изображена так, что чувствуется, как сгибается она под напором ветра.

Орнаментика когурёсцев богата и вычурна. По характеру орнаменты подразделяются на геометрические и "естественные". Что касается стилистики, то обращает на себя внимание изящная характерность линий, мастерское использование цвета, его оттенки. Художник линиями намечал сначала общие границы рисунка, затем, используя краски, подчеркивал качество объекта, всячески оттеняя его. В использовании цвета видны корни и традиции национального цветного рисунка. Расписывая фрески, использовали как основные цвета, так и полутона. Характерен также следующий прием: применение так называемой "символической окраски", когда, например, кони на рисунке раскрашивались в сине-зеленый цвет, а быки – в красно-белый. Мастера росписей умели также производить особый цветовой эффект, накладывая подряд одну краску на другую, чем достигалась выразительность. При общем обзоре рисунка поразительное впечатление возникало иногда от того, что художники умело применяли в композиции т. н. "метод сокращения". Так, торжественную процессию из 250 человек столь искусно рисовали, что казалось, будто видишь перед собой шествие не менее 500 человек. Художники Когурё умели превосходно отражать перспективу, поэтому на рисунках виден как передний, так и дальний фон. Сама по себе техника живописи на камне заслуживает особого внимания: краски вмазывались в известняк, а затем они в процессе высушивания закреплялись, придавая рисунку нужную тональность. Мастеру при этом многое приходилось учитывать заранее.

Обозревая в целом фресковое искусство, нельзя не заметить, какой удельный вес занимают среди рисунков картины общественной жизни. Они значительны по детализации и силе выражения, эффектны по цветовому решению.

В Когурё, помимо того, высокого уровня достигло также искусство скульптуры. При посещении Исторического музея вы могли видеть изваяние льва. Не менее выразительны когурёские маски и буддистские фигуры. Ремесленное производство тоже было развитым. Чтобы убедиться в этом, достаточно познакомится с образцами черепиц. Высокого развития достигла, кроме того, техника обработки кож, прядение нитей и ткачество, а также шитье одежды».

Ким Чон Хёк: «Следующая тема – музыка, танцы, цирк. Музыкальное искусство в Корее имеет давние традиции. Но если брать ранний этап, то, бесспорно, в особенности в Когурё, оно достигло значительного развития. Тему музыки в Когурё можно рассмат-

ривать на основании материалов, содержащихся в летописях, но ограничимся картинами, которые представляют фрески из гробниц. Всего в эпоху Когурё, как удалось установить, существовало 36 видов музыкальных инструментов. Но следует учитывать, что далеко не все фрески изучены и найдены. В последнее время, например, среди рисунков в гробницах обнаружены и другие виды музыкальных инструментов.

Среди струнных выделяются инструменты, у которых изображены 4 и 6 линий струн. Из летописи трех государств известен изобретатель такого рода инструментов. Его звали Ван Сан Ак. Духовые инструменты представлены трубками. Их помещали в рот и, дуя в отверстие, извлекали разного рода звуки. В особенности много было в Когурё разновидностей флейт. Среди ударных следует назвать барабаны, колокола и т. п. На фресках можно увидеть, как играли на инструментах, которые я перечислил. Иногда мелодию исполняет один музыкант, в других случаях – два, но наибольшее впечатление производит картина большого оркестра, в котором много музыкантов.

В Когурё большое развитие получила музыка, которая исполнялась во время походных маршей отрядов или церемониальных шествий владык. Музыка, по-видимому, отличалась особой выразительностью. Ее мелодии призваны были вдохновлять к сражениям, поднимать боевой дух воинов, прославлять самых смелых из них.

Танцы в Когурё исполнялись поодиночке, вдвоем, а также коллективно (массовые пляски). Что касается последнего, то в могиле Ссанёнчхон, открытой в уезде Ёнган провинции Южная Пхёнан, японские археологи обнаружили фреску, на которой изображена танцевальная сцена из 60 танцовщиц. Картину эту невозможно посмотреть: японские грабители вывезли ее из нашей страны. Танцы в Когурё исполнялись в масках, с саблями, копьями, барабанами. Танцы с оружием отражали боевые приемы воинов в момент сражений.

Образцы циркового искусства тоже представлены среди рисунков на каменных облицовочных плитах гробниц. Номера исполнялись артистами во время походов или торжественных шествий. Среди мастеров цирка особой популярностью у когурёсцев пользовались жонглеры с тремя шариками или тремя палками, а также артисты, которые умели ловко бросать обручи или передвигались на ходулях. Много разного рода игровых номеров исполнялось с помощью рук и ног. Высокого технического совершенства достигли артисты цирка Когурё в номерах на мчащихся конях. Понятно, почему цирковое искусство пользовалось большой популярностью и любовью в Когурё: оно воспитывало смелость, ловкость, неустрашимость, отражало боевой характер когурёского воина, формировало его воинственных дух, готовность к отражению нападений врага. Все эти картины можно увидеть на фресках.

Чу Ён Хон: «Фрески позволяют наглядно представить образ жизни когурёсцев, разного рода бытовые подробности их повседневной деятельности. Остановимся сначала, например, на одежде.

Следует подчеркнуть, что национальный тип корейской одежды определился в значительной мере в эпоху Когурё. На мой взгляд, две составные части одеяния – брюки и куртку, как носили их в Когурё, использовали живущие рядом народы. Кажется, монголы одевались так же в те времена. Но налицо и отличия: по краю одеяний, где более всего пачкается одежда, нашивалась другая ткань, которая служила одновременно как украшение. Женщины Когурё носили пышные плиссированные юбки и куртки, по краю которых тоже нашивалась темная ткань. В том, как сочетаются куртка с юбкой, можно проследить различия между женской одеждой корейцев и китайцев. У одних сначала куртка, а потом юбка (напускается?), а у других как раз наоборот. Женщины Когурё иногда носили брю-

ки. Важно подчеркнуть, что японцы в те времена одевались так же, как когурёсцы. В связи с этим интересно отметить, что японское слово “ателье”, обозначает место, где сейчас шьют одежду европейского типа. Название же заведения, где ведется пошив национальной одежды, с японского переводится как “ателье одежды когурёсцев”.

В Китае для самых ранних образцов одежды мужчин и женщин была характерна юбка, а затем появились брюки. Можно определенно сказать, что последние китайцы заимствовали из Чосона и Когурё. Непременной частью верхней одежды был пояс, которым когурёсцы подвязывались. Это позволяло им сохранить тепло в холодное время года и предоставляло больше удобств при движении и исполнении тех или других действий. На ноги когурёсцы надевали башмаки или сапоги с загнутыми носками. Такого рода обувь в ходу и сейчас. Она называется *хосин* – буквально “нóсовая обувь”. Ее носят главным образом женщины. Головные уборы когурёсцев отличаются значительным разнообразием. В особенности привлекают внимание живописные султаны, прикрепленные к головным уборам охотников. Наибольшую пышность и сложность в головном уборе эпохи Когурё можно проследить на примере короны вана. Она у него как бы двухэтажная: над черной нижней частью возвышается белый отдел. Обычные головные уборы отличаются простой, красивой и удобной формой. Если характеризовать одежду в целом, то она, как и другие составные элементы культуры Когурё, хорошо отражает боевой дух населения государства. Его могущество велико, влияние значительно и не приходится, поэтому удивляться тому, что именно в это время формируются основные типы корейской национальной одежды».

Чан Сан Ёль: «Я кратко остановлюсь на некоторых бытовых деталях жизни когурёсцев, в частности, на том, как проходила она в помещении. Когурёсцы в доме располагались обычно прямо на полу или на скамейке. У них были специальные большие скамейки, находившиеся в пределах той части строения, где располагался *ондоль*. Абсолютное большинство когурёсцев, как это видно из рисунков на фресках, предпочитали просто сидеть на полу. Правда, имеются изображения стульев, а значит, иногда на них сидели. Когда хозяин или гость намеревались зайти в дом, они снимали обувь перед порогом.

Сейчас перед нами стоит задача сохранения всего ценного, что выработала национальная культура. Так, возникла проблема, каким образом можно в высотных домах сооружать ондоль. Товарищ Ким Ир Сен поставил перед нашими строителями задачу сохранения ондоля, к которому так привыкли корейцы.

По фрескам также можно воссоздать картину приготовления пищи у когурёсцев: в гробницах обнаружены рисунки с разного рода «кухонными эпизодами». Можно представить и то, как проходила жизнь на хозяйственном дворе, где располагалось хранилище для мяса, где висели части туш животных (коров, свиней) и птиц (уток и куриц). В стойлах находились лошади, которые ели корм. На одном рисунке в хозяйственной постройке изображена колесница, дожидающаяся выезда».

Чу Ён Хон: «Мне хочется сказать еще несколько слов о спорте. В Когурё популярностью пользовалась вольная борьба (корейское название *ссирым*) и спортивные упражнения или состязания *супак* (букв. “ручной удар”, нечто вроде каратэ). Пожалуй, самые древние на востоке Азии изображения сцен вольной борьбы открыты именно в пределах границ государства Когурё. Отсюда можно сделать вывод, что монголы, китайцы и японцы заимствовали вольную борьбу как особый вид состязаний именно у когурёсцев. С этой точки зрения далеко не случайно данный вид борьбы в китайских летописях обозначается как *корёки*, что в переводе означает “когурёская борьба”.

Загонная охота, судя по фрескам, широко распространенная в Когурё, тоже представляет собой своего рода спортивное состязание, призванное, к тому же, шлифовать военное мастерство армии и постоянно поддерживать его на должном уровне. Игры на конях тоже можно отнести к спортивным занятиям. Они были весьма любимы в Когурё. Проводились и общегосударственные спортивные мероприятия, своего рода спартакиады. Особенно часто на них собирались охотники. Проводя спортивные соревнования, их организаторы преследовали определенную цель: выявить лучшие свойства человека – его силу, ловкость, храбрость. Тем самым выполнялась задача всемерного усиления государственного могущества».

Чан Сан Ёль: «Теперь подведем итоги бесед о культуре Когурё. В истории Кореи эпоха этого государства имеет большое значение. Основные черты, которые затем стали характерными в целом для корейской нации, складывались и совершенствовались именно в этот период. В то же время Когурё – бесспорный наследник Чосона. Среди трех государств Корейского полуострова, сформировавшихся в те времена, ведущую роль играло Когурё. Оно же затем стало базой, определившей расцвет могущества и культуры корейских государств Бохай и Корё. Вот почему у нас придается такое большое значение изучению истории и культуры Когурё. Главное заключается в том, что результаты исследований того и другого позволят совершенствовать национальную форму нашей современной социалистической культуры».

Ким Чон Хёк: «Советские товарищи интересно говорили о роли и влиянии других корейских культур на соседние районы. Мы видим, что вы разделяете наши мысли. Я скажу немного о важном вопросе влияния Когурё на Японию. Из средневековых японских летописей известно, что именно с Когурё японцы связывают начало использования водяных мельниц, которые перемалывали зерно, применение техники производства бумаги, освоение и развитие искусства стенной живописи и связанной с ней техники производства и использования красок. Технику вышивки на ткани японцы тоже заимствовали у когурёсцев. Обращает на себя внимание следующее важное обстоятельство: мотив лотоса в древнем японском искусстве, портретная живопись, особенности изображений животных настолько, порой, сходны с подобного рода рисунками на фресках из гробниц эпохи Когурё, что их иногда лишь с трудом можно отличить. Люди изображались в одежде, близкой когурёской. Наконец, совсем недавно, в 1972 г., мы получили новое яркое подтверждение старых наблюдений об огромном влиянии культуры Когурё на Японию. Речь идет об открытии в Нара, где располагаются усыпальницы древних императоров, могилы с фресками на каменных плитах (Такамацудзука, время правления императора Момму). Это первая типично когурёская гробница, открытая в Японии. Устройство ее, приемы живописи, характер рисунков, особенности цвета красок, материалы, использованные при постройке камер – все в точности соответствует когурёским канонам. Фрески в целом почти совершенно такие же, как в гробницах эпохи Когурё, открытых в пределах полуострова и на юге Маньчжурии. В особенности четко выражено влияние Когурё в типе и расцветках тканей и одежды. Они когурёские. Так, женские юбки, сходные по покрою с теми, что носили в Когурё, сшиты, как их нарисовали, из тканей, покрытых знакомым и популярным в Когурё узором – разного рода цветами. Здесь уже говорилось, что первые фрески Когурё появились в X в. н. э. В Японии же они датируются XI–XII вв. Следовательно, заимствование налицо, и не остается сомнений, откуда оно сделано. Многие японские археологи принимают такую точку зрения. К ним, в частности, относятся Эгами Намио, Аримицу и Кобаяси. Правда, некоторые исследователи говорят о том, что

на фресках прослеживается китайская манера рисунка, но ранее уже говорилось, почему это невозможно. Однако главное обстоятельство, связанное с открытием, заключается вот в чем: кто же похоронен в когурёской по типу гробнице, которая не могла быть никакой иной, а только императорской? В ней погребен император или его сын, т. е. в любом случае – человек, в руках которого была сосредоточена значительная власть. А кто же он по национальности – японец, китаец или когурёсец? В Японии открытие в Нара вызвало сенсацию. Кобаяси в интервью газетным репортерам прямо заявил, что в политическом отношении недальновидно делать вывод о захоронении когурёсца в одной из императорских гробниц Нара – Такамацудзука. Японские археологи провели затем комплексное изучение гробницы в Нара. Наши специалисты тоже побывали в Японии и осмотрели находки. Кабаяси теперь заявил газетам нечто новое: “Очередная из открытых в Нара гробниц, несомненно, когурёская, в смысле влияния”».

Чу Ён Хён: «800 лет существовало на востоке Азии Когурё – могущественное государство высокоразвитой культуры. Оно занимало обширную территорию и имело тесные политические и экономические отношения с соседними странами. Столь же интенсивным был культурный обмен. Когурё поддерживало всесторонние связи с Хань, Лян, Суй, Тан и Японией. В орбиту контактов входили кидане, тюрки, мохэ, а также другие народы. Обращаю при этом ваше внимание на следующее: в то время как соседние государства (династии) существовали недолго, эпоха Когурё охватывает без каких-либо перерывов восемь веков истории. Правители Когурё поддерживали связи с сяньби и тоба-вэй. С первыми, как и с тюрками, в основном были дружеские отношения, что касается других династий, то когурёсцам не единожды приходилось вступать с ними в сражения. Кидане находились в подчинении у Когурё. Тюрки часто получали из Когурё оружие. Итак, Когурё существовало продолжительное время. Культура этого государства типично восточная, однако, японские археологи совершенно не правы, когда утверждают, что когурёсцы заимствовали все основное от китайцев (ханьцев). Культура Когурё расцвела сама по себе и обладает своеобразными и характерными особенностями. Напротив, теперь можно говорить о влиянии культуры Когурё на окружающие страны. Так, японская культура Асука много заимствовала из достижений народов Когурё, Пэкче и Силла. Вот почему теперь одна из главных задач корейской археологии заключается в том, чтобы правильно оценить как ход развития корейской культуры, так и ее значение для культурной истории Восточной Азии. Только при таком условии можно правильно понять действительный ход истории Кореи и в целом ход событий на востоке Азии. Чтобы понять насколько это актуальная задача, достаточно напомнить о результатах визита в Нара южнокорейских археологов. Осмотрев фрески в гробнице когурёского типа, они сказали, что среди изображений мужчина – китаец, а женщина – кореянка. Не удивительно, что такое заявление вызвало негодование ученых и населения Японии. Так же реагировали корейские переселенцы в этой стране. Нет никакого сомнения в том, что подобное необъективное и вызывающее смех заявление сделано под непосредственным давлением южнокорейского разведывательного органа и японских реакционных кругов. В Южной Корее тоже есть археологи, которые специализируются на изучении культуры Когурё. Но они не могут посмотреть материалы по Когурё, накопленные в КНДР. Для них закрыт путь для настоящего исследования истории Родины. Руководство Южной Кореи опасается, что археологи, как и ученые других специальностей, будут работать под руководством тов. Ким Ир Сена.

В заключение, еще несколько слов относительно взаимоотношений Китая эпохи Суй, Когурё и тюрок. Как известно, Суй неоднократно предпринимало агрессивные

действия против Когурё. Посланник Суй при визите в страну тюрок говорил: “Сначала вас искореним, а потом и Когурё”. Тюрки, однако, отвергли предложения Суй обрушиться на Когурё, и напрасны были попытки китайцев спровоцировать вражду между тюрками и когурёсцами. Между Когурё и тюрками существовали мирные взаимоотношения, и надо же было случиться тому, чтобы миссия дружбы из Когурё прибыла к тюркам тогда, когда китайцы пытались навязать им идею борьбы с когурёсцами. В Монголии, в тексте на знаменитой стеле, поставленной на месте погребения принца Кюль-Тегина, упоминается факт существования обмена между Тюркским каганатом и Когурё.

Перейдем к рассмотрению культуры Бохая. Товарищ Ким Ир Сен говорит: “Необходимо дать трудящимся точные и обширные знания о длительной истории и культуре нашей страны. Это надо сделать для того, чтобы они полюбили лучшие культурные традиции и ценности нашей нации, чтобы они унаследовали прошлое в соответствии с потребностями социалистической жизни”. Именно в этом направлении мы и ведем работу в связи с изучением материальной культуры Бохая. Особые усилия мы прилагаем, чтобы показать следующее: Бохай – непосредственный наследник культурных и прочих традиций феодального периода. Государство Бохай погибло под ударами киданей. Ляо не было таким развитым государством, как Бохай. Кидани многое уничтожили из культурного достояния бохайцев, в том числе множество летописных источников по истории Бохая. Но имеются летописные записи, оставленные японцами, китайцами, а также корейцами. История Бохая имеет прямое отношение к истории Кореи. Это северное государство одного и того же родственного племени. Северное государство Бохай – наследник Когурё. У китайцев существуют на сей счет разные точки зрения. Одна из них сводится к тому, что Бохай действительно наследник государства Когурё. Согласно же другому мнению, Бохай (по-корейски *Пархэ*) “построено” мохэ. В государственных документах Японии, в письмах императора правителю Бохая указывается: “Король Бохая – это король Когурё или король Корё”. Сам король Бохая писал японскому императору от своего имени, как от имени короля Когурё. Вот что написано в письме, посланном им в Японию: “Государство Бохай существует на территории Когурё, и люди в нем живут по тому же образу жизни, как население трех государств”. Длительное время выдвигались разные точки зрения относительно истинных создателей государства Бохай. Наши археологи думают, что Бохай – наследник Когурё, ибо их объединяет единство территории, в их состав входило одно и то же население. Сходны также государственная власть (управление) и основы культуры. Все это подтверждает мысль, что Бохай – наследник именно Когурё.

Рассмотрим вопрос связи государств Когурё и Бохая. На территории Когурё проживали разные группы одного племени. Основную часть когурёского населения составляло племя *емэк*. В Когурё входили также племена *окчо, фуюй (пуё), мальгаль, етень, ханьчжо*. Все эти группы относились к одному народу. Мы думаем, что все эти племена, в сущности, однородны. Они жили в течение тысячелетий на одной и той же территории. Ведущее место среди всех племен занимало племя *емэк*.

Поговорим теперь о бохайских могилах. Они обнаружены в Маньчжурии, в частности, Наньван (Нинъань) – на р. Муданьцзян, в долине р. Туманган. Все погребения, обнаруженные в тех местах, отличаются однотипностью. Большинство могил напоминают Кансо: внутри располагается каменный ящик, а на поверхности грунт образует могильный холм. Обнаружены, однако, и могилы-ямы. При раскопках захоронений находят останки одного человека, но встречаются кости 2–3 человек и т. д. Попадались

также вторичные захоронения, применялся при похоронах и метод трупосожжения. Но если говорить об абсолютно преобладающем типе могил, то это – могилы с деревянным гробом, вокруг которого камни, а на поверхности насыпана земля. Устройство подобных могил сходно с когурёскими. Одно из эффектных захоронений – могила дочери третьего бохайского Вэнь-вана (Да Циньмао), обнаруженная в районе Дуньхуа. Из текста на стеле можно узнать, что погребение принцессы было совершено в 780 г. Это замечательное открытие, благодаря которому можно подтвердить мысль о том, что двор и семья короля Бохая представляют собой непосредственных наследников представителей когурёского двора. Раскопки производились около горы Рюкчонсан ("Шесть вершин", кит. Людиншань). Сами китайцы, выполнявшие здесь работы, пришли к выводу, что могила по типу принадлежит к когурёским. В ней тоже обнаружен завал из камней внутри, а снаружи был земляной холм. Мы согласны с этим утверждением китайских археологов. Словом, трудно различить могилы Когурё и Бохая по форме, устройству и способу захоронения умерших. Если в погребениях столь сильно отражены традиции, то как же можно не сделать вывод о родственности по крови бохайцев и когурёсцев! Конечно, в государство Бохай входили разные племена, но они были родственными друг другу.

В Верхней столице Бохая японцы в свое время обнаружили и раскопали королевскую могилу. Она находилась в районе Саньлинтунь ("Место трех духов"). При раскопках археологи установили, что над камнями некогда располагалось строение с крышей, предназначенное, как сделали вывод исследователи, для сохранения погребального комплекса от дождя. Поскольку, как известно из летописей, крыши над погребениями сооружали представители племени *уцзи*, японцы сделали вывод, что могила в Саньлинтуни принадлежала представителю рода *мохэ* или *уцзи*. Но если уж говорить о крышах над захоронениями, то их воздвигали также и когурёсцы. В качестве примера можно привести могилу генерала, раскопанную в Цзиани: над ней тоже некогда была построена крыша, предохраняющая гробницу от дождя. Над каменными стенами могилы в Цимпори тоже была крыша. Следовательно, из всего этого можно сделать следующий вывод: крыша над могилой – общая черта для погребальных обычаев Когурё и *уцзи*. Естественно, что она оказалась характерной также и для захоронений в Бохае.

Устройство внутренней части могилы лучше всего рассмотреть на примере захоронения № 10 Цимпори, раскопанного в окрестностях г. Пхеньяна. Это могила первого когурёского вана. Господствующую прослойку бохайского государства составляли потомки когурёского племени. Надо, вместе с тем, заметить, что сходство в погребальных обычаях прослеживается не только при сравнении могил представителей господствующего класса, но и простых людей. Рядовые жители городов и деревень Бохая хоронили так же, как когурёсцы. Значит, основную массу населения Бохая составляли потомки когурёского племени».

Чан Сан Ёль: «Тема моего рассказа – архитектура и образ жизни бохайцев. Особенности топографии городов тоже свидетельствуют о преемственности с культурой Когурё. Бохайские крепости подразделяются на две группы – горные и "городские". В качестве типичных для Бохая горных крепостей можно упомянуть Яньцзи и Цзиньбоху в Южной Маньчжурии. Такие же примерно крепости встречаются в других местностях. Изучение их показывает, что по выбору определенных мест для строительства (топография), по стилю строительства стен, они сходны с когурёскими крепостями. Тот же вывод можно сделать, если сравнивать бохайские и когурёские "городские крепости". На стра-

нице 20 книги о Бохае помещена схема одной их таких крепостей. Она занимает площадь 16 км^2 (каждая сторона ее протянулась на 4 км). Выбор места для строительства "городской крепости" велся в Бохае с учетом определенных особенностей топографии, к которым имели пристрастие и когурёсцы.

Город подразделялся на внешнюю и внутреннюю части крепости. В нижней части "дворцовой крепости" располагалась "внутренняя крепость", где строились здания для аппарата центрального правительства. Немного выше возводился дворец. Позади него располагались основные строения. Что касается деталей, то многое в размещении построек зависело от рельефа. Одним словом, "городские крепости" Бохая наследуют во многом стиль городских крепостей Когурё. В принципах разделения городских кварталов использовалось много такого, что было давно выработано в "Трех государствах", в том числе, разумеется, в Когурё. Те же стилевые черты прослеживаются, между прочим, в японских средневековых городах. В то же время примечательно, что методы строительства когурёсских крепостей отличаются от тех, что характерны для укрепленных городов танских китайцев. Важно, кроме того, подчеркнуть, что по "когурёским принципам" строились не только бохайские столицы, но также и обычные города. Особенности кладки городских стен у бохайцев и когурёсцев сходны. Во дворце Анхаккун внутренняя часть стены сложена из камня, а снаружи она защищена глиной. На странице 157 книги о Бохае можно видеть рисунки крепостей – вверху бохайской, а три нижние – когурёские. Формы крепостных ворот тоже однотипны (сравни, например, на с. 159 нижний рисунок; интересна также табл. XII в конце книги). Сходство, по нашему мнению, очевидное».

Ким Чон Хёк: «Рассмотрим особенности бохайской архитектуры. Анализ ее важен потому, что в помещениях протекает повседневная жизнь человека, и в жилищах весьма выразительно отражаются народные традиции. В этом отношении бохайцы тоже выступают наследниками Когурё (см. с. 39 книги о Бохае). Как мы говорили ранее, *ондоль* – любимая отопительная система когурёсцев. Он продолжал сохраняться и у бохайцев. Ондоль в их жилищах с "коленом", низкий. Высота его 33 см, т. е. почти такая же, как кладки дымовой трубы. К сожалению, наземные бохайские здания не сохранились, чтобы сопоставить их с когурёскими. Но по рисункам на фресках, а также по находкам из могил можно составить о них достаточно полное представление. На странице 70 книги о Бохае опубликована реконструкция строения. Автор этого раздела – Чан Сан Ёль. Он и продолжит рассказ».

Чан Сан Ёль: «Бохайцы умели строить прочно, и их помещения хорошо соответствовали климатическим условиям местности, в которой они жили. В их постройках видно стремление сооружать здания как можно красивее по их внешнему виду. На странице 124 можно посмотреть башню бохайцев. Вообще, они любили строения больших размеров и масштабов, как и когурёсцы. Бохайцы строили так, чтобы чувствовалась масштабность в строительстве.

В строительстве популярностью пользовался метод асимметрии. Архитекторы часто строили рядом с большим зданием маленькое, чтобы на его фоне первое смотрелось по возможности величественнее. Иллюзия величественности создавалась с помощью тонкого учета перспективы в архитектурных ансамблях. Это метод "постепенного уменьшения", когда высота рядом стоящих зданий снижалась, а в итоге получалось, что те постройки, значимость которых хотели подчеркнуть строители, выглядели больше. Очень важен вопрос о длине и прочих мерах, что является концентрированным выражением образа жизни. С этой точки зрения интересно, что бохайцы продолжали использовать ме-

ры Когурё. Так, у тех и других мерой длины служило расстояние в 35 см (китайское *чи* – 23 см). Японцы, кстати, в этом вопросе усиленно пытались исказить факты, часто противореча самим себе. Они, в частности, считают, что в Когурё применялась китайская мера, принятая в государстве Вэй. То же самое, будто бы, характерно для мер древних корейских государств Пэкче и Сила, которые переняли их у Восточной Вэй. В Японии, как они же говорят, тоже применяли вэйские меры. Однако потом сами стали писать, что японцы использовали когурёские меры! А как же быть с утверждением, что "Когурё не употребляло своих мер"? Заявления японцев имеют под собой мало оснований, хотя бы потому, что вэйское государство просуществовало в Китае всего-навсего 16 лет (с 534 г.). Государственная система Восточной Вэй, естественно, оказалась не очень «систематизированной». Вэй – образец «неустановившейся системы». Как же можно сравнивать Вэй с длительное время процветавшими корейскими государственными образованиями Когурё, Пэкче и Силла? К тому же системы мер употреблялись в Когурё до образования китайской династии Восточная Вэй. Какие же могут быть меры Восточной Вэй, которые появились несравненно позже, чем в Когурё? Что касается мер самого Китая, то их лучше, чем кто-либо, знают сами китайцы. Но у них совершенно другие меры. У японцев есть мера, которая называется *канэдзяку (сяку)*. Как раз именно она и применялась сначала в Когурё, а затем "по праву наследования" – у бохайцев. Если быть совершенно точным, то мера длины Восточной Вэй немного больше: она составляет 30 см».

Ким Чон Хёк: «Я коротко расскажу о находках бохайского времени. При раскопках часто встречаются, помимо упомянутых, и другие здания. Стиль и характер их таков, что с очевидностью напрашивается вывод о заимствовании бохайцами у когурёсцев многого, связанного со строительством. Вообще, культурная летопись Когурё превосходно отражается в зданиях и находках, характеризующих культуру Бохая. Если, например, смешать бохайскую и когурёскую черепицу, то даже специалисту будет нелегко разделить ее в соответствии с эпохами. Форма и размер черепичных дисков, а также их орнаментика были во многом одинаковы как в Бохае, так и в Когурё. В то же время диски эти отличаются большими размерами при сравнении с китайскими образцами. Черепицы верхние и нижние ("мужские" и "женские"), отпечатки ткани на их поверхностях, украшение конька крыши (*чивэй*, что-то вроде клюва птицы), лепные фигуры из глины для черепичных крыш зданий, – все это при сравнении с когурёскими образцами обнаруживает заметное сходство. Особенно выразительные аналогии можно найти при сравнении черепицы.

Бытовые повседневные сосуды у бохайцев и когурёсцев тоже похожи (например, чаши *босиги* и *чабеги*). Характеристику образа жизни можно найти на странице 168 книги о Бохае. Что касается металлургии, то методы литья, применявшиеся в Бохае и Когурё близки. Китайцы в то же время применяли методы штамповки, и получалось блекло. Литье же в Бохае и Когурё давало возможность получать более выпуклые и выразительные изображения.

Вот все то главное, что можно сообщить вам в связи с проблемой тесных культурных взаимосвязей Бохая и Когурё. А далее те же традиции прослеживаются в культурном наследии государства Корё. Однако, это особая тема, о которой можно долго и много говорить. В культуре Бохая есть, конечно, и оригинальные черты. Например, "маски демона" (с. 154). Они впервые появились в эпоху Бохая и ранее ни у кого более не встречались. Украшенные базы колонн тоже обнаружены впервые на памятниках периода существования государства Бохай (с. 170). Эти и другие элементы находят свое разви-

тие в культуре Корё. В частности, отопительная система в домах представлена *ондолем* с 4 каналами. Замечательная керамика Корё имеет свои истоки в керамических изделиях предшествующих эпох. Она известна теперь во всем мире.

Итак, подводя итоги сказанному, можно констатировать уверенно тот факт, что Бохай занимает важное место в истории Кореи. Японские археологи всячески фальсифицировали и искажали истинное существо дела. Они порой не гнушались прямым подлогом. Так, при раскопках Верхней столицы Бохая подбросили в слой танские монеты и стали после этого утверждать, что исследуют, в сущности, танскую культуру. Они основывали свое утверждение на следующих заключениях: 1) каменная могила в пределах Верхней столицы – танская (однако такого в Тан в действительности не было); 2) поскольку керамика Тан и Бохая имеет три цвета – зеленый, коричневый и желтый, то бохайцы сами не изготавливали посуду такого типа, а импортировали ее из танского Китая (но ведь колонны тоже окрашены в три цвета, неужто и они доставлены из Китая?); 3) облик бохайского города копирует особенности танских городов (этот вывод они подкрепляли на основании изучения Верхней столицы, обращая внимание на крепостную стену, сооруженную из глины и камней, на детали планировки отдельных районов города). Но аналогии всему этому можно найти и в городах Когурё. Даже в издании материалов японцы оказались небрежны – на плане они нарисовали дороги в тех местах, где в действительности проходят стены. Это уже прямая фальсификация! Единственными из культурных местных особенностей, которые сочли возможным отметить японцы, стали следы *ондоля*. Но они тут же свели на нет важность своих наблюдений, заявив, что такая отопительная система в жилищах встречается слишком широко, чтобы придавать ей какое-то особое значение. Японцы вообще слабо знали археологический материал. Как можно было, например, сравнивать черепичные изделия Тан и Бохая? Они же так различаются. Истоки надо искать в культуре Когурё. Оно, в отличие от послеханьского Китая, было стабильным и могущественным государством. Когурё – самостоятельное государственное образование с оригинальной и своеобразной культурой. Вот почему мы с такой гордостью смотрим на все, связанное с Когурё. О могуществе Бохая свидетельствует оживленный обмен посольствами между столицей Японии Нара и Верхней столицей. Миссии эти были далеко не просты, но поставленные задачи выполнялись посланниками с честью. Недаром путешественники за море после возвращения на родину получали повышение в чинах.

Вот и все, что мы хотели рассказать о Бохае».

Краткая запись беседы с *Ким Ён Ганом* на раскопе в Синамни III

(уезд Йончхон, пров. Сев. Пхёнан, в 40 км от г. Синыйджу, 12 октября 1974 года)

«Уезд расположен на берегу моря, и здесь в округе имеется несколько такого же рода холмов, как и в Синамни, где сейчас ведем раскопки. Работы в этих местах проводились трижды на протяжении 1964–1966 гг. В 1964–1965 гг. копали археологи нашего института, а в 1966 г. – сотрудники Исторического музея. В 1964–1965 гг. раскопки велись в трех пунктах. Находки относятся к разному времени.

Первый пункт называется Чхондынмалле. Здесь обнаружена керамика с меандрами на поверхности сосудов. Раскопано одно жилище – прямоугольная полуземлянка. Глу-

бина котлована 30 см. Не удалось обнаружить ни следов от столбов, ни очагов. Среди находок имеются целые сосуды. Датировка памятника – конец неолита (рисунки переданы А. П. Окладникову).

Второй пункт называется Морэсан. Здесь выявлены горизонты разного времени. Самый ранний из них похож на первый пункт. Следы жилища в нем не обнаружены. Во втором горизонте обнаружены сосуды типа Мисонли. Датировка его – начало I тыс. до н. э. При раскопках зафиксированы остатки двух жилищ. Они прямоугольные, размером 6×6 и 6×5 м. В третьем горизонте залегала керамика III–II вв. до н. э. В общем, это время "узких бронзовых кинжалов". Самый верхний культурный слой датируется эпохой Когурё. В нем не найдены ни остатки жилищ, ни захоронения. Слой этот смешанный. Среди находок заслуживают внимания бронзовый кинжал и золотая подвеска.

Третий пункт – Синамни III. Здесь обнаружены сосуды и каменные орудия. Остатки жилищ не прослежены. Керамика здесь своеобразная. На памятнике выявлены три культурных горизонта. В первом их них располагались обломки типа Чхондынмалле. Встречается расписная керамика. На поверхности ее прослежены следы белой и желтой краски, как на Ляодуне в Бицзыво. Судя по всему, сосуды сначала обжигали, а затем на поверхность краской наносили узоры. Первый и второй слой стратиграфически разделяются нечетко. Пришлось подразделять их по характеру находок. Есть сосуды типа Сантхаджа. В 1964 г. наши археологи выделили в Сантхаджа три культурных горизонта. Нижний из них датировался концом неолита. Именно в нем была найдена расписная керамика. Второй и третий слой Сантхаджа относятся к бронзовому веку. Во втором слое (Синамни III?) найдены нож и пуговица, изготовленные из бронзы.

Четвертый пункт – Синамни (?) III и IV сходны с Сантхаджа II и IV. Мечтаем найти здесь жилище, но пока это сделать не удалось. Рядом находится кладбище, у могил есть хозяева, поэтому раскоп нельзя расширить. Верхние горизонты смешанные…»

Встреча с президентом Академии общественных наук

Визит в КНДР завершился посещением президента Академии общественных наук, гостями которой мы и были. Встреча с президентом, наверное, предоставлялась начальникам иностранного отдела Академии как сугубо протокольная и сухая, нечто вроде «визита вежливости». Однако разговор при этом состоялся настолько дружеский и теплый, что по продолжительности беседа превзошла, по-видимому, все допустимые нормы. Как ни нервничал, поглядывая на часы, начальник иностранного отдела, обмен мнениями и взаимной информацией о делах продолжалась столько, сколько хотели беседующие. В целом разговор занял около двух часов. Как отметили потом исполняющий обязанности посла Пименов и первый советник Иргебаев, которые тоже присутствовали на встрече, беседа такой продолжительности – дело необычное. Это свидетельствовало об особом расположении хозяев.

Президент на встрече сказал следующее: «Положение в нашей стране в различных областях жизни в целом благоприятное. Сейчас у нас осуществляется техническая революция, включающая три пункта. Существо дела сводится к тому, чтобы освободить трудящихся от тяжелого труда. Пятый съезд выдвинул важные задачи, которые успешно выполняются. В области промышленности наблюдаются значительные успехи в решении поставленных вопросов. Третий год шестилетки выполняется успешно. В сельском хозяйстве достигнуты небывалые в истории нашей страны успехи. В области куль-

туры тоже очевидны достижения. На основе всего этого осуществляется ускоренное выполнение шестилетки. Все это результат правильной политики партии и мудрости тов. Ким Ир Сена. И в деле объединения страны наблюдаются большие успехи. В Северной Корее молодежь, рабочий класс и крестьянство, – весь народ ведут широкую борьбу за осуществление программ из трех и пяти пунктов, выдвинутых тов. Ким Ир Сеном в документе "За объединение Родины". Укрепляется также международная солидарность в деле объединения Родины. Все социалистические страны и СССР ведут активную борьбу за то же самое. И я уверен, что непременно победит наше революционное дело благодаря стойкой борьбе и позиции нашего народа и партии.

Конечно, у нас много и трудностей. Несмотря на них, большое внимание уделяется воспитанию и сохранению памятников культуры. Товарищ Ким Ир Сен определил курс на сохранение культурного наследия и много внимания уделяет этому. После того, как закончилась Отечественная освободительная война, в первую очередь стали строить жилые дома и восстанавливать исторические памятники. Так, вы видели древние городские ворота в Пхеньяне и Кэсоне. В ходе боев они были сильно разрушены, но когда война закончилась, они стали первыми объектами восстановления. Эпоха династии Ли имеет большое значение в понимании средневековой истории Кореи. Есть уникальный исторический источник – летопись, состоящая из 888 томов. Когда был освобожден Сеул, тов. Ким Ир Сен специально направил людей, чтобы вывезти их оттуда. Книги потом хранились в безопасном месте. Летописи Ли написаны иероглифами. Поэтому тов. Ким Ир Сен дал указание перевести их на родной язык народа – корейский, с тем, чтобы наше и будущие поколения читали эти книги. Сейчас над выполнением поставленной задачи работает большой коллектив научных сотрудников, в том числе академики, доктора и старшие научные сотрудники.

В области общественных наук у нас наблюдаются большие успехи. Немалые успехи в археологии, в которой вы специалисты. Наука эта начала развиваться только после освобождения. Археологи КНДР решали две главные задачи: 1) заново строить свою науку на основе новой методологии; большая задача – исследовать исторические памятники, которые свидетельствуют о древней истории Кореи; археологи должны были начать систематизацию знаний; 2) вести борьбу с наемными учеными японского империализма, которые искажали историю нашей страны. До освобождения японцы проникли в нашу страну, они грабили исторические памятники, и археология служила им для оправдания целей агрессии. Наши археологи провели большие работы в строительстве новой археологии и разоблачении ошибок. Наши археологи сумели найти памятники, которые раскрывают картину происхождения человека в нашей стране. Большие успехи наблюдаются также в изучении социально-экономической истории Чосона и древнего общества.

Проделана большая работа, но в перспективе предстоит решить еще много задач. Надо выяснить, в частности, многое о первобытном обществе. Поэтому работы ведутся по двум направлениям: 1) изучение первобытной и исторической археологии на основе успехов, достигнутых ранее; 2) в стране ведется широкое строительство, во время которого обнаруживаются памятники культуры; местные работники постоянно сообщают нам о своих открытиях. Благодаря всему этому раскрывается разносторонняя культура нашей страны. Вот и в последние дни к нам поступают сведения о результатах разведок. Они касаются не только памятников культуры, но также исторической археологии. Предусматривается и далее вести такие разведки, а также производить прак-

тические и теоретические исследования. Систематическая работа по древней истории раскрывает богатство культуры нашей страны. Острая борьба против японских милитаристов и американских империалистов ведется не только в политике и экономике, но также в области истории. Наемные археологи активно помогают империализму и не хотят исправлять свои ошибки, совершенные в прошлом. Наши ученые ведут против них беспощадную войну. В частности, историки и археологи реакционной Японии всячески искажают действительность, стараются принизить значимость древней культуры Кореи. Наши ученые на основе данных исторических источников и характера первобытных памятников разоблачают ложность концепций реакционных ученых Японии. Наши археологи и историки ведут с ними беспощадную войну. Вредят также южнокорейские историки и археологи. Их вдохновляют японские империалисты. Так называемые "корееведы" в Америке тоже искажают историческую действительность на основе старых материалов японских историков и новых материалов специалистов по истории Южной Кореи. Как и в других областях, в археологии и истории японцы и американцы много навредили. Они не только искажали древнюю историю нашей страны, но и грабили культурные ценности, разрушали памятники культуры. За 30 лет оккупации японцы разграбили памятники, имевшие государственное значение. И сейчас они, как туристы, грабят исторические памятники. Американские империалисты тоже наносят большой вред. Во время войны американцы беспощадно бомбили и разрушали исторические памятники. Весь наш народ никогда не забудет преступлений американского империализма».

Президент остановился также на значении открытия в Нара гробницы когурёского типа.

С обеих сторон было высказано желание всячески развивать сотрудничество.

Разные беседы в КНДР

В ООН на повестке долгое время стоит «корейский вопрос». Корейская сторона постоянно обращается с просьбой к нам поддерживать их позицию, что мы и делали. Ревниво следят, чтобы не устанавливали отношений с Южной Кореей. В ООН мы соавторы предложения по «корейскому вопросу» – необходимость вывода иностранных войск. Долго требовали распустить «Комиссию ООН по Корее» и это теперь удалось сделать. Мы ожидаем поддержки северокорейцев по отдельным проблемам.

Однако, если они и делают что-то, то не очень активно. Например, проблема коллективной безопасности в Азии: КНДР пока никак на наше предложение не откликнулась – молчат. Когда же обращаемся с запросами, то отвечают так: «А вы нас не информировали об этом, когда выдвигали вопрос. Вы с нами не советовались». Трудовая партия Кореи не поддерживает идею необходимости нового совещания коммунистических и рабочих партий в мире. Вообще, корейцы балансируют между СССР и Китаем, строят свою политику на разногласиях, стремятся «вытянуть» побольше, как с той, так и с другой стороны. Несмотря ни на что мы делаем все, чтобы иметь хорошие отношения с КНДР. Протяженность общей границы с Китаем 1 300 км. Это обстоятельство корейцы не могут не учитывать и в доверительных беседах указывают на сложности, которые возникают в связи с таким соседством. Но разве у Монголии не такие же проблемы и «сложности», а как ее позиция отличается от позиции КНДР! По ряду вопросов точки зрения КНДР и КНР совпадают, но нельзя сказать, что они разделяют взгляды китайцев. Было

время (в особенности 1962–1964гг.), когда Китаю казалось, что Корея у него в кармане. Газеты КНДР тогда перепечатывали китайские антисоветские статьи. Сейчас этого нет. Лучше, конечно, когда хотя бы соблюдался нейтралитет. Что касается общих концепций, то они ближе к китайским (вопросы войны и мира на Земле, разрядка напряженности, необходимость переговоров с США – это в особенности болезненно воспринимается, ибо будто бы мешает решению вопроса об объединении Кореи).

Корейцы считают, что чем больше недоразумений в мире, тем лучше. Теория такая существует:– надо навалиться совместно на американцев, «оторвать у них конечности» и победить. Не надо забывать, однако, что они стоят лицом к лицу с американскими войсками. В газетах и журналах почти нет никакой информации, связанной с жизнью в СССР и его достижениями. Разве что иногда мелькнет краткая заметка о запуске спутника, корабля «Союз» или «Восток». С румынами дружеские отношения, а сейчас, как сказал югославский посол, «медовые месяцы улучшения отношений с Югославией» (раньше всячески поливали грязью эту страну).

Не считаются ни с какими затратами, чтобы выпятить роль Ким Ир Сена в мире. В идеях господствует *кимирсенизм*. Наука строится на указаниях вождя. Сейчас восстанавливается дворец правителя Когурё, расписывается успешная борьба когурёсцев с киданями (Ляо). Когурё вообще образец самостоятельности и независимости. Так история и археология подгоняется под практику сегодняшнего дня. Образцы теоретических откровений Ким Ир Сена: «Рис – это социализм»; «Народная вышивка – это искусство». Ким Ир Сен – создатель теории чучхэ, имеющей определяющее значение для революционеров всего мира. *Чучхэ* означает «сам себе голова», опора на собственные силы, самостоятельность, независимость, короче говоря, национализм махровый. Чучхэ «имеет ценность мирового масштаба». Что касается значения Ким Ир Сена в революционизировании мира, в теории и практике коммунизма, то указывается прямо: то, что не сделали Маркс и Ленин, сделал Ким Ир Сен. Принципы жизни, внедряемые в стране, идеальны для построения коммунизма. С карточками на продовольствие и промтовары готовятся войти в коммунизм – это и есть настоящий путь. Интернационализм не в почете в КНДР, роль других стран не подчеркивается, уважение к ним не воспитывается. В КНДР не знают никаких других идей, кроме идей вождя Ким Ир Сена (идей чучхэ).

КНДР – одна их развитых стран Азии. Трудолюбие, организованность, целеустремленность, дисциплинированность, одержимость впечатляющие. Пхеньян после войны был в развалинах, а теперь он – цветущий город. Живут корейцы скромно, но нет голодных, раздетых и нищих. Риса на день выдается 750–800 г. В меню много овощей, рыбы, популярен соевый соус. Животноводство развито слабо. Молочные продукты не в ходу. Собирают 6 млн. тонн риса в год (в среднем 6 т на га). 200 тыс. га фруктовых садов, 100 тыс. га – каштанов. При перевыполнении норм работников награждают «подарками вождя» – костюмами, курточками и пр. Всеми делами на производстве вершит партком. Государственный и партийный аппарат слились воедино по функциям. Кооперативной собственности нет – все относится к государственной собственности. В сельском хозяйстве распределение ведется по трудодням, которые представляют собой тот же паек (360 кг риса, а все остальное сдается по определенным ценам).

Дисциплина в стране железная. «Перебарщивают» во многом. «Революционер не должен иметь свободного времени!» Вот почему критикуют нас за 2 выходных дня. «Ведь американский империализм не разбит, и надо усиленно работать. Нам следует больше представлять средств». «Жизнь немыслима вне организации». Все друг за друга несут

коллективную ответственность. Все члены общества должны жить в организации от подъема до отбоя. Личной жизни, как таковой, нет. Существуют комитеты. Следят за тем, кто к кому пришел, кто с кем говорит. Дети ходят строем, поют, приветствуют. С утра до ночи в школе учатся или трудятся в кружках, выполняют общественные работы. Они лишены обычного детства. Задача партией поставлена такая – «революционизировать все общество по образцу рабочего класса». Интеллигенция – тот же рабочий класс. Материальной заинтересованности в труде нет. Обилие детей в семье поощряется. Когда их 4–5, то вождь оказывает поддержку – производится скидка на цены при покупке одежды.

Пятьдесят три крупных промышленных предприятия в решающих отраслях народного хозяйства построены с нашей помощью. Вот вам и опора на собственные силы и принципы идей чучхэ! Тепловая станция г. Пхеньяна построена нами, Почанская ГЭС на 1 млн 200 тыс. киловатт – наша. Сейчас мы строим в КНДР 33 промышленных предприятия. В Корее работают 1 112 наших специалистов. Мы договоры по товарообороту выполняем строго, они – нет. Часто недобросовестны – поставки цемента, например, недовыполняют, зато всячески стараются выполнять каждый пункт соглашения с Японией. Товарооборот составляет у нас с ними 350 млн. рублей. Цемента в этом году должны были поставить 400 млн. тонн, а поставили всего 150 тыс. тонн. 1974 г. в КНДР – год капитального строительства. Много в море ловят рыбы, в том числе в наших водах. На душу населения приходится рыбы больше, чем у нас. Но ловят хищнически, как японцы, не считаясь ни с чем. Всего получают более 1 млн. тонн рыбы плюс моллюски и прочие дары моря. Китайцы в Корее ничего капитального не строят и средства не вкладывают. Китай поставляет корейцам текстиль, бумагу и пр.

Основа здравоохранения – бесплатное лечение. Кто долго болеет – на 1–3 месяца в госпиталь или на курорт. К 30-летию основания республики думают завершить задачи шестилетки. Эксперименты – огромные детские комбинаты, где много сотен детей. Впервые в мире такое. Но как решается проблема – ничего конкретного рассказать не могут или не хотят. Во врачебных кабинетах комбината медицинское оборудование стоит так, что видно – оно рекламное. Корейцу легче доставить оборудование с телебашни в отель к специалисту, который ради него приехал в страну, чем везти его на телебашню, где приборы должны стоять.

В. Е. Ларичев
Северная Корея – Новосибирск, 1974 г.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вы прочли интересные дневниковые записи. Впечатления профессора В. Е. Ларичева от поездки в КНДР в 1974 г. могут привлечь внимание не только историков-археологов Дальнего Востока, интересующихся состоянием и направленностью науки в Северной Корее в недавнем прошлом, но и более широкого круга читателей. Автор точно описывает северокорейскую действительность, ее политическую систему в действии, достижения и проблемы археологии. И хотя с момента написания текста прошло 35 лет, он не устарел и помогает лучше понимать внутреннее положение в КНДР, жизнь и характер ее простых людей и ученых.

Путевые заметки о Корее имеют свои традиции в России. Можно сослаться на книгу «Фрегат Паллада» известного русского писателя и путешественника XIX века И. А. Гончарова. Писатель Н. Г. Гарин-Михайловский первый собрал корейские сказки и легенды. Вслед за ними во второй половине XIX века русские географы, военные и многие другие стали посещать и описывать Корею, особенно ее северные земли. В зависимости от интересов и задач они составляли свои впечатления об этой стране, ее населении, жизни и характере людей. Их записи являются ценными источниками для исследователей-кореееведов. Без преувеличения можно сказать, что их публикации и доклады в значительной мере содействовали созданию классического труда русского и мирового кореееведения – «Описание Кореи», изданного в 1900 г. в трех томах[1].

Интерес к истории и общественно-политической жизни Кореи, ее внутреннему положению, к народным традициям возрос после крушения японского колониального господства в 1945 г. Не случайно часть менее известных «путевых заметок» была опубликована и в наше время[2]. Среди многочисленных публикаций ученых можно упомянуть воспоминания Ф. И. Шабшиной, свидетельницы последних лет японского колониализма и освобождения Кореи[3]. Интересны также заметки известного санкт-петербургского профессора-кореееведа С. О. Курбанова о положительных и отрицательных изменениях

[1] «Описание Кореи» было переиздано в сокращенном варианте, ставшем в наши дни библиографической редкостью. См.: **Описание** Кореи. – М.: Изд-во вост. литературы, 1960.

[2] **По Корее**: Путешествия 1885–1896 гг. – М.: Изд-во вост. литературы, 1958. – (Сер. «Русские путешественники в странах Востока»).

[3] **Шабшина Ф. И.** В колониальной Корее (1940–1945): Записки и размышления очевидца. – М.: Наука, 1992.

в жизни граждан Северной Кореи за последние 25 лет. Их автор умело объединил знания ученого с многолетним местным опытом зоркого наблюдателя[4]. Можно сослаться еще на ряд работ о Корее, читая которые невольно думается, что северокорейская «медаль» имеет не то две, не то три стороны. Все они по-разному отражают противоречивое развитие КНДР, политику ее руководства, изменения *pro-et-contra*.

Все стороны северокорейской «медали» хорошо отражены в работе профессора В. Е. Ларичева. Ему удалось через такую, казалось бы, далекую от общественно-политической жизни науку, как археология, в рамках месячной программы делегации ученых объективно показать сущность «социалистической» (?) системы КНДР, ее влияние на жизнь людей и на научные исследования. Не случайно публикации «Впечатлений…» о «братской Корее» пришлось ждать столько лет.

В. Е. Ларичев подробно, чуть ли не по часам, описывает пребывание в КНДР, делится впечатлениями членов делегации. Интересны и записи профессиональных бесед с северокорейскими археологами об отдельных периодах древней и средневековой истории Кореи. Автор обращает особое внимание на результаты раскопок, на научные оценки корейских специалистов. При этом он старается объективно показать положительную сторону «медали» корейской жизни и науки, которая меньше всего известна за рубежом. В то же время красной нитью проходит через всю работу отражение северокорейской казарменной системы и культа личности, которые пронизывают общество, личную жизнь его членов, культуру, научную деятельность со всеми ее противоречиями (вторая и третья стороны «медали»). В. Е. Ларичев отдает должное той заботе, которую руководство КНДР уделяет археологическим исследованиям, стараясь восстановить и сохранить древние памятники страны.

«Корейские коллеги подробно информировали нас», «в итоге мы получили полное представление о направлении научных работ», определенных указаниями Ким Ир Сена. В результате, как пишет В. Е. Ларичев, «археология становится оружием для достижения определённых целей», то есть служит культу личности и «махровому национализму». Не скрывает автор и опасные политические тенденции и мотивы, которые отражаются в целях и оценках северокорейских археологов. Он отмечает, как «отчетливо выявляется антикитайская направленность научных поисков», цитирует высказывания северокорейских коллег, о том, например, что «граница корейской неолитической провинции охватывает, помимо полуострова, бассейны Ляохэ и Сунгари, а также часть дальневосточного района (имеется в виду Приморье)», что «территорию, заключенную в пределах южнее Сунгари и восточнее Ляохэ, корейские археологи рассматривают как область, где проживали предки корейского народа» и др. Не случайно в КНДР всячески подчеркивается историко-культурная роль Древней Кореи, Когурё и Бохая (Пархе), занимавших добрую часть территории сегодняшнего Китая (Маньчжурии)[5]. Словом, древняя история используется против доминирующего влияния Китая в культурной истории Азии. «Вклад Кореи не менее значителен», – подчеркивают северокорейские

[4] **Курбанов С. О.** Прогулка по Пхеньяну, или размышления о Северной Корее // www.rauk.ru; **Курбанов С. О.**: Север и Юг // Нева. – 2010. – № 3. – С. 249–272.

[5] Интересно отметить, что в 1970-е годы пхеньянские историки придерживались общепринятого мнения о периоде Когурё – с I в. до н. э. до 668 г. н. э.

За последние десятилетия они «продлили» его до III в. до н. э., т. е. до начала китайской династии Ранняя Хань.

археологи[6]. В беседах с советскими коллегами «досталось» и Японии. «Культура *яёй* Японии происходит от культур материка, то есть, конечно, от культур Корейского полуострова», – заявили корейские археологи, ссылаясь на фрески когурёского стиля в Нара и прочие материалы раскопок в Японии.

Хотелось бы остановиться на одном интересном «впечатлении» В. Е. Ларичева, наглядно показывающем противоречие северокорейской политической системы. Он, с одной стороны, сообщает о тяге к изучению иностранных языков, о быстрой раскупке словарей и учебников, о пропаганде «признанных успехов, преимущества корейского социализма» за рубежом, а с другой – дает убедительные примеры строжайшего полицейского контроля за иностранцами (включая советских специалистов) и за своими же гражданами, чтобы воспрепятствовать «ненужным, непредусмотренным» контактам (третья сторона «медали»). «Дисциплина в стране железная... Все друг за друга несут коллективную ответственность. Все члены общества должны жить в организации от подъема до отбоя», – пишет автор.

Нужно отметить, что подобные казарменные порядки северокорейского «социализма», наблюдаемые В. Е. Ларичевым в 1974 г., живут и сегодня, несмотря на некоторые изменения в последние десятилетия. Должно признать и то, что под «идейной», «идеологической» маскировкой часто скрывается хорошо подготовленный специалист своего дела. Именно поэтому «Впечатления…» В. Е. Ларичева могут быть интересны и полезны современным корееведам как достойное продолжение традиций «путевых заметок». В этом отношении следует придерживаться совета (и не только специалистам!) известного английского историка и политолога Н. С. Паркинсона: «Замените чувства, где это возможно, знанием» («Replacing emotions, where possible, by knowledge»)[7]. Что касается КНДР, то здесь это не только возможно, но и нужно. И труд В. Е. Ларичева наглядно убеждает нас в этом.

Доктор Карой Фендлер
Будапешт, 2009 г.

[6] Китайцам, наверное, надоели «исторические претензии» корейцев, и в начале нового столетия в академических кругах стали выходить статьи о том, что Когурё являлось не древнекорейским, а китайским государством. Это вызвало огромную бурю возмущения как в Пхеньяне, так и в Сеуле. На юге дело дошло до дипломатических протестов, до создания институтов, обществ, журналов и пр. «в защиту Когурё». Пхеньян, из-за большей зависимости от Китая, был «сдержанней». Отметим, что, комментируя за рубежом «волнистые отношения» Севера и Юга, «специалисты» мало внимания обращают на их сотрудничество в области общей истории и культуры: за последние годы проведено несколько конференции, а весной 2010 г. одинадцать южнокорейских археологов совместно с северными коллегами вели раскопки королевского дворца Корё около Пхеньяна (www.ynahap.co.kr, May 20, 2010).

[7] **Parkinson C.** Northcote: East and West. – London, 1963. – P. XIII. Он же является автором всемирно известной книги «Parkinson's Law».

ЧАСТЬ II

НЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК КОРЕИ[1]

Среди крупных культурно-этнических провинций востока Азии, которые особенно интенсивно изучались за последние несколько десятилетий, главное внимание при реконструкциях общей картины хода событий в эпоху неолита и ранней бронзы обычно привлекали культуры бассейнов Хуанхэ и Янцзы – *яншао*, *луншань*, а также иньская цивилизация на стадии ее формирования и первых этапах эволюции. Что касается культур соседних территорий, в частности, расположенных к северу, северо-востоку и северо-западу, то по отношению к ним достаточно рано выявилась тенденция представлять их неким отдаленным фоном в культурной истории Восточной Азии, который отнюдь не играл в ней сколько-нибудь значительной роли. Анализируя такую четкую направленность в ряде обобщающих исследований, постепенно убеждаешься, что существо подобной точки зрения определяется не только инерционностью взглядов, значительно меньшим объемом информации по древним культурам пустынно-степной и горно-таежной зон Центральной Азии и Дальнего Востока, завораживающим блеском ранних культур собственно Китая, но и, не в последнюю очередь, китаецентристскими и прочими сходными по духу теориями.

Искажение исторической перспективы, если, разумеется, исключить крайние стороны – тенденциозность, намеренную недобросовестность и политиканство в науке, произошло главным образом оттого, что до недавнего времени отсутствовало достаточное количество разнообразных фактов, характеризующих материальную культуру населения эпох неолита и ранней бронзы Внутренней Монголии, древней Маньчжурии и Кореи. Когда же такие факты появились, то особое значение приобрели вопросы периодизации, хронологической классификации и сопоставления памятников, что, при удачном решении такого рода проблем, открывало заманчивые перспективы в изучении центральной задачи – каковы взаимоотношения культур восточноазиатского региона, в чем состоит истинная роль каждой из них в том, что способствовало общему прогрессу.

Важное место в освещении важнейших событий в древней истории востока Азии на этапе, наступившем вслед за эпохами палеолита и мезолита, принадлежит чрезвычайно своеобразной культуре неолита Кореи. Первые открытия на полуострове памятников та-

[1] Статья впервые была опубликована в кн.: **Сибирь**, Центральная и Восточная Азия в древности: Неолит и эпоха металла. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 9–87.

Проблемы палеолита Кореи по результатам поездки 1974 г. рассмотрены в следующей статье: **Ларичев В. Е.** Палеолит Кореи // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности: Эпоха палеолита. – Новосибирск: Наука, 1976. – С. 25–83.

кого рода сделаны давно, однако работы японских археологов, которые велись в годы оккупации Кореи империалистической Японией, нельзя признать удовлетворительными ни с точки зрения методики, ни по итоговым результатам, поскольку в конечных выводах их отчетливо прослеживается ограниченность буржуазных исследователей, которые к тому же испытывали на себе чудовищное по силе давление расовоненавистнической идеологии, полной презрения ко всему инонациональному, что без особых раздумий отождествлялось с несамостоятельностью, варварством, отсталостью и консерватизмом.

Коренной перелом в стиле и масштабах изучения древних культур полуострова наступил лишь после освобождения, когда в 1945 г. на севере страны была провозглашена Корейская Народно-Демократическая Республика. Народное государство, издав специальные декреты, взяло на себя охрану памятников культуры[2], а специализированное научное подразделение Академии наук КНДР, Институт археологии и этнографии, центральные, а также провинциальные музеи начали интенсивные и систематические археологические исследования, поиски поселений и могильников, описание их, раскопки, за которыми последовали анализ полученных коллекций и их предварительные публикации. Особенно широкий масштаб приняли раскопки после окончания войны против американских агрессоров. Корейские археологи окончательно похоронили миф об отсталости неолитических культур страны, о том, что каменный век «доживает» на полуострове чуть ли не до первых веков нашей эры, что бронзовый век как особый этап в истории Кореи отсутствует, а первые металлические орудия, как и «секреты» плавки бронзы и железа, стали известны населению только после вторжения в страну ханьских полчищ. Плодотворные результаты исследований древних памятников культуры в КНДР неизменно привлекали внимание археологов и историков СССР. Их перу принадлежат обобщающие историко-археологические очерки и информационные заметки, посвященные ранним культурам Кореи. Они написаны по материалам, полученным главным образом при раскопках до начала 1960-х годов[3].

С тех пор, однако, археологи КНДР провели впечатляющие исследования как известных ранее ключевых по значению памятников, вызывающих особый интерес при разработке периодизации и хронологии неолита и бронзового века Кореи, так и новых поселений, материалы которых позволяли существенно уточнить уже сформировавшиеся представления о характере и особенностях древних культур полуострова. Это важное обстоятельство, а также счастливая возможность ознакомиться с подлинными коллекциями по ранним культурам Кореи при посещении страны осенью 1974 г., продолжительные беседы в Пхеньяне, позволявшие уточнить детали, дружеские дискуссии по материалам с участниками раскопок памятников, а также изучение последних публикаций дают возможность обратиться к анализу ранних этапов истории Кореи, охватывающих

[2] Декрет «Об охране древних памятников, достопримечательных мест природы и богатств» от 29.04.1948; Указ № 110 «Об охране памятников материальной культуры и научное изучение их» от октября 1948 г.; Указ № 92 «Об усилении охраны и изучении памятников материальной культуры в связи с развернутым строительством в народном хозяйстве и восстановительными работами» от 1954 г.; **Ким Ён Тан.** Политика Трудовой партии Кореи, связанная с изучением и охраной памятников культуры // Мунхва Юсан. – 1958. – № 1 (на кор. яз.).

[3] **Окладников А. П., Ким Ён Нам.** Новые работы по каменному веку Кореи // Сов. археология. – 1958. – № 4; **Воробьев М. В.** Древняя Корея. – М., 1961; **Джарылгасинова Р. Ш.** Древние когурёсцы. – М., 1972; **История** Кореи. – М., 1974. – Т. 1 (раздел по археологии написан М. В. Воробьевым).

финальный период каменного века, неолит и раннюю бронзу[4]. Блестящие исследования корейских археологов за последние полтора десятка лет особенно впечатляют, когда обращаешься к итогам работ, которые привели к коренному пересмотру взглядов на Корею эпохи первобытнообщинного строя[5]. Результаты поисков последних лет положены в основу современных представлений о культуре неолита Корейского полуострова и прилегающих к нему районов юга Маньчжурии.

Эпоха неолита

Начальный этап раннего неолита (V – первая половина IV тыс. до н. э.). Древнейшая из выявленных пока стадий раннего неолита Кореи представлена лишь находками первого слоя поселения Сопхохан (участки № 1, 3 и 4), а также изделиями, обнаруженными при раскопках на холме Бубхо уезда Унги. Наиболее полно культуру V – начала IV тыс. до н. э. характеризуют остатки жилищ Сопхохана I.

Рис. 1. Сопхохан I.
Культурные комплексы участка № 1.

Комплексы участка № 1 представляют собой часть разрушенной постройки, стратиграфически связанной с самым ранним из неолитических горизонтов Сопхохана – желтым песком, соответствующим слою Ж-9. Обломки керамики и обработанные камни, площадка из утрамбованной глины с примесью раковин и очаг залегали соответственно на глубине 140 и 170–180 см от поверхности ниже дна жилища № 1, датированного эпохой бронзы. Конструкция очага оказалась своеобразной – 5 камней, поставленных на ребро, образовывали в плане квадрат со сторонами около 1 м. Внутреннюю часть огражденного пространства заполняли мелкие камни со следами воздействия на них огня, а около плит ограждения прослеживались кусочки углей и раковин. Площадка из утрамбованной глины с примесью раковин находилась в 1 м от юго-восточной окраины очага. Диаметр площадки составлял 1 м (рис. 1).

Раскопки нижнего неолитического горизонта на участках № 3 и 4 вскрыли жилище типа полуземлянки. Котлован его располагался ниже пола жилища № 8, перекрытого, в свою очередь, жилищами № 4–6, которые датировались эпохой бронзы. Многократное строительство землянок над древнейшим в Сопхохане неолитическим жилищем, получившим порядковый номер 9, объясняет плохую сохранность отдельных его

[4] См. выше «Впечатления о поездке в Корею».

[5] **Основы** первобытной археологии Кореи. – Пхеньян, 1971; **Ким Ён Ган, Со Гук Тхэ.** Отчет о раскопках первобытной стоянки Сопхохан // Археолого-этнографический сб. – 1972. – № 4 (на кор. яз.).

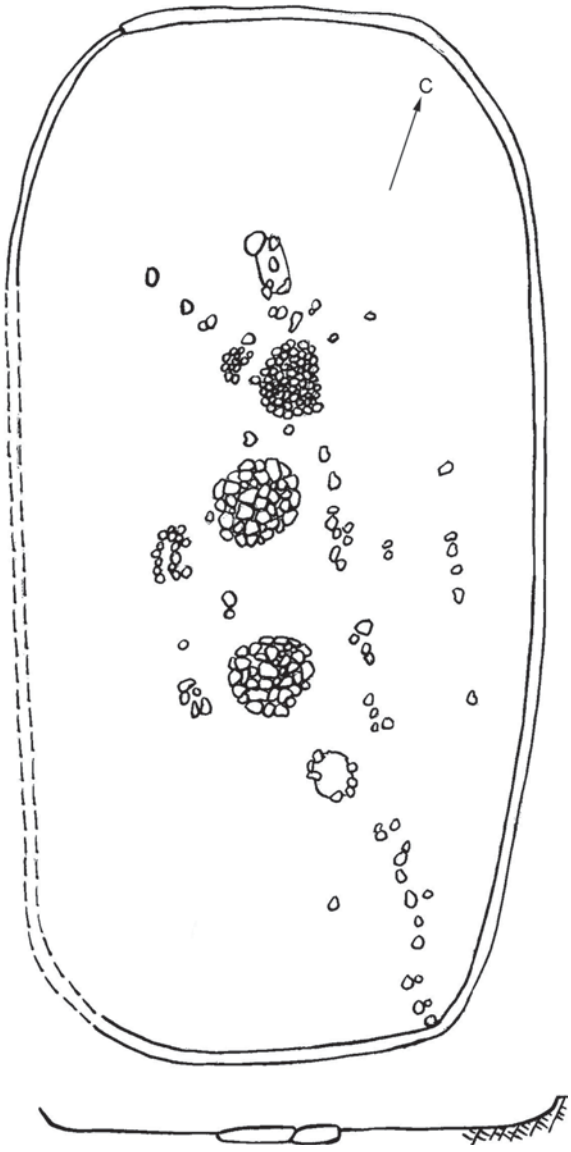


Рис. 2. Сопхохан I. План жилища № 9.

конструктивных частей. Верхняя часть котловина полуземлянки оказалась «срезанной» при постройке жилища № 8, поэтому настоящую глубину его определить невозможно. Ясно лишь, что она превосходила 1 м, поскольку именно на такое расстояние отстоит пол жилища № 9 – у восточного края его от перекрывающей стенку котлована прослойки с находками жилища № 17 эпохи бронзы. Кроме того, значительная часть западной стенки жилища № 9 и его юго-западного угла была уничтожена в ходе последующих строительных работ на поселении. Тем не менее, общие контуры постройки, ее размеры, как и детали устройства главных культурных комплексов, определяются без особого труда (рис. 2).

Жилище № 9 в плане вытянуто-овальной формы, с плавно закругленными углами. Длина полуземлянки 12, ширина 6 м. Пол в западной половине постройки представляет собой выровненный слой раковин, а в восточной, слегка наклонной, – «слой глины с галькой, насыпанной поверх раковин». Глиняный пол утрамбовывался, а затем обжигался огнем разведенных на нем костров. Интересно, что на этой площадке, отделенной от ряда очагов полосой камней, протянувшейся от юго-восточного угла жилища на северо-запад, при раскопках культурные остатки не обнаружены. Вывод корейских археологов о том, что здесь обитатели жилища находились во время отдыха и сна, кажется справедливым. Ямки от столбов на полу жилища или на окраине его не выявлены. Следовательно, опоры ставились прямо на пол, а крыша выглядела как у землянок самой простой конструкции.

Вдоль длинной оси жилища, почти посредине и чуть западнее полосы камней, ограждавших «лежанку», обнаружены 5 разной конструкции очагов. Самый южный из них, вытянуто-овальный, окружен по краю небольшими камнями и располагается восточнее остальных очагов, в 3 м от южной стенки. Диаметр его 60 см. Внутри очага

прослеживается слой светлого пепла толщиной 15 см. Между восточной и западной стенками, как раз посредине, в 60 см западнее от предыдущего, открыт еще один очаг, диаметр которого равен 1 м. Он без внешнего ограждения из камней, но зато специально выкопанную очажную яму выстилали плотно уложенные, докрасна прокаленные гальки. Очажную выкладку перекрывал слой пепла и углей. Точно такой же по устройству третий очаг находился по центральной оси жилища, в 1 м к северо-западу, а в 70 см к северу от него – четвертый, у которого, однако, помимо галечной выкладки по краю сохранялись еще и отдельные камни ограждения. Устройство очага, расположенного в 50 см к северо-западу от четвертого, – такое же, как первого: галечная выкладка отсутствовала, но камни ограждали его по краю. Очаг этот, как и первый, вытянутый: ширина 40, длина 80 см. Трудно сказать, чем объясняются столь явные конструктивные различия очагов, но факт остается фактом – окраинные были лишены выкладок и, по-видимому, предназначались для иных целей, чем три центральных. Возможно, крупные очаги с углублениями использовались для приготовления пищи, а в окраинных огонь горел в течение ночи для поддержания в жилище определенной температуры. Следует также отметить, что в юго-восточном углу жилища, где «лежанка» сходит на нет, выявлено обширное (3 м^2) золистое пятно, не огражденное камнями. Мощность золы достигала здесь 10–15 см.

Культурные остатки в жилище № 9 сосредоточивались главным образом вблизи очагов: около золистого пятна найдены фрагменты керамики и мотыга из рога, между вторым и третьим очагом – обломки сосуда, украшенного гребенчатыми оттисками, и каменная мотыга, западнее четвертого – черепки. Таким образом, фрагменты керамики концентрировались, в основном, вблизи очагов, дно углублений которых выстилали камни. Эта деталь подтверждает мысль о том, что очаги с выкладкой предназначались для приготовления пищи.

Выявленные в жилище № 9 культурные комплексы позволяют определить истинное значение находок на участке № 1. Раскопками здесь тоже вскрыты остатки постройки полуземляночного типа с частично сохранившейся «лежанкой», покрытой обожженной глиной с галькой, и очагом, по устройству аналогичному окраинным очагам жилища № 9 на участках № 3 и 4. Следовательно, можно сделать важный вывод о том, что для самого древнего из неолитических горизонтов Сопхохана характерны жилища совершенно определенного типа.

При просмотре находок обращает на себя внимание малочисленность инструментов из камня и архаичность большинства изделий. Так, ножи и скребки изготовлялись из плоских сколов диорита, края которых довольно тщательно ретушировались. Техника скалывания заготовок для подобных орудий характеризовалась настолько определенным примитивизмом, что Ким Ён Ган и Со Гук Тхэ не усмотрели в ней особых отличий от палеолитической. В качестве сырья, кроме того, использовался роговик, отщепы которого также попадались в культурных отложениях. Однако ошибочно делать вывод, что в целом техника обработки камня в культуре Сопхохана I архаична. Единственный обнаруженный в жилище № 9 наконечник стрелы из роговика свидетельствует о высоком уровне технического мастерства – широкие плоскости его сплошь выструганы тончайшей ретушью. Основание наконечника слегка выемчатое, края столь же незначительно выпуклые, а в сечение изделие линзовидное (рис. 3, *1*). В полуземлянке найдены еще 2 заготовки таких же наконечников стрел. Крупные инструменты типа мотыг и топоров (обнаружено 3 экз.) изготовлялись из плиток роговика. Мотыга, длина которой

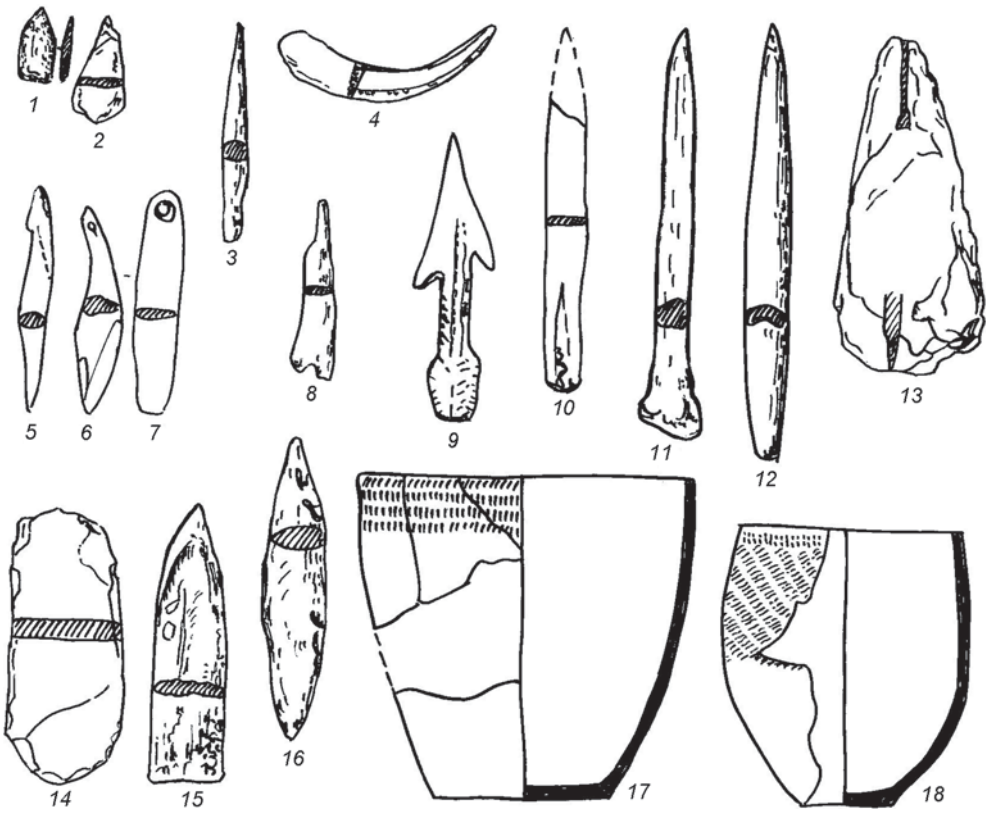


Рис. 3. Сопхохан I. Керамика, изделия из камня, рога и кости.

17 см, в плане треугольная. У нее округлое широкое лезвие и приостренный обушок (рис. 3, *13*). У второй мотыги обломан обух и часть лезвия. Длина сохранившейся части орудия 14,5 см. Третье изделие тоже определено корейскими археологами как мотыга, но, судя по очертаниям инструмента и по округлому тщательно заточенному лезвию, его следует отнести к топорам (рис. 3, *14*). В сечении орудие прямоугольное. Боковые края его слегка и небрежно обиты. Такой же стиль обработки в еще большей степени характерен для мотыг. Камень применялся, кроме того, для изготовления ряда простейших изделий. Так, гальки 5,6–7,5 см с выбоинами на противоположных краях использовались как грузила (13 экз.), с забитым концом – в качестве отбойника. Длина последнего 15, ширина 5,8 см. Плоская плитка песчаников служила точилом, на котором, очевидно, обрабатывались костяные и роговые инструменты. Особый интерес вызывают 2 каменные подвески с просверленными на конце отверстиями. Одна из них плоская, сильно овально-вытянутая, с отшлифованными плоскостями (рис. 3, *7*), вторая фигурная, обработанная так, что по форме представляет собой копию в камне резца кабана (рис. 3, *6*).

Основную часть инструментария обитателей жилища № 9 составляют изделия из кости и рога. Из трех наконечников копии два изготовлены из части расколотого вдоль оленьего рога. Расколотая плоскость рога сплошь пришлифовывалась и выравнивалась, а противоположная выпуклая сторона затачивалась лишь по краю приостренного кон-

ца, остальная поверхность, как и края, не обрабатывалась. Основания наконечников копий прямые. В разрезе наконечники плоско-выпуклые (рис. 3, *15*). Длина их 17,5 и 13,5 см, ширина 3,8 см. Третий наконечник копья по типу иной. У него выровнена и зашлифована не только плоскость раскола, но сильно сточены и края, из-за чего изделие в сечении линзовидное, а у острия почти ромбовидное. У изделия острый рабочий конец и приостренный, слегка отделенный от собственного наконечника насад. Длина его 14,5 см, ширина 3 см (рис. 3, *16*).

К метательным орудиям относятся также узкие, длинные, иволистные по форме острия (обнаружено 11 экз.), изготовленные из кости (рис. 3, *3, 12*). У них очень острые, иногда почти игловидные, концы и значительно более тупые, но тоже приостренные по сравнению с широкой средней частью насады. В разрезе острия овальные или вогнуто-выпуклые, соответствующие сечению расколотой кости. Длина самого крупного острия 15 см, большинства остальных – 13,5 см. В зависимости от размера острия могли использоваться как наконечники дротиков или стрел.

Третью группу изделий из рога и кости составляют орудия зверобойного промысла и рыбной ловли. К ним относится вырезанный из рога гарпун (рис. 3, *9*). У него подтреугольное, с очень острым концом острие, зубцы которого расходятся в стороны и слегка асимметричны, поскольку располагаются на разной высоте по отношению к стержню. Интересно, что только один из двух зубцов загнут в виде крючка. Острый конец гарпуна тоже слегка смещен в сторону по отношению к его продольной оси. Все эти отчетливо прослеживающиеся структурные детали несомненно призваны обеспечить удачу при охоте на морского зверя. Нижняя часть стержня гарпуна расширена и образует отделенный от него уступами насад. Он бугорчатый, что усиливало прочность соединения гарпуна с древком. На поверхности насада и стержня видны короткие прямые нарезки, представляющие собой или примитивный узор, или отметки о случаях удачной охоты, что, учитывая традиции морских зверобоев, кажется более вероятным. Длина гарпуна 10 см, расстояние между зубцами 2,8 см. У трех орудий из кости зубец оформлен лишь с одной стороны. Он едва намечен и на конце не очень острый (рис. 3, *5*). Такие инструменты, по-видимому, составляли одну острогу с тремя зубцами. Верхняя (с зубцом) половина их более широкая, а нижняя (насад) узкая, приостренная. Край остроги со стороны зубца слегка выпуклый, а противоположный почти прямой, что придает орудию характерные очертания. В сечении оно овальное. Длина одной из сохранившихся частей остроги 7,7 см, ширина 0,8 см. Два других стержня гарпунов оказались поломанными.

К уникальным костяным инструментам относится спица для вязания циновок, изготовленная из тщательно заполированной кости животного (рис. 3, *10*). Ушко просверлено на округлом конце спицы в месте, где сохранился естественный паз кости, что, по мнению корейских археологов, при вязании предохраняло нить от обрыва. Противоположный конец умеренно приострен. Длина спицы 12,5, ширина 1,3, толщина 0,3 см. Шилья (4 экз.) изготовлялись из любой подходящей для такого рода инструментов кости. Стачиванием у них выделялся приостренный рабочий конец (рис. 3, *8, 11*). Особо следует упомянуть нож, сделанный из клыка кабана. В режущее лезвие превращен его внешний край (рис. 3, *4*).

При исследованиях самого раннего из неолитических горизонтов Сопхохана I обнаружены обломки 6 или 8 сосудов. Как образцы древнейшей из найденной в Корее керамики они представляют исключительный интерес. Что касается технологии, то

обитатели жилища № 9 изготовляли посуду без применения гончарного круга. В тесто примешивались мелкий песок и толченые раковины, хотя последние не всегда. Стенки сосудов перед обжигом не заглаживались, поэтому они у готовых изделий шероховатые. Обжиг горшков явно осуществлялся на кострах, а не в гончарных печах, о чем свидетельствуют характерные темные пятна на коричневом фоне – следы воздействия неодинаковой температуры. Орнаментика на сосудах однообразная – гребенчатая, нанесенная с помощью штампа с четырьмя или пятью зубцами. Косо направленные оттиски располагаются чуть ниже венчика, а то и непосредственно у его кромки четырьмя (иногда и более) параллельными полосками, опоясывающими сосуд одной полоской, от которой наклонно вниз отходят прямые параллельные полосы таких же гребенчатых оттисков. Верхние опоясывающие сосуд полосы бывают вертикальными, а также косо направленными в левую или правую стороны. Орнаментировалась обычно половина, а порой пятая часть внешней поверхности сосуда. Обнаружены также черепки, у которых узор располагался около придонной части, а иногда и внутри сосуда. Венчик сверху в некоторых случаях обрезался ножом. Два реконструированных изделия позволяют составить представление об их формах. Оба сосуда плоскодонные, но у одного дно плавно переходит в стенки, которые, равномерно изгибаясь, поднимаются вверх и слегка суживаются у горловины (рис. 3, *17*), а у другого небольшого диаметра дно ограничено изгибом стенок. В средней части второй сосуд выпуклый, а вверху заужен (рис. 3, *18*). В целом, судя по фрагментам, толщина стенок сосудов Сопхохана I варьировала в пределах 0,4–0,8 см. Во время приготовления пищи сосуды прикрывались крышками, в качестве которых использовались плитки песчаника толщиной около 1 см. Два образца таких крышек (13×17 и 16×22 см) обнаружены при раскопках.

Для последующего анализа хозяйства раннего этапа неолита Кореи важны коллекции костей животных, найденных в жилище № 9. В комплекс фауны входят кости оленей, собак, барсуков и, что в особенности интересно, морских животных – тюленя и акулы. В пищу древние обитатели жилища № 9 использовали также крупных моллюсков, скопления раковин которых обнаружены между вторым и третьим очагом.

Финальный этап раннего неолита (вторая половина IV тыс. до н. э.). К заключительной стадии раннего неолита Кореи относятся культурные комплексы, обнаруженные при раскопках Сопхохана II (жилища № 3, 17, 19, 23) поселений Кунсан I (жилища № 1–5) и Цитхаб (жилище № 1). Значительно больший объем материалов, полученных в ходе их исследований, позволит достаточно полно и всесторонне характеризовать культуру раннего неолита Корейского полуострова.

Очевидные признаки изменений в культурных комплексах прослеживаются во многом, в частности, в конструкциях жилищ. В Сопхохане полуземлянки, открытые на севере участка № 1 (жилище № 3), на участках № 3 и 4 (жилище № 17), № 5 и 6 (жилище № 19) и на севере участка № 7 (жилище № 23), располагались, за исключением последнего, по одной линии с севера на юг и отстояли друг от друга на 5–8 м. Таким образом, впервые удалось вскрыть часть ранненеолитического поселка, застроенного по совершенно определенному плану. Из-за неровностей древнего рельефа глубина залегания жилищ оказалась различной: жилище № 3 было открыто на глубине 4 м, № 17 – 2 м, № 19 – 0,9–1 м. Многократность сооружения жилых построек на одном и том же месте в последующее время привела к тому, что большая часть полуземлянок оказалась нарушенной, а на отдельных участках полностью уничтоженной. В особенности пострадали жилища № 17 и 19, сооруженные на вершине холма – пол их раз-

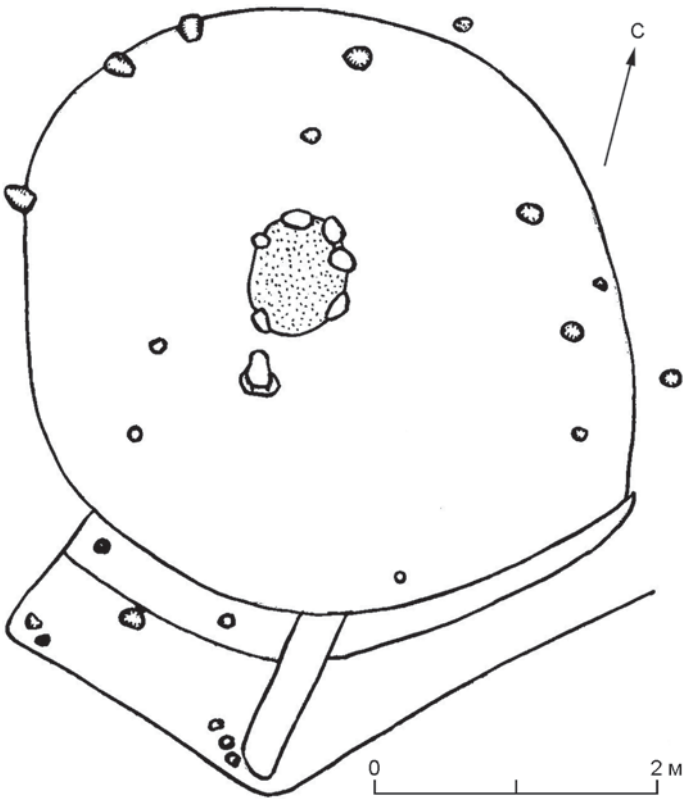


Рис. 4. Сопхохан II. План жилища № 3.

рушен больше чем наполовину. Расположенное у подножия возвышенности жилище № 23 оказалось в лучшем состоянии, но полностью сохранилось лишь жилище № 3, которое, как своего рода образец, позволяет представить полуземлянку с главными ее конструктивными деталями.

Жилище № 3 – это круглая полуземлянка диаметром 4,2–4,4 м (рис. 4). Глубина ее котлована 0,7–1,0 м. Дно котлована устилал пласт раковин толщиной 0,7 м. Этот пласт покрывался тонким слоем глины, перемешанной с обломками раковин, которую затем плотно утрамбовывали и для придания ей необходимой твердости обжигали. Вдоль стенок котлована, на некотором расстоянии от них, прослеживались ямки от столбов, поддерживавших кровлю. Диаметры ямок, позволяющие установить массивность опор, обычно равны 15–20 см, но иногда достигают 30–40 см. Судя по ямкам, столбы вкапывались в пол на расстоянии 0,7–1,2 м друг от друга. Очаг диаметром 0,8 м, оконтуренный камнями, располагался почти в центре жилища, но все же он находился несколько ближе к западной его половине. Для очага в полу выкапывалось углубление, которое при зачистке оказалось заполненным 10-сантиметровым слоем белой золистой массы, перемешанной с обуглившимися костями животных. Жилище входом обращено на юг – именно с этой стороны снаружи к котловану примыкала ступенька, сделанная из раковин и глины. Высота ступеньки 30–40 см, ширина 30 см. Что касается расположения

находок, то примечательно, что подавляющее большинство их обнаружено в юго-восточной части полуземлянки. Здесь лежали кости животных и, что особенно интересно, черепа собак. Можно поэтому сделать вывод, что в западной половине жилища находились места для отдыха и сна его обитателей.

Жилища № 17 и 19 позволяют установить вариации приемов, которые применялись при сооружении круглых построек финального этапа раннего неолита Кореи. Диаметры котлована жилищ достигали 4–4,4 м, глубина их составляла 0,6–0,8 м. Очаги диаметром 0,6–0,9 м располагались почти по центру жилищ, с некоторым смещением к югу. В жилище № 19 очажное углубление не оконтуривалось камнями. Постройка эта примечательна также тем, что для опор крыши не выкапывались ямки. Столбы, судя по всему, как и в жилище № 9 начального этапа раннего неолита, устанавливались прямо на твердом глиняном полу. Ямки для столбов в жилище № 17 отличались меньшим, чем в полуземлянке № 3, диаметром (8–10 см). Однако незначительная толщина столбов, поддерживающих крышу, заставила строителей расставить их вдоль стенок в значительно большем количестве, ибо расстояние между ямками составляло всего 20–40 см. Находки в жилищах, как и в полуземлянке № 3, концентрировались в восточной половине. Среди них наиболее примечательно открытие в жилище № 19 черепов собак, а в жилище № 17, у северо-восточной стенки, – груды грузил (31 экз.) из галек. По-видимому, в том месте жилья лежала целая сеть.

Жилище № 23 поселения Сопхохан II в особенности интересно потому, что открытие его позволило установить факт сооружения на финальном этапе раннего неолита не только округлых, но и подквадратных или подпрямоугольных в плане построек, углы у которых, однако, округлялись или «срезались», чем они отчасти напоминают жилище № 9 Сопхохана I. К сожалению, полуземлянка № 23 сохранилась частично. Раскопки выявили лишь северную стенку, а контуры восточной прослежены благодаря ямкам от столбов. Тем не менее, при исследовании прилегающих к северной и восточной стенкам участков пола удалось установить ряд необычных деталей. Длина северной стенки (3,8 м) и протяженность ряда ямок от столбов на восточном участке жилища (3,8–4 м) позволяют реконструировать общий вид постройки. Пол ее представляет собой слой замешанной с обломками раковин глины, утрамбованной и обожженной. Ямки для опор диаметром 10–15 см (в одном случае 25 см) выкапывались на глубину до 65 см. У восточной стенки они отстоят друг от друга на 20–40 см. Однако вдоль северной стенки обнаружено только 2 ямки, разделенные пространством в 2,8 м. Корейские археологи полагают, что у этой стенки опоры, как и в жилище № 9, очевидно, ставились прямо на глиняный пол. Кроме того, на расстоянии 1 м от концов восточного ряда ямок было выявлено еще два вертикальных углубления, вырытых в полу. В центре жилища располагался очаг (диаметр 0,7–0,8 м) необычной конструкции. Камни, составляющие очажную кладку, оказались обмазанными глиной. Такая конструкция облегчала очистку очага от накопившегося угля и пепла. Две кучки выбросов золы обнаружены около северной и южной окраин очага.

Сходство и различия в конструкциях жилищ Сопхохана II показывают не только живучесть старых традиций, творческий поиск новых приемов, отражающий потребности изменившейся структуры общества, но также, очевидно, представляют разные хронологические этапы заключительной стадии раннего неолита Кореи. Если, однако, обратиться к памятникам того же времени, открытым в других местах северной части Корейского полуострова, то своеобразие станет определяться к тому же культурной локальностью, отражающей традиции относительно обособленных родоплеменных

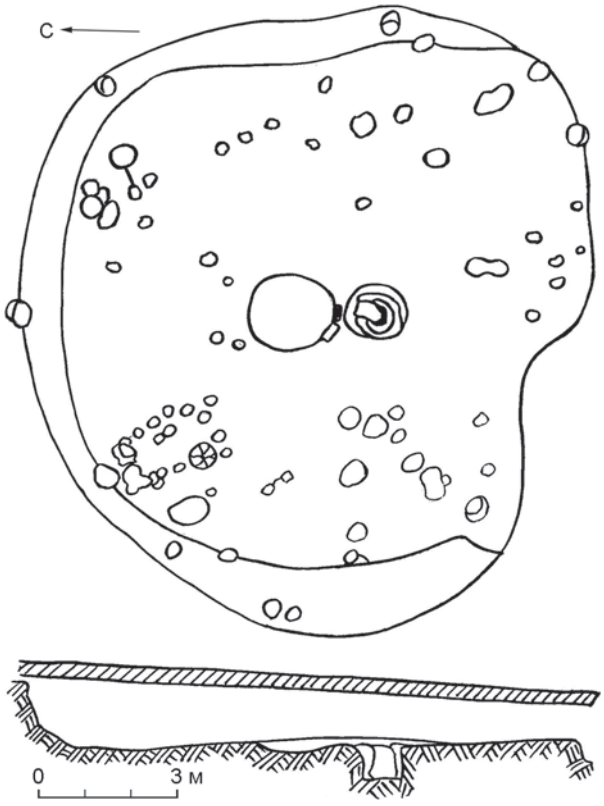


Рис. 5. Кунсан I. План и разрез жилища № 4.

объединений на отдельных его территориях. С этой точки зрения огромный интерес представляют жилища № 1–5, открытые при раскопках поселения Кунсан I, и жилище № 1 поселения Цитхаб (уезд Ончон провинции Южная Пхёнан). Судя по коллекциям, их следует датировать тем же периодом раннего неолита, что и жилище Сопхохан II.

Постройки поселения Кунсан I представляют собой полуземлянки, вырытые в земле или в пластах раковин. Глубина котлованов их достигает 50–70 или 120–130 см. Большинство жилищ круглые (рис. 5), однако довольно часто встречаются и четырехугольные. Ямки для столбов выкапывались вдоль стенок. Примечательно, что в некоторых жилищах для устойчивости опор на дно ямок подсыпали гальку. В жилище № 1 поселения Кунсан I ямки от столбов выявлены не только вдоль стенок, но и на остальной площади пола, причем, чем ближе к центру располагались они, тем меньше становился их диаметр. Это обстоятельство, по мнению корейских археологов, позволяет утверждать, что крыша у постройки была покатой. Всего в жилище № 1 обнаружена 21 ямка от столбов. К тому же ямки эти были более глубокими, чем в других жилищах Кунсана. В центре полуземлянок на полу сооружался очаг, оконтуренный по краю гальками или обломками точил. Но самая характерная черта культуры финального этапа раннего неолита Кунсана I – наличие в каждом жилище вкопанных в обширные ямы перевернутых вверх отбитым дном сосудов, которые, судя по обилию органических остатков, использовались как хранилища запасов пищи. Сосуды образовывали нечто вроде твердого и гладкого каркаса ямы-хранилища, защищая от смешения с землей уложенные в нее продукты. Это вкапывание в землю сосудов считается корейскими археологами «давним традиционным обычаем культуры Кунсан». Вход в жилище № 1 размещался в юго-западной части. Ширина его 80, длина 150 см.

Иные конструктивные детали выявлены при раскопках квадратного жилища № 1 поселениям Цитхаб. Котлован полуземлянки выкапывался в песке и достигал глубины 40–50 см. Длина стенок жилища 6,7×6,65×7,35×7 м. Пол и стенки были обмазаны слоем глины. Вдоль котлована размещались ямки для столбов. Кровля полуземлянки Цитхаб,

судя по находкам глиняной обмазки, сооружалась следующим образом: сначала настилались солома и трава, которые затем обмазывались слоем глины. Около расположенного в центре постройки очага обнаружено несколько таких же, как в жилищах поселения Кунсан I, хозяйственных ям, куда вкопаны перевернутые сосуды. Необычная конструктивная деталь постройки – два входа в нее: внутри землянки, в северо-восточной ее части, у стенки сооружена ступенька. Длина ее 110, ширина 25, высота 15 см. Второй вход располагался на юго-востоке, где снаружи выявлен полукруглый холмик, радиус которого составляет 80 см.

Каменный инвентарь финального этапа раннего неолита Кореи – многочисленный и типологически разнообразный. Помимо встречавшихся ранее вариаций инструментов появляется значительное количество новых. Техника обивки и тонкой отжимной ретуши по-прежнему широко использовалась при изготовлении из роговика и диорита наконечников стрел, ножей, скребков, а также своеобразных наконечников или, правильнее сказать, остроконечников. Одна из типологических разновидностей обработанных отжимной ретушью стрел в точности соответствует стрелам, обнаруженным в Сопхохане I: у них слегка выемчатое основание, умеренно закругленные боковые грани и отчетливо выделяющийся, заметно суживающийся конец (рис. 6, *15* сравни с рис. 3, *2*). Вместе с тем появляются стрелы иной разновидности: в плане вытянуто-овальные, с плавно закругленным основанием и приостренным концом, в сечении линзовидные (рис. 6, *13*). Близкая к иволистной форма таких наконечников – явная копия сланцевых шлифованных наконечников стрел, которые в изобилии появляются в этот период, но первые шире последних. Длина обитых наконечников стрел 3–4, ширина 1–1,5 м. Ножи и скребки изготовлялись из не отличающихся особой правильностью, довольно крупных подтреугольных или подпрямоугольных «ребристых» сколов роговика и диорита. Длина их 8,5–11, ширина 3,5–4 см. Края таких отщепов и пластинчатых сколов тщательно ретушировались (рис. 6, *20*). В случаях, когда ретушью оформлялись два сходящихся под острым углом края сколов, получилось орудие типа наконечника (рис. 6, *17*). Такие орудия, по-видимому, действительно использовались в качестве наконечников копий или дротиков. Шлифованные наконечники стрел по количеству, возможно, уступают обитым (во всяком случае, в Сопхохане II их обнаружено меньше), однако по типологическим вариациям они очень разнообразны. В Сопхохане II, Кунсане I и жилище № 1 поселения Цитхаб найдены плоские шлифованные наконечники стрел с выемчатым основанием и бороздками, короткие треугольные с прямым основанием и длинные иволистные с зауженным, слегка закругленным основанием и приостренным противоположным концом (рис. 6, *14, 26, 28*). Наиболее широкая часть подобного типа наконечников стрел приходится на середину пера. В сечении наконечники из сланца тонкие, линзовидные или, когда затачивались длинные края, шестигранные. У подтреугольных наконечников заточке подвергались края приостренного конца. Пожалуй, наиболее многочисленны короткие иволистные наконечники стрел. Длина шлифованных наконечников 4–5, ширина 1–6, толщина 0,2 см.

Интересную деталь, связанную с процессом массового производства шлифованных стрел, удалось установить при раскопках на поселении Кунсан I: на отдельных участках встречались целые скопления удлиненно-трапециевидных наконечников (в одном месте обнаружено 23 экз.). Стоило у заготовок приострить шлифовкой конец, и стрела готова к использованию (рис. 6, *30*).

Не менее эффектны также шлифованные наконечники копий, изготовленные из сланца. Инструменты такого типа найдены при раскопках жилища № 1 поселения Цитхаб.

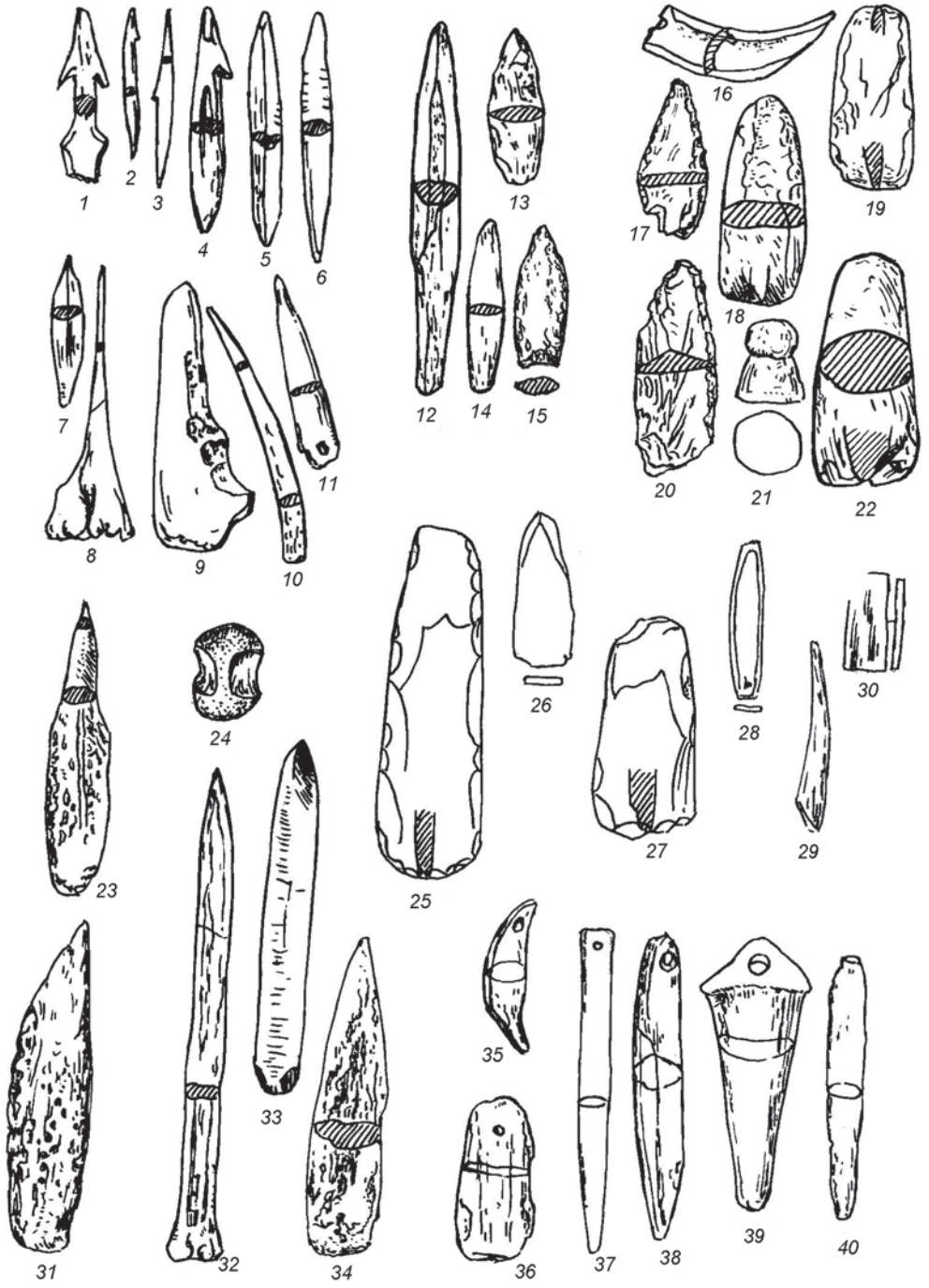


Рис. 6. Сопхохан II. Изделия из камня, кости и рога
(*26, 33* – инструменты поселения Цитхаб; *30* – Кунсан I).

Они узкие, иволистные, достигающие в длину 25 см. Основания наконечников копий из сланца закруглены. В сечении стебли наконечников узколинзовидные. На копье из Цитхаб (рис. 6, *33*) у основания по одному краю сделано множество коротких (2 мм) насечек, отстоящих друг от друга на 1 мм, а по другому краю – всего 4–5. Возможно, эти насечки представляют собой отметки случаев удачной охоты. На поселении Кунсан I обнаружено также каменное копье, аналогичное копьям поселения Сопхохан II, которые изготавливались из расколотой вдоль длинной трубчатой кости животного (рис. 6, *32*).

Среди крупных каменных орудий выделяется многочисленная группа мотыг, сделанных из плит твердого туфа, песчаника и роговика (рис. 6, *25, 27*). Обитые инструменты такого рода предназначались, очевидно, для рытья котлованов полуземлянок, очажных углублений и ям для опорных столбов. Для мотыг характерны удлиненные пропорции, широкий закругленный рабочий конец, более узкий обушок, подтреугольная, как у изделий Сопхохана I, или трапециевидная форма. Края орудий забиты и выкрошились при использовании. Длина мотыг 23–36, ширина 11–11,5 см. Мотыги изготовлялись также из рога (рис. 6, *29*; 7, *6*).

Топоры и тесла финального этапа раннего неолита Кореи изготовлялись из диорита, порфирита и других твердых пород (рис. 6, *18, 19, 22*; 7, *8–10*). У них обычно широкое, «овальное, как край раковины», лезвие и более узкий обушок. На поселении Кунсан I обнаружены четырехугольные топоры, у которых примерно одинаковая ширина округлых обуха и лезвия. В описаниях упоминаются и подпрямоугольные топоры. Часть топоров имеет асимметричное скошенное лезвие – черта, особенно характерная для рубящих инструментов эпохи ранней бронзы. Многие топоры отшлифованы полностью, но встречаются также орудия, лезвия которых отшлифованы, а остальные плоскости сохраняют поверхности, покрытые фасетками сколов, оформлявших заготовки. У одного из топоров, найденных в Сопхохане II, оба конца шлифовкой превращены в рабочие лезвия (рис. 6, *19*). Обычно острые края топоров зазубрены, покрыты выщерблинами, а то и сломаны. В поперечном сечении рубящие инструменты овальные, укороченно-овальные и линзовидные (рис. 6, *18, 22*). Встречаются, однако, топоры квадратные или подпрямоугольные в сечении (рис. 7, *8, 9*). Длина топоров 11–20, ширина 4–5,5, толщина 2,2– 4,5 см. В жилищах № 3 и 23, кроме того, найдены обитые и частично пришлифованные заготовки более мелких, так называемых «облегченных» топоров. Длина их 7,5–9 см.

К новым, чрезвычайно важным для реконструкции хозяйственной деятельности населения изделиям из камня относятся обнаруженные на поселениях Кунсан I и Цитхаб крупные ладьевидной формы зернотерка и цилиндрические куранты, с помощью которых растирались злаки (рис. 7, *7*). Об интенсивности их использования свидетельствует сильная сточенность поверхностей обеих составных частей «первобытной мельницы». Открытие зернотерок принципиально важно по значению для подтверждения вывода о существовании земледелия на раннем этапе неолита Кореи. На обратных сторонах плит зернотерок часто видны округлые выбоины – свидетельство использования плит в качестве подставки при добывании огня с помощью лучкового сверла. Впервые среди находок появляются круглые в сечении полировальные камни для отделки поверхности керамических изделий, изготовленные из продолговатых галек (рис. 6, *21*). У них отчетливо выделяются округлая рукоятка, удобная для захвата рукой, и сильно заполированная плоскость, с помощью которой сравнивалась поверхность сосудов.

В качестве отбойников и молотов с забитыми и смятыми от ударов концами по-прежнему использовались округлые и продолговатые гальки, встречавшиеся в культурных

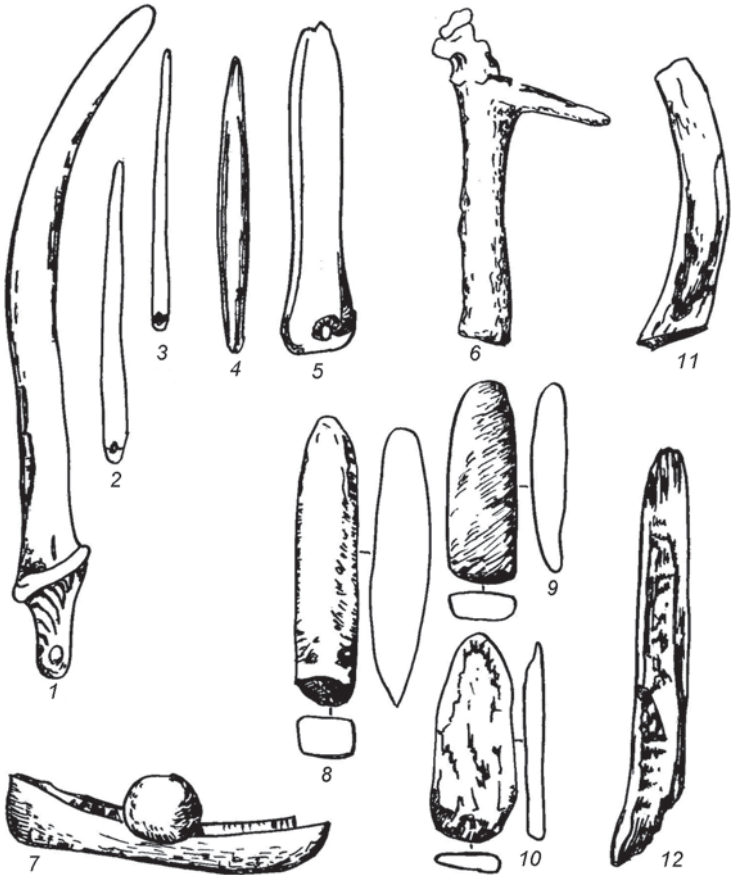


Рис. 7. Каменные, костяные и роговые изделия
из поселений Сопхохан II (*3, 4, 10*),
Кунсан I (*1, 2, 5–7, 12*), Цитхаб (*8, 9*) и Нонпхори (*11*).

отложениях в изобилии. Новая особенность для части из них – выбитый посредине желобок, опоясывающий камень. В него помещали веревку или ремень, с помощью которых орудие крепилось в рукоятке. Грузила, как и прежде, изготовлялись из плоских галек (диаметр 4–8 см), с двух сторон которых сколами оформлялось выемки (рис. 6, *24*). Интерес представляет многочисленность грузил, обнаруженных в отдельных жилищах поселения Сопхохан (№ 3 – 12 экз., № 19 – 10 экз., № 23 – 9 экз., № 17 – 31 экз.). Возможно, число их свидетельствует о разных размерах сетей.

Для отделки костяных и роговых инструментов использовались точила из песчаника, у которых две или три плоскости покрыты характерными желобками.

Следует также отметить, что камень (сланец) использовался и для украшений. На поселении Сопхохан II найдена короткая, относительно широкая подвеска подпрямоугольных очертаний со слегка закругленными углами. На одном конце ее просверлено отверстие. В сечении подвеска прямоугольная. Длина изделия 4, ширина 2 см (рис. 6, *36*). Изготовление таких подвесок – продолжение традиций предшествующей

стадии культуры неолита, а может быть, и докерамической эпохи. К предметам культового назначения следует, по-видимому, отнести изготовленную из жировика шлифованную овальную плитку, длина которой 6,5 см.

Помимо камня, для производства инструментов самого различного назначения продолжают широко использовать кость и рог. Примечательно, что отдельные орудия по типу, как и следовало ожидать, сближаются с каменными и техника обработки их, шлифовка, тоже одинакова. Вместе с тем ряд изделий отличается оригинальностью. Так, лучший образец наконечника стрелы из жилища № 3 Сопхохана II, изготовленный из расколотого рога оленя, типологически явно своеобразен: у него длинное иволистное, с острым кинжаловидным концом перо, трапециевидное в сечении, и насад, оформленный выемкой с одного края. Черешок стрелы в сечении квадратный. Длина стрелы 9,5 см, насада – 3 см (рис. 6, *12*).

В качестве наконечников стрел, дротиков, а в отдельных случаях и копий использовались инструменты, описанные корейскими археологами как остроконечники. Они изготовлены из костей животных и выглядят как узкие и длинные «проколки» с заостренным концом. В Сопхохане обнаружено 19 таких инструментов. Длина их 11–14,5 см. У одного такого орудия два заостренных конца. В сечении оно плоско-выпуклое. Длина острия 8, ширина 2 см (рис. 6, *7*). Копья изготовлялись главным образом из расколотых рогов оленя. Типологически они, как и на предшествующем этапе неолита, подразделяются на два варианта — с широким прямым основанием (рис. 6, *34*) и несколько зауженным, закругленным на конце (рис. 6, *23, 31*). Узкие концы копий острые, треугольные, иногда слегка искривленные. Сечение пера у них плоско-выпуклое, а ближе к заостренному концу – линзовидное. Длина наконечников копий 15–20, ширина 3–4 см. Особого упоминания заслуживает уникальное кинжаловидное острие, обнаруженное в жилище № 3 поселения Сопхохан (рис. 6, *32*). Оно изготовлено из расколотой трубчатой кости животного. Основание острия не обработано, а противоположный конец тщательно приострен. Длина орудия с естественным пазом для стока крови 26 см. По мнению корейских археологов, инструмент этот использовался с короткой, как у кинжала, рукояткой.

Целый набор изделий из кости и рога связан с рыболовством и морским промыслом. Большие, с треугольным слегка ассиметричным острием и такими же асимметрично расположенными жальцами гарпуны почти полностью сходны с гарпунами начальной стадии раннего неолита Кореи. Стержень гарпунов округлый в сечении. Существенная разница отмечается лишь в форме уплощенного насада, у которого прослеживаются зачатки выступов. Длина гарпунов 9,5–10,5 см (рис. 6, *1*). Однозубчатые гарпуны, представляющие собой части острог, различаются по длине, массивности и очертаниям зубцов (рис. 6, *23*). Нижний конец у гарпунов приострен, наиболее широкий участок приходится на центральную часть стержня. В сечении орудия полуовальные, поскольку один край у них выпуклый, а второй срезан плоско. Длина однозубчатых гарпунов 7–12 см, наибольшая ширина 2 см. Зубцы у них оформлялись или на конце, или на одном из участков средней части стержня. В отличие от изделий такого же типа из жилища № 9 поселения Сопхохан I, у описываемых гарпунов менее резко или совсем не выделен насад. Определенным своеобразием отличается однозубчатый гарпун, изготовленный из рога (рис. 6, *4*). Одна плоскость его выровнена стачиванием, а другая – округлая и тоже пришлифована. Гарпун необычно широк, причем стержень у него расширяется к приостренному основанию. Найдены также гарпуны, у которых в основании посредством

выемок оформлены «небольшие плечики». Особый интерес вызывают обнаруженные в жилищах Сопхохана древнейшие в неолите Кореи блесны, изготовленные из трубчатых костей животных (рис. 6, *5, 6*). Они обычно приострены с двух концов и зашлифованы, но иногда один конец блесны делался округлым. В поперечном сечении изделия треугольные или плоско-овальные. Вдоль одного или двух краев их оформлены мелкие зубчатые выступы, а у одной блесны вырезан такой же, как у гарпунов остроги, выступ. Длина блесен 12–14,5 см.

Остальные костяные изделия представлены проколками, шильями, инструментами для плетения циновок, иглами, подвесками и ножами из клыков кабана. Проколки и шилья в особенности многочисленны (более 100 экз.). Они изготовлялись из ребер и костей конечностей животных, а также из отростков рогов оленей (рис. 6, *8–10*). Рукоятка или оставалась необработанной, когда сустав кости удобно размещался в руке (его лишь порой слегка пришлифовывали) (рис. 6, *8*), или оформлялась особо (рис. 6, *9*). Концы проколок и шильев тщательно затачивались и отполировывались. Они округлые, иногда уплощены. Самые крупные из проколок и шильев достигают длины 18 см. Как шилья, спицы для вязания сетей или инструменты какого-то иного назначения использовались отшлифованные рога оленя с фигурно оформленной у их основания головкой-рукояткой (рис. 7, *1*). Изогнутый выступающий «поясок» отделяет от стержня рукоятку с вырезанными на ней параллельными линиями. На конце рукоятки имеется углубление, сверление которого не было законченным. Длина изделия 25,5 см. В Сопхохане найдено несколько таких головок, отломившихся от стержня рога. Округлые или реже плоские в сечении иглы для плетения циновок слегка искривлены в том месте, где просверливалось ушко. Здесь же по краю делались зарубки (рис. 6, *11, 37*; 7, *5*). Длина игл 6,5–11 см, ширина 0,7 см, толщина наиболее массивных изделий 2 см. В Сопхохане найдено 8 игл. У одной из них головка от стержня отделена плечиками, а края, за исключением приостренного конца, неровные, зубчатые (рис. 6, *40*). Оценивая возможность использования загадочных изделий с приостренным концом и фигурными головками, можно высказать предположение, что они использовались для нанесения отдельных видов резного узора на поверхности сосудов. Среди изделий из кости есть такие, которые, бесспорно, употреблялись как штампы для орнаментации (рис. 7, *11, 12*). Обычные иглы, применявшиеся для шитья, встречаются значительно реже и в большинстве случаев в обломках (рис. 7, *2–4*). У обнаруженной на поселении такой иглы ушко настолько узкое, что в него продевалась лишь скрученная нить.

Большинство украшений представлено подвесками из клыков кабана, которые слегка пришлифовывались, но в общем сохраняли свою естественную форму. На одном конце клыков просверливалось отверстие. Подвески такого типа прямые или искривленные. Длина их 4,5–7 см (рис. 6, *35*). У крупных, расколотых вдоль клыков кабана заострялся внешний округлый край. Такое изделие, по мнению корейских археологов, могло использоваться в качестве ножа. На широком конце их тоже просверливалось отверстие (рис. 6, *16*). Одна из подвесок изготовлена из присуставной части кости животного (рис. 6, *39*). Ее широкий конец с отверстием закруглен, а другой приострен. В сечении подвеска полуовальная. Длина ее 6,5 см, наибольшая ширина 2,5 см.

Керамика финального этапа раннего неолита Кореи отличается разнообразием форм и орнаментальных композиций, в значительной мере усложненных и богатых по вариациям. При общем стилистическом единстве керамики отдельных районов севера полуострова комплексы ее из разных памятников все же заметно отличаются друг от друга,

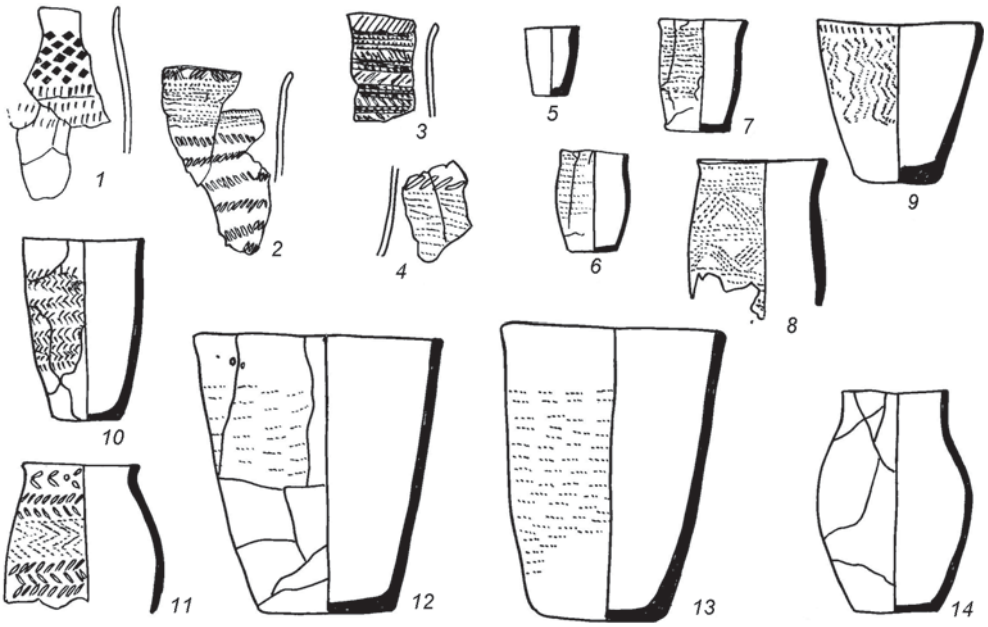


Рис. 8. Сопхохан II. Керамика.

а поэтому рациональнее рассматривать их в отдельности, что позволит выявить при общем обзоре локальные культуры и их хронологические подразделения.

Наиболее детально изучена и полно издана керамика Сопхохана II. Судя по описаниям, сосуды изготовлялись из глины с примесью песка, слюды и измельченных раковин. Сами распространенный прием выделки посуды в Сопхохане – это, по-видимому, «выколачивание» горшка из одного куска глины или постепенное «вытягивание» стенок сосуда. В полуземлянках № 3, 17, 19 и 23 найдены лишь плоскодонные сосуды с плавно поднимающими к горловине или отделенными от дна изгибом разной степени четкости стенками. По форме сосуды или усеченно-конические и стакановидные, или со слегка округлым туловом, едва намеченной шейкой и отогнутым наружу венчиком. Цвет стенок большинства сосудов темно-серый, однако встречаются также экземпляры темно-коричневого и красно-коричневого тонов. За исключением двух изделий, вся остальная посуда украшена орнаментом (рис. 8).

Наиболее простой узор – поперечные, параллельные друг другу гребенчатые оттиски длиной 2 см. Они наносились костяным острым и притупленным гребенчатым штампом, в зависимости от чего ширина отпечатков получалась различной. Таким орнаментом покрывалась большая часть поверхности сосудов (рис. 8, *12, 13*). Иногда оттиски делались вертикальными; в таком случае орнамент представлял собой горизонтальные опоясывающие полосы. Узор из гребенчатых оттисков связан с сосудами, у которых плавно расширяющееся кверху тулово с прямыми стенками и срезанный ножом венчик. В тесто их примешан песок, а иногда измельченные раковины. Цвет поверхности сосудов – темно-серый или темно-коричневый.

Вторая, значительно реже распространенная разновидность орнамента – пунктирный узор. Очевидно, его наносили с помощью штампа в виде колесика с четырехуголь-

ными в сечении зубчиками. Такая орнаментика характерна для нескольких сосудов со слабо округлыми стенками и слегка отогнутым венчиком (рис. 8, *6, 7*). Поверхность их темно-коричневая. На отдельных сосудах полосы из пунктирных линий сочетаются или чередуются с зигзагообразными или с волнистыми узорами, составленными из нескольких параллельных пунктирных линий (рис. 8, *8*), вследствие чего общая орнаментальная композиция приобретает большую нарядность и сложность. Если мысленно совместить изгибы соседних зигзагов, то получится цепочка ромбовидных фигур.

Третья разновидность орнамента – елочный узор, прочерченный или оттиснутый с помощью гребенчатого штампа. Елочный орнамент наносился на поверхности усеченно-конических сосудов, а также на горшки с относительно выпуклым туловом, несколько зауженным горлышком и слегка отогнутым венчиком (рис. 8, *9–11*). Цвет стенок сосудов темно- или серо-коричневый. На них иногда заметны следы лощения. Елочные узоры располагались горизонтально или вертикально, параллельно друг другу, в одном или противоположном направлении, причем соседние части противоположно направленных полос в свою очередь образовывал елочный узор. Гребенчатые прочерченные елочные полосы сочетаются с оттисками гребенки, а разделяют их прямые пунктирные линии. В целом сочетания разных узоров образуют причудливый орнамент, напоминающий плетение или сеть. Гребенчатые горизонтальные оттиски елочного орнамента при взгляде по продольной линии сосуда создают одновременно впечатление об узоре «вертикальный зигзаг». От венчика его отделяет горизонтальная полоса косо поставленных, параллельных друг другу оттисков гребенки (рис. 8, *9*). Применение в орнаментике разных по стилю или техническому исполнению узоров фиксируется по обломкам сосудов довольно часто. Отдельные черепки с комбинированными узорами заслуживают особого упоминания. На одном из них венчик выделен под острым углом направленными друг к другу группами из 5–6 коротких параллельных линий (рис. 8, *2*). Ниже располагается широкая полоса из 12 горизонтальных пунктирных линий, а далее следуют ряды из наклонных прочерченных линий, каждая соседняя пара которых образует елочный узор. У второго обломка венчика по краю нанесен горизонтальный ряд косых, параллельных друг другу черточек. Они через определенный промежуток наносились и ниже, но наклон их менялся то в одну, то в другую сторону, а свободное пространство между ними заполнялось горизонтальными пунктирными линиями (рис. 8, *3*). Венчик таких богато украшенных сосудов слегка отогнут наружу.

Четвертая разновидность орнамента представлена лишь одним обломком. Для него характерны 6 рядов ромбических оттисков штампа, образующих узор в виде «плетенки» (рис. 8, *1*). Каждый из ромбов рассечен внутри 3–4 вертикальными черточками. Ниже «плетенки» располагаются 3 параллельных ряда слегка косо направленных гребенчатых оттисков. По цвету и составу теста этот черепок тоже уникален. По-видимому, сосуд на поселение Сопхохан II доставили откуда-то из весьма отдаленного района. Узор «плетенка», как известно, характерен для неолита севера Дальнего Востока.

Керамика поселений Кунсан I и Цитхаб по формам во многом отличается от сосудов Сопхохана II, однако примечательно сходство отдельных мотивов орнаментики, свидетельствующих о глубинном этническом родстве культур, представленных этими памятниками. При подготовке гончарного теста обитатели поселения Кунсан I подмешивали в него тальк или асбест, а не песок и измельченные раковины, как делали жители в Сопхохане II. Крупные сосуды на поселениях Кунсан I и Цитхаб изготовляли не «выколачиванием», а ленточным методом. В то же время гончары применяли и так

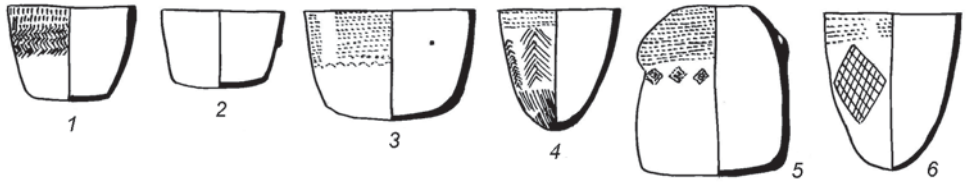


Рис. 9. Цитхаб. Керамика.

называемый «метод лепки», когда сжатыми пальцами стенки сосуда постепенно вытягивали вверх. Посуда с внешней стороны полировалась плоскими окатанными галькаами, а узор наносился специальными инструментами. На поселении Цитхаб обнаружено несколько «мелких и плоских орудий», которые, по мнению корейских археологов, применялись в качестве штампов. В Кунсане I такие штампы изготовлялись из костей (рис. 7, *12*). По типам сосуды поселений Цитхаб и Кунсан I подразделяются на несколько категорий – крупные, яйцевидной формы остродонные «котлы ток», которые использовались в качестве «каркасов» хозяйственных ям, расположенных около очагов; горшки для засолки, вымачивания овощей и варки пищи; столовая посуда типа чаш, чашек, тарелок, стаканов и кружек. Среди сосудов памятника Цитхаб, помимо остродонных (рис. 9, *4, 6*), столь же часто встречаются и с очень плавно закругленным, постепенно переходящим в тулово дном (рис. 9, *3*). Сосуд с ушками на этом поселении обнаружен лишь один, и форма его необычна: у него выделяется верхняя, нависающая над нижней частью с сильно загнутыми внутрь стенками и венчиком, из-за чего горловина в диаметре меньше дна (рис. 9, *5*).

Орнаментика характеризуется зональностью узоров. Как и в Сопхохане II, особенно популярен расположенный полосами горизонтальный или вертикальный елочный орнамент, сочетающийся с пунктирно-точечными или гребенчатыми оттисками, расположенными в верхней части сосуда, непосредственно ниже венчика. Группы параллельных друг другу горизонтальных пунктирных линий не сплошь опоясывают сосуд, а на определенных участках прерываются, вследствие чего на его поверхности появляются вертикально расположенные неорнаментированные участки (рис. 9, *3, 6*). Разные по характеру орнаментальные композиции наносились на определенные части сосуда: обычно вверху прослеживаются пунктирно-точечные горизонтальные линии, ногтевидные вдавления или параллельные полосы коротких вертикальных гребенчатых оттисков (рис. 9, *1*); в средней зоне прочерчивался или оттискивался гребенчатым штампом елочный узор, а также ромбовидные фигуры, заштрихованные внутри пересекающимися крест-накрест линиями; придонная часть орнаментировалась косо направленными линиями или зигзагами елочного узора (рис. 9, *4, 6*). Неорнаментированная придонная часть сосуда отделялась иногда от орнаментированной волнистой или зигзагообразной линией. Среди геометрических фигур в орнаменте популярны ряды ромбов, рассеченных внутри параллельными, косо направленными гребенчатыми оттисками (рис. 9, *5*). Для керамики поселения Кунсан I характерны в общем такие же орнаментальные мотивы: горизонтальные ряды елочного узора, образующего вместе с тем вертикальный зигзаг, совмещались с вертикально направленным елочным узором, пунктирно-точечные линии опоясывали верхнюю часть сосудов, иногда прерываясь вертикальными неорнаментированными полосами; такие же горизонтальные полосы образовывались

пересекающимися крест-накрест короткими черточками, вертикальными или наклонными гребенчатыми оттисками или просто прочерченными острым концом кости линиями. Среди фигур, выделяющихся на фоне узора, а также прочерченных или оттиснутых, одинаково популярны как прямоугольно-геометрические, главным образом зигзаги, треугольники и ромбы, так и криволинейные.

В заключение описания особенностей материальной культуры финального этапа раннего неолита севера Корейского полуострова для формирования представления о характере экономики важно привести список животных, кости которых обнаружены в жилищах и в непосредственной близости от них. При раскопках стоянок наиболее часто встречались костные остатки пятнистых оленей, косуль, горных козлов, кабанов, собак, буйволов, барсуков, а также некоторых видов птиц. В культурных напластованиях расположенного на берегу моря поселения Сопхохан II обнаружены, кроме того, кости кита, акулы, разнообразных рыб, в том числе трески, а также груды раковин различных моллюсков. Таким образом, определенно стал более совершенным морской промысел обитателей приморских районов полуострова, а также разностороннее охота и продуктивнее земледельческое производство у жителей внутриконтинентальных частей его, если судить по разнообразию фауны и обилию зернотерок, ранее не встречавшихся на поселениях.

Развитый неолит, ранний этап (первая половина III тыс. до н. э.). Памятников, характеризующих развитую культуру неолита Кореи, известно несравненно больше, чем местонахождений его предшествующей стадии. К наиболее известным из них относятся следующие поселения: Сопхохан – III культурный горизонт (жилища № 8, 12, 13, 20, 26–30), Кунсан – II культурный горизонт, Комын-Кэбон (уезд Юсан, пров. Сев. Хамгён), Цитхаб (жилища № 2, 3), Амса (уезд Квапчжу, пров. Кёнги), Тонсандон (г. Пусан, пров. Юж. Кёнсан), Кымтхан I (район Садон, г. Пхеньян), жилище № 7 поселения Седюк (уезд Енбен, пров. Сев. Пхёнан).

Жилища в Сопхохане III располагались рядами: по одной линии полуземлянки № 8, 12 и 13, по другой – все остальные. Расстояние между крайними жилищами достигало 27 м. Большинство построек сохранилось плохо, но в целом конструкция их восстанавливается достаточно полно (рис. 10, 11; см. также рис. 12 – план жилища № 3 на поселении Цитхаб). Для жилищ, как и ранее, выкапывался котлован, но не округлый, а подквадратный или подпрямоугольный, с характерно закругленными углами. Глубина подземной части составляла у некоторых полуземлянок 70, 130–150 см, а иногда – несколько больше. Размеры лучше других сохранившегося жилища № 8 – 4,4×4,8 м, однако жилища № 27 и 28, прямоугольные по очертаниям, занимали, очевидно, большую площадь, так как одна из сторон последнего была длиннее 5 м. Высказываются, правда, предположения, что они относятся к более позднему времени, чем остальные жилища Сопхохана III, поскольку по очертаниям им близки постройки следующего этапа неолита. Кстати, пол в том и другом жилище обмазан необычайно толстым (до 5–10 см) слоем глины, очень твердой, по-видимому, обожженной.

Постройка № 26 – самая маленькая (2,8×3,1 м), но, судя по находкам, она, несмотря на наличие очага, представляла собой не жилище, а нечто вроде общественного амбара для хранения запасов, о чем свидетельствуют обилие обломков керамики, почти полное отсутствие среди находок орудий, изготовленных из камня и кости, открытие двух скелетов собак, а также то обстоятельство, что при обзоре участков пола постройки трудно представить, где находились места для отдыха и сна ее обитателей. Пол

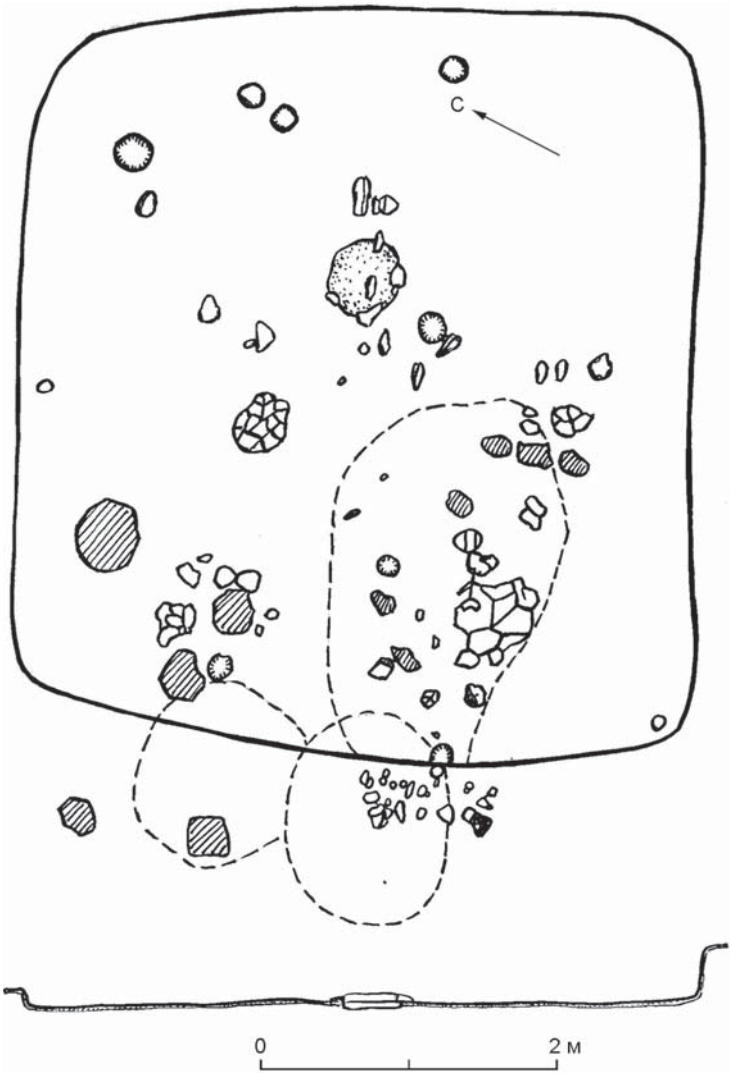


Рис. 10. Сопхохан III. План жилища № 8.

в жилищах обычно покрывался слоем смешанной с обломками раковин глины, которую затем утрамбовывали и в большинстве случаев обжигали, из-за чего она становилась очень твердой. Обращает на себя внимание то, что глиняный пол в «общественном амбаре» оказался очень тонким и утрамбованным слабо. В жилище № 20 глину, однако, лишь просто выровняли. Ямки от столбов прослеживаются вдоль стенок, непосредственно около края котлована или на некотором расстоянии от его стенки. Так, в жилище № 8 три ямки располагались прямо вдоль южной стенки, в 1,2–1,4 м друг от друга, а у северной они оказались выкопанными вдали от края котлована и отстояли друг от друга на 0,6–1 м. Кроме того, в центре жилища находились две ямки для парных столбов.

Рис. 11. Сопхохан III. План жилища № 26.

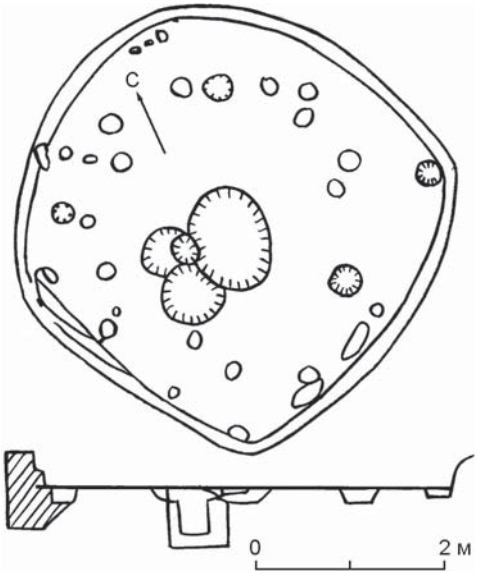


Рис. 12. Цитхаб. План и разрез жилища № 3.

В жилище № 27 выявлено два ряда ямок: первый прослежен вдоль восточной стенки, расстояние между ямками 25–50 см, а второй – в 0,8–1 м наискось от первой. В жилище № 28, вдоль восточной стенки, тоже тянулся ряд ямок, а в 1 м от них обнаружена беспорядочная группа других ямок. Диаметры ямок от столбов в жилищах обычно равны 10–15 см и в редких случаях – 25–30 см; глубина их 30–35 см, но иногда всего 10 см. На дне большинства наиболее выразительных ямок лежат плоские камни или кости, с помощью которых, очевидно, заклинивались столбы.

В центре жилища, несколько смещенный северу, располагался круглый углубленный в землю очаг, обложенный камнями или без них. Диаметр его обычно достигал 50–70 см. Около очагов иногда обнаруживали кучки золы, по-видимому, выброшенной из них. Очаг в «общественном амбаре» находился не в центре, а около юго-западной стенки котлована. Здесь был найден один из скелетов собаки.

Что касается других комплексов, то интерес вызывают открытые в ряде жилищ крупные каменные плиты с ровной, порой подшлифованной поверхностью. В жилище № 20 длина таких камней достигала 30–40 см. В «общественном амбаре» камни с «гладко отшлифованной поверхностью» располагались рядом с очагом и, по мнению корейских археологов, служили своего рода «верстаками». По-видимому, определенные места в жилищах отводились для сна и отдыха. В связи с этим интересно, что в лучше других сохранившейся постройке № 8, на полу в ее северо-восточной части, культурных остатков не оказалось. Однако в жилище № 12 именно в восточной части находилась каменная плита, «похожая на рабочий верстак», а рядом лежали стрелы, проколки, украшения, керамика и обломки костей.

Жилища поселения Цитхаб во многом сохраняют особенности построек пред-

шествующего этапа неолита, однако по форме они подпрямоугольные, со скругленными углами. Глубина котлована полуземлянок 50–60 см. Ямки от столбов выявлены по окраине котлована, но помимо вертикальных углублений при раскопках зафиксированы также наклонные, в которые, очевидно, устанавливались подпорки для основных столбов. В центральной части жилища выкапывалось овальной формы очажное углубление, которое затем оконтуривалось по краю обломками камней. Рядом с очагом, как и ранее, находилась хозяйственная яма. Диаметр ее в жилище № 3 достигал 60 см. В ямы для запасов, как и раньше, по-видимому, вкапывались перевернутые крупные сосуды, хотя их остатки обнаружены не в каждой из жилых построек.

Несмотря на очевидную преемственность раннего и развитого неолита, что находит отражение в сходстве типов каменных, костяных и роговых орудий, а также в формах орнаментики керамики, все же в культуре, судя по появлению новых типов орудий, прослеживается значительный прогресс. Техника обивки камня продолжала совершенствоваться, и примечательно, что уже на первом этапе развитого неолита наряду с роговиковыми и туфовыми породами начинается достаточно широкое применение обсидиана – сырья, отличающегося в особенности превосходными качествами, необходимыми при изготовлении инструментов, для оформления которых применялась отжимная ретушь. Первые находки обработанного обсидиана зафиксированы в культурных горизонтах Сопхохана II, но только в Сопхохане III отмечено широкое его использование, насколько можно судить по количеству находок нуклеусов, сколотых с них пластин и отщепов, а также изделий разного типа. С этого времени обсидиан постепенно вытесняет роговик и туф. Сырье оказалось настолько хорошим, что и в эпоху бронзы его применение было достаточно широким.

Среди орудий, обработанных обивкой и отжимной ретушью, наиболее многочисленны типологически разнообразные наконечники стрел и копий. Из обсидиана изготовлялись следующие разновидности наконечников стрел: 1) плоские, с зауженной нижней частью и прямо срезанным основанием, отчасти близкие по форме иволистым наконечникам из сланца (рис. 13, *6*); 2) треугольные, с округлыми боковыми сторонами, отчетливо выраженным выемчатым основанием и жальцами, возможно, асимметричными по длине (рис. 13, *12*): 3) ромбические или, как их называют корейские археологи, «змееголовые»; нижняя часть у них отчетливо отделяется от треугольного острия и может рассматриваться как своего рода черешок (рис. 13, *4*); 4) треугольные, со слегка выпуклыми краями и прямым основанием (рис. 13, *7*). Наконечники из кремния тоже подразделяются на 4 типа: 1) сравнительно узкие иволистные, близкие по очертаниям сланцевым; основание их слегка закругленное или прямое; у отдельных экземпляров черешковая часть заужена; обнаружены также наконечники, близкие по форме равнобедренному треугольнику (рис. 13, *11*); 2) треугольные равнобедренные, с прямым основанием; края их иногда слегка выпуклые (рис. 13, *5*); 3) длинные узкие, с выемчатым основанием; они наиболее многочисленны (рис. 13, *10*); 4) с треугольным острием и зауженной нижней частью, своего рода черешком (рис. 13, *3*). Наконечники стрел из сланца шлифовались. Они иволистные или ромбические, с закругленным основанием. Кончики у стрел срезаны прямо, а затем округло заточены (рис. 13, *2, 8, 9*). Если края наконечников заточены, изделия в сечении шестигранные, при отсутствии заточки – линзовидные. Один из крупных иволистных наконечников имеет одну плоскую и выпуклую противоположную стороны (рис. 13, *14*). На поселении Кунсан II, кроме того, широко представлены узкие иволистные или треугольные наконечники стрел с глубо-

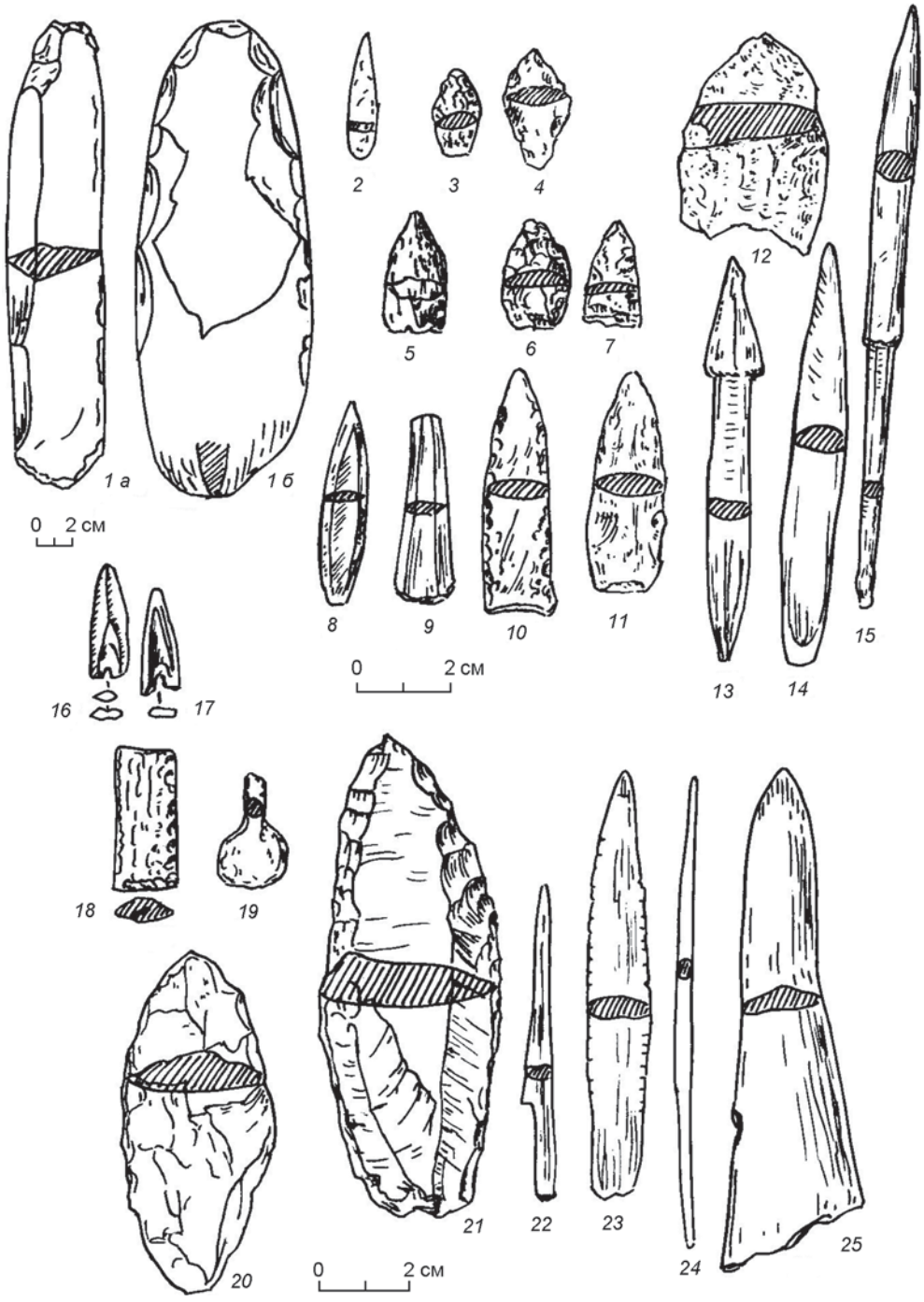


Рис. 13. Каменные и костяные изделия из поселений Сопхохан III (*1–15, 18–25*) и Кунсан II (*16, 17*).

ко выточенным основанием и симметричными (иногда асимметричными) жальцами (рис. 13, *16, 17*). Изготовленные из роговика и обсидиана копья листовидные, грубо линзовидные в сечении, обитые с двух сторон. По форме они аналогичны шлифованным копьям из сланца (рис. 13, *20*).

Сравнительно многочисленную часть инвентаря, обработанного в Сопхохане III техникой обивки и отжимной ретуши, составляют ножи, скребла и ножевидные пластины, сколотые с подпризматических нуклеусов. Один такой обсидиановый призматический нуклеус (неоспоримое свидетельство новой особенности в обработке камня – сформировавшейся техники отделения правильных ножевидных пластин и расцвета неолитической пластинчатой индустрии) обнаружен в жилище № 13. Количество обсидиановых и изготовленных из роговика ножевидных пластин определяется несколькими десятками. Крупные и широкие, не отличающиеся особой правильностью пластины и пластинчатые сколы после обработки их краев или плоскостей ретушью превращались в наконечники копий и дротиков. Возможно, некоторые экземпляры таких изделий, особенно асимметричные, использовались в качестве ножей (рис. 13, *21*). Что касается ножевидных пластин меньшего размера, то в особенности замечательны впервые выявленные в неолите Кореи вкладные лезвия составных инструментов (рис. 13, *18*). Они прямоугольные по очертаниям, линзовидные в сечении, обработаны с двух сторон (иногда с одной) высокосовершенной выстругивающей ретушью. Края вкладышей дополнительно обработаны мелкой, порой зубчатой, ретушью, которая притупливала или приостряла их в зависимости от того, какой край предназначался для работы, а какой – для помещения в костяную или деревянную оправу. Вкладыши, соединенные в оправе, представляли собой прочное и острое лезвие ножей, кинжалов, наконечников копий, а также, возможно, серпов. Появление вкладышей и использование вкладышевых инструментов – одна из замечательных и ярких особенностей эпохи развитого неолита Кореи.

В заключение описания обитых инструментов следует упомянуть об открытии в Сопхохане III плечиковой проколки (рис. 13, *19*). У нее сравнительно большая, овальная в плане рукоятка, которая отделялась плечиками от узкого, округлого в сечении острия.

Комплекс шлифованных орудий раннего этапа развитого неолита представлен прежде всего замечательным набором разных по типу земледельческих орудий. Они по сравнению с инструментами предшествующего периода гораздо многочисленнее, типологически выразительнее, а главное – среди них появились изделия неизвестных ранее разновидностей. Как и прежде, одними из главных орудий обработки земли оставались мотыги. Они изготовлялись из диорита и роговика, удлиненные плиты и блоки которых обивались по краям, а часть широких плоскостей и в особенности лезвие пришлифовывались. Мотыги обычно имеют, как пишут корейские археологи, «форму подошвы». Лезвия и обухи их округленные или приостренные. У отдельных мотыг появляется примечательная особенность – рукоятка. Она отделяется от лезвийной части выемками, иногда довольно глубокими. Такие мотыги, по существу, исходный вариант знаменитых «плечиковых мотыг» финального этапа развитого неолита и ранней бронзы Кореи и юга Маньчжурии. Возможно, мотыги из Сопхохана III, напоминающие по очертаниям наконечники копий, использовались как лемехи плугов (рис. 13, *1б*). Такие же мотыги найдены в Кунсане II и Кымтхане I (рис. 14, *11*). Во всяком случае, приостренные лезвия их отшлифовывались особенно тщательно, да и по очертаниям они напоминают лемехи плугов, часто встречающиеся на поселениях центральных районов полуострова.

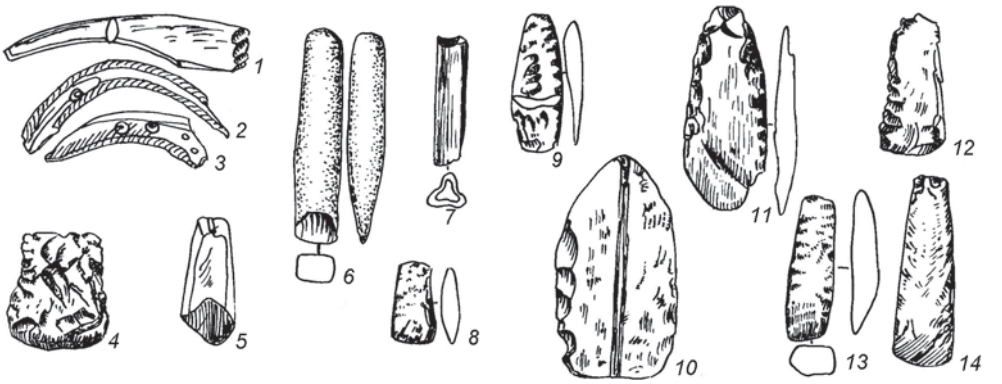


Рис. 14. Каменные и костяные изделия из поселений Сопхохан III (*4, 9, 12, 14*), Кымтхан I (*11*), Цитхаб (*1, 10*) и Кунсан II (*2, 3, 5–8, 13*).

К особой разновидности мотыг относятся узкие длинные инструменты с закругленными рукоятками и лезвиями, которые оформлялись легкой обивкой (рис. 13, *1а*). Длина мотыг 13–31, ширина 6,5–12,5 см. Такие же по типу мотыги или инструменты того же назначения, но определяемые иногда как лопаты, обнаружены и при раскопках участка № 1 поселения Цитхаб, на поселениях Кымтхан I и Кунсан II. Они изготовлялись из доломита. Форма их продолговатая, а рукоятка у́же лезвия. Но центральное место в комплексе крупных шлифованных орудий, предназначенных для обработки земли, занимают лемехи плугов, в большом количестве обнаруженные на поселении Цитхаб в слое, синхронном Кунсану II. Для изготовления их использовались плиты гнейса. Их обивали и частично на отдельных участках пришлифовывали, хотя делали это не всегда. На лезвиях таких инструментов отмечаются характерные следы стертости, которые могли появиться при движении лемеха в земле. Лемехи из поселения Цитхаб, как правило, широкие, копьевидные по форме, с плавно приостренным рабочим концом и прямым верхним (рис. 14, *10*). Длина большинства из них свыше 40 см, однако встречается также группа сравнительно коротких изделий, длина которых 30–40 см, и крупные экземпляры, имеющие длину 5–5,5 см, ширину 24 см, толщину около 4 см.

Итак, земля на этапе развитого неолита обрабатывалась не только мотыгами, но и плугами, что означало подлинный переворот в культуре земледелия, а следовательно, и в повышении его продуктивности. Не случайно тогда же появляются жатвенные ножи. На поселении Цитхаб их изготовляли из камня (рис. 14, *1*), а в Кунсане II – из крупных кабаньих клыков, у которых остро оттачивался внутренний вогнутый край (рис. 14, *2, 3*). Край шиферных серпов тоже вогнутый и заточенный, а рукоятка широкая, подпрямоугольная. Форма искривленного серпа приближалась к полулунной. У серпов из клыков кабана просверливалось одно или несколько отверстий, с помощью которых лезвие крепилось в рукоятке. Непременными в наборе орудий, подтверждающих высокий уровень развития земледелия в неолите Кореи первой половины III тыс. до н. э., были зернотерки и куранты, которые становятся обычной находкой не только на памятниках типа Кунсан II и Цитхаб, но также и Сопхохан III. Зернотерки обычных типов ладьевидные, сильно сточенные из-за интенсивного использования, вследствие чего их края как бы приподняты над центральной, менее массивной частью плиты. Особый интерес представляет

открытие четырех плит зернотерок и нескольких курантов в Сопхохане III, памятнике, расположенном на северо-восточной окраине полуострова. Длина одного полностью сохранившегося куранта 28 см, ширина 11 см. Обнаруженные в одном из сосудов жилища № 2 поселения Цитхаб зерна чумизы и курмаки позволили впервые представить конкретные злаки, которые культивировались в Корее в неолитическую эпоху. В этом же жилище найдены лемехи, «лопаты», а также каменные серпы, т. е. основной набор земледельческих орудий.

Шлифованные рубящие орудия типа топоров, тесел, стамесок и долот встречаются на поселениях первой половины III тыс. до н. э. в изобилии и отличаются разнообразием (рис. 14, *4, 9, 12*), что свидетельствует об интенсивности использования рубящих инструментов в самых различных сферах производственной деятельности земледельцев, охотников и рыболовов неолитической Кореи. При изготовлении многих типологических подразделений топоров продолжают сохраняться выработанные ранее особенности. Так, топоры памятника Кунсан II обычно прямоугольные в сечении, у них сильно сточены с двух сторон лезвия, которые несколько шире обушков. Углы таких инструментов закругленные, а не прямые (рис. 14, *6, 13*). У обитателей поселений часто находили применение также небольшие и более плоские топорики с лезвием, заточенным лишь с одной стороны (рис. 14, *8*). Долота из Кунсана II в длину достигают всего 6,5–7 см, в ширину – 2–2,5 см. В сечении они выпукло-линзовидные или подпрямоугольные, с закругленными углами. Обушки у них тоже закругленные, но лезвия близки по способу заточки каменным стамескам бронзового века. У топоров и тесел из Сопхохана III лезвия широкие, закругленные, а обушки более узкие. В сечении орудия плоско-овальные, четырехугольные или подтреугольные (рис. 15, *1, 2*). У долот обушок бывает шире или у́же заточенного с одной стороны лезвия, обычно овального по очертаниям (рис. 15, *4, 5*). В сечении долота подпрямоугольные. Длина их 3,5–6,5 см, ширина 2–3 см, толщина 0,7 см.

В качестве отбойников жители поселения Сопхохан III, как и прежние обитатели, использовали округлые продолговатые гальки, а также сломанные топоры. Кроме того, в отбойники были превращены дисковидная галька, на обитых боковых гранях которой видны следы забитости от ударов, и расколотые части курантов зернотерок. Точила изготовлялись из галек и плиток песчаника. В длину они достигают 12 см. В качестве рабочей поверхности использовались 2–4 грани плитки. Корейские археологи, учитывая малый размер точил, считают, что их постоянно носили с собой.

Грузила из галек традиционны по внешнему виду: с двух противоположных сторон у них выбито по выемке. Почти в каждом из жилищ Сопхохана III удавалось найти по 5–7 грузил, а всего в третьем культурном горизонте поселения их собрано более 100 экз. Длина самых больших из них 9 см, маленьких – 3,5 см.

Камень использовался также для изготовления подвесок. Так, в Сопхохане III, в одном из жилищ и за его пределами, найдены трапециевидная и квадратная подвески из мрамора (рис. 15, *7*). В верхней части их были просверлены круглые отверстия. Эти пластинчатые шлифованные подвески в общем близки таким же по типу украшениям, которые встречались ранее. Появляются, однако, и подвески иных образцов – стержневидные, округлые в сечении, с приостренным нижним концом и более массивным округлым верхним, где просверлено отверстие (рис. 15, *6*). В культурных слоях найдены также заготовки подвесок из шлифованного камня и обожженной глины; отверстия в них еще не были просверлены.

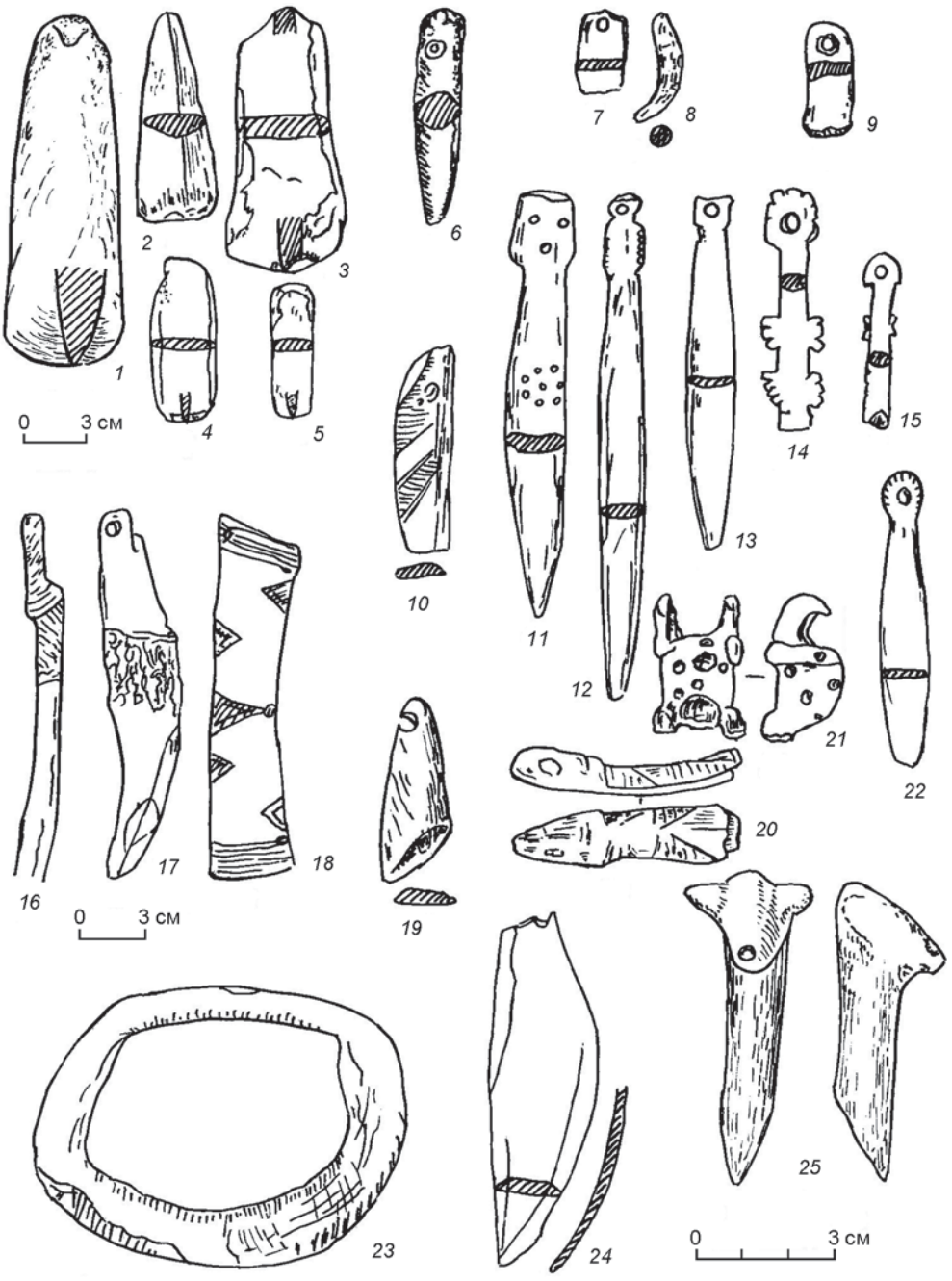


Рис. 15. Сопхохан III. Изделия из камня, кости и рога.
Браслет (*23*) сделан из раковины.

Кости и рог животных по-прежнему служили сырьем для орудий самого различного назначения, а также для выделки всевозможных украшений. Чрезвычайно выразительны обнаруженные в Сопхохане III наконечники стрел, изготовленные из костей конечностей, рогов и зубов животных. Они подразделяются на несколько разновидностей: 1) крупные, с узким острием и черешком; острие длиннее черешков, но встречаются также стрелы, у которых длина острия и черешка одинаковая; поперечное сечение острия обычно круглое, а черешка – круглое или многоугольное (рис. 13, *15*), однако в жилище № 13 острие оказалось четырехгранным в сечении, а черешок – круглым; 2) с коротким треугольным острием, шестигранным в сечении, и длинным плоско-выпуклым или линзовидным черешком, заостренным на конце и напоминающим иглу для вязания циновок; около острого конца одной из таких стрел вырезан бугорок (рис. 13, *13*); 3) иволистной формы, плоские с одной стороны и выпуклые с другой; черешок закругленный, плоский (рис. 13, *14*).

Копья в Сопхохане III изготовлялись из рога. Типологически они в общем такие же, как и копья предшествующих двух этапов неолита: широкие и узкие. Длина их достигает 20 см. Одно из копий, обнаруженное в Сопхохане III, изготовлено из кости. Внизу оно плоское, вверху выпуклое; основание у него широкое, а конец острый, кинжаловидный (рис. 13, *25*).

Форма костяных кинжалов тоже не изменилась. Клыки кабана, заточенные только с внутренней или с внутренней и внешней сторон, пользовались как ножи или серпы. Остроги же не претерпели особых изменений, но на деле часто встречались гарпуны, у которых зубец вырезался посредине стержня (рис. 13, *22*) или около самого черешка.

К новым по типу изделиям следует отнести специфические костяные острия, длинные и тонкие, треугольные или круглые в сечении (рис. 13, *24*). Длина их 11,8–16 см.

Не претерпели заметных изменений и блесны, вырезанные из костей (рис. 13, *23*). У них концы приострены или слегка закруглены, а одна или две боковые грани покрыты зарубками. Иногда такие зарубки отсутствуют. Длина блесен 8,5–14,5 см.

В качестве земледельческих орудий продолжали использоваться предельно простые инструменты, изготовленные из рогов оленя. По типу они, естественно, не отличаются от таких же роговых мотыг Сопхохана II. Длина некоторых из них достигает 25 см. На конце одной из мотыг вырезан незамысловатый узор из противопоставленных углов с 1–2 черточками внутри них. В средней части этой мотыги, кроме того, по сторонам ножом сделаны зарубки.

Среди других инструментов особенно многочисленны проколки и шилья. Они изготовлялись из костей рыб и животных, оленьих рогов и зубов. В проколки и шилья превращались также позвонки животных с остистыми отростками. На позвонке, превращенном в рукоятку одной из проколок, процарапан линейный узор и просверлено отверстие для того, чтобы, очевидно, привязывать орудие к поясу. Рабочие концы у проколок и шильев затачивались полого или плоско. В сечении проколки в большинстве случаев округлые. У некоторых инструментов широкие стержни резко суживаются на конце. По длине проколки и шилья достигают 5–6, 18– 19 или 24 см. Иглы, как и на предшествующем этапе, подразделяются на две разновидности: для шитья и для плетения циновок. Длина игл для шитья 4,5–7 см, диаметр стержня 2 мм, отверстие для нити очень узкое. Иглы для вязания циновок круглые или плоские в сечении. Иногда около ушка пропиливался паз. Концы игл заострены или закруглены. Длина изделий 7–10,5 см. Одна из игл изготовлена из плавника рыбы.

К иглам для вязания циновок близки по форме так называемые «скульптурные фигурки». У них округлые, полукруглые или квадратные с насечками или без них головки, в центре которых обычно просверлены отверстия, длинные, плавно зауживающиеся на конце стержни, плоско-выпуклые, линзовидные или прямоугольные в сечении, порой украшены по краям симметрично расположенными зубчатыми выступами (рис. 15, *11–15, 22*). Иногда на стержне, ниже головки, по краям тоже наносились насечки. Нижний конец «скульптурных фигурок» приострен, как у игл для вязания циновок; он плоский, закругленный или лопаточкообразный. В целом фигурки, несомненно, близки к более простым по оформлению «скульптуркам» такого же типа, найденным в Сопхохане II (рис. 6, *37, 40*). Назначение их, как уже отмечалось, загадочно. Возможно, они использовались в качестве игл для вязания циновок, штампов для нанесения резного и пунктирного орнамента или как шпильки для волос. Вместе с тем корейские археологи справедливо обращают внимание на сходство отдельных «фигурок» с глиняными скульптурками эпохи бронзы. Во всяком случае, манера, в которой изображены глаза и рот у «фигурки», вырезанной из отшлифованного рога, сходна с приемом оформления глаз и рта на скульптурах посленеолитического времени (рис. 15, *11*). К тому же не случайно в центральной части стержня «фигурки» сделано углубление, окруженное семью другими круглыми ямками. Корейские археологи не без основания предполагают, что скульптор вырезал из рога схематичное изображение женщины. Если так оно и есть, то и остальные «фигурки» действительно представляют собой те же условные скульптуры женского божества. Такой вывод, однако, отнюдь не исключает утилитарного назначения «скульптурных фигурок».

Вообще скульптура в искусстве начального периода развитого неолита приобретает, судя по находкам в Сопхохане III, особую популярность. К замечательным реалистическим образцам его относятся скульптурные изображения голов жеребенка и змеи (рис. 15, *20, 25*). Первая из них вырезана из рога молодого оленя. Морда у жеребенка округлая, со сквозным отверстием для подвешивания изделия к поясу. Можно поэтому предполагать, что обломанный конец представлял собой острие, следовательно, скульптурная головка находилась на рукоятке орудия. На голове жеребенка особо выделены приостренные уши, а две округлые ямки вырезаны на месте глаз. Скульптурное изображение змеи вырезано из кабаньего клыка, изогнутость которого позволила реалистически передать особенности тела пресмыкающегося и показать его в движении. Скульптор выделил треугольную голову со сквозным поперечным отверстием на месте глаз. Более узкое, почти треугольное в сечении тело змеи украшено поперечными параллельными черточками и диагональными линиями, образующими треугольники. Эти орнаментальные линии схематически, но вполне реально передают узор на коже змеи. По-видимому, скульптурное изображение змеи прикреплялось к одежде и носилось как амулет. К амулетам относится также фигурка загадочного животного с рогами, вырезанная из кости косули (рис. 15, *21*). На боковых и передней гранях скульптуры просверлены округлые углубления, а у основания рогов – два отверстия. В средней части задней плоскости просверлено самое большое отверстие. В качестве амулетов носили также подвески из рога оленя, клыка кабана, зубов и костей животных (рис, 14, *5, 7*; 15, *8, 9, 17, 19, 24*). Среди них особенно интересен отшлифованный клык кабана. Края его заточены и могли использоваться как лезвия ножа. На одной из широких плоскостей точками разной величины выполнен узор, который, по мнению корейских археологов, представляет какое-то созвездие.

Украшения иногда изготовлялись из расколотых костей конечностей животных и порой по внешнему виду напоминают иглы для вязания циновок, но концы у них закругленные. Длина таких подвесок 6–8 см. На поверхности одной из подвесок вырезан характерный узор: в пространстве между косо направленными линиями, образующими секции, сделаны поперечные, параллельные друг другу черточки. Иные орнаментальные мотивы прослеживаются на загадочной «фигурке» и на прямоугольной, с загнутыми длинными сторонами роговой пластинке (рис. 15, *16, 18*). В верхней части первого изделия перекрещивающиеся косо направленные линии образуют сетку, ниже проходит полоса из наклонных параллельных линий, а затем снова косо направленные линии. Орнаментальная композиция завершается полосой из вертикальных, параллельных друг другу черточек. У второго изделия (возможно, пластины от лат) вдоль одного длинного края просверлены отверстия. На концах пластины параллельные линии образуют два пояска, а между ними, вдоль обеих сторон, попеременно располагаются заштрихованные пересекающимися линиями треугольники, обращенные вершинами к центру пластины. В верхнем углу самого крупного треугольника просверлено отверстие. В качестве украшений на руках носили также браслеты из раковин (рис. 15, *23*). Внутренние края их пришлифовывались. Диаметр браслетов 4,5–6 см.

Среди находок на поселениях начального этапа развитого неолита Кореи в изобилии представлена керамика. В технике изготовления посуды из глины существенных изменений не произошло, лишь отдельные образцы посуды, возможно, выделывались с применением поворотного круга. В керамическое тесто добавлялся главным образом мелкий песок. Обжиг сосудов, очевидно, происходил при невысокой температуре. В цвете внешней поверхности посуды преобладают серо-коричневые, темно- и желто-коричневые тона. Большинство сосудов украшено богатым орнаментом, но встречаются изделия, при изготовлении которых мастера ограничивались тщательным лощением внешней поверхности стенок. Что касается форм, то многое в этом отношении унаследовано от керамики предшествующего этапа неолита. Большей частью посуда плоскодонная, правда, у многих сосудов переход от донышка к стенкам очень плавный. Более четко разграничение донышка и стенок прослеживается у горшков с округлыми боками, отчетливо выраженным горлышком и вогнутым наружу венчиком (рис. 16, *3*). У небольшого числа сосудов отмечены невысокие поддоны. Господствующее положение среди керамических изделий занимают высокие, усеченно-конические и даже ци-

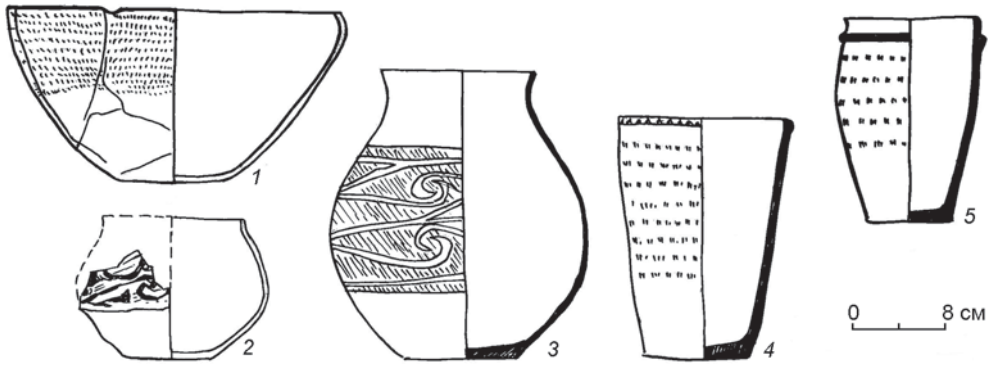


Рис. 16. Сопхохан III. Керамика.

линдрические сосуды с равномерно расширяющимися от дна к горлу стенками, иногда почти прямыми или слегка закругленными (рис. 17, *5–9*). Венчики у таких сосудов прямые, срезанные или слегка отогнутые наружу. Часто встречаются чаши, глубокие чашки, а также стаканы. Чрезвычайно редко, как и у керамики более раннего времени, к стенкам сосуда прикреплялись ушки с отверстиями. К интересным новым деталям следует отнести появление на донышках образцов посуды отпечатков листьев. В орнаментике, как и ранее, преобладают гребенчатые, елочные и пунктирно-точечные узоры, оттиснутые гребенчатым штампом и колесиком или прочерченные острым концом костяной или деревянной палочки. Однако на этап развитого неолита приходится появление принципиально нового орнаментального стиля – криволинейных спиралевидных узоров, а также налепных рельефных валиков и полос. Преобладающим мотивом в орнаментике керамики Сопхохана III остается елочный узор из противоположно направленных полосок коротких параллельных черточек или гребенчатых оттисков. Полосы елочного узора иногда продольные, опоясывающие тулово сосуда, и тогда по вертикали видны зигзагообразные линии, но в других случаях елочный узор наносился по вертикали, причем направленность линий каждой соседней «елки» могла быть противоположной. На противоположных сторонах одного сосуда иногда отмечаются различные вариации елочного узора, что лишало орнаментацию однообразия и монотонности. Обычно орнаментировались верхняя и средняя части сосудов, а сплошь покрытые узором встречаются редко. Орнаментальную зону составляют, как правило, 3–6 полос направленных в разные стороны наклонных параллельных черточек. Сосуды украшались также у венчика поясом из пунктирных или сплошных линий, ниже которых выписывался елочный узор. Иногда вместо пунктирных и сплошных линий прочерчивался поясок из коротких или длинных черточек, тоже завершающийся внизу елочным орнаментом. Переплетающиеся наклонные линии образуют порой ромбические фигуры, заполненные внутри рядами распо-

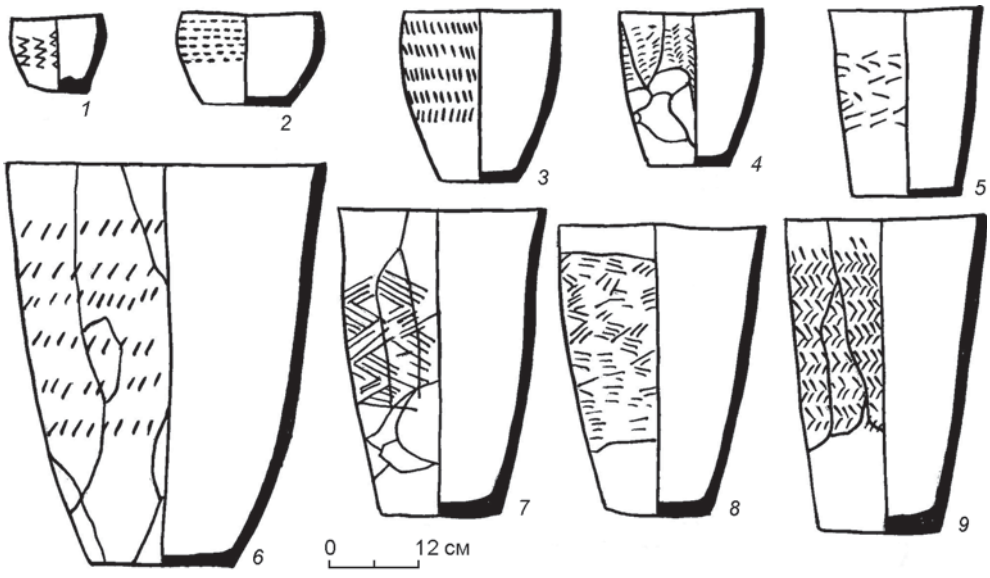


Рис. 17. Сопхохан III. Керамика.

ложенных елочкой линий (рис. 18, *6*). Елочный узор оформлялся также пунктирными нарезками, напоминающими «дождевые капли». Из других орнаментальных композиций заслуживают внимания пояски из коротких продольных линий (рис. 17, *2*), полосы, идущие вокруг сосуда, составленные из наклонных параллельных друг другу черточек (рис. 17, *3, 6*) или «пучков» из коротких вертикальных черточек (16, *4*). Иногда встречается узор, имитирующий елочный орнамент: беспорядочно прочерченные линии представляют как бы «распавшийся» на части знакомый рисунок (рис. 17, *5, 8*). Особый интерес вызывает сосуд, в средней зоне тулова которого прочерченные линии образуют соединенные друг с другом ромбические фигуры (рис. 17, *7*). Они располагаются по вертикали одна над другой, а полосы, составляющие фигуры, переплетаются, создавая впечатление перевитого шнура. Кстати, в упомянутом выше «распавшемся узоре» тоже в отдельных местах угадываются ромбические фигуры (рис. 17, *8*).

Совершенно новый орнаментальный мотив на керамике из поселения Сопхохан III – спиралевидные узоры, украшающие кувшины с округлым туловом и четко выраженной шейкой (рис. 16, *3*; 19, *1*). Лощеные поверхности тонких стенок таких сосудов темно-серого цвета. Орнаментальная композиция занимает центральную, наиболее выпуклую, часть кувшина. Узор состоит из двух полос шириной по 6 см, в каждой из которых располагаются спиралеобразные, в виде распрямленной часовой пружины или горизонтально расположенной буквы S, рисунки (рис. 16, *3*). Плавно закругленными концами такие фигуры как бы сцеплены друг с другом. Узор опоясывает сосуд. Фон для спиралей создают расположенные выше, между ними и ниже них плавно изогнутые разветвляющиеся линии с густой косо направленной штриховкой пространства между ними, что создает при взгляде на рисунок впечатление его рельефности. Орнаментальная полоса ограничена вверху и внизу прямыми горизонтальными линиями, опоясывающими сосуд. Завитки спиралей располагаются точно друг над другом, образуя вертикальные ряды из двух-трех полукружий. Полосы – ветви и спиралевидные завитки – особенно тщательно полировались.

Несколько иная орнаментальная композиция на другом горшке с округлыми боками: три параллельные линии переплетены друг с другом, в результате чего создаются спирали, а между ними, вверху и внизу, изображены удлиненные неправильные треугольники, стороны которых изогнуты. Пространство между линиями густо заштриховано тонкими прямыми или косыми черточками (рис. 16, *2*). В особенности причуд-

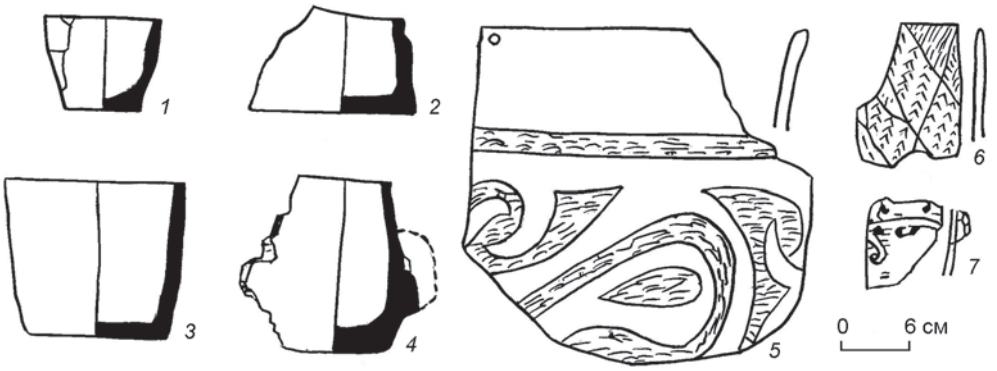


Рис. 18. Сопхохан III. Керамика.

лив и необычен спиралевидный узор, обнаруженный на обломке крупного сосуда: ниже горизонтальной полосы располагаются изогнутые, со сложной конфигурацией завитки (рис. 18, *5*). Заштрихованный фон в композиции отсутствует – штрихи, напротив, выделяют как изогнутые линии, так и расположенную выше них горизонтальную полосу. Другие вариации спиралевидных узоров отмечены на сосудах Комын-Кэбона. Рисунок выполнялся с помощью пунктирных линий. Внутри полоски густо заполнялись точками. Извиваясь, линии образовывали спираль с несколькими завитками (рис. 19, *6*).

Заслуживают внимания также сосуды Сопхохана III, украшенные у венчика или чуть ниже него налепными валиками с частыми вдавленными углублениями на них и горизонтальными полосами коротких гребенчатых вдавлений, расположенных попарно. Оттиски штампа с двумя-семью зубцами делались или вертикальными, или горизонтальными. Иногда такие оттиски образуют неправильные ромбовидные фигуры. Орнаментика такого рода связана с усеченно-коническими сосудами, которые имеют слегка отогнутый наружу венчик (рис. 16, *4*), или покрывает стенки горшков с отчасти выпуклым в верхней трети туловом, едва намеченной шейкой и чуть отогнутым венчиком (рис. 16, *5*). Кроме того, на отдельных черепках оттиски 2–5-зубчатого штампа образуют елочный орнамент, узоры из двойных и одиночных ромбов, а вертикальные оттиски 10-зубчатого штампа широкой полосой опоясывают тулово сосудов. Часто сосуды украшались так называемым «каплевидным орнаментом» (рис. 16, *1*). Горизонтальные ряды подобных вдавлений, меняющих через определенные интервалы углы наклона, покрывают всю верхнюю часть сосуда с полого поднимающимися стенками и слегка загнутым внутрь венчиком. В другом случае такого рода оттиски наклонены лишь вправо. Каплевидный орнамент сочетается иногда с елочным, а также с рисунками углов и треугольников, оттисками крупноячеистой (типа рогожи) ткани, косо

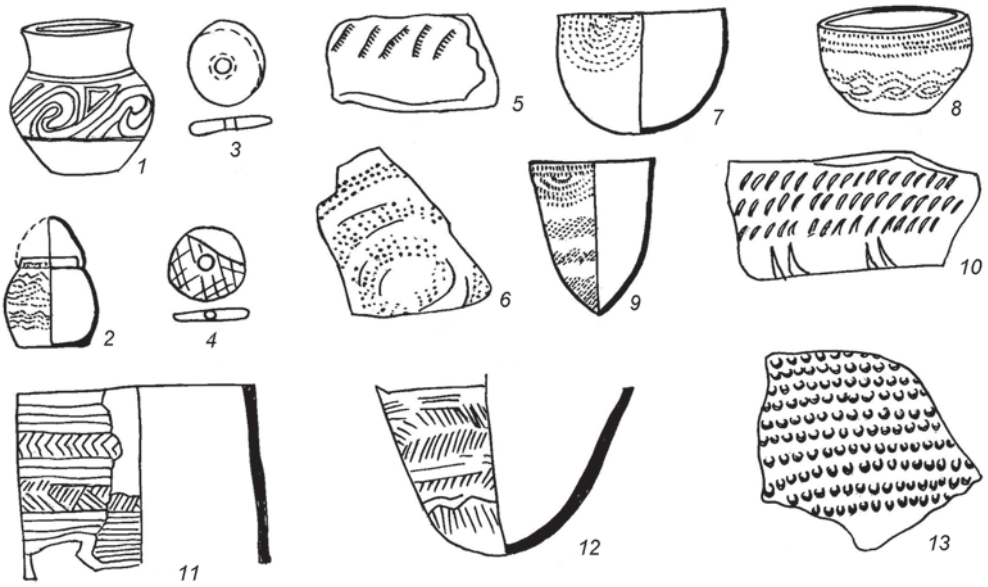


Рис. 19. Керамические изделия из поселений Сопхохан III (*1, 13*), Кунсан II (*2–4, 7–9*), Цитхаб (*5, 10*), Комын-Кэбон (*6*), Кымтхан I (*11, 12*).

направленными штрихами и пересекающимися крест-накрест черточками, образующими решетчатый узор.

Из единичных находок следует отметить черепки, украшенные оттисками штампа, зубцы у которого полукруглые или круглые, восьмеркообразным узором, нанесенным двумя круглыми штампами, орнаментом из повторяющихся букв М и дуг. Обнаружены также фрагменты керамики, покрытые многочисленными ямочными вдавлениями (рис. 19, *13*). Из вариантов налепного узора встречаются образцы так называемого «личиночного орнамента» – лепные З-образные знаки образуют несколько горизонтальных рядов. Обнаружены также черепки, украшенные горизонтальными рядами ногтевидных вдавлений (рис. 19, *10*).

Неорнаментированная посуда из Сопхохана III плоскодонная, с плавным или резким переходом от дна к стенкам, венчики у которых иногда отогнуты наружу. Цвет такой керамики желто-коричневый. На поверхности отдельных сосудов заметны следы лощения. Среди форм преобладают небольшие чашки, кружки и стаканы. Стенки их плавно расширяются вверх (рис. 18, *1, 3*). Обнаружены стаканы цилиндрической формы, дно которых шире венчика. Сбоку стаканов прикреплены ручки, имеющие отверстие (рис. 18, *2, 4*).

Иной стиль прослеживается в орнаментике сосудов, обнаруженных на поселениях типа Кунсан II, Цитхаб и Амса. Узор, характерный для этой керамики, называется пунктирно-волнистым. Он выполнялся главным образом непрерывными точечными отпечатками, образующими волнистые линии. Пунктирно-волнистые орнаментальные композиции сочетаются с елочным, гребенчатым и линейным узорами, опоясывающими сосуды. По форме керамика, украшенная пунктирно-волнистым орнаментом, отличается разнообразием. Как и ранее, изготовлялись остродонные и усеченно-конические сосуды, чаши с полукруглым продольным сечением, горшки с плоским дном и короткой шейкой и кувшины с округлым туловом (рис. 19, *2, 7–9*). Среди разнообразных вариаций волнисто-пунктирного орнамента наиболее популярны композиции из серии вписанных друг в друга полукружии, которые как бы свисают от венчика, где несколько горизонтальных пунктирных линий из крупных точек опоясывают верхнюю часть сосуда (рис. 19, *7, 9*). Не менее популярен узор из двух волнистых, переплетающихся друг с другим полос, образованных серией точечных волнистых линий. Вместе такое сплетение создает впечатление перевитого шнура. Иногда на поверхность крупных глиняных изделий наносилось несколько полос из перевитого шнура. С этой точки зрения интересен остродонный сосуд, обнаруженный на поселении Цитхаб (рис. 19, *9*). Он украшен не только горизонтальными пунктирными линиями и полукружиями, но и двумя полосами перевитого шнура, а в придонной части – вертикальным зигзагообразным узором, выполненным оттисками гребенки. Следовательно, на один сосуд наносились отличающиеся по стилю узоры. В целом в пунктирно-точечной орнаментике господствующим становится криволинейный стиль, и с этой точки зрения корейские археологи справедливо сближают его со спиральной орнаментацией керамики Сопхохана III, считая их разновидностями одного направления в орнаментальном искусстве.

Однако для узоров на керамике характерна также и прямолинейная орнаментация – треугольники, заштрихованные косо направленными и прямыми пунктирными линиями; ромбы, образованные несколькими параллельными прямыми линиями; квадраты, расположенные вертикалью между поперечными кривыми линиями; пунктирные и сплошные короткие линии, сочетающиеся с елочным орнаментом. Такая прямо-

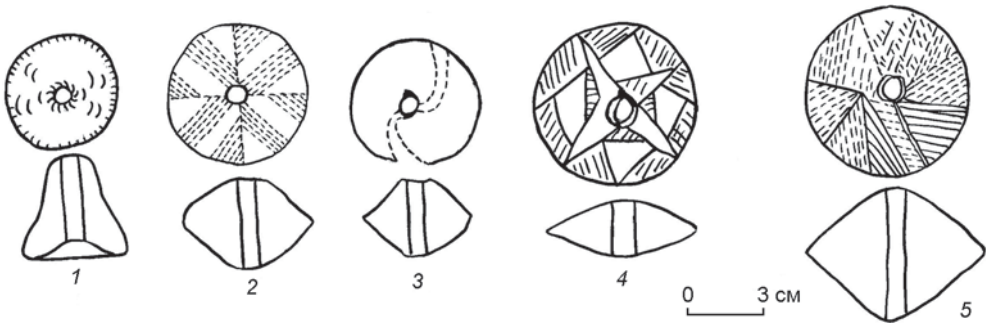


Рис. 20. Сопхохан III. Пряслица.

линейная орнаментация представляет собой, по мнению корейских археологов, разновидность гребенчатых узоров. На поселении Кымтхан I открыты, кроме того, фрагменты сосудов, украшенные треугольниками, заштрихованными разнонаправленными линиями. Такой узор сочетается с опоясывающим сосуд прямолинейным и горизонтальным елочным орнаментом (рис. 19, *11, 12*).

В заключение описания керамических изделий следует отметить, что в начальный период развитого неолита на поселениях в большом количестве появляются пряслица – свидетельство широкого развития ткачества. В жилищах поселений культуры типа Кунсан II пряслица изготовляли из черепков разбитых сосудов – фрагмент стенки обкалывали по кругу, а затем просверливали в его центре отверстие (рис. 19, *3, 4*). Однако в Сопхохане III обнаружены и специально вылепленные из глины прясла. По форме они подразделяются на конусовидные с плоским или вогнутым основанием, среди которых, в свою очередь, выделяются высокие и низкие, а также на чечевицеобразные (рис. 20). Часто пряслица украшались узорами из пунктирных линий или черточек, образующих треугольные, четырехугольные или подпрямоугольные фигуры. В общем, орнамент на пряслицах напоминает мотивы гребенчатых узоров на керамике. Часто от центра изделия отходят изгибающиеся линии, загнутые «лучи» или отдельные секции узора, которые создают впечатление вращающегося объекта. К загадочным предметам из Сопхохана III, вылепленным из глины, относятся три изделия, напоминающие по форме спичечные коробки, и овал с вогнутыми, как у грузил, длинными сторонами.

Подводя итоги обзора особенностей культуры начальной стадии развитого неолита Кореи, следует констатировать глубокую преемственность ее традиций, что находит яркое отражение в сходстве типов нового каменного и костяного инвентаря со старым, а также в формах керамики. Нет поэтому оснований прибегать к утверждению о неких «вторжениях», которые объясняли бы изменения в культуре. Аборигенное население полуострова продолжало во все более ускоряющемся темпе совершенствовать свое многоотраслевое хозяйство, добиваясь значительных успехов в развитии материальной и духовной культуры. Вместе с тем налицо коренные изменения в отдельных сферах. Так, к несомненно выдающимся достижениям в экономике следует отнести переход от мотыжного к плужному земледелию, а в области искусства – появление в орнаментации криволинейных узоров. Что касается социальных сдвигов, то примечательно господство небольших домов, в каждом из которых могла разместиться лишь одна семья. Расположение построек рядами отражает родоплеменную структуру населения поселков,

на территории которых сооружались «общественные амбары» для хранения инвентаря и запасов пищи (главным образом, по-видимому, зерна), принадлежавших всему сообществу. Новые весьма значительные сдвиги в культуре закрепились и нашли дальнейшее развитие на заключительной стадии эволюции каменного века Кореи.

Развитый неолит Кореи, финальный этап. Начало эпохи металла (вторая половина III – начало II тыс. до н. э.). Количество открытых и раскопанных археологами памятников конца неолита и, отчасти, вероятно, начальной поры эпохи металла велико и несравнимо с числом поселений предшествующих периодов неолита. К наиболее известным местонахождениям финального неолита и энеолита, где исследованы полуземлянки, относятся следующие пункты: Сопхохан IV (жилища № 11, 15, 18, 21, 22), Сопхохан V (жилища № 7, 16), Кымтхан II (жилища № 5, 9–11), Помый Кусок I уезда Мусан провинции Северная Хамгён (жилища № 1–3, 9, 12, 23–25, 41), Тхосон II уезда Чунган провинции Чаган, Чхондынмалле у дер. Синам уезда Енчхон провинции Северная Пхёнан, Енсондон у г. Пусан на юге полуострова. Ряд памятников той же по характеру культуры открыт на Ляодунском полуострове, в бассейне Ляохэ на юге Маньчжурии, а также в пределах восточных областей Внутренней Монголии. Анализ материалов, полученных при исследовании их, будет проведен в особой публикации[6].

Жилища финального этапа неолита Кореи – в плане квадратные или прямоугольные. В этом отношении они не отличаются от построек, которые стали господствующими в эпоху бронзы. Таким образом, в конце неолита завершилась эволюция форм жилищ – от длинных прямоугольных с закругленными углами построек для больших семей или родовой общины через круглые и квадратные с закругленными углами к небольшим полуземляночным домам строго квадратных или прямоугольных в плане очертаний. Жилища Сопхохана IV сохранились плохо, в лучшем состоянии оказались постройки Сопхохана V.

Жилища № 11, 15 и 18 поселения Сопхохан IV располагались в ряд с востока на запад, а юго-западнее их находились жилища второго ряда – № 21 и 22. Постройки этого поселения, которые датируются более ранним временем, чем жилища Сопхохан V, продолговатые, прямоугольные, вытянутые с севера на юг или с северо-запада на юго-восток (рис. 21). Площадь их восстановить довольно трудно, но, судя по всему, она составляла 20–30 м^2 или несколько больше. Глубина котлована достигала 1 м, но на участках, которые подверглись разрушению, она варьировала в пределах 40–80 см. Пол в жилищах представлял собой слой утрамбованной, перемешанной с толчеными раковинами глины или пласт утрамбованной супеси с примесью ракушек и черной земли. В одном случае строители просто выровняли культурный горизонт предшествующей эпохи, а затем утрамбовали площадку на глубину 5 см. Вдоль стенок котлована выкапывались ямки для столбов на расстоянии 0,8–1 м друг от друга. Диаметры ямок достигали 10–30, чаще 15–30 см. На их дне иногда находили плоские камни и кости, которые не позволяли опорам погружаться в землю. Вдоль края котлована жилища № 21 ямки располагались

[6] В дальнейшем сотрудниками сектора истории и археологии стран зарубежного Востока ИИФФ СО РАН (затем ИАЭТ СО РАН) был подготовлен сборник статей (см.: **Древние** культуры Китая: Палеолит, неолит и эпоха металла / Отв. ред. В. Е. Ларичев. – Новосибирск: Наука, 1985. – (Сер. «История и культура Востока Азии»; т. XIII)), а также монография, посвященная неолиту сопредельной Корейскому полуострову территории (см.: **Алкин С. В.** Древние культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 168 с.) (прим. *Отв. ред.*).

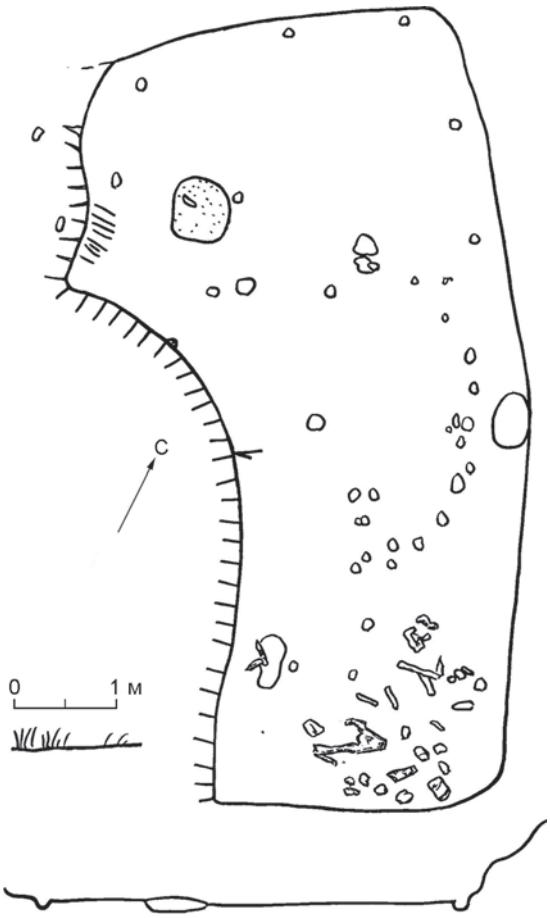


Рис. 21. Сопхохан IV. Жилище № 22.

в два ряда, причем в одном вкапывались массивные, а в другом – более тонкие столбы. Нередко ямки от столбов располагались и на центральных участках пола. Несмотря на относительно беспорядочное их распространение, в жилище № 22 удалось установить, что опоры ставились в три ряда вдоль длинной оси постройки. В побочные ямки, очевидно, вкапывались подпорки столбов. Ямки самого большого диаметра иногда встречались в углах полуземлянок. В центральной части жилищ или несколько к северо-западу от центра делались очажные углубления, которые обкладывались по краю продолговатыми камнями. Глубина очагов 10–15 см. По форме они круглые, овальные и в виде полумесяца. Диаметр их 50–80 см. Внутри очажных углублений помимо золы и угля, обломков керамики и костей, встречались иногда обожженная глина и камни со следами воздействия на них огня. Около очагов располагались обычно кучки золы, выброшенной при чистке очажных ям, и наиболее интересные находки. Поблизости от очагов лежали также черепа свиней, собак и оленей. В центральной части одного из жилищ находилась «каменная плита-верстак», которая, по-видимому, служила наковальней.

Несколько более поздние два жилища Сопхохана V имели почти правильную квадратную форму (6×6,2 и 3×2,8 м). Глубина котлована достигала 70–80 см (рис. 22). Пол полуземлянок представлял собой слой утрамбованной и обожженной глины с примесью дробленых раковин. Вдоль стенок в правильном порядке выкапывались ямки для столбов. Интервал между ними составлял в среднем 20–40 или 40–80 см, а порой – 1 м. Диаметр ямок 10–20 см, глубина 15–35 см. В средней части жилищ тоже выкапывались ямки для опорных столбов, и хотя в расположении их не наблюдается той точности, какая отмечалась у стенок котлована, все же ясно, что они тянулись тремя рядами, параллельными восточной стенке полуземлянки. В отдельных местах ямки находились между рядами – очевидно, в них вкапывали подпорки столбов. Посредине или чуть ближе к южной стенке умещались круглые очажные ямы диаметрами 140 или 60 см и глубиной соответственно 15 и 10 см. В одном из жилищ очаг оконтуривали крупные камни. Очажные ямы заполняли пепел,

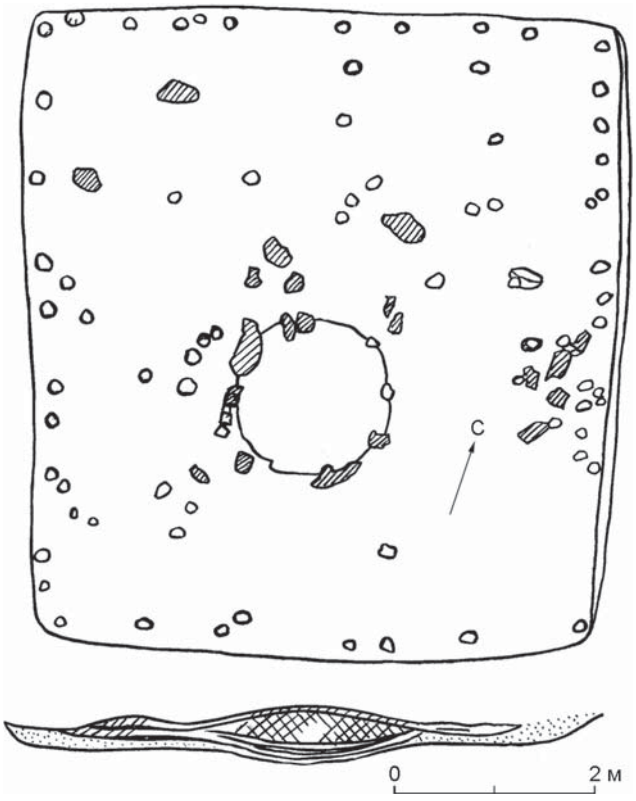


Рис. 22. Сопхохан V. Жилище № 7.

угли и прослойки обожженной глины. Выброшенная при чистке очажных углублений зола кучками лежала вблизи от них. К производственному комплексу относятся открытое невдалеке от очага скопление крупных обитых с одной стороны камней. В другом жилище такие же обитые крупные камни, по-видимому, наковальни, обнаружены в северо-восточном и северо-западном углах постройки. В размещении па полу инвентаря и других находок наблюдаются некоторые закономерности: у восточной стены одного жилища лежали мотыги, копалки для рыхления земли, иглы и различные украшения, а у южной – обнаружено множество керамики и костей животных, в том числе целые свиные головы. Топоры, тесла, орудия из обсидиана, наконечники стрел, проколки, пряслица, рыболовные крючки располагались к западу, северу и северо-западу от очага. И хотя там же найдено несколько целых сосудов, все же разница в наборе изделий, возможно, отражает то обстоятельство, что одна половина дома была женской, а вторая – мужской. В другом жилище обитые каменные наковальни находились в северо-восточном и северо-западном углах постройки; у северной стенки обнаружены ножи из клыков кабана, проколки и кости животных, у восточной – каменная мотыга, в западном углу – стрелы и мотыга из рога. Южнее очага стояли рядом 3 сосуда.

Жилища, открытые на других стоянках финального этапа неолита, тоже квадратные или прямоугольные, их площадь в большинстве случаев равна 30 м^2. В то же время на поселении Помый Кусок I раскопана полуземлянка, площадью всего 20 м^2, а в Чхондынмалле – более 80 м^2. Жилище № 2 на стоянке Тхосон занимало площадку в 34 м^2. Глубина котлована полуземлянок центральных районов полуострова различна: 25–50, 50–80 и 100 см. В Помом-Куске I ямки для столбов располагались за некотором расстоянии друг от друга в четыре ряда. В центре жилищ устраивалось очажное углубление, окруженное по краю камнями (рис. 23). В Кымтхане II обнаружено полуземляночное строение, отличающееся от обычных сооружений (рис. 24). В северной его части находилась прямоугольная яма размером 0,9×2,4 м и глубиной 0,8 м. У южного края ямы с дополнительными углублениями на дне располагались крупные камни. Всюду в яме виднелись пятна

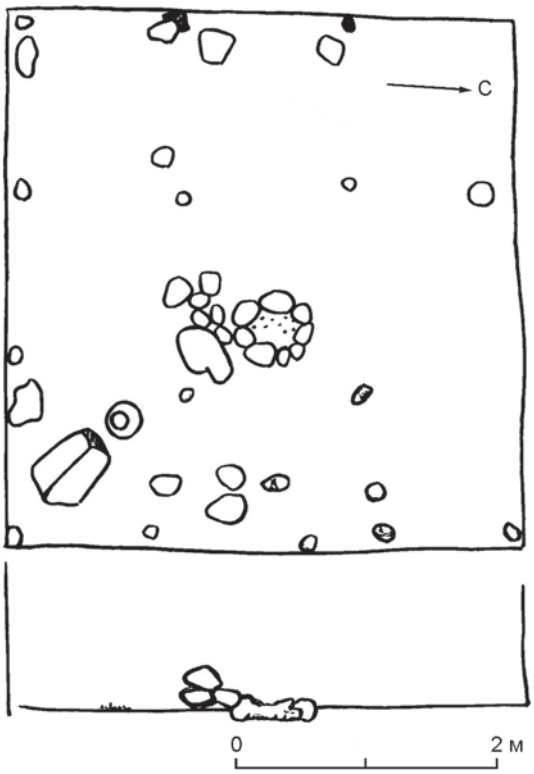


Рис. 23. Помый Кусок I. Жилище № 3.

красного цвета, свидетельствующие о том, что в ней некогда горел огонь. Севернее большой ямы находилось углубление поменьше – 0,8×1 м, глубиной 25 см. Его заполняла зола. По обе стороны от этих двух ям симметрично располагались еще две ямки, примыкавшие короткими сторонами к стенкам котлована. Глубина их 40–50 см. На полу выявлено также множество других относительно маленьких и больших ямок. В них, по мнению корейских археологов, устанавливались остродонные сосуды, в изобилии обнаруженные в полуземлянке, специальное назначение которой для хозяйственных нужд не подлежит сомнению, поскольку обширные ямы исключали возможность проживания в ней. За исключением таких специфических строений, остальные во многом напоминают жилища предшествующего этапа неолита. Так, полуземляночные дома Кымтхана II почти неотличимы от построек Кунсана II. В них обнаружены очаги, обложенные по краям камнями, и хозяйственные ямы с вкопанными в них перевернутыми сосудами с отбитым дном.

Среди каменного инвентаря поселений Сопхохан IV и V важное место по-прежнему занимают сельскохозяйственные орудия – мотыги. Однако наряду с известными ранее типами, по очертаниям напоминающими «подошву», как определяют их форму корейские археологи, появляются новые, чрезвычайно выразительные разновидности мотыг – плечиковые и с выемками в средней части. Они настолько типологически своеобразны, что их можно считать довольно четким индикатором хронологии поселений. У плечиковых мотыг, которые с помощью грубой обивки изготовлялись из плиток глинистого

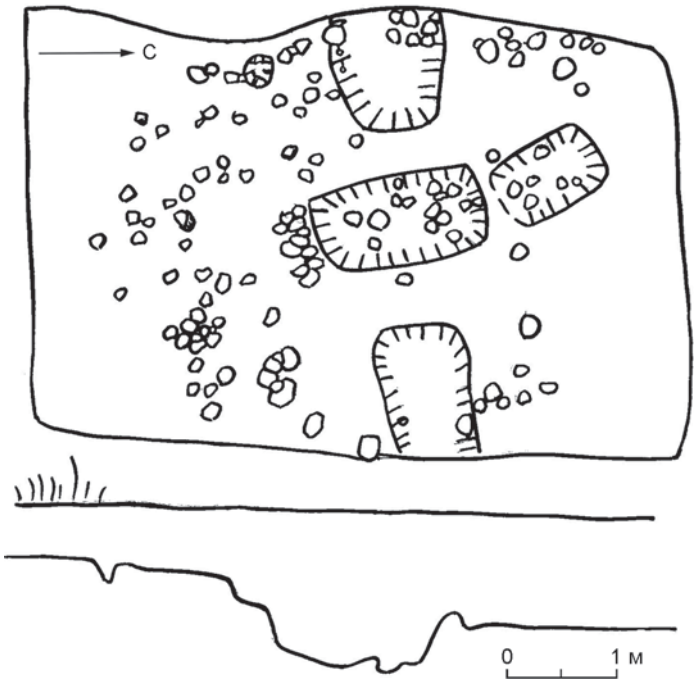


Рис. 24. Кымтхан II. Жилище № 11.

сланца, подпрямоугольная, сравнительно узкая рукоятка и отделенная от нее уступами-плечиками широкая, с плавно округлым лезвием собственно рабочая часть (рис. 25, *15*). Длина двух таких мотыг, найденных в культурных слоях Сопхохана IV, составляет 16 и 18 см, ширина плечиков 7 см, ширина лезвия 13 см. «Мотыг в виде подошвы» при раскопках обнаружено значительно больше, в том числе 4 целых. Они изготовлялись из андезита и роговика. Длина одной из них 20 см, ширина 9,2 см. Мотыги Сопхохана V хронологически несколько более поздние, и некоторые из них по типу иные. Выемки у нового типа орудия иногда делались в средней части. В результате обуха, как такового, у мотыги по существу нет, поскольку оба конца ее могли использоваться в работе (рис. 26, *27*). Судя по сколам, оформляющим их, а также по забитости, оба конца мотыги применялись при обработке земли, что, естественно, требовало определенного способа крепления рукоятки. Длина орудия 17,5 см, ширина 10 см, толщина 3,5 см. Изготовлена мотыга из твердого роговика.

Другие находки, связанные с земледелием, представлены обломками зернотерок, которые обнаружены в полуземлянках Сопхохана IV, и уникальным для неолитических горизонтов памятника серпом из раковины, найденным в жилище № 7 поселения Сопхохан V. Зернотерки обычны по типу – одна поверхность у них округлая, другая плоская, сильно сточенная. Ширина одного из фрагментов составляет 25 см, что свидетельствует о крупных размерах плиты для растирания зерен. Серп из раковины сильно вытянуто-овальный и слегка приострен на концах (рис. 26, *24*). Серпы или ножи такой формы корейские археологи называют «карасевидными». Дугообразные обушок и лезвие серпа сравнительно хорошо отшлифованы. Рабочий край заточен с одной стороны. Посре-

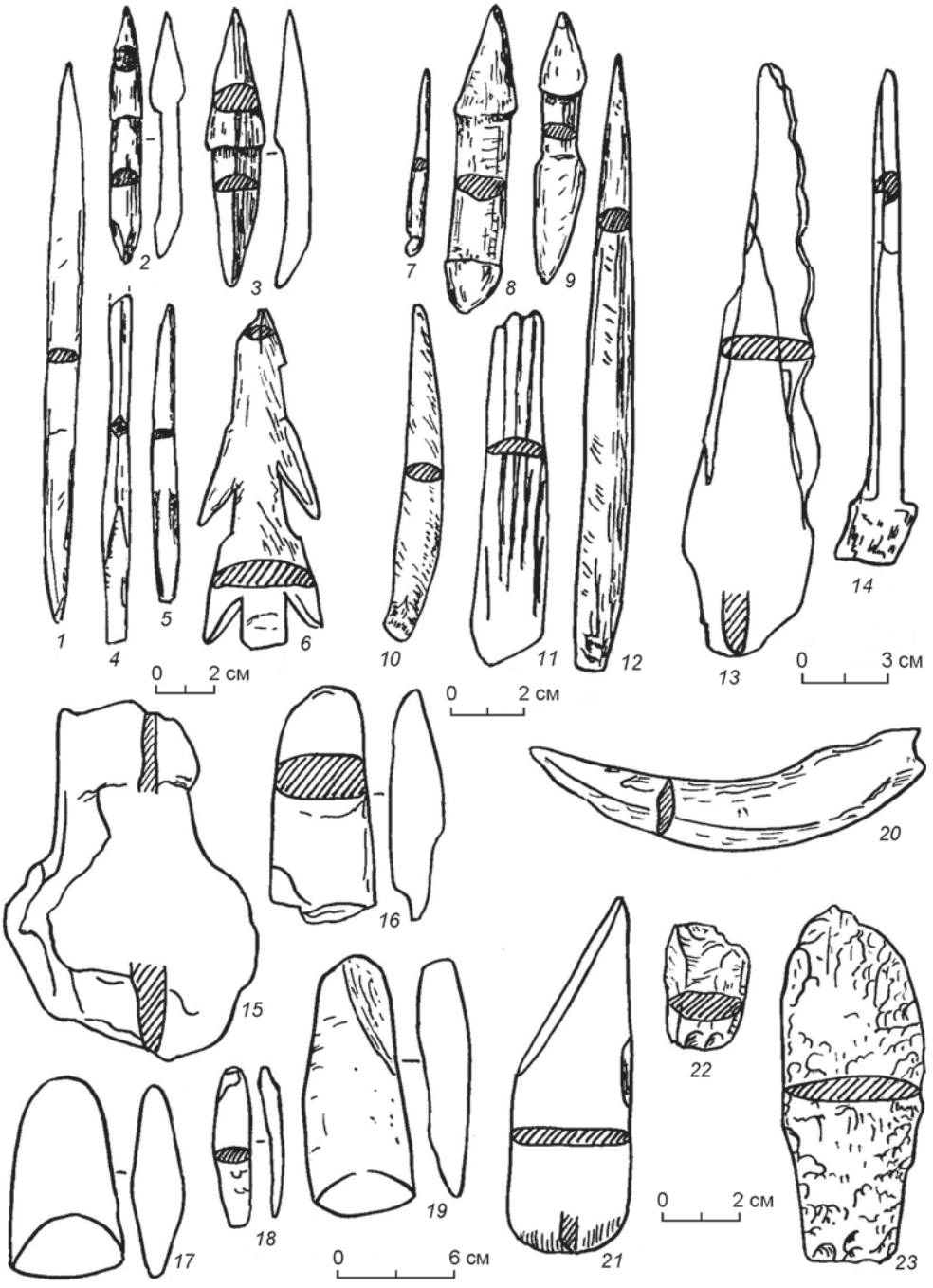


Рис. 25. Сопхохан IV и V.
Каменные, костяные и роговые изделия.

дине ножа просверлено круглое отверстие. Открытие серпа из раковины свидетельствует об интенсификации производства злаковых на финальных стадиях развитого неолита северо-востока полуострова. Возможно, в качестве ножей для срезания колосьев также использовались некоторые из обнаруженных в жилищах № 11, 15 и 18 Сопхохана IV «плоских камней с одной заточенной кромкой» и «продолговатые тонкие пластинки из сланца с режущей кромкой», однако судить об этом с уверенностью нельзя.

Высокого совершенства достигает техника обивки и ретуширования орудий, изготовленных из кремнистых пород, в особенности из обсидиана. В качестве основной заготовки при производстве большинства разновидностей инструментов использовалась правильная ножевидная пластина, сколотая с нуклеусов призматического типа. Обсидиановые ножевидные пластины встречались в изобилии как в самих полуземлянках Сопхохана IV и V, так и за их пределами. Достаточно сказать, что в жилище № 11 обнаружено более 50 пластин, причем 16 из них отличались правильностью форм и настолько острыми краями, что могли без дополнительной подправки использоваться в качестве ножей. При изготовлении ножей из пластин мастер ограничивался подправкой ретушью одного или двух ее краев. Длина ножей обычно больше 10 см, но встречаются экземпляры и меньшего размера. Отдельные ножи по форме напоминают вытянутый наконечник копья. Особенно высоким мастерством изготовления отличаются выструганные с обеих широких плоскостей ножи и наконечники копий. Для ретуши, оформляющей подобные инструменты, характерны особые тонкость и изящество. В качестве одного из образцов можно представить нож из обсидиана, обнаруженный в Сопхохане IV (рис. 25, *23*). У него подпрямоугольная рукоятка, отделенная плечиками и выступами от более широкого тонколинзовидного в сечении лезвия. Режущий край и конец у ножа закруглены, а обушок прямой. Широкие плоскости орудия сплошь покрыты параллельными чешуйками стелющейся ретуши. В жилище № 22 найден один, а в жилище № 21 два ножа из обсидиановых пластин, обработанных ретушью по краю. Из пластин изготовлялись также скребки. Средняя длина их 5 см, но встречаются и более крупные или мелкие экземпляры (рис. 25, *22*). Техника отделения правильных ножевидных пластин с призматических нуклеусов сохраняется вплоть до завершающих стадий развитого неолита Кореи. В Сопхохане V обнаружено более 100 изделий из обсидиана, причем у 30 инструментов ретушью оформлены одно- или двусторонние лезвия. Эти изделия употреблялись в работе как ножи. Среди находок попадались также массивные обсидиановые орудия с обитым концом, которые могли применяться как рубящие инструменты.

Техника обивки применялась также при изготовлении наконечников стрел, материалом для большей части которых служил обсидиан. Они типологически подразделяются на несколько разновидностей. Наиболее многочисленны линзовидные в сечении наконечники в виде равнобедренного треугольника с вогнутым основанием и жальцами (рис. 27, *13, 14*). У отдельных изделий такого типа из Сопхохана V вогнутость намечена совсем слабо. Два других типа представлены иволистными вариациями и наконечниками «в виде змеиной головы», т. е. ромбическими по форме, но с прямым основанием (рис. 27, *15*). Необычный по форме наконечник обнаружен в жилище № 7 Сопхохана V (рис. 26, *3*). У него острый треугольный конец отделен с двух сторон от прямого, с продольной подтеской основания глубокими полукруглыми выемками. Возможно, столь необычный наконечник использовался в качестве колка гарпуна. Шлифованные наконечники стрел изготовлялись из сланца. Часть из них – длинные иволистные, линзовидные или шестигранные в сечении, с острыми концами и прямым или закругленным ос-

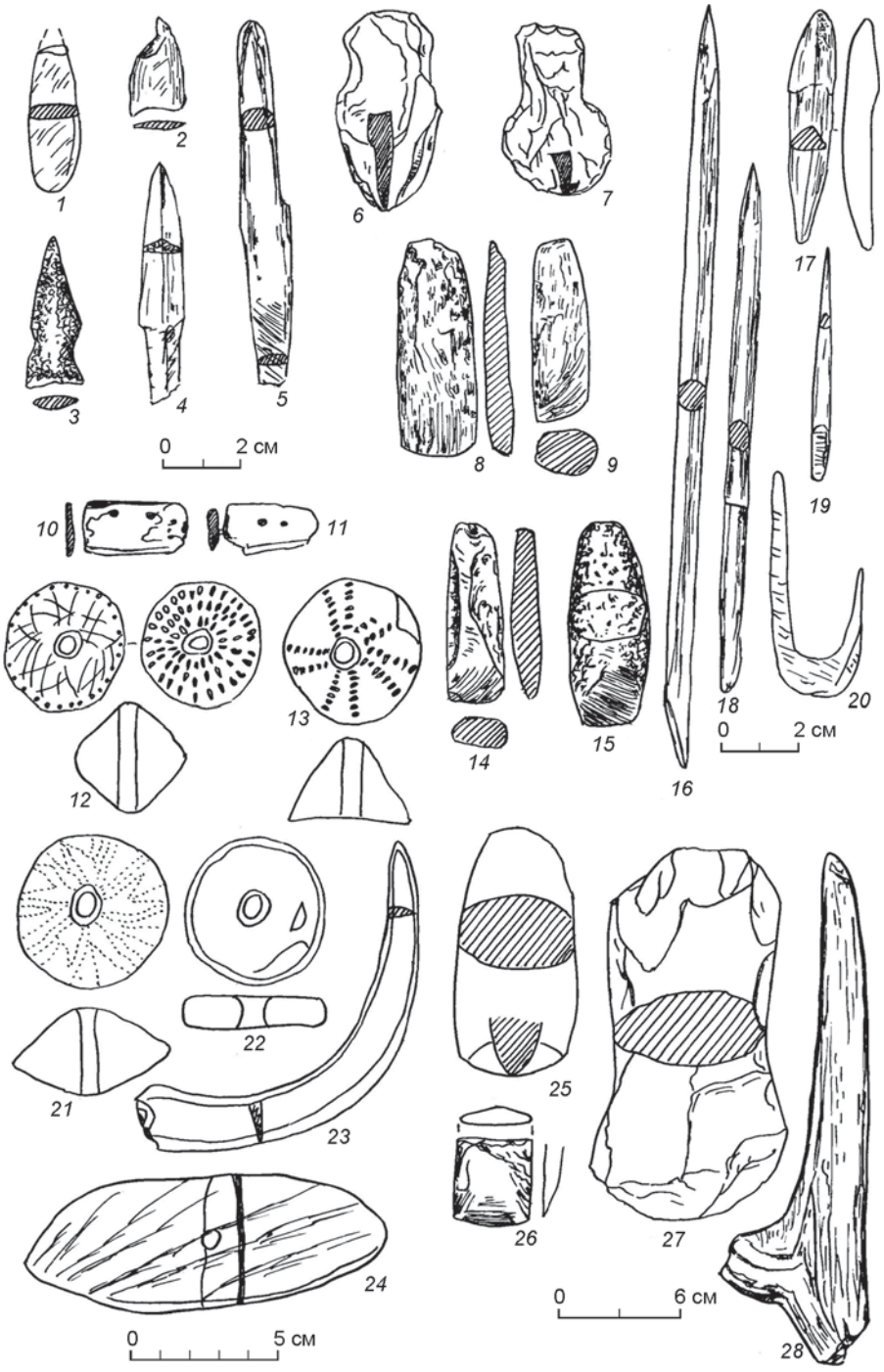


Рис. 26. Изделия из камня, рога, раковин, кости и глины из поселений Сопхохан V (*1–5, 12, 13, 15–28*), Помый Кусок (*7*), Кымтхан II (*6, 9*), Кунсан II (*8, 14*). Чхондынмалле (*10, 11*).

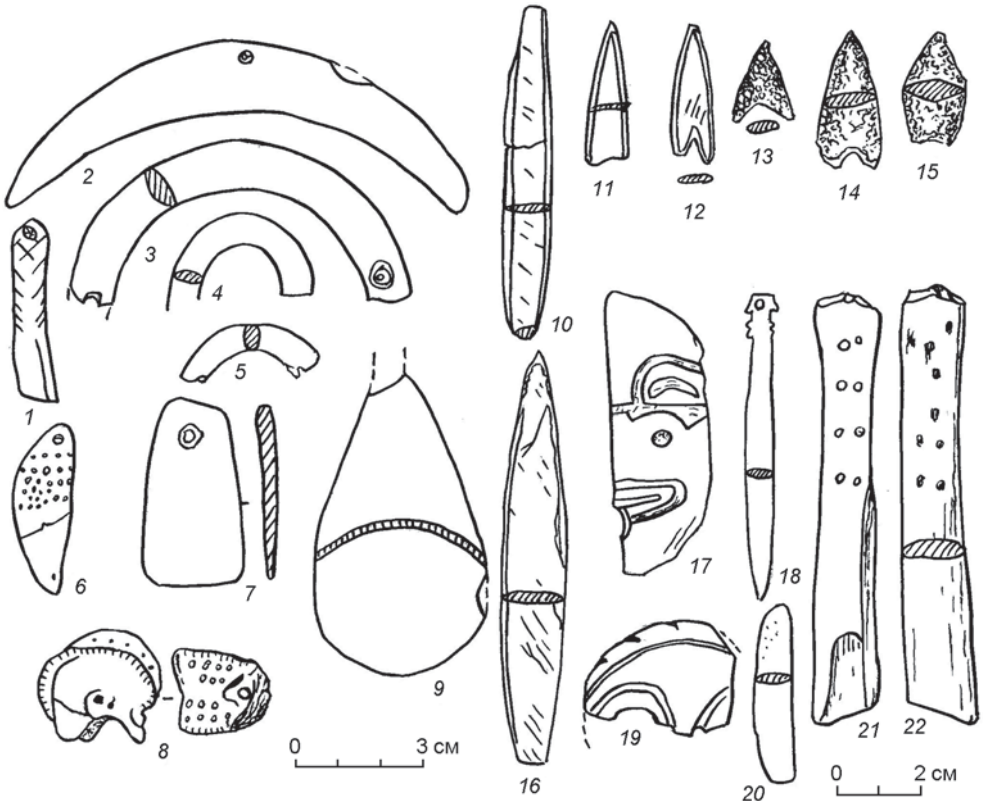


Рис. 27. Сопхохан IV и V. Изделия, обнаруженные в жилищах.

нованием изделия (рис. 27, *10, 16*). Другие наконечники – треугольные, с прямым или вогнутым основанием, жальца которого иногда асимметричны (рис. 26, *2*; 27, *11 12*). В целом наконечники стрел по сравнению с изделиями предшествующего этапа не претерпели особенно существенных изменений.

Шлифованные орудия представлены сериями топоров, тесел и долот. Они изготовлялись из изверженных или осадочных пород и зеленого диорита. Топоры характеризуются широкими (иногда в несколько раз шире обуха) лезвиями, но встречаются также экземпляры, у которых лезвие по ширине почти равно закругленному обушку (рис. 25, *16, 17, 19*). В сечении шлифованные рубящие инструменты полуовальные, овальные или прямоугольные с закругленными гранями. Лезвия иногда затачивались с двух сторон – плавно дугообразно и под крутым углом. Долота небольшие, узкие, иногда со скошенным лезвием (рис. 25, *18*). У топоров и тесел из Сопхохана V лезвия тоже слегка шире округленного или резко приостренного обушка. В поперечном сечении они имеют вид почти правильного овала (рис. 26, *25*). У отдельных инструментов лезвия слегка скошены. Иногда шлифовкой обрабатывались лишь обух и лезвия, а остальные плоскости оставались обитыми. Небольшое тесло, изготовленное из сине-зеленого камня, отшлифовано особенно тщательно (рис. 26, *26*). Лезвие его очень острое, заточенное с одной стороны. В сечении тесло плосколинзовидное.

Остальные серии каменных орудий представлены отбойниками, точилами и грузилами. В качестве отбойников, как и ранее, чаще всего использовались круглые или продолговатые гальки, а также куски роговика и сломанные топоры. Более сложной формы отбойник (или молот) обнаружен в жилище № 7 Сопхохана V: у цилиндрической гальки с двух сторон выбиты пазы, с помощью которых орудие, очевидно, прикреплялось к рукоятке. Оба конца гальки сильно забиты и смыты при ударах. Точила изготовлялись из плиток песчаника. В жилище № 7 найдены четырехгранное точило, у которого в качестве рабочей поверхности использовалась лишь одна грань, и неопределенной формы точило с глубокими желобками, расположенными с трех сторон. У прямоугольного четырехгранного точила из жилища № 16 использовались 4 грани. Длина точил 12–20 см. Грузила в большинстве случаев изготовлялись из галек, у которых на двух противолежащих сторонах обивкой оформлялись выемки, В жилищах их обычно находят группами по 7–10 штук. В полуземлянке № 7 обнаружено 18 таких изделий. Лишь у одного грузила из жилища № 21 Сопхохана IV сделано 4 выемки. В качестве грузил стали также применять раковины, у которых просверливалось отверстие для привязывания их к сети. Появляются редкие находки грузил из фрагментов керамики, с выточенными по краям углублениями для шнура сети. Особо следует упомянуть диск из сланца, оформленный по краю ретушью. Обе стороны его гладкие. Диаметр 11 см. По-видимому, он использовался в качестве крышки для сосуда или как подставка.

Отдельные породы камня по-прежнему широко применяются для изготовления украшений. В частности, из жировика была сделана подвеска, обнаруженная в жилище № 11 Сопхохана IV. У нее традиционная трапециевидная форма (рис. 27, *7*). На узком конце подвески просверлено круглое отверстие для шнурка. Новые, не встречавшиеся ранее разновидности украшений, представлены в Сопхохане IV мраморными кольцами и браслетами. В поперечном сечении кольца полуовальные, наружный диаметр их 3,2–3,5 см, внутренний – 1,8 см (рис. 27, *4, 5*). Превосходно отшлифованный обломок мраморного браслета в сечении полуовальный. Наружный диаметр его 8–8,5 см, внутренний – 7–7,5 см. На концах сломанного изделия просверлены отверстия, предназначенные для соединения распавшихся частей браслета (рис. 27, *3*). Обломок браслета из хорошо отшлифованного белого мрамора, найденный в жилище № 7 Сопхохана V, четырехугольный в сечении, с закругленными гранями. Внутренний диаметр браслета 6–7 см. На концах обломка просверлены отверстия для скрепления. Браслеты из мрамора были исключительной редкостью, поэтому их берегли, а при поломке старались непременно реставрировать. Обычно же такие украшения изготовлялись из раковин или глины. Средняя часть створки раковины удалялась, а кромка зашлифовывалась. Глиняные браслеты из Сопхохана IV имели прямоугольное сечение, но с закругленными гранями. Из глины и раковин также делали кольца. Внутренний диаметр их 1,7 см, внешний – 4,3 см; поперечное сечение – прямоугольное, с закругленными гранями. Внутренний диаметр колец из раковин поселения Сопхохан V равен 3,5– 4 см. Кромка по внутренней окружности зашлифована.

Рог и кость из финальной стадии развитого неолита оставались незаменимым материалом для изготовления ряда инструментов. Почти в каждом из жилищ Сопхохана IV обязательно встречалась роговая мотыга. Длина таких изделий 20–30 см. Одна из мотыг отличалась тем, что у основания рога мастер вырезал два паза для лучшего скрепления орудия с рукояткой. Такие же мотыги обнаружены в культурных горизонтах Сопхохана V. У одного орудия такого типа участок рядом с обломанным отростком у основа-

ния оказался сильно стертым. По-видимому, в этом месте рог привязывался к рукоятке (рис. 26, *28*). Из рога в Сопхохане IV изготовлялись также массивные копья, по типу сходные с описанными ранее. Длина сохранившихся фрагментов 12,8 и 13,8 см, ширина – 3,9 и 4,7 см. Найдено также одно костяное копье с заостренным концом. В сечении оно изогнуто-полукруглое. Костяные наконечники стрел, обнаруженные в Сопхохане IV, немногочисленны. Черешок у них отделялся пазом от заостренной части. Впрочем, черешки на конце тоже столь же усердно заострялись, поэтому отличить их от жальца трудно. Верхняя часть одного из наконечников стрел треугольная, а насад плоско заточен. Два костяных наконечника стрел с хорошо выраженными насадами найдены также в жилищах Сопхохана V. Один из них узкий, треугольный в сечении (рис. 26, *4*). У другого наконечника ланцетовидный, остро заточенный, плоско-выпуклый в сечении конец, а уплощенный стачиванием насад прямоугольный (рис. 26, *5*). Интересно, что насад этого иволистного по форме наконечника в верхней части более широкий, чем собственно острие. Особую группу составляют игловидные наконечники (рис. 25, *1, 4, 5*; 26, *16, 18*). Они длинные, узкие, с очень острыми концами. Насады их бывают закругленными, заостренными или плоско срезанными, сточенными. Сечения игловидных наконечников тоже разнообразны – округлые, прямоугольные, ромбические, полукруглые и даже шестигранные. Длина этих наконечников варьирует в пределах 7,6–18 см, ширина – 0,5–0,8 см, толщина – около 0,2 см.

Орудия рыбной ловли и зверобойного промысла представлены среди изделий из кости и рога гарпунами и рыболовными крючками. Два гарпуна обнаружены в жилище № 22 Сопхохана IV. Судя по опубликованному обломку одного из них, на финальной стадии развитого неолита стали изготовляться двусторонние многозубчатые гарпуны с острым треугольным концом. Стержень их в сечении плоско-выпуклый, а острый конец ромбический (рис. 25, *6*). Появляются также гарпуны, принципиально новые по устройству, – поворотные. У них короткий острый треугольный конец, менее широкая и довольно длинная средняя часть, насад округлый или приостренный (рис. 25, *8, 9*). К средней части орудия привязывался ремень, с помощью которого повернувшийся в ране под кожей гарпун удерживал добычу. Рыболовные крючки подразделяются на три вида. К первому относятся изогнутые крючки, изготовленные из клыков кабана, а затем тщательно зашлифованные, близкие по виду современным металлическим изделиям. У крючка из жилища № 21 Сопхохана IV вырезан даже зубец с острой бородкой. На конце несколько изогнутого, расширяющегося кверху стержня сделано продолговатое отверстие, в которое продевалась леска. Длина крючка 3 см. Несколько иначе выглядят два крючка, найденные в Сопхохане V. У них плавно закруглен очень острый конец, прямой стерженек тоже приострен, отверстия на последнем нет (рис. 26, *20*). Длина крючков 5,5 см. Два других вида – составные крючки. От этих изделий уцелели лишь острые концы, фигурные или игловидные, которые привязывались к стерженькам. Фигурные острия крючков найдены как в Сопхохане IV, так и в Сопхохане V (рис. 25, *2, 3*; 26, *17*). У них треугольное, полукруглое или округлое в сечении острие и более узкая, характерно коленчатая в продольном сечении нижняя часть, в поперечном сечении полукруглая или треугольная. Всего найдено шесть таких острий для составных крючков: пять из них изготовлены из клыков кабана и один – из рога оленя. Длина этих необычных изделий 5,5–9 см. Игловидные острия найдены в жилище № 7 Сопхохана V. Они округлые в сечении; основания у них характерным образом срезаны, что позволяло привязывать их к стерженькам. Длина одного полностью сохранившегося острия 5,5 см.

Многочисленны и разнообразны костяные и роговые шилья и проколки. Оформлялись они предельно просто: трубчатые кости животных или рога молодых оленей и косуль раскалывались вдоль и зашлифовывались на конце. Длина целых экземпляров 16–23 см. Шилья и проколки изготовляли из зубов животных, ребер или позвонков. У последних заострялся конец одного из отростков, а позвонок уплощался стачиванием для удобства размещения его в ладони. Ребра тоже обтачивались, конец их приострялся и заглаживался. У нескольких такого рода инструментов, найденных в Сопхохане V, острия плоско затачивались, и изделия, возможно, использовались как резаки. Иглы для шитья и плетения циновок найдены в жилищах и за их пределами в Сопхохане IV. Длина целых экземпляров игл для шитья 6–6,3 см. В жилищах № 7 и 16 Сопхохана V найдены футляры для игл, изготовленные из обрезанных трубчатых костей птиц. Длина довольно полно сохранившихся футляров 10 см. На поверхности их видны нарезки, сделанные ножом. Возможно, эти нарезки представляют часть орнаментальных композиций. Длина целых игл, находившихся в футляре, из жилища № 7 достигает 17,5 см, диаметр стержня – 2 мм. Длина малых игл для шитья 4 см, больших – 10–13 см; диаметр их – 2–3 мм. Диаметр ушка целых игл менее 1 мм. Судя по найденному обломку кончика, иглы на поселении Сопхохан V изготовлялись также из сланца. Иглы для плетения циновок – круглые или линзовидные в сечении, а около головки с ушком – плоские. Длина игл более 9 см, ширина 1 см (рис. 25, *10*). К иглам для плетения циновок, очевидно, относятся также изделия, которые корейские археологи описывают как «фигурки». По особенностям оформления они близки фигуркам-иглам предшествующей стадии культуры Сопхохана: стержни их уплощенные, линзовидные в сечении, приостренные на конце. В той части иглы, где просверлено отверстие, оформлена фигурная головка, но не округлая, а почти четырехугольная, с острыми треугольными выступами по сторонам. Ниже головы по краям иглы с двух сторон симметрично выступают по два выступа. Однако они не широкие, зубчатые, как прежде, и располагаются не под углом, а перпендикулярно стержню. Длина одной такой иглы или шпильки 7,5 см, ширина – 0,7 см (рис. 27, *18*). У фрагмента другой фигурки головка с отверстием округлая.

Ножи, как и на предшествующем этапе, изготовлялись из расколотых клыков кабана. Один из них, с остро заточенной внешней стороной, обнаружен в жилище № 11 Сопхохана IV. Длина его 10, ширина 2 см (рис. 25, *20*). Особенно выразительный нож из клыка кабана найден в жилище № 16 Сопхохана V. Одна половина его внешней поверхности остро заточена и могла использоваться как лезвие. Конец у ножа острый, проколковидный. Длина орудия 13 см (рис. 26, *23*).

К уникальным изделиям из кости относится найденная в жилище № 11 Сопхохана IV ложка, у которой отсутствует ручка. Конец ложки широкий, округлый, резервуар вогнутый, плавно суживающийся к ручке. Длина сохранившейся части 7, ширина 5, толщина 1,5 см (рис. 27, *9*).

Не меньший интерес вызывает штамп для орнаментирования керамики, изготовленный из клыка животного. Один конец у него заточен так, что напоминает лезвие ножа. На его поверхности сверлением сделаны 7 небольших углублений, которые вместе образуют узор, напоминающий ковш созвездия Большая Медведица (рис. 27, *22*).

Непонятно, для каких целей использовалось орудие, изготовленное из расколотой и затем тщательно зашлифованной кости кита (рис. 25, *13*). Изделие сохранилось лишь частично. Длина его 31, ширина 6,5, толщина 1,5 см. На широком конце видны выемки, как бы отделяющие рукоятку от лезвия. Еще 4 таких же выемки отмечены далее вдоль одного

края и доходят до приостренного конца. Загадочно по назначению и орудие, изготовленное из длинной заполированной кости (рис. 25, *14*). В сечении оно овальное, один конец его острый, а другой – квадратный, лопаточкообразный. Длина этого колющего инструмента, явно изготовленного с большим старанием, 26,2 см, толщина в средней части 1,6 см.

Украшения в виде подвесок из клыков животных и обработанных фрагментов костей и на новом этапе оставались популярными в Сопхохане. Расколотые и плоско зашлифованные кабаньи клыки, у которых иногда внутренний или внешний край, а то и оба сразу, затачивались настолько, что они могли применяться как лезвия ножей, использовались в большинстве случаев в качестве украшений. В середине дуги внешнего края одного из таких клыков просверлено отверстие, с помощью которого он прикреплялся к одежде. Ширина клыка 1,8 см, длина между приостренными концами 10,5 см (рис. 27, *2*). Из короткого, каплевидного по форме клыка животного тоже изготовлена подвеска (рис. 27, *6*). На конце корневой части клыка просверлено отверстие, а вся остальная поверхность сплошь в округлых углублениях. Третья подвеска из расколотого зашлифованного клыка интересна тем, что ее верхний конец с отверстием напоминает по форме голову змеи. Ромбическая головка и слегка зауженная, ниже расположенная часть изделия покрыта пересекающимися косыми линиями. Орнамент, по-видимому, передает рисунок на теле змеи (рис. 27, *1*). В Сопхохане V найдены две каплевидные подвески с просверленными на конце отверстиями, изготовленные из расколотых и плоско сточенных фрагментов костей. Две кости, обнаруженные в Сопхохане IV, привлекают внимание определенной системой углублений, высверленных на поверхностях. Так, одну из плоскостей шейного позвонка украшали две группы углублений по 7 в каждой из них. Они подходили к краям позвонка, на которые были нанесены насечки. Причем группы из трех углублений располагались на внутренней части плоскости, а из четырех – на внешней, у орнаментированной кромки позвонка (рис. 27, *5*). Не исключено, что позвонок использовался как фишка для игры. С этой же точки зрения интересен обломок плоско зашлифованной кости, найденный в жилище № 2 Сопхохана IV: с одной стороны ее просверлены 8 попарно расположенных углублений, а с другой – 7 (рис. 27, *22*).

Среди образцов искусства, обнаруженных при раскопках в Сопхохане IV, пожалуй, наибольшую ценность представляют первые для неолита Кореи образцы антропоморфных личин. Одна из них, сохранившаяся наполовину, находилась в жилище № 21. Изображение лица вырезано на поверхности тщательно отшлифованной округлой костяной пластины (рис. 27, *17*). Плавно округленными широкими линиями переданы очертания губ широко раскрытого рта, фигурные дуги ресниц и полукружия бровей. Прямая линия внутри рта условно изображает ряд зубов. Такая же прямая линия посредине лба соединяет высоко поднятые дуги бровей. Глаз намечен круглым углублением. В центре нижней губы просверлено большое круглое отверстие, посредине которого и произошел разлом личины. Изображение представляет собой маску, поскольку рисунок не отображает реалистически черт человеческого лица. Длина личины 6,7, ширина – 5 см. При раскопках за пределами жилищ обнаружен еще один фрагмент личины. Сохранился рисунок выпуклого лба с круглыми дугами широких бровей. Веки изображены с короткими щетинками ресниц. В верхней части лба прочерчена дуга, отделяющая его от волос, изображенных в виде коротких косых насечек (рис. 27, *19*). По размерам вторая личина не отличается от первой.

Большую часть коллекций находок Сопхохана IV составляет керамика, среди которой преобладают орнаментированные сосуды. Керамическое тесто приготовлялось из

глины с примесью песка или из илистой глины. Лощеная керамика, близкая по характеру посуде из Сопхохана III, изготовлялась из мягкой илистой глины. Цвет поверхности сосудов из поселения Сопхохан IV преимущественно коричневый. Реже встречается керамика темно-серая и с черными пятнами. Значительное количество посуды до обжига не полировалось и только отдельные изделия подвергались частичной шлифовке. Причем особенно часто полировались сосуды, украшенные новым для Сопхохана «узором молнии», иначе говоря, меандровым орнаментом. Форма сосудов не претерпела существенных изменений: по-прежнему встречаются плоскодонные, усеченно-конические и цилиндрические сосуды, горшки со слегка закругленными или прямыми сторонами, расширяющимися к устью, стаканы, чаши и чашки с небольшими, едва намеченными поддонами, кувшины с округлым туловом.

Орнаментика посуды Сопхохана IV отличается большей сложностью и разнообразием по сравнению с узорами на керамике предшествующего этапа, но многие орнаментальные мотивы продолжают сохранять свое значение. Так, примечательно, что самым распространенным остается гребенчатый орнамент. По-прежнему популярен елочный узор. У сосуда, найденного в жилище № 11, горизонтальные полосы елочного орнамента покрывают большую часть тулова (рис. 28, *12*). В то же время елочный резной узор, образующий по вертикали характерные зигзаги, сочетается через определенные интервалы с горизонтальными полосами из пунктирных линий (рис. 28, *11*). В других случаях полосы из горизонтального елочного орнамента прерываются промежутками, заполненными короткими широкими черточками. На поверхность сосудов наносился и вертикальный елочный орнамент, но такие узоры, как правило, не отличались четкостью и «упорядоченностью». Именно такое впечатление создается, когда рассматриваешь вертикальный елочный узор, размещенный между двумя опоясывающими сосуд линиями (рис. 28, *9*).

Часто встречаются также орнаментальные композиции из гребенчато-пунктирных опоясывающих линий и косо направленных, параллельных друг другу гребенчатых оттисков. Так, на одной из чашек под тремя пунктирными линиями располагались косые черточки, нанесенные гребенчатым штампом (рис. 28, *3*), а на другой – четыре прямые пунктирные линии опоясывали тулово (рис. 28, *2*). Неорнаментированная поверхность у последней чашки гладко заполирована. Часть сосудов украшалась параллельными полосами косо направленных гребенчатых оттисков, иногда каплевидных по форме (рис. 28, *10, 14*). Более сложный композиционный узор на чашке из жилища № 1. Ее опоясывают 4 линии из вытянутых точек или коротких широких черточек. Три вертикальные линии, проведенные на одной стороне чаши, оконтуривают два прямоугольных участка, один из которых заштрихован поперечными прямыми линиями, а другой – тонкими пунктирными линиями. Появление в орнаментике прямолинейных узоров, образующих разные геометрические фигуры, как раз и есть то необычайно новое, что отличает гребенчатую керамику Сопхохана IV от керамики предшествующего периода неолита.

Широкое распространение, в частности, получают сосуды, украшенные резными линиями, образующими углы, треугольники и другие фигуры, которые заполняются внутри точками, каплевидными оттисками, а также пунктирными и сплошными линиями, в том числе изредка волнистыми. Так, у одного из сосудов треугольники прочерчены углами вниз, а основание у них образует одна широкая пунктирная линия. Площадь треугольников заполнена расположенными вне какой-либо системы точками (рис. 28, *6*). У другого сосуда ниже полосы таких же треугольников точками обозначен еще один, и в итоге получилась ромбическая фигура, заполненная внутри рядами точек

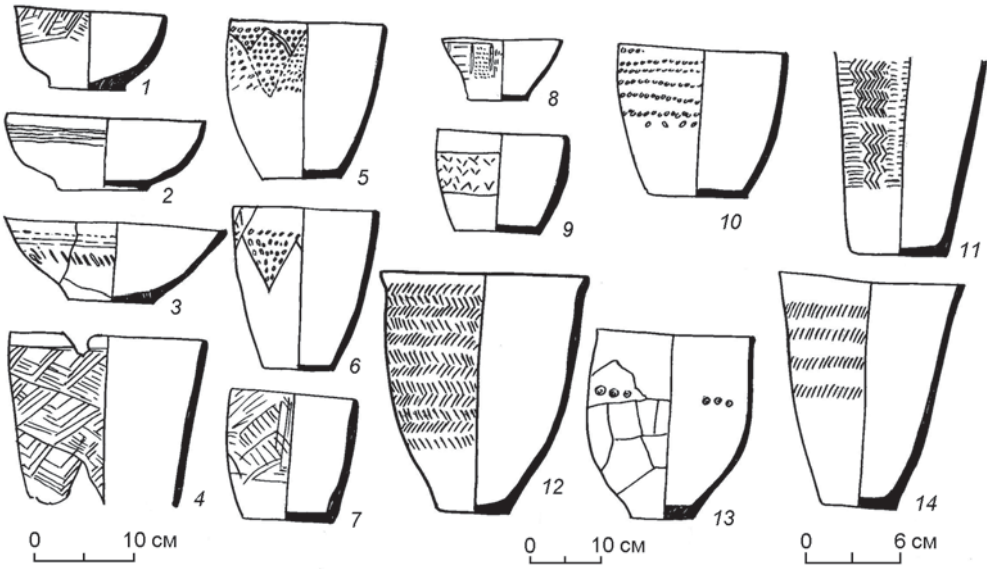


Рис. 28. Сопхохан IV. Керамика.

(рис. 28, *5*). Треугольники иногда вырисовывались на стенках сосудов с помощью различных по длине параллельных линий. Стоило изменить наклон линий, и рядом появлялся еще один треугольник. Встречаются также узоры из треугольников, заштрихованных прямыми линиями, параллельными одной из сторон фигуры. Особого внимания заслуживает сложный орнамент из звеньев примыкающих друг к другу фигур. Они составлены из параллельных линий, образующих углы, как бы вписанные один в другой (рис. 28, *1, 4*). В основе композиции заложена, разумеется, фигура треугольника, но благодаря оригинальному сочетанию линий и отдельных секций происходит, по существу, подлинное преображение орнаментики, в которой теперь угадываются мотивы меандра или «узора молнии». В лучших образцах такого орнамента просматривается сложная плетенка (рис. 28, *4*). Иногда орнаментальная композиция как бы распадается, и на поверхности сосудов остаются лишь пересекающиеся в разных направлениях прямые или слегка искривленные линии (рис. 28, *7*). И все же даже в таких случаях в узоре прослеживаются треугольники, трапеции, прямоугольники и ромбы.

Значительное распространение получают теперь также налепные валики и выдавленные узоры, сочетающиеся с обычными. Налепные валики, иногда криво изогнутые, прикреплялись к стенкам сосудов, украшенных елочным орнаментом (рис. 29, *6, 10*). Обнаружены обломки венчиков, у которых на 1–2 см ниже края располагался ряд жемчужин (рис. 29, *8*), выдавленных изнутри сосуда специальным штампом. Ниже шишечек прочерчен горизонтальный елочный узор. Орнамент отдельных сосудов состоял из ямок, которые продавливались по краю нажимом штампа, и различных сочетаний прямых линий. На поселении Сопхохан IV найдены также 5 фрагментов сосудов с налепными ручками, имеющими сквозные горизонтальные отверстия (рис. 29, *7*). Среди находок упоминаются ручки типа сосков, но фрагменты таких сосудов оказались неорнаментированными, поэтому судить о принадлежности их к культурным отложениям Сопхохана IV затруднительно.

Новым в керамическом комплексе финального этапа неолита памятника следует считать появление сосудов, украшенных меандровым узором. Они обнаружены в обломках, но все же ясно, что такой орнамент наносился главным образом на кувшины со слегка приподнятым дном и округлым туловом. Один из фрагментов позволяет утверждать, что у таких сосудов выделялась шейка, и вообще по форме они напоминали кувшины, которые покрывались на поселении Сопхохан III спиральным узором. Однако в жилище № 11 найдена часть цилиндрического сосуда с меандровым узором (рис. 29, *5*). «Узор молнии» выполнялся двумя способами: а) сначала проводились две пунктирные параллельные линии, пространство между которыми затем заполнялось точками; б) прочерчивались две параллельные линии, которые заштриховывались наклонными черточками так, что косо направленные черточки образовывали примыкающие друг к другу треугольники. Отдельные секции линий, «заполненных» точками, соединялись друг с другом под углом, образуя ломаные зигзагообразные полосы. Фоном для орнамента служила незаполированная поверхность, многочисленные мелкие точки (рис. 29, *1*) или прямые линии (рис. 29, *2*). Что касается участков поверхности сосудов, на которые орнамент не распространялся, то они заполированы самым тщательным образом. Такая особенность технологии отделки поверхности сосудов, украшенных «узором молнии», позволяла рельефно выделить орнаментальную композицию. Узоры, составляющие ее, повторяются, причудливо переплетаются, вследствие чего корейские археологи высказали мысль, что собственно ломаные линии не что иное, как принявшая новую форму спираль. Именно поэтому орнамент в целом выглядит иначе, чем классический меандровый узор керамики неолита внутренних районов полуострова.

К одной из самых замечательных особенностей финального этапа неолита Сопхохана следует отнести первое появление образцов крашеной керамики. Поверхность части сосудов начали окрашивать красной глиной с примесью окисла железа. Примечательно, что именно таким способом раскрашивалась в Корее красная лощеная керамика эпохи развитой бронзы. Лучший образец крашеной керамики поселения Сопхохан IV представлен обломком самого крупного из найденных сосудов (рис. 29, *12*). Фоном для орнаментальной композиции, по-видимому, составленной из «узора молнии», служили полосы из густо нанесенных на поверхность крупных точек и параллельных друг другу коротких линий. Остальная поверхность узора покрыта краской и заполирована. На другом фрагменте, сплошь окрашенном краской, сохранилась часть рисунка, очевидно, треугольника, заполненного внутри точками (рис. 29, *11*). В описании упоминается также обломок крашеного сосуда, на поверхности которого вырезан линейный узор. Что касается спирального орнамента, то в полуземлянках Сопхохана IV найдено несколько обломков сосудов с таким узором, необычайно популярным на предшествующем этапе неолита. Однако не исключена возможность, что черепки со спиралями, гладко отполированные, с гребенчатыми оттисками, образующими фон, и вертикальными елочными узорами попали в горизонт Сопхохана IV из ниже расположенных слоев.

Количество неорнаментированной керамики на финальной стадии неолита увеличивается. Среди такого рода изделий встречаются большие и маленькие сосуды. Многие из них грубой выделки, но у отдельных экземпляров стенки залощены. Дно у сосудов плоское, переход к тулову резкий или плавный. По форме преобладают чашки и стаканы, но изготовлялись также высокие, с округлым туловом горшки. У одного из них сбоку прикреплены орнаментальные ручки в виде сосков (рис. 28, *13*). Внешняя поверхность этого сосуда залощена. Более редкие формы представлены цилиндрическими и «в

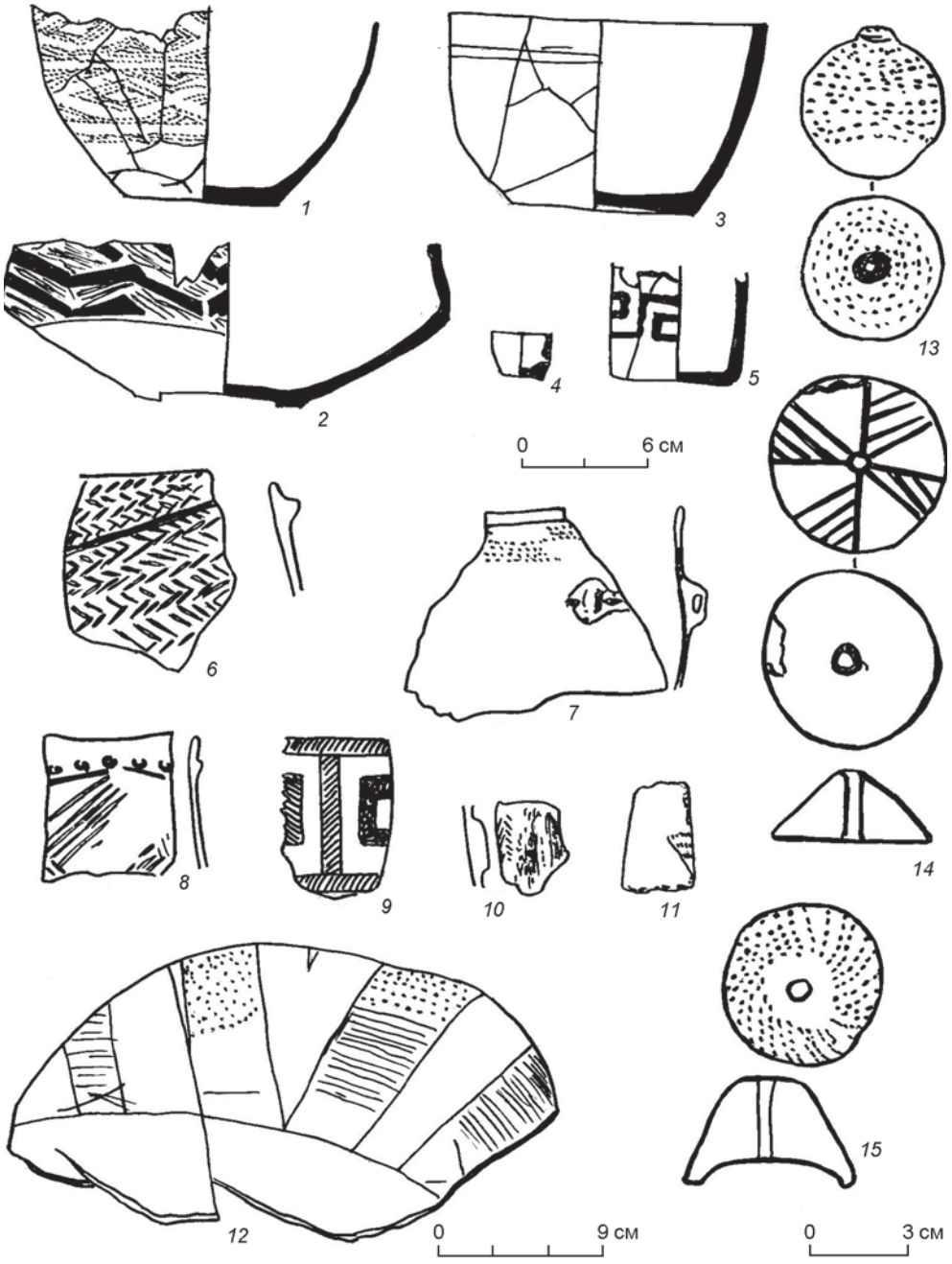


Рис. 29. Сопхохан IV. Керамика.

виде коробки» сосудами (рис. 29, *3*). У последнего, изготовленного особенно тщательно, поверхность залощена, а ниже края сосуд опоясывается налепным валиком. К примечательной особенности керамики Сопхохана IV относится появление на отдельных донышках отпечатков листьев деревьев. Однако не выяснено, орнаментировались такие сосуды или нет.

Из глины, как и на предшествующем этапе, изготовляли пряслица, которые по форме подразделяются на конические, сферические и чечевицеобразные. Отдельные из них орнаментированы заштрихованными треугольниками, концентрическими пунктирно-гребенчатыми линиями или плавно изогнутыми, расходящимися от центра веером (рис. 29, *13–15*). Кроме того, отмечены узоры из линий, отходящих от центра, и точек, заполняющих пространство между ними; из кривых линий отпечатков ногтей; из «соединенных крестиков» и пучков пунктирных линий. У отдельных конических пряслиц основание вогнутое. Диаметр прясел 2,7–6 см.

Керамический комплекс Сопхохана V интересен потому, что именно его изделия представляют финальный этап неолита северо-восточных районов полуострова. Сосуды изготовлялись из глины с примесью песка. Поверхности их грубые, иногда слегка лощеные, красно-коричневые или коричневые. Неравномерность обжига приводила к появлению полос и пятен, смешению красного и коричневого цветов. Все сосуды плоскодонные, с плавным переходом от дна к стенкам. Венчики у них прямые или слегка отогнутые. Причем последние, как правило, не украшались узорами. Орнаментированная керамика обычно коричневая или желто-коричневая, поверхность ее слегка залощена. Узором обычно украшалась верхняя часть горшков и чашек. Среди мотивов орнамента преобладают горизонтальные полосы елочного узора, небрежно нанесенного грубым штампом (рис. 30, *11*). Другие вариации орнаментики представлены опоясывающими линиями, поясками из косых наклонных черточек и пунктирных линий, продольно расположенным елочным узором, взаимно пересекающимися косыми линиями, образующими сетку. На отдельных неорнаментированных сосудах у венчика имеется опоясывающий налепной валик, рассеченный зубчатыми вдавлениями (рис. 30, *7*). В других случаях налепные валики или с острыми зубчиками (рис. 30, *10*), или на них выдавливались ромбы, кружки, треугольники и четырехугольники. Около валиков отмечены выдавленные ряды ямок, разного рода примитивные черточки, вдавления типа «дождевых капель», расположенных горизонтальными поясками. В одном случае ниже валика располагалась полоса из треугольников, выдавленных штампом. У одного небольшого сосуда сбоку была прикреплена ручка в виде пенька или соска (рис. 30, *9*).

Пряслица Сопхохана V подразделяются на конусовидные, линзовидные и плоские в виде дисков (рис. 26, *12, 13, 21, 22*). Последние изготовлялись из фрагментов сосудов. У некоторых конусовидных пряслиц основание вогнутое. В орнаментике пряслиц преобладают узоры из точечных и пунктирных линий, отходящих от центра к краю диска. На одном из пряслиц, оконтуренном по краю точками, прочерченные линии образуют углы звездчатой фигуры (рис. 26, *12*). Сходную звездчатую фигуру на другом пряслице создают пунктирные линии. В целом орнаментика прясел явно призвана подчеркнуть эффект вращения. Диаметр пряслиц из поселения Сопхахан V равен 4–5 см.

Фаунистические остатки Сопхохана V представлены костями оленей, косуль, лисы, а из домашних животных – собаки и свиньи. На поселении обнаружено множество раковин различных моллюсков.

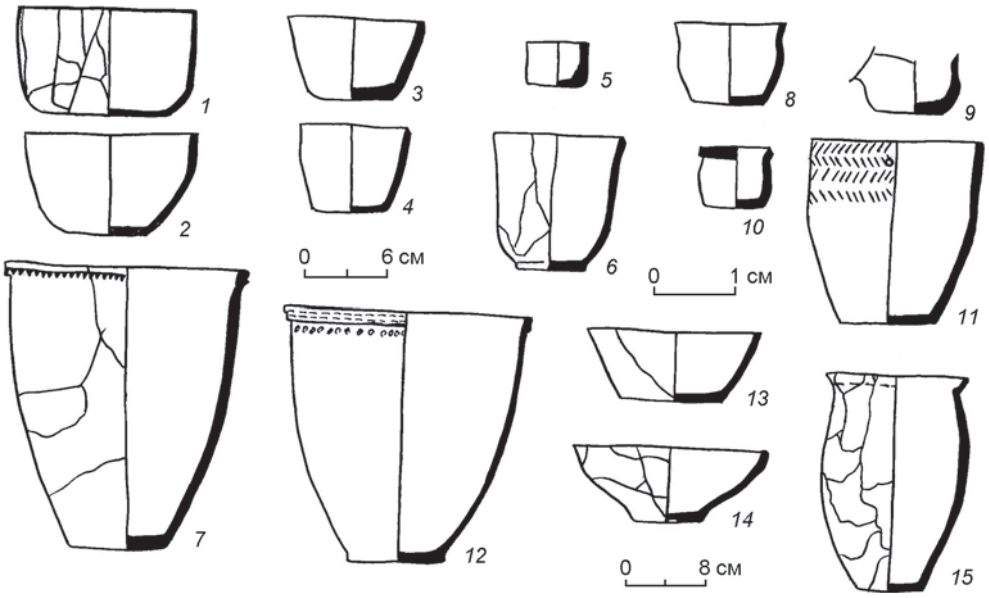


Рис. 30. Сопхохан V и VI. Керамика.

Для культуры финального этапа неолита и ранней бронзы внутренних районов полуострова характерны существенные перемены, в то же время не вызывает сомнений взаимосвязь ее с предшествующим периодом каменного века Кореи. Как и на северо-востоке полуострова, среди земледельческих орудий внезапно исчезают из употребления каменные лемехи плугов, которые, по-видимому, заменяются деревянными. В то же время из гнейса и других слоистых пород стали изготовляться характерные плечиковые мотыги. Такие орудия для обработки земли обнаружены в Помый Кусок I и Тхосоне. У них прямоугольная рукоятка и широкое, плавно закругленное лезвие сечковидного типа (рис. 26, *7*). Обе широкие плоскости мотыг покрыты фасетками крупных сколов. Несколько иного типа мотыга найдена на поселении Кымтхан II (рис. 26, *6*). У нее боковые выемки отделяют округлый обушок от треугольного приостренного лезвия. Не могли ли, однако, такие инструменты с острым концом использоваться как наконечники плугов? Во всяком случае, очевидно, что узкое лезвие нерационально для мотыги. Для обработки земли продолжали также использоваться мотыги, изготовленные из рогов оленя. В Кунсане они, в отличие от роговых мотыг Сопхохана, сохраняют боковые отростки. В земледельческий комплекс орудий на поселениях входят, кроме того, многочисленные зернотерки и куранты, а также новые, неведомые ранее инструменты – шиферные, полулунные и прямоугольные серпы или, как их чаще называют, ножи. Ими срезались колосья злаков. Выразительные образцы полулунных ножей обнаружены при раскопках поселения Чхондынмалле (рис. 26, *10, 11*).

Для каменной индустрии внутренних районов полуострова характерны высокое развитие техники раскалывания кремнистых пород, завершенное мастерство в отделении с нуклеусов призматического типа ножевидных пластин и пластинчатых сколов, а также появление инструментов, оформленных с помощью превосходной по тонкости и изяществу ретуши. В качестве сырья для изготовления обитых орудий в особеннос-

ти широко применялся обсидиан. Богатые коллекции разнообразных по типу инструментов, обработанных техникой скалывания и отжимной ретуши, собраны при раскопках поселений Помый Кусок I, Кымтхан II, Нонпхо (г. Чходдин провинции Северная Хамгён) и Тонсандон (район г. Пусана). Ножевидные пластины и широкие длинные пластинчатые сколы составляют основную массу заготовок для разного рода орудий типа ножей, вкладных лезвий составных инструментов, наконечников стрел и копий, а также скребков и скребел. Если строго правильной огранки и относительно небольшие ножевидные пластины использовались после соответствующей обработки главным образом в качестве вкладышей, то крупные треугольные или подпрямоугольные пластины и пластинчатые сколы, которые, по-видимому, скалывались иногда с нуклеусов иного, чем призматические, типа, превращались после тщательного ретуширования краев в ножи, остроконечные орудия, проколки, скребки и скребловидные инструменты. Такие широкие пластины и пластинчатые сколы не отличаются особой правильностью очертаний. Огранка их неправильна, в продольном сечении они обычно слегка изогнуты. Однако ни то, ни другое не является свидетельством архаичности техники раскалывания камня, что подтверждается совершенством отжимной ретуши, мелкие или длинные, стелющиеся и параллельные друг другу фасетки которой покрывают один или оба края изделий типа ножей, скребел с округлым рабочим краем или остроконечников (рис. 31, *5, 15, 16*). Помимо пологой, как бы выстругивающей ретуши применялась также крутая, почти вертикальная ретушь, можно сказать обламывающая острые и хрупкие края пластин.

Таким способом, в частности, оформлялись проколки и шилья – орудия, имеющие массивный, узкий, приостренный рабочий конец (рис. 31, *17*).

Особенно выразительный набор ножей, клинков, наконечников копий и скребел, изготовленных из огромных подтреугольных пластин обсидиана, обнаружен при раскопках в Нонпхо. С частью коллекции обсидиановых изделий удалось познакомиться при поездке в КНДР в 1974 г., поэтому представляется возможность остановиться подробнее на их характеристике. Такое описание тем более необходимо сделать, поскольку в доступных публикациях на корейском языке отсутствует анализ особенностей обработки и типологии орудий, выструганных отжимной ретушью. Три кинжала или, что можно утверждать с той же уверенностью, наконечника копья изготовлены из длинных, массивных и относительно правильных пластин (рис. 32, *5, 6*; 33, *6*). У всех орудий один конец острый, треугольный, а противоположный – широкий, значительно более массивный, с крупным ударным бугорком и меткой от удара со стороны брюшка. Особой правильностью отличается один из клинков с обломанным концом (рис. 33, *6*), изготовленный из двугранной пластины. Крупные, параллельные друг другу фасетки ретуши покрывают со стороны спинки оба края орудия, а с брюшка ретушированы лишь края рукоятки или насада. Сколами со спинки выделены два приостренных массивных выступа, которые отчетливо отделяют самую широкую часть пластины, где находится рукоятка или насад, от более узкой – собственно клинка. Длина сохранившейся части орудия 15,4 см, длина рукоятки 5,7 см, ширина пластины в той части, где выступы, – 5,4 см. Вероятно, все же инструмент этот использовался в качестве кинжала и ножа. Два других изделия такого же типа изготовлены из пластин менее правильных очертаний (рис. 32, *5, 6*). Оформление отдельных частей кинжалов отличается некоторой небрежностью. Так, с меньшей отчетливостью выделены сколами выступы, отделяющие широкие рукоятки от узких и острых на конце клинков. К тому же выступы эти расположены несимметрично по от-

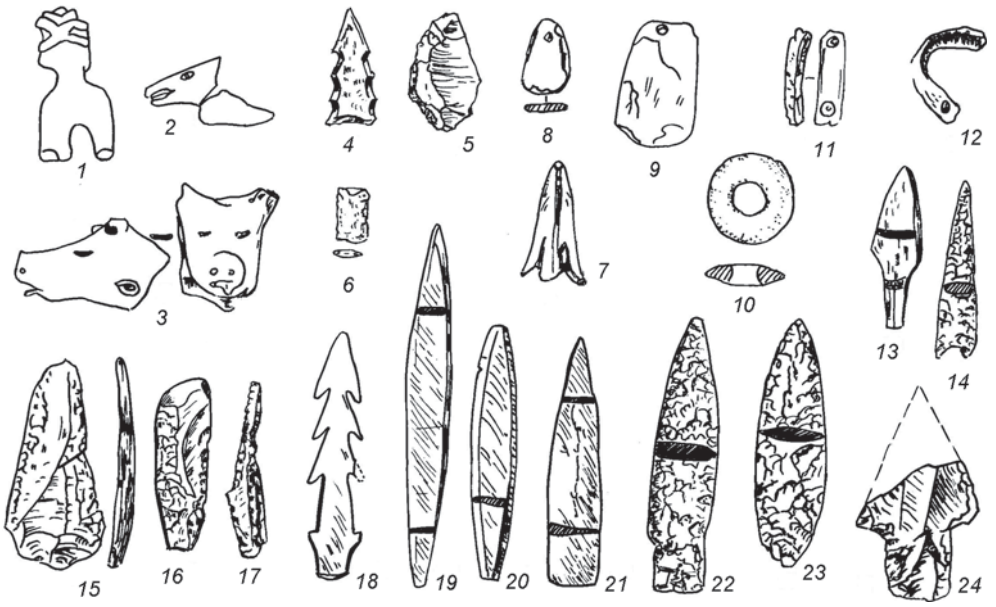


Рис. 31. Изделия, обнаруженные при раскопках поселений Помый Кусок I, Нонпхо, Кымтхан II, Чхондынмалле.

ношению друг к другу. Значительно более тщательна ретушь, оформляющая края клинков, между тем как рукоятки обиты явно небрежнее. В отличие от описанного выше орудия, ретушью со стороны брюшка подправлены не только края рукояток, но также один из краев лезвий инструментов, который и следует считать рабочим. Длина первого ножа 16 см, длина рукоятки около 5 см, ширина пластины около выступов 5 см, второго – соответственно 15,8, 4,7 и 5 см.

Каждый из остальных пяти ножей, тоже изготовленных из пластин, не отличающихся особой правильностью, представляет собой типологический вариант одного орудия. У первого из них широкая длинная рукоятка отделена округлыми выступами и плечиками от характерным образом искривленного лезвия (рис. 33, *5*). Оба края рукоятки ретушированы как со спинки, так и с брюшка, а лезвие обработано более тщательно, но лишь со спинки. Длина ножа 13,2 см, длина рукоятки 6 см, длина пластины около выступов 4,7 см. У второго ножа, в отличие от всех остальных изделий такого рода, рукоятка длиннее и у́же лезвия с закругленным рабочим краем (рис. 33, *2*). Отделены они друг от друга не выступами, а глубокими выемками. Слегка изогнутая рукоятка, плавно расширяясь, переходит в короткое подтреугольное лезвие. Рукоятка по краям обработана со спинки и брюшка, в то время как клинок ретуширован противолежаще. Округлый край клинка подтесан по краю с двух сторон. Длина орудия 11,5 см, длина рукоятки 5,9 см, наибольшая ширина пластины около плечиков 3,5 см. Третий нож изготовлен из пропеллеровидной по очертаниям, приостренной на двух концах пластины (рис. 33, *1*). У него тоже рукоятка длиннее клинка, но ретуширована она со спинки и вдоль одного края с брюшка только около пологих плечиков. Треугольный, слегка изогнутый клинок покрыт сколами со спинки, причем округлый край его обработан круто, а прямой – стелющейся ретушью, фасетки которой располагаются параллельно друг другу и под углом

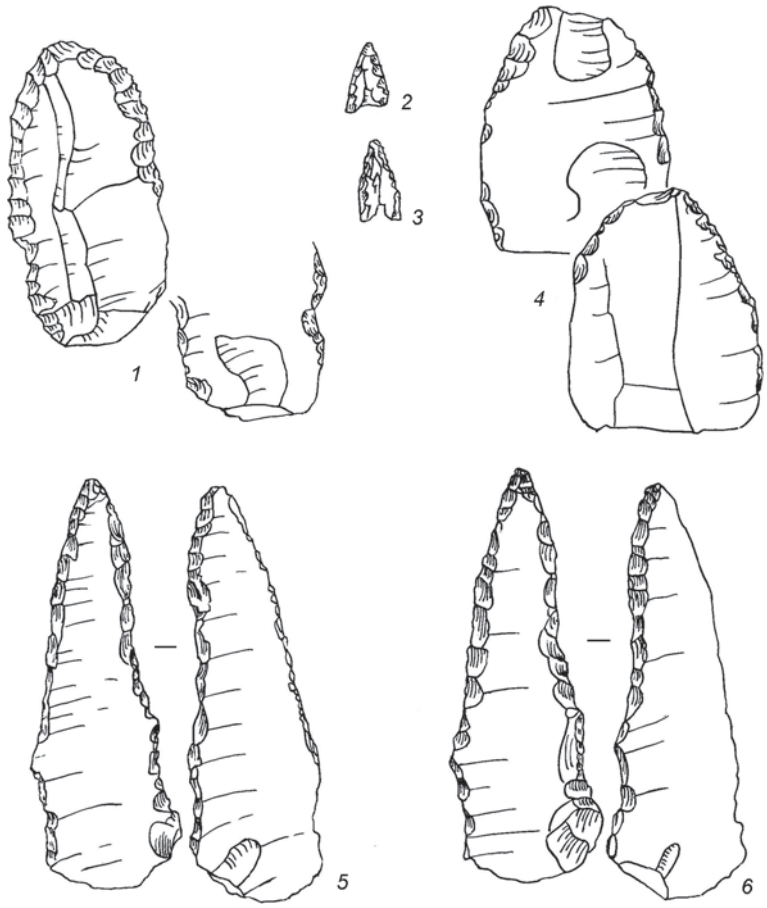


Рис. 32. Нонпхо. Изделия из обсидиана.

к длинной оси пластины. Длина ножа 12,7 см, длина рукоятки 7 см, ширина пластины возле плечиков 3,4 см. Четвертый нож изготовлен из необычайно широкой, но короткой двугранной пластины, возможно, сколотой с нуклеуса леваллуазского типа (рис. 32, *1*). У инструмента более узкая по сравнению с клинком рукоятка, имеющая слегка округлые края и конец. Со спинки она обработана вдоль одного края, примыкающего, очевидно, к лезвию ножа, а с брюшка – с двух краев, причем в особенности тщательно ретушировались выемки, отделяющие рукоятку от клинка. Оба края лезвия тщательно ретушированы. Длина ножа 12 см, длина рукоятки 5 см, ширина пластины в основании клинка 6,5 см. У пятого небольшого ножа (рис. 33, *3*) короткая, но более широкая по сравнению с лезвием рукоятка, отделенная от клинка отчетливо выраженными округлыми выступами. Главная особенность ножа заключается в том, что около острого конца лезвия по сторонам несколько асимметрично расположены два острых, достаточно массивных шиповидных выступа. При использовании кинжала они разрывали края раны. Орудие обработано по краям со стороны спинки, а с брюшка лишь два скола выделяют выступы, расположенные между клинком и рукояткой. Фасетки на клинке шире и глубже, чем на

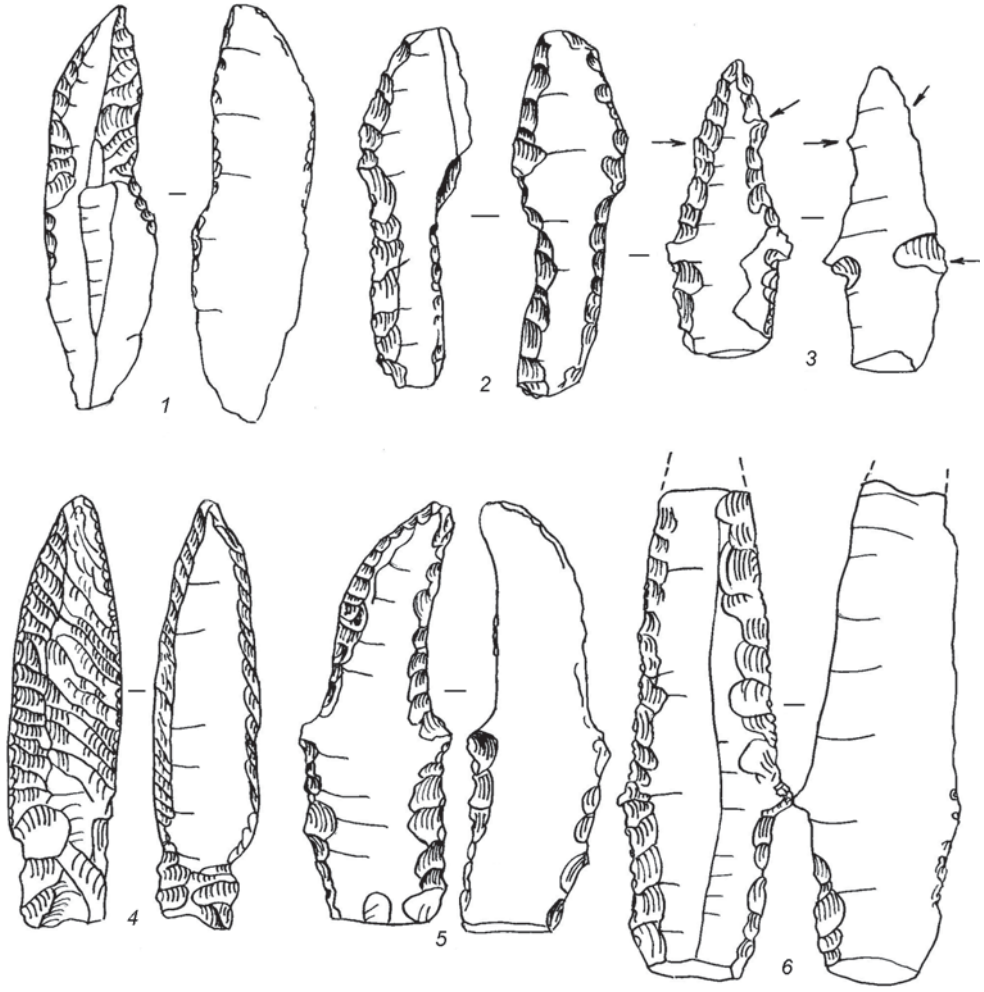


Рис. 33. Нонпхо. Изделия из обсидиана.

рукоятке. Длина ножа 9,3 см, длина рукоятки 3,1 см, ширина пластины около выступов 4 см. Изображение одного из кинжалов поселения Нонпхо такого же фигурного типа опубликовано в «Основах первобытного общества Кореи» (рис. 31, *4*). У него широкая трапециевидная, с вогнутыми сторонами рукоятка, острый треугольный конец и фигурно-зубчатые выступы по краям. Более чем вероятно, что именно такого рода клинки из обсидиана послужили прототипом знаменитых фигурных бронзовых кинжалов скрипковидного типа, которые представляли собой самую популярную разновидность боевого оружия Древнего Чосона.

Наконечники копий из Нонпхо двух разновидностей. Один из них длинный иволистный, с подпрямоугольным насадом (рис. 33, *4*). С одной стороны наконечник копья ретуширован сплошь, но с брюшка – лишь по краям, а основание обработано почти полностью. Копье представляет собой великолепный образец высокого уровня совершенства и тонкости техники отжимной ретуши. Длинные, параллельные друг дру-

гу фасетки струйчатой ретуши, косо направленные по отношению продольной оси орудия, ровно выстругивают одну из широких плоскостей его. Отжим велся от краев к центру, но поскольку фасетки с одного края скалывались длиннее и положе по сравнению с фасетками другого, то разграничительная линия между фасетированными полосами смещена в сторону от центра. Такой же струйчатой, косо направленной отжимной ретушью обработаны края клинка с брюшка пластины. Однако фасетки здесь уже и тоньше, чем на спинке. Ровная поверхность брюшка в центральной части пластины не требовала выстругивания, т. е. выравнивания ее. Несравненно грубее, в особенности со спинки, обколот насад копья. Фасетки здесь преимущественно округлые, обширные и глубокие. Однако с брюшка выстругивание насада велось тщательнее. По центру насада в продольном направлении сделан скол, вследствие чего основание насада оказалось слегка вогнутым. Длина наконечника копья 13,5 см, длина насада около 3, ширина 2,7 см, наибольшая ширина клинка 3,4 см. Наконечник копья второго типа имеет треугольный клинок и довольно широкий прямоугольный насад (рис. 31, *24*). Орудие изготовлено из трехгранной пластины. Ретушь нанесена по краям со спинки. С ее помощью выделены также почти прямые, слегка асимметрично расположенные плечики.

Короткие, но широкие пластинчатые сколы, снятые с нуклеусов леваллуазского или, может быть, даже дисковидного типа, использовались в Нонпхо в качестве заготовок для орудий типа скребел или ножей, не отличающихся строго выдержанной формой (рис. 32, *4*). Ретушь наносилась по краям со спинки, но часто и на отдельных участках брюшка. Из мелких подтреугольных отщепов изготовлялись обычные для неолитических или эпохи ранней бронзы поселений наконечники стрел (рис. 32, *2, 3*). Они короткие, треугольные по очертаниям, с выемками в основании. В Нонпхо, как и в Помом Куске I и Тонсандоне, найдены также плоские, сделанные из обсидиановых пластин вкладные лезвия, тщательно выструганные с двух сторон. Особенно характерна манера обработки дополнительной ретушью одного из краев вкладышей, в результате чего он становился пильчатым или зубчатым (рис. 31, *6*). Возможно, такие вкладыши с зубчатым рабочим краем составляли лезвия серпов. Развитая техника изготовления вкладышевого инструментария на позднем этапе неолита и ранней бронзы Кореи – весьма примечательная и яркая черта культуры. Помимо упомянутых выше коротких наконечников стрел, на поселениях часто встречаются также длинные, иволистной формы обитые наконечники с выемками в основании и с жальцами по сторонам (рис. 31, *14*). Найдены наконечники стрел, изготовленные из шифера, иволистные или треугольные, с вытянутым или широким прямым основанием (рис. 31, *19–21*). В сечении они шестигранные, поскольку заточены по краям с двух сторон, или подтреугольные, когда заострялся только один край наконечника. Среди шиферных изделий примечательно орудие, обнаруженное в Кымтхане II (рис. 31, *19*). Оно, по мнению корейских археологов, могло использоваться и как наконечник, и как острие составного рыболовного крючка.

Такие же, как в Нонпхо, яркие по типологической выразительности и необычности тонкой отделки наконечники копий из обсидиана обнаружены на поселении Помый Кусок I. Высококосовершенная выстругивающая ретушь покрывает обе их широкие плоскости (рис. 31, *22, 23*). Края, как правило, дополнительно подтесывались с двух сторон, что делало их исключительно острыми. В поперечном сечении наконечники уплощенно-линзовидные. Среди копий поселения Помый Кусок I выделяются две разновидности наконечников: листовидные, с закругленным основанием и плавно округлыми края-

ми; более узкие, черешковые. Насад у последних подпрямоугольный, подтесанный не только поперечными, но и продольными сколами. Он отделяется от клинка отчетливо выраженными плечиками. Края у лезвия наконечника копья почти прямые, параллельные друг другу, которые затем незаметно сужаются и образуют острый конец. Длина наконечников копий из поселения Помый Кусок I достигает 12,2–13,2 см. Не исключено, что они так же, как отдельные разновидности фигурных кинжалов, представляют собой копии изделий того же назначения из меди и бронзы. Впрочем, столь же оправдано, хотя и менее вероятно, и противоположное предположение: копья, кинжалы и ножи из пластин обсидиана послужили теми прототипами, которым следовали первые металлурги Кореи, освоившие производство меди, а затем бронзы.

Коллекции шлифованных каменных орудий помимо ножей-серпов, наконечников стрел и копий состоят также из многочисленных рубящих инструментов типа топоров, тесел и долот. Они сходны с такого же рода изделиями, обнаруженными на поселениях центральных районов полуострова предшествующего этапа неолита, но обработка их стала определенно совершеннее, а типологические вариации разнообразнее. Так, в Кымтхане II обнаружены топоры со скошенным лезвием. В поперечном сечении они овальные (рис. 26, *9*). Для Кунсана II оказались характерными небольшие топоры цилиндрической формы, тоже овальные в поперечном сечении. Открытие таких рубящих инструментов представляет большой интерес потому, что они особенно широкое распространение получили в эпоху развития бронзы. У топоров, найденных при раскопках поселения Помый Кусок I, примечательны лезвия, очертания которых напоминают «контур края раковин». Они круто затачивались с одной стороны, но уплощались шлифовкой с другой (рис. 26, *8, 14*). Подпрямоугольные в плане тесла найдены в Чхондынмалле. Увеличение количества шлифованных рубящих инструментов и их типологических вариаций на финальном этапе неолита – свидетельство расширения масштабов обработки дерева, рога и кости, из которых изготовлялись не только орудия, но также самые разнообразные предметы повседневного обихода. Среди шлифованных изделий появляется, кроме того, оружие неизвестного ранее типа – круглые боевые топоры или, лучше сказать, палицы. В Чхондынмалле обнаружен один такой «лунный топор» (рис. 31, *10*). Он круглый, плоский, с просверленным в центре круглым отверстием, в которое вставлялась деревянная или роговая рукоять. Края у палицы острые, заточенные с двух сторон, а самая массивная часть диска связана с отверстием. Такие «лунные топоры» представляли собой в бою грозное оружие.

Шлифованные украшения из камня во многом сходны с украшениями из Сопхохана IV: в Нонпхо найдены такие же трапециевидные подвески из шифера и яшмы (рис. 31, *9*), а в Кымтхане II они изготовлялись из пластинок сланца (рис. 31, *8*). У края в верхней части подвесок просверливались округлые отверстия. Большой популярностью пользовались также кольца или браслеты, изготовленные из стеатита. Они обнаружены при раскопках в Кымтхане II и Чхондынмалле. Ширина их около 1 см, толщина 0,8 см, в поперечном сечении они полукруглые. Внутренний диаметр браслетов 5–6 см. Множество обломков подобных колец просверлены на концах. Следовательно, изделия такого рода ценились, и при поломке их не выбрасывали, а скрепляли с помощью нитей. В Тонсандоне браслеты сходного образца изготовлялись из раковин, у которых удалялась центральная часть.

Орудия из кости и рога претерпели мало изменений. В особенности это касается шильев, проколок и игл. Иначе выглядят лишь гарпуны: в Нонпхо обнаружен двусторон-

ний многозубчатый гарпун, стержень которого отделялся от насада треугольными приостренными выступами (рис. 31, *18*). Острый с зубцами конец гарпуна составлял единое целое с частью стержня. Что касается других изделий, то особого упоминания заслуживают гребенчатый штамп из расколотого вдоль кабаньего клыка, найденный в Нонпхо (рис. 7, *11*), и разнообразные подвески, тоже изготовленные из клыков кабана или их обломков (рис. 31, *11, 12*).

На поселении в Нонпхо обнаружены уникальные образцы искусства, главным образом скульптурные изображения из глины и камня. К ним относятся глиняные фигурка женщины, сохранившаяся частично, и головка собаки. Если женская скульптура отличается определенными чертами стилизации и схематизма (рис, 31, *1*), то головка собаки вылеплена в реалистической манере (рис. 31, *3*). Уши у нее стоят торчком, ушные раковины сделаны полыми, полукруглыми черточками намечены глаза и углублениями на конце тупой морды – ноздри. Особую живость изображению придает высунутый изо рта язык. Судя по отверстию в шее, глиняную головку собаки привязывали к одежде, по-видимому, как охранительный амулет. Явной стилизацией характеризуется также скульптурное изображение головы птицы с огромным клювом (рис. 31, *2*). На шее у скульптурки пропилен желобок, очевидно, предназначенный для шнура.

Заметное изменение претерпели керамические комплексы финального этапа неолита. В частности, обращает на себя внимание изобилие сосудов с круглым туловом и высокими шейками, а также с вертикально налепленными ушками. Так, в Кымтхане II обнаружена посуда с большими и маленькими ушками (рис. 34, *1, 4*). Ушки часто прикреплялись к сосудам с округлым туловом, найденным в Чхондынмалле. Для гребенчатой керамики поселения Цитхаб тоже характерны ушки, но прикрепленные горизонтально. Разумеется, в хозяйстве часто использовались сосуды известных ранее форм: круглодонные, остродонные, переходные от круглодонных к плоскодонным (Кунсан II, Кымтхан II), однако при сравнениях уже можно констатировать преобладание плоскодонной посуды. Кроме того, на поселениях – в Кымтхан II, Нонпхо, Синамли и Седюк – у отдельных вариаций гребенчатой керамики, довольно многочисленной, ясно выделяется тулово и своеобразная подставка, по форме близкая подставке на голове для переноса тяжестей. Чаши и бокалы с подставками или ножками обнаружены также в Чхондынмалле (рис. 34, *3*) и в Помый Кусок I (рис. 34, *2*).

В особенности бросающиеся в глаза изменения происходят в стиле орнаментики сосудов – вместо спиралевидных узоров преобладают криволинейные, типа «молния», т. е. меандровые композиции (рис. 34, *9, 13, 14, 17–19, 21, 22*). Орнаментальные линии, соединяясь друг с другом под прямым, тупым или острым углами, образуют узоры из прямоугольников и ромбов. Появление меандра вместе с тем отнюдь не означает полное вытеснение гребенчатого и волнистого орнаментов. С этой точки зрения примечательно открытие на стоянке Тэсан (уезд Ченчжу, провинция Северная Пхёнан) сосуда, украшенного растительным узором, отражающим старые традиции и новые веяния (рис. 34, *23*). Ниже венчика этого горшка нанесена полоса горизонтального елочного узора. Далее следует эффектная композиция, составленная из двух зигзагообразных переплетающихся полос, каждую из которых образуют 4 параллельные друг другу ломаные линии, заштрихованные внутри косо направленными черточками. Такой узор близок орнаменту «витой шнур» на сосудах из Кунсана II, но линии здесь не округлые, а «ломаные» под тупым углом. Каждая секция узора «молния» отделяется от другой вертикальной линией, внизу композиция завершается такой же горизонтальной, опоясывающей сосуд по-

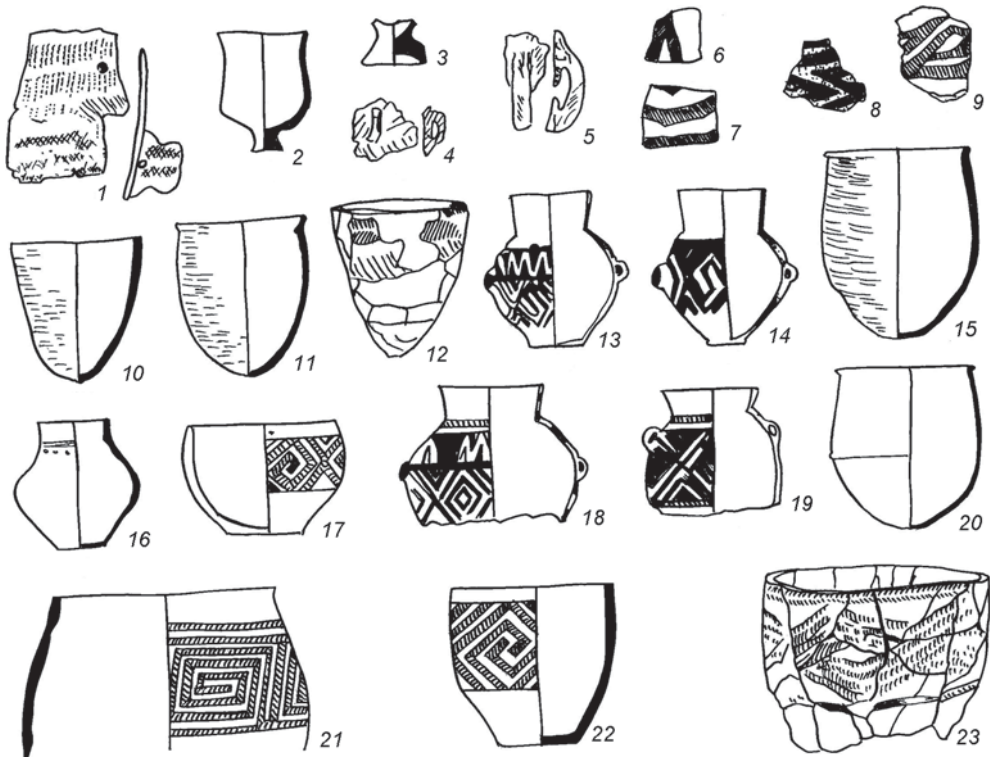


Рис. 34. Керамика, обнаруженная при раскопках поселений Нонпхо, Кымтхан II, Цитхаб, Чхондынмалле, Помый Кусок I, Тэкон и Синамри.

лосой. Подобного стиля орнаментика зафиксирована на Кымтхане II и на других поселениях того же круга культуры. Итак, пунктирно-волнистый узор сменился узором типа «молния». Его разновидности многочисленны, но классически завершенные формы этого орнамента обнаружены на сосудах из Нонпхо (рис. 34, *21*). Полосы, образующие фигуры меандра, расположены под прямым углом по отношению друг к другу и заштрихованы внутри косыми короткими насечками. На некоторых сосудах из Нонпхо орнамент представляет все те же две переплетающиеся заштрихованные полосы (рис. 34, *17, 22*). Тот же в общем орнаментальной стиль преобладает и в узорах на керамике, найденной в Чхондынмалле (рис. 34, *13, 14, 18, 19*). Среди геометрических фигур композиции преобладают ромбы и треугольники. Узор выписывался с помощью двух-трех параллельных друг другу линий. Из других вариаций нового орнамента заслуживают упоминания «узоры в виде побегов бамбука», где преобладают разнообразные сплетения прямых отрезков и комбинации из точечных оттисков. Появление налепных валиков на стенках сосудов тоже отражает новые приемы в украшении керамики. Находки крашеной посуды немногочисленны. Обломки сосудов, покрытых краской, обнаружены в Нонпхо и в слое 1 пункта 3 стоянки Синамли (уезд Енчхон провинции Северная Пхёнан). Окрашенные участки поверхности сосудов создают фон для узоров типа «молния». Встречаются также рисунки треугольников, квадратов и ромбов. Посуда окрашивалась в красный, белый

и желтый цвета, причем делалось это после обжига, поэтому краска сохранялась на поверхности сосудов плохо. Крашеная керамика обычно встречается на поселении в одном слое с гребенчатой.

В тот же финальный период неолита значительно увеличивается количество посуды с лощеной поверхностью и неорнаментированных керамических изделий. На некоторых поселениях таких сосудов большинство. Круглодонные и неорнаментированные горшки найдены в Кымтхане II (рис. 34, *10, 11, 15, 20*), в окрестностях бухты Хоман около д. Кансан уезда Синчхан провинции Северная Хамгён, в Тонсандоне и на поселениях Чхондынмалле. Там же часть посуды орнаментирована чрезвычайно скудно (рис. 34, *16*), а в Помый Кусок I обнаружено множество образцов керамики с гребенчатым узором. Вообще увеличение количества неорнаментированной посуды свидетельствует о приближении времени развитой бронзы.

Бронзовый век

Ранний этап эпохи бронзы Сопхохана (первая половина II тыс. до н. э.). Тщательные раскопки и детальные стратиграфические наблюдения при раскопках Сопхохана позволили выделить два этапа в развитии культуры бронзового века этого памятника. Различия в уровне залегания отдельных жилых комплексов, четко отражающие разницу в их возрасте, подтверждаются анализом примечательных изменений в инвентаре, характеризующих последовательные этапы эволюции культуры в целом. Таким образом, Сопхохан, как и ряд других многослойных памятников эпохи металла Кореи, можно считать своего рода эталоном при анализе событий в культурной истории страны с того времени, когда среди орудий и украшений появляются первые изделия из бронзы.

Что касается Сопхохана, то к более раннему этапу эпохи бронзы относятся жилища № 2, 5, 6, 14 и 25 (Сопхохан VI), а также два погребения, обнаруженные: первое – западнее жилища № 10 и восточнее жилища № 4, второе – в культурном горизонте жилища № 21 поселения Сопхохан III. Жилища из-за неоднократных перестроек, а также вследствие сооружения на их местах землянок более позднего времени, сохранились в большинстве случаев плохо. В относительно лучшем состоянии оказались лишь жилища № 5 и 6, для которых использовался один котлован. При раскопках его выявлены два горизонта утрамбованной, перемешанной с обломками раковин, обожженной глины толщиной по 5 см, отстоящих друг от друга на 10 см (рис. 35). В жилище № 6 поверх утрамбованного и обожженного пласта глины лежал еще один слой желтой глины толщиной 5 см. Из-за нарушений культурных напластований глубину котлованов полуземлянок раннего этапа бронзы далеко не всегда удается установить с достаточной точностью. Наибольшая глубина (90 см) зафиксирована при раскопках жилища № 2. Котлованы ориентировались длинной осью по линии север – юг с легким уклоном на запад или по линии северо-запад – юго-восток. Углубленные части жилищ – подпрямоугольные. Длина их 440–480, ширина 360–400 см. По краям котлованов, у стенок, в отдельных местах удавалось выявить ямки от столбов. Корейские археологи предполагают, что они более или менее регулярно выкапывались вдоль всех четырех стенок полуземлянок. Интервал между ямками составляет 40–65 или 100–140 см. В центральной части жилищ, в меридиональном направлении, тоже иногда выкапывался ряд ямок для столбов. В центре жилищ, с легким сдвигом к северо-западу или к югу, располагались круглые или овальные очажные ямы диаметром 80–100 см. Дно их, как правило, выстилалось камня-

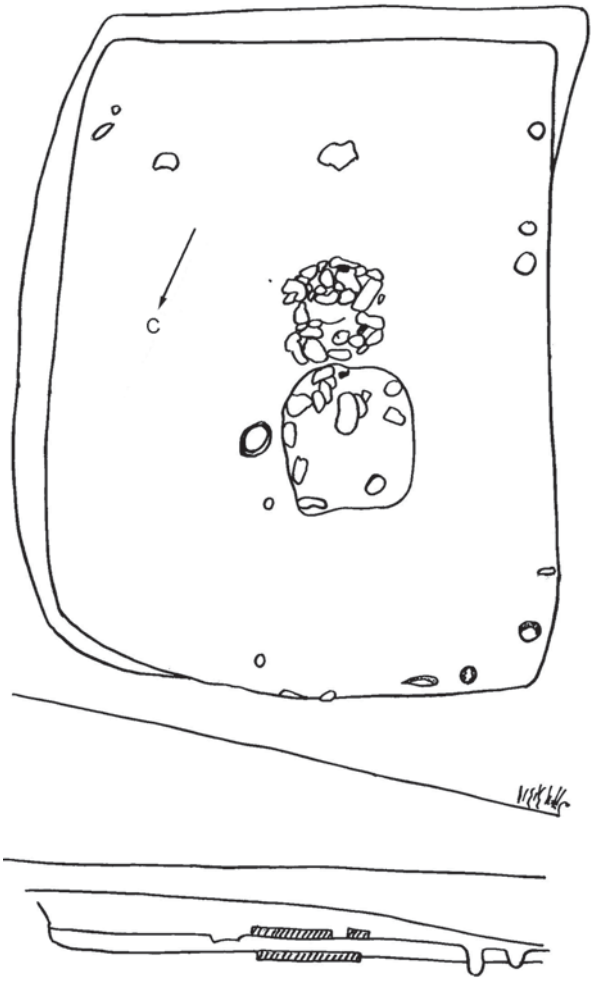


Рис. 35. Сопхохан VI. План жилищ № 5 и 6.

ми, диаметр которых 15–40 см. Выше камней со следами воздействия на них огня обычно лежит слой золы, перекрытой, в свою очередь, горизонтом обожженной комковатой глины толщиной 6–10 см. Иногда такие обожженные комки глины находятся за пределами очажной ямы, но вблизи от нее. По краям очажные ямы также обкладывались камнями, образующими нечто вроде бордюра. В жилище № 2 очажная яма была вымазана глиной. Дно углублений покрывал слой золы толщиной 15 см.

Жилища поселения Сопхохан VI эпохи ранней бронзы располагались неподалеку друг от друга: полуземлянка № 2 находилась в 2,5 м к западу от полуземлянок № 5 и 6, а жилища № 14 и 25 отстояли от них на 5 м к югу. Каких-либо закономерностей в распространении инвентаря по площади жилищ отметить не удалось. Так, в юго-западном углу жилища № 5 помимо керамики обнаружены наконечники стрел и копий, проколки, браслеты, рога оленя и скопление костей рыб. На полу жилища № 2 найдены беспорядочно разбросанные обломки керамики, наконечники стрел, браслеты, изготовленные из раковин, костяные проколки и иглы, грузила, разнообразные украшения, пряслица, каменные топоры, ножи и грузила. Среди находок упоминаются также кости животных и рога оленя. Около очага в жилище № 14 обнаружены обломки керамики, лежавшие отдельными небольшими группами, кости рыб, собаки, оленя, косули и других животных, костяные иглы и футляры к ним, проколки, ложки, а также украшения, изготовленные из зеленой яшмы. В жилище № 25 находки располагались на некотором расстоянии от очага. В восточной части полуземлянки лежали сохранившиеся целыми красные лощеные сосуды, фрагменты разбитой посуды, пряслица, иглы, проколки, разного рода украшения и кости животных; в западной – обломки керамики и костей, точила, украшения и антропоморфные фигурки.

Среди инвентаря, найденного при раскопках жилищ раннего этапа эпохи бронзы, обильно представлены разнообразные каменные изделия. Земля, как и прежде, обраба-

тывалась с помощью плечиковых мотыг, одна из которых найдена в полуземлянке № 6, а четыре – за пределами жилых построек. Мотыги массивные, лезвия их почти сплошь обиты. Длина мотыг 22–23, толщина 1,5 см. За пределами жилищ обнаружены две зернотерки и три широких плоских куранта, в основном в обломках. Длина курантов 31, ширина 10, толщина 3 см. Один из курантов цилиндрический по виду. Диаметр его 6 см. К земледельческим орудиям вносятся также найденные за пределами жилищ два обломка полулунных шиферных ножей. У края их дугообразного обушка просверлено по одному отверстию. Лезвия у них тоже выпуклые, дугообразные, напоминающие по очертаниям край раковины.

Техника обивки и ретуширования камня, в том числе снятия правильных ножевидных пластин с нуклеусов, по-видимому, призматического и конического типов, оставалась по-прежнему на высоком уровне. Для тонких и изящных инструментов, вроде наконечников стрел и копий, ножей и скребков, продолжал широко использоваться такой превосходный материал, как черный обсидиан. Наконечники стрел из обсидиана треугольные, с вогнутым или прямым основанием (рис. 36, *4, 5*). Первые типологически очень близки к треугольным шлифованным наконечникам стрел из сланца, но в отличие от последних они линзовидные в сечении. Длина одной из стрел, превосходно обработанной ретушью, 2,5 см, ширина 1,4 см. Найдена стрела в жилище № 2. Два наконечника стрел с вогнутым основанием обнаружены за пределами жилых построек. Длина одного из них, сохранившегося целиком, 3 см, ширина 1,5 см (рис. 36, *4*). Наконечники стрел с прямым основанием (2 экз.) нашли: один – в жилище № 14, а второй – за пределами жилых построек. Длина их 2,5 см, ширина 1,3 см (рис. 36, *5*). Шлифованные наконечники стрел из сланца подразделяются на две разновидности: треугольные с вогнутым основанием и продольным пазом для стока крови или без него; иволистные. Длина треугольных наконечников стрел, найденных в жилищах № 2 и 5, достигает 2–3 см, ширина – 1–1,5 см (рис. 36, *7*). Иногда у такого рода стрел паз для стока крови вытачивался лишь с одной стороны (рис. 36, *20*). К особой разновидности треугольных стрел относятся сильно вытянутые наконечники, шестигранные в поперечном сечении и без паза для стока крови (рис. 36, *8*). Длина такого наконечника, обнаруженного вне стен жилища, составляет 7, ширина 0,6, толщина 0,1 см. Иволистные наконечники встречаются, как правило, лишь в обломках: у них нет или острия, или основания. Такие наконечники найдены в жилищах № 2 (3 экз.), № 5 (2 экз.), № 14 (2 экз.), а также за пределами жилых построек. Заготовки иволистных наконечников стрел, обнаруженные в жилище № 2 (2 экз.) и за пределами жилых построек (1 экз.), позволяют воссоздать процесс их производства. Своеобразные по типам наконечники стрел вырезались из кости. Они в большинстве случаев с черешками: короткими или длинными, круглыми или полукруглыми в поперечном сечении. Два костяных наконечника с круглым в сечении острием и черешком находились в жилище № 5 (рис. 36, *29*). Острие указанного наконечника постепенно расширяется и становится более массивным по направлению к концу, а затем резко суживается. Длина наконечника 7,8 см, черешка 2,1 см; диаметр наиболее массивной части острия 1 см, черешка 0,4 см. У другого наконечника стрелы из этого же жилища черешок короткий (1,4 см), а острие постепенно суживается к концу. Общая длина изделия 8,5 см, диаметр острия 1 см. К иному типу следует отнести костяные наконечники стрел, обнаруженные за пределами жилищ. Острия у них короче и к тому же они треугольные или полукруглые в поперечном сечении. Длина одного из них 7,5, ширина 1,5, ширина черешка 1 см (рис. 36, *28*). Другой наконечник полукруглый в сечении,

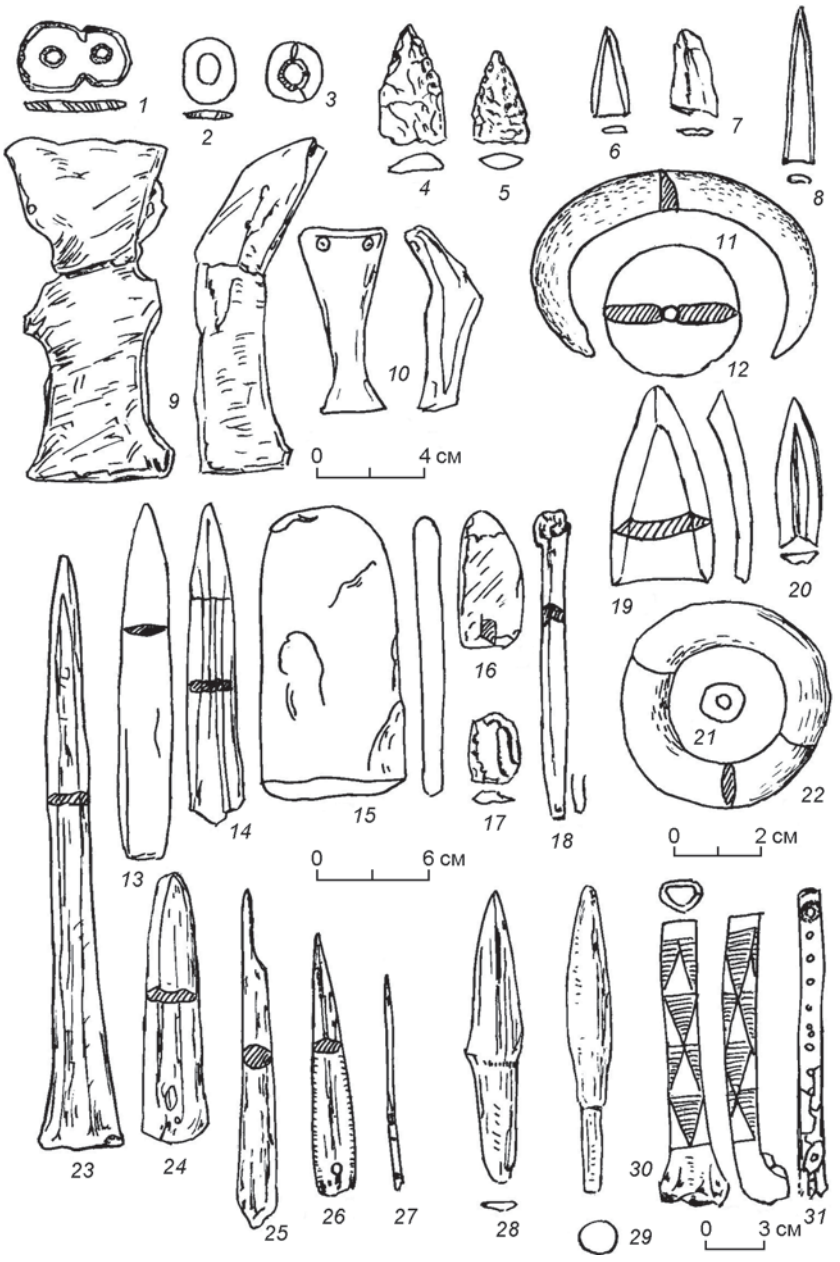


Рис. 36. Сопхохан. Изделия раннего этапа эпохи бронзы.

у основания площе, в средней части тонкий, а на конце приостренный. У изделия слабо выражена граница между уплощенным острием и черешком. Длина этого наконечника 3,5, ширина 1 см. Оригинальными особенностями отличается также треугольный наконечник стрелы, изготовленный из пришлифованного клыка кабана. Из-за того, что об-

работке была подвергнута лишь одна сторона, наконечник в поперечном сечении трапециевидный, вогнутый, а в продольном – дугообразный (рис. 36, *19*). Длина изделия 5,1, ширина 2,5 см.

Наконечники копий, кинжалы или ножи тоже изготовлялись из обсидиана, сланца и кости. Обитый наконечник копья из обсидиана найден лишь в погребении № 1 и будет описан позже. Среди шлифованных наконечников копий из сланца можно выделить иволистный вариант, найденный в жилище № 6 (рис. 36, *13*). Одна сторона его плоская, сточенная, другая – выпуклая, а конец очень тонкий и острый. Длина изделия 19,3, ширина 2,8, толщина 0,5 см. Края наконечника заточены и остры, вследствие чего корейские археологи считают возможным, что орудие это могло в определенных случаях использоваться в качестве ножа. Из сланца сделаны также настоящие кинжалы с рукоятками, четко отделенными от лезвия. Обломок одного из таких изделий обнаружен в жилище № 2. Более тонкая, по сравнению с сохранившейся частью лезвия, рукоятка в сечении квадратная, с закругленными углами. Достаточно отчетливо выраженные выступы отделяют рукоятку от ромбовидного в сечении клинка. Фрагментарность изделия, к сожалению, не позволяет представить его размеры и общий облик. Среди находок, кроме того, упоминаются еще два обломка рукояток, очевидно, таких же по типам кинжалов. Один из них встретился в жилище № 2, а другой – за пределами жилищных построек. В коллекции костяных изделий есть и кинжалы. Наиболее выразительный образец их обнаружен в жилище № 5. Полностью сохранившийся клинок его изготовлен из трубчатой кости, мозговой канал которой был превосходно приспособлен для стока крови. Острый конец изделия позволяет предположить, что орудие это использовалось главным образом как колющий инструмент (рис. 36, *14*). Длина клинка 17,1 см. Обломок еще одного такого же по типу изделия найден за пределами жилищ. Лезвие его оказалось тоже очень остро заточенным. У ножей из кабаньих клыков остро затачивался внешний край. Образцы таких инструментов длиной до 9 см обнаружены в жилищах № 5 и 6. Однако большую часть ножей составляют инструменты, материалом для которых служили сравнительно крупные пластины обсидиана. Такие ножи постоянно встречались в каждом из жилищ по 1–3 экз., а в жилище № 12 их найдено 12 экз., если учитывать необработанные ретушью заготовки. Дополнительной обработке подвергалась лишь одна сторона пластин. По форме орудия напоминают наконечники копий, но небольшие размеры позволили корейским археологам определить их как ножи.

Среди костяных изделий значительное место по-прежнему занимают орудия рыбной ловли – крючки и части острог. Крючки, различающиеся по размерам, форме и отделке деталей, делались из тщательно отшлифованных костей и зубов животных. Три таких изделия обнаружены в жилище № 2, по два – в жилищах №5 и 6 и по одному – в жилищах № 14 и 25. Для всех этих инструментов характерны один приостренный конец, а другой – более широкий, с выступами, бородками или отверстиями, с помощью которых острая часть крючка прикреплялась к древку. Самый крупный крючок обнаружен в жилище № 6 (рис. 36, *23*). Длина его 8,6, ширина 1 см. Меньше и своеобразнее крючок из жилища № 2. У основания его сделано отверстие, а выше по краям нанесены насечки, которые, очевидно, не позволяли скользить нитям, прикрепляющим острие к рукоятке рыболовного инструмента (рис. 36, *26*). Длина крючка 5, толщина 0,5 см. Размеры многочисленных обломков других крючков примерно такие же. В поперечном сечении они круглые, овальные, полукруглые и треугольные. В жилищах № 2 и 5 найдены узкие острия крючков, а в жилище № 2 – треугольный в плане крючок с коротким округлым че-

решком, имеющим отверстие (рис. 36, *24*). Еще более оригинален крючок, обнаруженный в жилище № 5. У него особо выделен острый, в виде змеиной головы, конец, а основание черешка приострено. Средняя часть крючка узкая, округлая в сечении. Длина изделия 7,1 см (рис. 36, *25*). Игловидные острия – части острог – встречались по 5–6 экз. в каждом жилище. Они отличаются друг от друга по длине, массивности и форме поперечного сечения. В описаниях корейских археологов упоминаются плоские и круглые, массивные и тонкие, длинные и короткие острия. Многие из этих орудий сломаны. Длина полностью сохранившихся инструментов 16 см. Оба конца их, как правило, закруглены или приострены.

Непременной находкой в жилищах раннего этапа эпохи бронзы продолжают оставаться грузила. Их изготовляли из галек, края которых обивались особым образом, а также из раковин. В жилище № 14 найдено 8 грузил из галек, а в жилищах № 4–6 – из раковин, в остальных полуземлянках было по 1–2 экз.

Кости и рог служили главным сырьем при изготовлении проволок и шильев, которые часто встречались при раскопках жилых построек (в жилище № 2 их найдено 8 экз., № 5 – 4 экз., № 6 – 3 экз., № 14 – 8 экз., № 2 – 7 экз.). Они в основном идентичных размеров и форм. Плоские, заточенные и приостренные на конце кости как раз и использовались в качестве шильев и проколок (рис. 36, *27*). К таким же по назначению инструментам относятся изделия из рыбьих костей, встречающиеся по 1–2 экз. в каждом из жилищ. Концы у них острые и достаточно прочные. Часть шильев и проколок делалась из позвонков, а также из расколотых и плоско заточенных костей. Длина одного из шильев составляет 14 см. Материалом для швейных игл, как и игл для плетения циновок, служили кости, а иногда рог. По 3 иглы для шитья обнаружено при раскопках жилищ № 14 и 25. Самая крупная из них достигает длины 10 см, толщина ее – 3 мм. Длина остальных игл около 6 см, толщина 1–2 мм. Игла для вязания циновок, найденная в жилище № 2, была длиной 17 см, толщиной – 8 мм. Хрупкость игл для шитья требовала хранения их в специальных футлярах, в качестве которых использовались птичьи кости. Такие футляры обнаружены в жилищах № 14 и 25. Длина их 14–16, диаметр 1,3 см. Поверхности футляров украшались геометрическим орнаментом из заштрихованных, обращенных вершинами вниз треугольников (рис. 36, *30*). Треугольники со штриховкой, параллельной основанию, располагались так, что между ними появлялись треугольные не заштрихованные участки, обращенные вершинами вверх, к раструбу футляра. Строгая симметричность изображенных фигур создавала своеобразный по ритмичности орнаментальный узор.

Топоровидные шлифованные инструменты разного размера немногочисленны среди находок раннего этапа эпохи бронзы. Так, всего два топора найдено в жилищах № 14 и 22. У первого из них закругленное в виде края раковины лезвие тщательно отшлифовано. Оно шире обуха, у которого видны следы предварительной обивки и последующей сравнительно хорошей пришлифовки. Часть обуха этого инструмента из диорита обломана. Длина изделия 9,5 см, ширина лезвия 6,5 см, толщина 8 см. Материалом для топора из жилища № 22 послужил зеленый камень. Слегка более широкое по сравнению с обушком лезвие орудия обломано. Длина сохранившейся части топора 15,5 см, ширина обуха 6,7 см, толщина 1 см (рис. 36, *15*). Еще один топор обнаружен за пределами жилищ, но у него оказались обломанными обушок и лезвие. В жилищах № 14 и 25 найдено по одному теслу из диорита. У целого тесла из жилища № 25 лезвие шире обуха. Рабочий край орудий заточен с одной стороны. Корейские археологи называют этот инструмент односторонним. Длина его 7,3, ширина 3,5, толщина 0,4 см (рис. 36, *16*). Сло-

манные топоры часто затем реутилизировались. Два таких изделия с ретушированными концами обнаружены за пределами жилищ (рис. 36, *17*). Как долотовидный инструмент корейскими археологами описана расколотая и заточенная на конце кость конечности животного. Длина орудия 13 см (рис. 36, *18*).

Камень, кость, раковины и глина использовались при оформлении разного рода украшений и предметов, связанных с ритуалами и культами. Популярностью, очевидно, пользовались браслеты из раковин, у которых удалялась средняя часть. Всего найдено 9 браслетов такого типа, но лишь 2 из них, из жилищ № 2 и 5, сохранились целиком (рис. 36, *11*), остальные представлены обломками. Кольца-подвески из раковин тщательно шлифовались. В жилище № 14 в одном месте лежало 9 таких изделий. Диаметр их 2–2,7 см; диаметр отверстий 0,8–1 см. Однако встречаются кольца и большого размера. Диаметр одного из двух колец жилища № 5 составляет 5,3 см, а диаметр отверстия – 3 см (рис. 36, *22*). У плоских круглых подвесок из яшмы посредине кружка просверливалось отверстие. Диаметр подвески из жилища № 5 равен 3,4 см, толщина ее 0,5 см, диаметр отверстия 0,4 см (рис. 36, *12*). Сходная подвеска из жилища № 14 оказалась сломанной. Отверстие у нее не было просверлено до конца. Мелкие и круглые, в виде колечек, бусы тоже изготовлялись из раковин, камня и глины. В жилище № 2, например, найдено 2 бусины из яшмы. Диаметры их 1,5–2,7 см, диаметр отверстия 0,6–0,7, толщина 0,1 см (рис. 36, *2, 3*). Одна из бусин оказалась восьмеркообразной (рис. 36, *1*). Возможно, это заготовка двух бусин. Обломки подвесок из яшмы обнаружены в жилище № 14. На краю одного из них (диаметр 0,7 см) просверлено маленькое отверстие. В качестве украшения использовался, очевидно, гладко отшлифованный фрагмент ребра с зубчатой кромкой, который нашли в жилище № 2. Подвеской, по-видимому, следует считать расколотый и плоско сточенный клык крупного животного, обнаруженный в жилище № 6. Выпуклая сторона клыка обколота, а на конце просверлено отверстие. К предметам искусства, вызывающим особый интерес, относится сохранившийся частично музыкальный инструмент типа простейшей флейты. Обнаружен он в 3 м севернее погребения № 1 и относится ли к могиле или к культурным остаткам жилища № 14, неясно. Оба сустава трубчатой птичьей кости, из которой сделана «флейта», обрезаны, и поверхности их тщательно отшлифованы. С одной стороны кости на разном расстоянии друг от друга просверлены 13 отверстий (рис. 36, *31*). Расстояние между отверстиями в начале около 1 см, затем дырочки идут чаще. Длина сохранившейся части «флейты» 13,5 см, диаметр кости в средней части 1 см.

Прежде чем перейти к анализу форм и особенностей орнаментации керамики раннего этапа эпохи бронзы Кореи, следует отметить, что из глины делали также украшения и скульптурки. В частности, в жилище № 25 найдены обломки двух глиняных браслетов. В сечении они четырехгранные, с закругленными углами. Диаметр одного из браслетов около 8 см. В жилище № 5 обнаружено кольцо-подвеска, по форме аналогичное такого же рода украшениям из раковин. Диаметр этого изделия 3, диаметр отверстия 1,2 см. Часть подвесок из глины не отличается тщательностью отделки. Длина их 3,5–4,2, толщина 1,3–1,5 см.

Исключительное по важности значение приобретает факт открытия в культурных горизонтах раннего этапа эпохи бронзы Сопхохана скульптурных женских изображений, сделанных из глины. Одно из них, найденное в жилище № 25, в значительной мере стилизовано. При взгляде на скульптуру сбоку виден характерный угловатый изгиб фигуры, вызывающий в памяти своеобразный контур женских скульптурных изображений

финальной стадии верхнего палеолита. Верхняя, более широкая, подтреугольная часть фигурки представляет собой лицо. Два отверстия по углам, очевидно, можно определить как глаза. Высота скульптуры 6,5 см (рис. 36, *10*). Головка от подобного же типа глиняной статуэтки найдена за пределами жилищ. Она тоже характерной треугольной формы, и по углам головки сделаны углубления, обозначающие глаза. Особой вмятиной выделен рот. Еще у одной скульптуры с отломанной головой в верхней части тела отчетливо вылеплены груди. Такая деталь не оставляет сомнений в том, что фигурки изображают женщин (см. рис. 45, *6*). Сравнительно хорошо сохранилась скульптура, обнаруженная на месте нынешней спортплощадки при раскопках слоя эпохи бронзы. На статуэтке отчетливо выделяются подтреугольная, характерным образом скошенная голова, шея, плечи и руки, намечена талия. В нижней части фигурка снова становится шире. При взгляде сбоку заметна изогнутость контура скульптуры, но изгиб ориентирован иначе, чем у первой из описанных статуэток. Появление скульптур, изготовленных из глины, можно считать одним из наиболее впечатляющих элементов культуры эпохи бронзы Кореи. Из глины вылепливались также пряслица. В четырех жилищах их было по 3 экз., в жилище № 5 – 1 экз. В жилище № 6 обнаружены 2 дисковидных пряслица, остальные относятся к конусовидным. Последние орнаментом не украшались, а плоские орнаментировались по краю зубчатыми вдавлениями или круглыми углублениями, которые располагались с двух сторон по всей плоскости. У отдельных пряслиц нижняя плоскость вогнутая.

Значительную часть коллекций, полученных при раскопках жилищ и межжилищных пространств, составляет керамика, отличающаяся явным своеобразием по сравнению с керамическими комплексами предшествующих этапов культуры многослойного поселения Сопхохан. Обращает на себя внимание дальнейшее упрощение и стандартизация форм сосудов, в большинстве неорнаментированных. Керамика раннего этапа эпохи бронзы Сопхохана в зависимости от цвета внешней поверхности глиняных изделий подразделяется на две большие группы: красную лощеную и коричневую. Крупные фрагменты посуды, а также целые горшки, обнаруженные в жилищах № 2, 5 и 14 и за их пределами, позволяют представить типологию красных лощеных сосудов. В жилищах № 2 и 14 найдены небольшие «столовые сосуды» с тонкими (до 0,3–0,5 см) стенками и лощеной поверхностью. Глина, из которой они изготовлены, судя по структуре излома черепков, тонкоструктурная, «мягкая». К характерным изделиям красной лощеной керамики относится своеобразный по форме «в виде фески» сосуд, обнаруженный в жилище № 2 (рис. 30, *1*). В верхней части стенки его прямые, край едва заметно отогнут наружу, но в нижней части стенки округлые, незаметно сливающиеся с плоским дном. Высота сосуда 8 см, диаметр венчика 14 см, диаметр дна 9 см. К иной разновидности посуды следует отнести изделия «в виде пиалы», обнаруженные в жилищах № 5 и 14, а также за пределами жилых построек (рис. 30, *2*). У пиал прямой венчик, плавно закругленные стенки, незаметно сливающиеся с придонной частью, и плоское или приподнятое на едва выделяющемся поддоне дно. Высота пиал 6,8–7,6 см, диаметр устья 9,8–13 см, диаметр дна 3,5 см. К пиалам, очевидно, следует отнести и «небольшой стакан» из жилища № 5 (рис. 30, *3*). Стенки его, однако, не плавно закругленные, а скорее прямые, равномерно расширяющиеся от дна к устью. Высота «стакана» 3,2 см, диаметр устья 5,2 см, диаметр дна 2,5 см.

Коричневая керамика разнообразна по формам. При изготовлении такой посуды использовалась глина, замешанная с крупным или мелким песком. Внешняя поверхность коричневой посуды дополнительно не обрабатывалась, но порой заглаживалась каким-

то специальным инструментом, процарапывающим тонкие, «резцового» типа линии. Поверхность части сосудов лощеная. Среди коричневой керамики выделяется несколько типологических разновидностей посуды. Интересны небольшие стаканы с фигурно изогнутыми стенками (рис. 30, *6*). Около устья и чуть выше придонной части у пяти изделий такого типа самые широкие части. Поддоны у них плоские. Они были изготовлены отдельно, а затем прилеплены к тулову. Стаканы грубые по выделке. Внешняя поверхность их неровная. Дно у части сосудов отличается значительной толщиной. Высота стаканов с фигурно изогнутыми стенками 8–10,8 см, диаметр горловины 9–10 см, диаметр дна 4–6 см. Еще два небольших сосуда из жилища № 14 в общем близки по форме пиалам, но стенки их уже значительно менее закруглены и круче поднимаются от дна к венчику (рис. 30, *4*). Высота сосудов 7 см, диаметр горловины 8,4 см, диаметр дна 5–6,2 см. Стенки сосуда с более узким дном тщательно отделаны. Особую группу изделий составляют стаканы почти цилиндрической формы (рис. 30, *5*). Высота их 3,5–5,9 см, диаметр горловины 5–7,3 см, диаметр дна 4,7–5 см. Среди коричневой по цвету посуды выделяются также изделия в виде пиал. У одной из них, близкой по форме пиалам красной лощеной керамики, внешняя поверхность гладко заполирована. Высота пиал 6–6,5 см, диаметр горловины 11–11,2 см, диаметр дна 5–5,7 см. Более крупные сосуды обнаружены за пределами жилищ, а также на раскопе в районе спортплощадки (6 экз.). Высота их 6,4–10см, диаметр горловины 14–18,6 см, диаметр дна 6–10 см. Поверхность некоторых из этих сосудов тщательно отделана. В жилищах № 2 и 14 встретились широкие чашки с грубо заглаженными специальным инструментом поверхностями. Снаружи они с темными пятнами, а внутри – черные или красноватые. Дно у чашек узкое, плоское, иногда приподнятое. Профиль стенок плавно изогнутый. Высота чашек 7,2–9,4 см, диаметр горловины 20–22 см, диаметр дна 6,4–7 см. Четыре изделия из группы коричневой керамики относятся к сосудам «в виде фески» (рис. 30, *13*). Для них характерно плоское дно, резко не отделяющееся от тулова, отсутствие поддона и сравнительно хорошо заглаженные поверхности. Высота таких сосудов 7,4–9,6 см, диаметр горловины 15,1–18 см, диаметр дна 8–9,5 см. Значительной группой представлены горшковидные сосуды. Лепка их довольно грубая, а на поверхностях часто отмечаются следы заглаживания (рис. 30, *12, 15*). Венчики у горшков прямые или отогнутые, иногда очень сильно. В отдельных случаях венчик отделывался особенно искусно. На поверхности его выдавливался поясок из зубчатых оттисков (рис. 30, *15*) или двух рядов поперечно вытянутых ямок (рис. 30, *12*). Среди обломков отмечены также налепные, как у сосудов типа юлы, венчики, украшенные резными оттисками, а также венчики с налепными валиками, покрытыми защипами и другими орнаментальными деталями. Тулово у некоторых горшков отличается закругленностью контура, дно – плоское, иногда четко отделенное от тулова. Орнаментальные узоры чрезвычайно скупы. Помимо отмеченных деталей, иногда ниже валика наносился ряд дугообразных вдавлений, опоясывающих горшок. На сосудах с сильно отогнутым венчиком тоже имелась ниже него скупая полоска орнаментальных оттисков. Высота горшков 14,2–25,6 см, диаметр горловины 42–25,6 см, диаметр дна 6,2–9,6 см.

Как уже отмечалось ранее, помимо жилых комплексов, ранним этапом эпохи бронзы в Сопхохане датируются также погребения № 1 и 2. Для первого из них в слое раковин была выкопана подпрямоугольная, ориентированная длинной осью с востока на запад яма (рис. 37). Длина ее 200, ширина 70, глубина 20 см. Дно могилы отстоит от современной поверхности на 1,4–1,5 м. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой обращенный на запад. Дно могилы покатое с запада на восток, поэтому голова

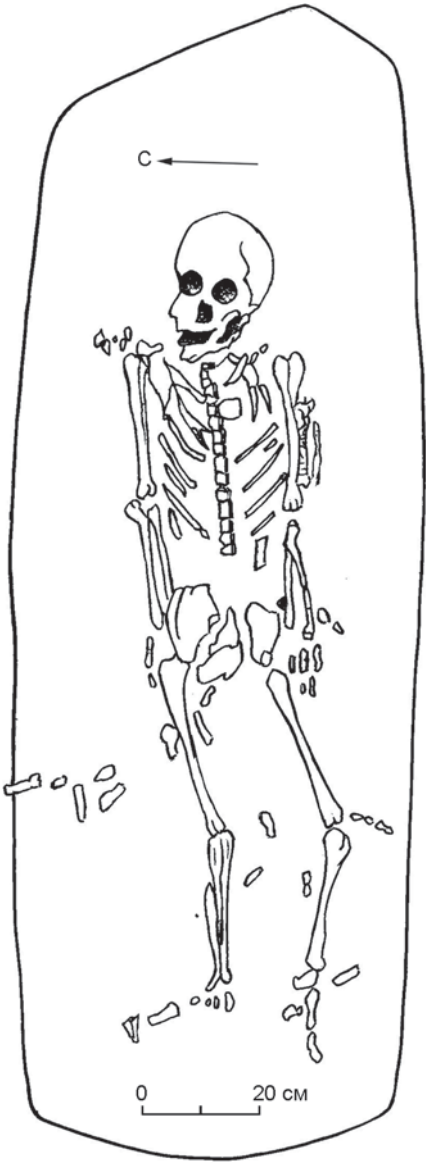


Рис. 37. Сопхохан. Погребение № 1 раннего этапа эпохи бронзы.

была на 10 см выше ног. Длина костяка 150 см. По мнению корейских антропологов, в могиле № 1 захоронена женщина. Около левой плечевой кости, параллельно ей, лежал превосходно отшлифованный костяной футляр для игл. Чуть выше компактной группой располагались 12 очень длинных игловидных изделий из рога оленей. Длина игл 14–16,2 см, диаметр 2 мм. Корейские археологи высказали предположение, что поскольку хрупкость и размеры игл вряд ли предполагали применение их на деле, то они, как и футляр-игольник, были специально изготовлены в качестве погребального инвентаря. Около правой ноги располагались обломок шестигранного в сечении наконечника стрелы из сланца (рис. 36, *б*) и обработанный с двух сторон выстругивающей ретушью наконечник копья из обсидиана. Копье треугольное по очертаниям. Основание у него вогнутое. В особенности тщательно отделаны мелкозубчатые края копья. В сечении наконечник линзовидный. Длина его 9 см. Рядом с наконечниками стрелы и копья лежала бусина, сделанная из раковины (рис. 36, *3*). Диаметр ее 1 см, диаметр отверстия 0,2 мм. Погребение № 2 из-за неоднократных нарушений культурных слоев сохранилось хуже. Тем не менее, удалось установить, что длина могильной ямы достигала 2,5, ширина 1,2, глубина 0,5–0,6 м. Яма ориентирована длинной осью по линии север – юг. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой обращенный на север. Кости ног были перекрещены. Дно могилы, как и в первом случае, оказалось покатым, вследствие чего голова возвышалась над уровнем других костей на 10 см. В могиле был захоронен мужчина, рост которого составлял около 1,6 м. Из-за нарушения могилы в последующее время установить, какие предметы положили с умершим, не удалось. На западном и южном участках могилы найдены обломки изделий из обсидиана, фрагменты керамики, грузила, кости животных и другие культурные остатки. Они, однако, не относятся к погребальному инвентарю и попали в заполнение могильной ямы случайно.

Поздний этап эпохи бронзы Сопхохана. Хронологию очередного периода в развитии культуры этапа раннего металла Кореи, представленного верхними комплексами Сопхохана, установить нелегко. Однако, учитывая значительное сходство в инвентаре с

находками из предшествующего этапа, а также явную преемственность в развитии культурных традиций, можно со значительной долей вероятности предположить, что вряд ли время жилищ верхнего горизонта Сопхохана выходит далеко за пределы конца первой половины II тыс. до н. э.

Из четырех полуземлянок, раскопанных в верхней части культурных напластований Сопхохана, лишь у жилищ № 4 и 24 удалось проследить все стенки котлована. Остальные полуземлянки сохранились частично, но все же достаточно полно, чтобы представить особенность их конструктивных деталей. Жилища позднего этапа эпохи бронзы строго прямоугольные или почти квадратные в плане (рис. 38). Длина котлованов жилищ № 1, 4, 10 и 24 по длинной оси север – юг 3,7, 5,8, 3,8 и 3,8 м, ширина соответственно 3,4, 5,4, 3,6 и 3,6 м, глубина котлованов 0,5 (от поверхности земли 0,7–0,8), 0,6 (0,8), 0,2–0,3 (0,8) и 1,5 (1,7) м. Пол жилищ представляет собой в большинстве случаев плотно утрамбованный слой желтой глины толщиной 3 или 5–6 см. Пол жилища № 24 покрыт слоем такой же плотной глины, перемешанной с обломками ракушек. Вдоль стенок на полу жилищ располагаются ямки от столбов, обычно в определенном порядке, на сравнительно равном расстоянии друг от друга, но вдоль отдельных стенок (например, восточной в жилище № 1) такого порядка нет. В жилище № 10 вдоль северной стенки выявлены двойные ямки для столбов и такие же ямки прослежены в двух местах у восточной стенки и в одном – у западной. Эта же особенность характерна для ямок восточной и западной стенок жилища № 24. Диаметр их 10 см. Ямки вдоль стенок жилищ № 1, 4, 10 и 24 отстоят друг от друга на разные расстояния, соответственно 30–60, 40–100, 30–55 и 30–100 см. Диаметры их 15–20, 10–18, 10–12, 15–20 см, глубина 25–30, 18–24 и 10 см. Кроме того, ямки от столбов обнаружены также в центральных частях жилищ. Они или немногочисленны и рассеяны на полу без особого порядка (жилища № 1 и 4), или образуют два сравнительно правильных ряда. В эти ямки ставились столбы, поддерживающие крышу полуземлянок.

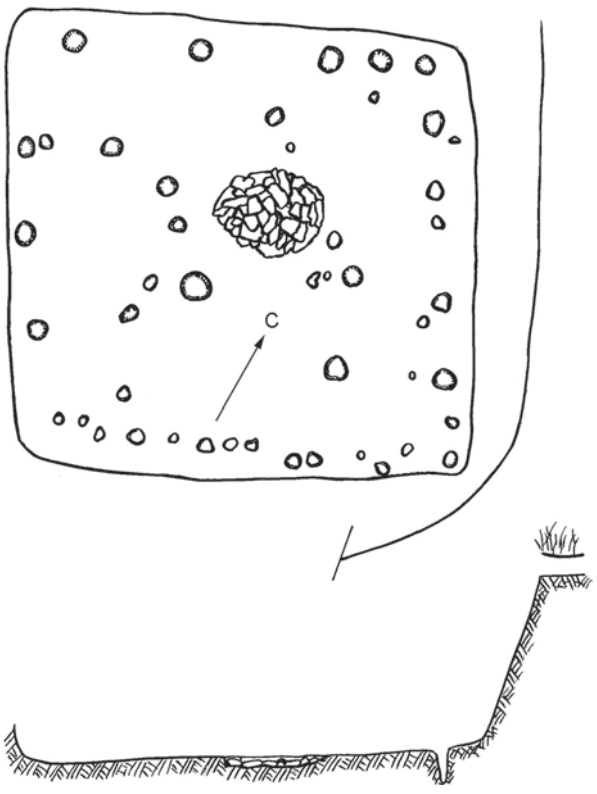


Рис. 38. Сопхохан. План жилища № 24 позднего этапа эпохи бронзы.

Непременная конструктивная часть всех жилищ – очаг. Он, как правило, сооружался на участке пола, расположенном севернее или северо-восточнее

центра жилища. Возможно, такая особенность связана с тем обстоятельством, что вход в жилище находился как раз по центру вверху, из-за чего очаг приходилось смещать в сторону. Для очагов выкапывалась круглая или овальная яма диаметром 40–60 и глубиной до 20 см. В подавляющем большинстве случаев дно очажных углублений выстилалось плотно уложенными, мелкими (10–15 см) и среднего размера (20 см) камнями или гальками. Овальный очаг жилища № 24 камнями не был выстлан. В очагах на камнях и вокруг очажного углубления обычно наблюдаются углисто-золистые прослойки, перекрытые слоем комковатой обожженной глины толщиной до 20 см. В жилище № 1 комковатая красная глина, перекрывающая очаг, занимала участок размером 1,2×2 м, а в жилище № 24 – 1×1 м. Толщина слоя золы в последнем случае достигала 3 см.

Следует отметить несколько других культурных комплексов, выявленных в процессе раскопок. В жилище № 1 около северо-восточной окраины очага лежали 20 раковин – или остатки трапезы, или сырье для изготовления украшений. К северо-западу от очага располагалась сооруженная из глины площадка. Длина ее 130, ширина 20 см; толщина слоя глины 15 см. К восточной окраине площадки примыкал камень (20×40 см) с ровной верхней плоскостью, очевидно, наковальня. В северо-восточном углу жилища грудой лежали 20 грузил, изготовленных из раковин. По-видимому, там некогда находилась сеть. В жилище № 4 вокруг очага концентрировались обломки керамики, браслеты, проколки, наконечники стрел и кости животных. В южной части полуземлянки обнаружены полулунные ножи, точила, пряслица и кости животных, а в восточной – обломки керамики, проколки, отбойники и зернотерки. Возможно, скопление определенных находок в отдельных местах жилищ – свидетельство особенности деятельности их обитателей в той или иной части жилища. В жилище № 10 значительная часть находок открыта около юго-западной части очага. Здесь лежали фрагменты сосудов, зернотерки, точила, обломки глиняной статуэтки, проколки, рога и кости животных.

Анализируя комплексы находок, следует прежде всего отметить, что набор инструментов, связанный с земледелием на позднем этапе эпохи бронзы Сопхохана, остался в основном неизменным. Земляные работы велись главным образом плечиковыми мотыгами, изготовленными из роговика и сланца. У части мотыг плечики выражены слабо, но у большинства они выделены достаточно отчетливо. Длина мотыг 15–20 см. Из 6 обнаруженных мотыг 3 находились в жилище № 4, а остальные – за пределами жилых построек. Материалом для мотыг служили рога животных. Из 10 таких мотыг 3 найдены в жилищах № 1, 4 и 10. Длина роговых мотыг в среднем 20 см. Полулунные ножи изготавливались из сланца и очень редко из кристаллической породы сине-зеленого цвета. Интересно, что из 7 обнаруженных ножей 5 находились в жилище № 4, где была сосредоточена половина плечиковых мотыг. Ножи подразделяются на две разновидности: подквадратной формы (рис. 39, *9*) и с закругленными обушками и лезвиями (рис. 39, *10*). Два или одно отверстие просверливалось в средней части плоскости или около края обушка. Длина одного из сохранившихся полностью ножей 11, ширина 3,5 см. Зернотерки (2 экз.) изготовлялись из крупных прямоугольных песчаниковых плит с закругленными в результате стачивания углами. Обе широкие плоскости зернотерок использовались в работе, поэтому сильно сточены (рис. 40, *12*). Длина зернотерок 60, ширина 28, толщина 4 см. Из песчаника делались и куранты. Примечательно, что они (5 экз.) обнаружены в каждом из жилищ. Рабочие грани у курантов узкие, сильно сточенные, обушки округлые, а в целом по очертаниям орудия напоминают полулунные ножи. Длина одного пол-

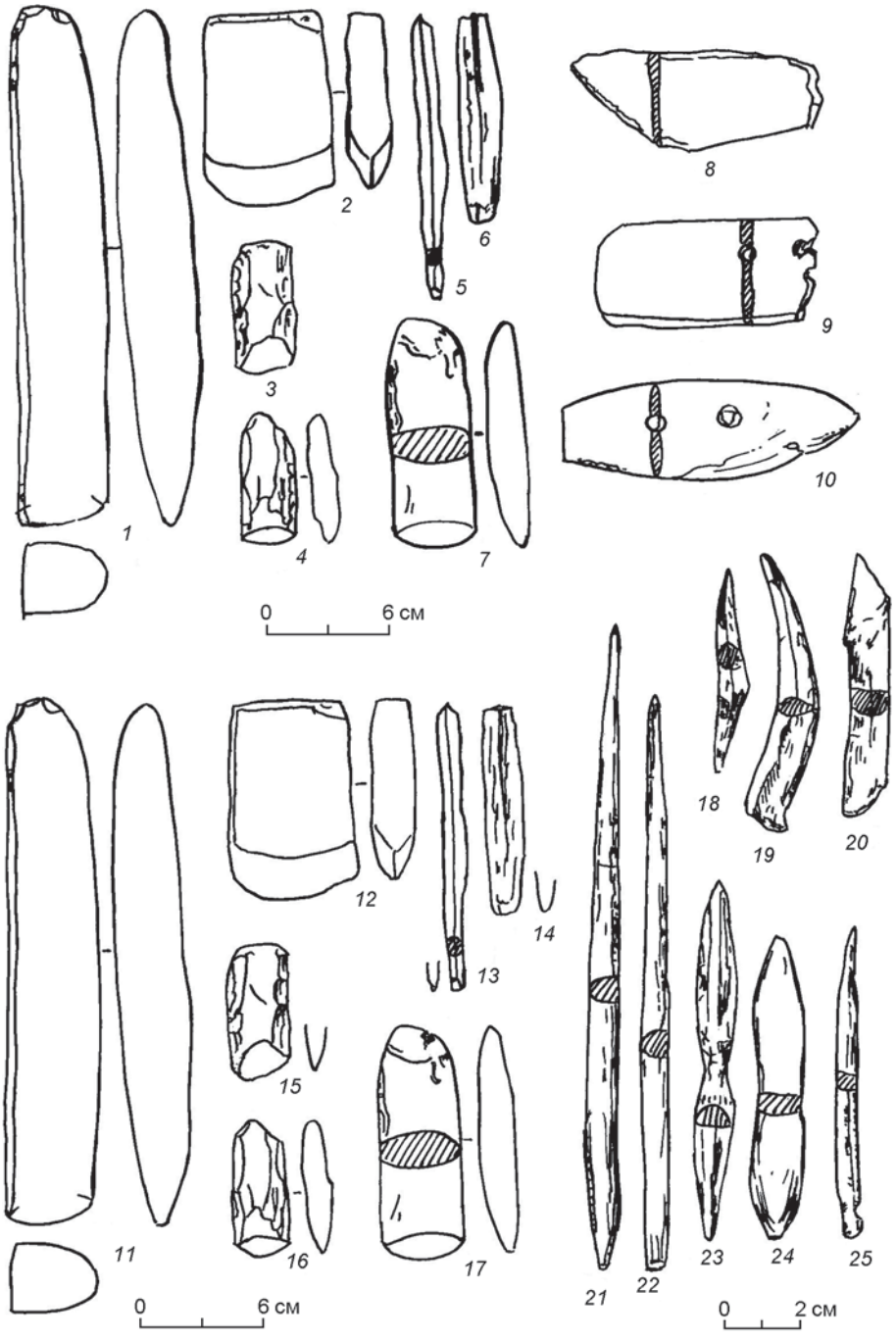


Рис. 39. Сопхохан. Изделия позднего этапа эпохи бронзы.

ностью сохранившегося куранта 20,5 см, ширина трущей поверхности 4 см (рис. 40, *11*). Часть терочников – цилиндрические в разрезе.

Совершенство техники обивки и ретуширования на позднем этапе эпохи бронзы Сопхохана иллюстрируют наконечники стрел из обсидиана. Все они линзовидные в сечении, а по очертаниям и отдельным деталям подразделяются на три разновидности. Больше всего найдено треугольных, с прямым основанием наконечников стрел (7 из 16 экз.). Отдельные образцы таких наконечников иволистные по форме. Длина самых мелких обсидиановых стрел с вогнутым основанием 2 см, самых крупных – 3 см (рис. 40, *5*). Ко второй разновидности относятся наконечники стрел, по форме напоминающие, как отмечают корейские археологи, змеиную голову (рис. 40, *4*). У таких изделий короткое и массивное треугольное острие и широкий подпрямоугольный черенок. Длина наконечника 5,5 см. Третий тип ретушированных и обитых наконечников стрел – иволистные, с зауженной нижней частью и прямым основанием. Длина их 2,5–3 см, но один из самых крупных образцов таких наконечников, найденный в жилище № 1, достигает в длину 6,5 см. Шлифованные наконечники стрел из сланца подразделяются на иволистные, треугольные с прямым основанием и треугольные с вогнутым основанием. В сечении они линзовидные или шестигранные (рис. 40, *1–3*). Длина иволистных наконечников стрел 3–5 см. Большая часть их оказалась сломанной. У наконечников с вогнутым или прямым основанием часто делались продольные пазы, предназначавшиеся для стока крови. Длина таких наконечником 3–3,2, ширина 1,2–1,7 см. Восемь наконечников стрел были изготовлены из костей и клыков животных. У большинства из них короткий и резко суженный черенок четко отделен от иволистного или подтреугольного острия (рис. 40, *7*). Черешки в сечении округлые, а острия овальные, массивные. У отдельных наконечников черешки отграничены от острия выступами. К особому типу можно отнести наконечники с очень длинными, приостренными, напоминающими иглу для плетения циновок, черешками и остриями в виде равнобедренных треугольников. Выемки и выступы отделяют острия от черешков (рис. 40, *8*). Длина костяных наконечников стрел 6,5–9 см.

Копья и кинжалы делались из сланца и кости. Лучший образец наконечника копья, найденный в жилище № 10, представляет собой постепенно расширяющуюся сланцевую пластину. Острый конец копья в сечении шестигранный, поскольку края его сильно сточены с обеих сторон. Длинный насад, слегка отделенный от острия выступами, прямоугольный в сечении. Следы тщательной шлифовки видны на всех гранях изделия. Длина наконечника копья 21, наибольшая ширина 5, толщина 1,1 см. У сланцевого кинжала лезвие на конце тонкое, острое. Оно расширяется ближе к середине. Длина кинжала 21 см. Весьма характерны кинжалы из расколотых и тщательно заточенных костей, кинжалы с естественными, порой намеренно углубленными с помощью шлифовки пазами для стока крови (рис. 40, *9, 10*). У некоторых инструментов сбоку, около края лезвия, пропиливался дополнительный паз для стока крови. Рукоятки у костяных кинжалов или оставляли необработанными, или подправляли. На конце рукоятки иногда просверливались отверстия, очевидно, предназначенные для шнура, с помощью которого оружие привязывалось к поясу. В поперечном сечении лезвия кинжалов подтреугольные, а у вкладышевых – в виде трех совмещенных ромбов. Длина целых кинжалов 15–19, ширина 2–2,6 см. Наконечники копий делали также из крупных обсидиановых сколов и пластин. Дополнительно обрабатывались ретушью лишь края пластинчатых заготовок. Длина таких наконечников 12 см. Менее правильные пластинчатые сколы обсидиана, ретушированные вдоль одного края, использовались, как и на предшествующем этапе развития

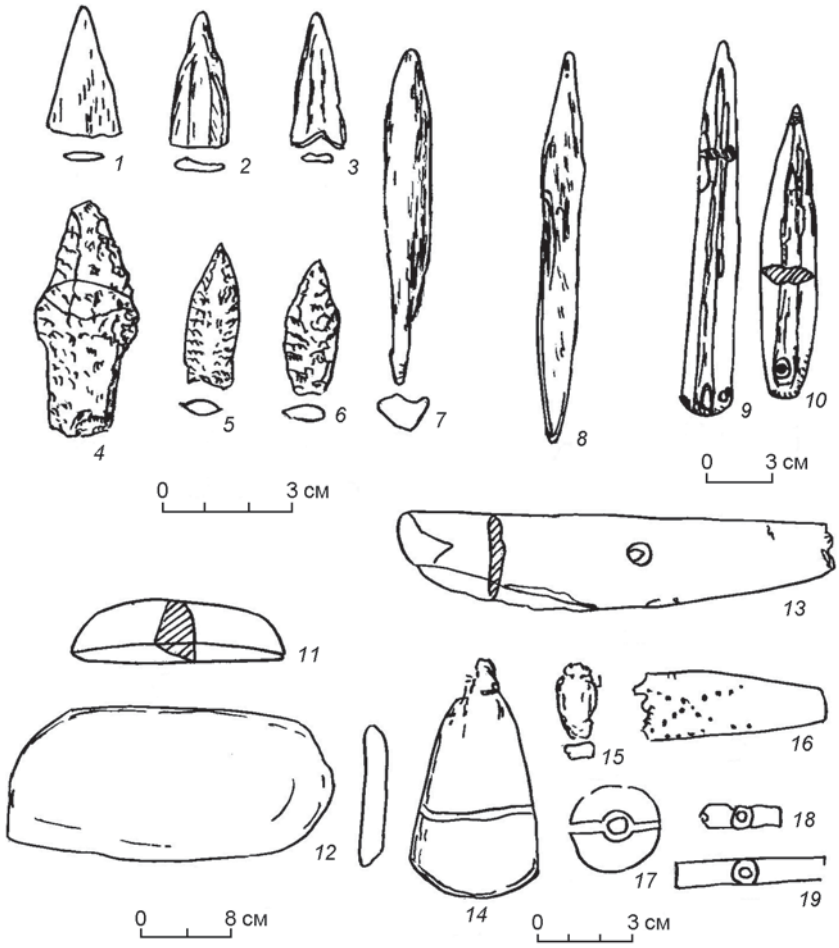


Рис. 40. Сопхохан. Изделия позднего этапа эпохи бронзы.

культуры, в качестве ножей. Своеобразны ножи из сланца. По форме один из сравнительно хорошо сохранившихся изделий такого типа напоминает сапожный нож с округло заточенным лезвием (рис. 39, *8*). Длина его 8 см. Как и на предшествующем этапе, встречаются ножи из расколотых кабаньих клыков. В лезвия с помощью затачивания превращался их внешний край.

Орудия для лова рыбы представлены среди находок довольно многочисленными игловидными зубцами острог, 5 из которых обнаружены в жилище № 1, по 2 – в жилищах № 4 и 10, остальные находились за пределами жилых построек. Зубцы острог узкие, длинные, в поперечном сечении подтреугольные, полукруглые или круглые (рис. 39, *21, 22*). Некоторые остроги длинные, но плоские и широкие, в сечении подтреугольные, со сточенными специальной обработкой углами. Длина зубцов острог 10–16 см. Особого упоминания заслуживает часть остроги с зубцом, оформленным в 6 см от острого конца орудия. Рыболовные крючки изготовлялись из костей и клыков животных. В жилище № 1 обнаружили 3 крючка, по 1 экз. – в жилищах № 4 и 10, 2 экз. – за пределами жилых

построек (рис. 39, *18–20, 25*). Основания у крючков затачивались плоско или на конце прорезался паз, что отмечается значительно реже. У крючков, сделанных из клыков кабана, у основания оформлялись выступы. К специфическим типам крючков относятся изделия, у которых отчетливо выделяются три части: острый, в виде подтреугольного клыка, конец, полукруглый в сечении, несколько более узкий, чем основание острия, стебель и широкое основание, которое крепилось к стержню (рис. 39, *20*). Изделия, описанные как двусторонние, заостренные, с перехватом посредине крючки, следует, по-видимому, считать колками поворотных гарпунов (рис. 39, *23, 24*). Длина разных по типу крючков 2,5–10 см. Округлые гальки, с двух сторон которых обивкой оформлялись выемки, а также раковины, у которых удалялись центральная часть, использовались в качестве грузил. Длина грузил из галек обычно 1–4 см, но встречаются экземпляры длиной до 8 см. Галечные грузила – одна из обычных находок в жилищах. В каждом из них, как правило, встречается по 6–7 грузил. Из 30 грузил, сделанных из раковин, 25 экз. обнаружено в жилище № 1.

Самыми распространенными орудиями из кости и рога следует считать проколки, шилья и орудия типа резаков. Их найдено 106 экз., в том числе 43 в жилищах. Инструменты такого рода отличаются элементарным оформлением: один, обычно более широкий и массивный, конец их приспосабливался под рукоятку, а другой затачивался в виде острия или долотовидного лезвия. Заточка рабочего конца проводилась полого, плоско или круто, в результате чего рабочая часть иногда напоминала край ножа или конец кинжала. Корейские археологии допускают, что часть орудий такого типа действительно могла использоваться в качестве ножей и кинжалов. Орудия с круто заточенным концом применялись как шилья или проколки – ими удобно было делать отверстия. Самые крупные из проколковидных инструментов достигали длины 20 см. К особо тонким изделиям из кости следует отнести иглы для шитья (в каждом из жилищ найдено по 3 экз.). Длина самых крупных из них более 7 см, а самой маленькой – 4 см. Обнаружено всего 2 иглы для плетения циновок. Длина одной из них, сохранившейся целиком, 8 см, ширина 0,7 см. В сечении она круглая. Из рога вырезались ложки. Одна из них найдена в жилище № 1, другая – за пределами жилых построек. У первой ложки черенок не сохранился (рис. 40, *14*). Резервуар ее лопаточкообразный. Длина резервуара 7,3, ширина 3, толщина 0,4 см.

Значительная часть шлифованных каменных орудий представлена топорами, долотами и теслами. Топоры подразделяются на крупные и мелкие. Первые трапециевидной или подпрямоугольной формы, длина их во многих случаях равна или слегка больше ширины, лезвие закруглено и хорошо заточено с двух сторон. В сечении такие топоры прямоугольные или, реже, односторонне-выпуклые (рис. 39, *2*). Топор из базальта необычайно длинный и узкий (рис. 39, *1*). Одна боковая грань его закруглена, а другая как бы вертикально срезана. Обушок топора немного у́же лезвия. Шлифовке подвергнута нижняя часть топора, около лезвия, а отделка верхней части ограничена сколами. Длина топора 26, толщина 3,5 см. Обнаружено 8 маленьких топоров (рис. 39, *3, 4, 7*). Они узкие, сравнительно длинные, в поперечном сечении овальные или линзовидные. Ширина обушка и лезвия у них одинаковая или отличается незначительно. У одного топорика обух приостренный. Лезвие затачивалось с одной стороны, причем сравнительно круто. Значительные участки вдоль краев, а также части широких плоскостей сохраняют фасетки сколов, появившихся при черновом оформлении заготовок. Длина маленьких топоров 6–11,5, ширина 3,2–4 см. При раскопках жилища № 4 было найдено

4 таких топора. Долота в большинстве случаев изготовлялись из костей и рога (рис. 39, *5, 6*). Лезвия у них узкие, округлые. Длина костяных и роговых долот 10,5–14 см. Обнаруженное каменное долото овальное в сечении. Лезвие у него заточено с одной стороны. Длина его 3,5, ширина 4 см. Для обивки каменных изделий использовались отбойники – из продолговатых округлых галек и сломанных топоров. При раскопках каждого из жилищ обычно встречалось 1–2 таких орудия. В жилище № 4 их найдено 4 экз. Плитки из мягкого песчаника использовались как точила для оформления и затачивания костяных и роговых изделий. В качестве рабочих порой использовались все четыре грани точила. На них заметны желобки, оставленные при затачивании инструментов. Одно, лучше других сохранившееся, точило из жилища № 4 сделано из прямоугольной плитки песчаника. Длина его 16, ширина 8, толщина 4 см.

Украшения, обнаруженные при раскопках, немногочисленны и довольно однообразны. Они изготовлялись из костей и зубов животных, из раковин, яшмы, мрамора и глины. К простейшим относятся подвески отрезков трубчатых костей птиц (рис. 40, *18, 19*). Длина их 2,5–5,5, диаметр 0,7 см. Бусины из раковин и яшмы круглые, плоские, с просверленным в центре отверстием. Диаметр яшмовой бусины 3–3,2, толщина 0,2 см; диаметр отверстия 0,7 см (рис. 40, *17*). В жилище № 10 обнаружены подвески, материалом для которых тоже служили раковины. У последних удалялась центральная часть, а оставшийся край тщательно отшлифовывался. Диаметры бусин 3,5–6,5 см. В жилище № 4 находился обломок браслета из мраморовидной породы. В подвески превращались также кабаньи клыки, в корневой части которых просверливались отверстия. Длина таких подвесок достигает 6 см. Одна из подвесок, вырезанная из кости, фигурная: она имеет вид цифры 8 (рис. 39, *15*). Длина ее 2,5, ширина 1,2 см. Три подвески по форме напоминают полумесяц. Одна из них, сохранившаяся частично, сделана из расколотого вдоль кабаньего клыка. По краю подвески вырезаны мелкие зубчики, а на одной плоскости нанесен точечный орнамент, образующий Х-образную фигуру (рис. 40, *16*). С одного, более широкого, конца видны части двух отверстий. Длина подвески 6,6, ширина 2,4 см. У другой подвески из клыка кабана выпуклый край приострен, а на противоположном у концов просверлены два отверстия. Длина подвески 7 см. У роговых подвесок выпуклая сторона тоже приострена, а посредине изделия просверлено отверстие (рис. 40, *13*). Длина таких подвесок 15, ширина 3,2 см.

Что касается скульптурных изображений, то мягкий сланец послужил древнему художнику подходящим материалом при оформлении фигурки свиньи (рис. 41, *3*). У нее округлая спина, крутая холка, приостренное рыло, особой бороздкой намечен рот, столь же схематично намечены контуры живота и задней части. Длина скульптуры 3,5 см. Корейские археологи, отмечая схематизм фигурки, усматривают сходство ее с глиняной скульптурной свиньи, найденной на поселении Помый Кусок I.

И на позднем этапе эпохи бронзы в Сопхохане глина использовалась для изготовления как украшений, так и скульптурок. В описании инвентаря поселений, в частности, упоминаются подвески, сохранившиеся лишь в обломках. На отдельных фрагментах видны отверстия. Глина по-прежнему оставалась главным материалом для лепки женских скульптурных изображений. В жилище № 4 обнаружили обломки четырех таких фигурок, фрагмент одной – в жилище № 10, а несколько других – за пределами жилых построек. Целиком сохранилась лишь одна скульптура (рис. 41, *2*). Лицо ее плоское, подтреугольное по очертаниям, характерным образом скошенное. По центру лица прослеживается продольная впадина-желобок. Отчетливо, хотя и схематичес-

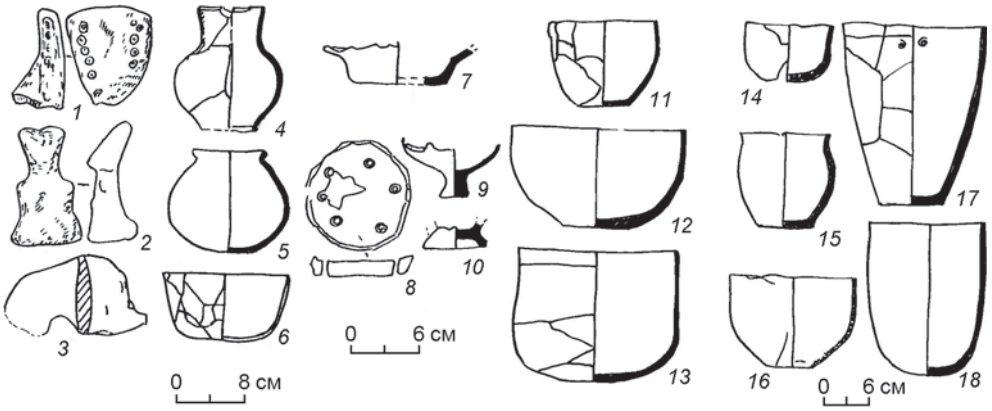


Рис. 41. Сопхохан. Изделия из глины позднего этапа эпохи бронзы.

ки, намечены шея, выступы рук. Выделены талия и широкая нижняя часть. Высота скульптуры 7, ширина 3,5 см; ширина головы 3 см. Примечательны также две головки скульптурок, найденные в жилище № 4. На лицевой части одной из них, в верхних уголках, двумя углублениями обозначены глаза, а на выпуклых боковых гранях лица сделано по 5 углублений, возможно, обозначающих уши. Высота лицевой части 6, ширина головки 5,5 см (рис. 41, *1*). На лицевой части второй головки вдавлениями обозначены уши и рот. От остальных скульптур сохранились лишь нижние и средние части торса. Довольно многочисленны среди находок глиняные или из обломков керамики пряслица (всего их найдено 39 экз., в том числе в жилищах № 1 и 4 – по 5 экз., № 10 – 4 экз., № 24 – 3 экз.). Диаметр большинства пряслиц 2–5 см. Они подразделяются на дисковидные с прямоугольным или линзовидным сечением, чечевицеобразные и конусовидные со срезанным верхом. Нижняя часть пряслиц плоская или вогнутая. Одно конусовидное пряслице диаметром 2,5 см было сделано из сланца. Нижняя часть его плоская.

Керамика позднего этапа эпохи бронзы Сопхохана представлена многочисленными фрагментами и 34 целыми сосудами, из которых 14 обнаружены в жилищах. Форма сосудов во многих случаях близка керамике раннего этапа эпохи бронзы, однако отмечено появление и новых ее типологических разновидностей, в частности характерных горшковидных изделий с округлым туловом и отчетливо выделенными шейками горловины (рис. 41, *4, 5*). В тесте всех сосудов прослеживается примесь песка. По цвету внешней поверхности сосуды подразделяются на две большие группы: тщательно лощеные, окрашенные красной краской, и лощеные лишь слегка, коричневые, с желтоватым или более темным оттенком.

Первая группа керамики количественно становится значительно большей по сравнению с числом подобных изделий на предшествующем этапе развития культуры. Она отличается также большим разнообразием типов сосудов, среди которых выделяются горшки, миски, пиалы и чаши. Для горшков характерны округлое тулово, слегка округлое или плоское дно, особо выделенная, часто широкая горловина, длинная или короткая, иногда со слегка отогнутым венчиком. Поверхности таких горшков сначала окрашивались красной краской, а затем полировались. Тщательность отделки стенок далеко не одинакова на отдельных экземплярах. Устойчивость краски тоже порой оставляет желать лучшего, ибо

часто отмечаются следы ее шелушения или осыпания. Высота горшков с округлым туловом 11,2–14 см, диаметр дна 4–7,5 см, диаметр горловины 4,7–10,5 см, толщина стенок 0,3–0,5 см. Один из горшков цилиндрический по форме, поскольку стенки его отходят вверх от дна почти вертикально. Высота его 13 см, диаметр дна 9 см, диаметр горловины 12,5 см. Обнаружено 4 чаши. Стенки некоторых из них тщательно окрашены и заполированы (рис. 41, *6*). Высота таких изделий 8–10,5 см, диаметр горловины 12–17 см, толщина стенок 0,3–0,35 см. Особого описания заслуживает сосуд с округлым, массивным дном, округлым, сужающимся к горловине туловом, у которого наиболее широкая часть приходится на придонную секцию изделия (рис. 41, *13*). Шейка сосуда почти прямая, а в 2 см ниже венчика нанесены поперечные черточки, образующие ободок. Стенки сосуда очень тонкие, краска на них наложена ровным слоем. Высота изделия 16 см, диаметр горловины 4 см. Что касается пиал (найдено 4 экз.), то они по виду близки широким чашам (рис. 41, *11, 12*). Дно у них плоское, боковые стенки отходят от него полого. Поверхности пиал обработаны и окрашены небрежно, отчего выглядят неровными, грубыми. У экземпляров пиал с осыпавшейся красной краской поверхность стенок коричневая. Высота пиал 5–11,5 см, диаметр дна 6–8 см, диаметр горловины 13,5–21 см, толщина стенок 0,5 см. Отдельные фрагменты красной крашеной керамики украшены налепами. На поверхности их сначала прочерчивались 1–2 горизонтальные линии, поверх которых накладывался налепной валик. Иногда ниже валиков симметрично прилепливались округлые, в виде пуговиц, нашлепки.

Типология коричневой керамики более разнообразна. Помимо горшков, чаш и пиал корейские археологи выделяют миски, котелки и стаканы. Обнаружено 6 горшков (рис. 41, *17*). Большинство из них имеют узкое дно, плавно изгибающиеся стенки и слегка отогнутый венчик. Иногда округлость тулова выражена заметнее. На стенках горшков видны следы легкого лощения. По краю отогнутого венчика прочерчивалась линия или налепливался валик, что увеличивало массивность венчика. В других случаях он украшался мелкими рубчиками. Когда же в верхней части сосуда прикреплялся налепной валик, то по обе стороны от него прочерчивались пунктирные линии, ромбики, треугольники и целые композиции из прямых или дугообразных линий, которые располагались в одних случаях вертикально, а в других – горизонтально. В целом такого рода украшения сосудов не отличаются от орнаментики коричневой керамики культурного горизонта, расположенного ниже. К особой разновидности горшков относятся толстостенные цилиндрические изделия (рис. 41, *18*). Тщательность отделки поверхностей их неодинакова. Венчики у таких горшков слегка отгибались наружу. Дно у сосудов узкое, плоское, массивное. У одного из горшков тулово округлое (рис. 41, *15*). У него выделена короткая шейка, венчик отогнут. По типу этот сосуд близок горшкам красного цвета. Высота горшков 11,5–20,5 см, диаметр дна 5,5–8,5 см, диаметр горловины 11–18 см. Найдено всего 2 чаши. Стенки отполированы только у одной из них. Боковые стенки чаш округлые. У одной чаши ниже венчика прочерчена опоясывающая изделие линия. Высота чаш 9–11,5 см, диаметр дна 6,5–7 см, диаметр горловины 11–12,5 см. К наиболее примечательным по типам изделиям относятся пиалы (обнаружено 4 экз.), у которых боковые стенки сначала полого отходят от дна, а затем вертикально поднимаются вверх (рис. 41, *16*). У отдельных изделий дно выемчатое, в виде поддона. Высота пиал 7,5–13,5 см, диаметр дна 6–9 см, диаметр горловины 15,5–20 см. К категории мисок отнесены 3 изделия. Стенки части из их залощены плохо (рис. 41, *14*). Высота их 6,5–8,5 см, диаметр дна 6,5 см, диаметр горловины 10,5–15 см. Для стаканов характерно слегка округлое тулово, почти одинаковый диаметр

дна и горловины, тщательная отделка стенок. Высота самого малого стакана 3 см, диаметр дна 3,9 см, диаметр горловины 4,5 см, самого крупного – соответственно 5, 5,5 и 8,5 см. К редким формам относится котелок, от которого сохранилось дно с шестью углублениями (рис. 41, *8*). Диаметр дна 8, толщина 1,5 см. Уникален также сосуд с ручками и высоким узким поддоном (рис. 41, *9*). Стенки сосуда круто изгибаются вверх. Изготовлен он из илистой глины с примесью песка. Поверхность сосуда гладкая, хорошо отполированная. Круто изгибались стенки и у другого сосуда, от которого сохранилась лишь придонная часть (рис. 41, *7*). Найденный низкий поддон тоже, очевидно, принадлежал такого же рода сосуду (рис. 41, *10*). Примечательно, что появляются сосуды типа котлов, на дне которых прослеживаются отпечатки листьев. У двух обломков керамики с прямыми валиками сохранились ручки в виде сосков. Найдено также несколько фрагментов керамики с ручками, форма которых напоминает ручки современных сосудов для воды.

Помимо Сопхохана на территории Корейского полуострова открыто большое количество других памятников эпохи бронзы. Проблема датировки их и хронологического сопоставления далека от удовлетворительного решения, однако само по себе выделение памятников бронзового века и четкое отграничение их от неолитических – одно из замечательных достижений молодой корейской археологии. Исследователям ранних культур страны удалось достаточно убедительно развеять прочно укоренившиеся представления о том, что ряд окраинных районов Восточной Азии и Дальнего Востока будто бы настолько отставали в своем развитии, что их обитатели лишь к началу нашей эры смогли, в основном при «благотворном влиянии со стороны», вступить прямо из каменного века в эпоху железа, миновав стадию бронзового века. Анализируя известные в настоящее время материалы по эпохе раннего металла Кореи, сразу же убеждаешься, что, пожалуй, наиболее сложным остается вопрос выделения самых ранних памятников эпохи бронзы. Впрочем, это остается камнем преткновения и для многих других районов востока Азии. Тем не менее, корейские археологи уже сейчас называют ряд памятников, которые, по их мнению, можно датировать начальной стадией культуры металла полуострова. К ним на северо-западе страны относится поселение Тансан, открытое около деревни Тэсан уезда Чончжу, и отчасти Санхак уезда Енчхон провинции Северная Пхёнан.

Коллекции, обнаруженные при раскопках этих поселений, с одной стороны, раскрывают тесную преемственность с культурой неолита, а с другой – не оставляют сомнений в появлении новых элементов, которые становятся господствующими на этапе развитой бронзы. Так, часть шлифованных каменных топоров, наконечники копий и стрел, пряслица и грузила сохраняют во многом черты, характерные для того же рода изделий эпохи неолита. Керамика четче фиксирует изменения, и все же в глиняных изделиях налицо сохранение традиций изготовления посуды, которая украшалась в неолите гребенчатым орнаментом. Вместе с тем гребенчатая и елочная орнаментика эпохи бронзы отличается определенной спецификой, и к тому же отмечается все большее преобладание прямолинейной орнаментики, которая впервые зародилась на неолитическом этапе развития культуры (рис. 42, *14*). В частности, такая керамика с прямолинейным орнаментом с эпохи раннего металла начинает постепенно занимать господствующее положение на поселениях, открытых в бассейне р. Амноккан и на Ляодуне. Кроме того, на стоянках появляются сосуды «типа цветочных горшков», которые, в отличие от многочисленных в неолите образцов, в ранний период эпохи бронзы почти не украшаются орнаментом. В начале эпохи бронзы увеличивается также количество коричневой неорнаментированной посуды. А ведь именно этот тип керамики становится затем господствующим.

У сосудов отмечается своеобразная форма горлышка, расширяющегося кверху, и жгутиковидные налепные валики (рис. 42, *29–33*). Более широкое распространение получают появившиеся в позднем неолите сосуды с гладкой лощеной поверхностью, в том числе чаши, тарелки с подставкой, котелки и чашки. Для части такой посуды характерен красный цвет или блестящая поверхность с красноватым оттенком – результат лощения и добавки в тесто охристой краски. Именно такая посуда преобладает на поселении Помый Кусок II. Вместе с тем внимательный анализ шлифованных каменных орудий, а также костяных изделий позволяет установить изменения как в технике их изготовления, так и отчасти в типологии. Отделка инструментов достигает предельного совершенства, что особенно заметно на таких орудиях, как «луновидные топоры» и полулунные ножи из шифера, количество которых существенно возрастает по сравнению с неолитом.

Что касается погребальных обычаев, то в начальный период эпохи бронзы севера Кореи и прилегающих территорий встречаются как грунтовые могилы, так и захоронения в камерах, сооруженных из крупных камней. Такие могилы перекрывались затем общей каменной кладкой, имеющей вид невысокого кургана. В могильнике Чангунсан было открыто 9 погребальных камер (рис. 43). Каждая из них после завершения обряда захоронения тоже заваливалась камнями, которые образовывали небольшие курганчики, перекрытые общей кладкой. Такого типа захоронения отсутствуют в неолите. Среди погребального инвентаря встречаются небольшие керамические сосуды, подвески из зеленого камня, кольца из белой яшмы, цилиндрические бусы, а также орудия труда и оружие (рис. 42, *7, 8*).

Значительно бóльшие изменения прослеживаются в культуре памятников, которые датируются второй половиной II тыс. до н. э. В этот период резко увеличивается количество изделий из бронзы, которые ранее встречались чрезвычайно редко и к тому же территориально относились к районам, находившимся за пределами Корейского полуострова (Ляодун). Так, бронзовые ножи и пуговицы обнаружили во втором культурном слое участка № 3 стоянки Синари уезда Енчхон провинции Северная Пхёнан, бронзовые долота – в Кымтхане (район Садон г. Пхеньяна), бронзовые наконечники стрел – в могилах в виде каменных ящиков, открытых в районе Санмэ г. Саривона провинции Северная Хванхэ, бронзовые пуговицы – на стоянке Синхындон уезда Бенсан той же провинции, обломки различных бронзовых изделий – на стоянке Конгви г. Канге провинция Чаган (рис. 42, *1–6*). Относительно широкое распространение бронзы отнюдь не означало конца применения каменных и костяных орудий. Последние сочетаются с инвентарем из бронзы, в значительной мере дополняя, а в нужных случаях и заменяя его, поскольку металл по-прежнему оставался очень ценным и все еще редким сырьем, чтобы полностью вытеснить традиционные для изготовления орудий производства и украшений камень и кость. Однако в изделиях из камня заметны определенные изменения. Более разнообразными стали наконечники стрел из шифера с приостренными короткими черешками и жальцами на концах лопастей (рис. 42, *26–28*), а «луновидные» неолитические топоры превратились в звездчатые палицы с острыми тонкими или массивными зубьями. Отмечается также появление новых типов оружия – каменных и костяных кинжалов. Превосходные образцы сланцевых кинжалов обнаружены на поселении Симчхон уезда Хванчжу провинции Северная Хванхэ и в Кымтхане (рис. 42, *24, 25*). Для них характерны короткие треугольные лезвия, линзовидные или ромбические в сечении, и черешки, с помощью которых клинок кинжала крепился к рукоятке. На подпрямоугольных или приостренных черешках кинжалов оформлялись зубчатые выступы. На высту-

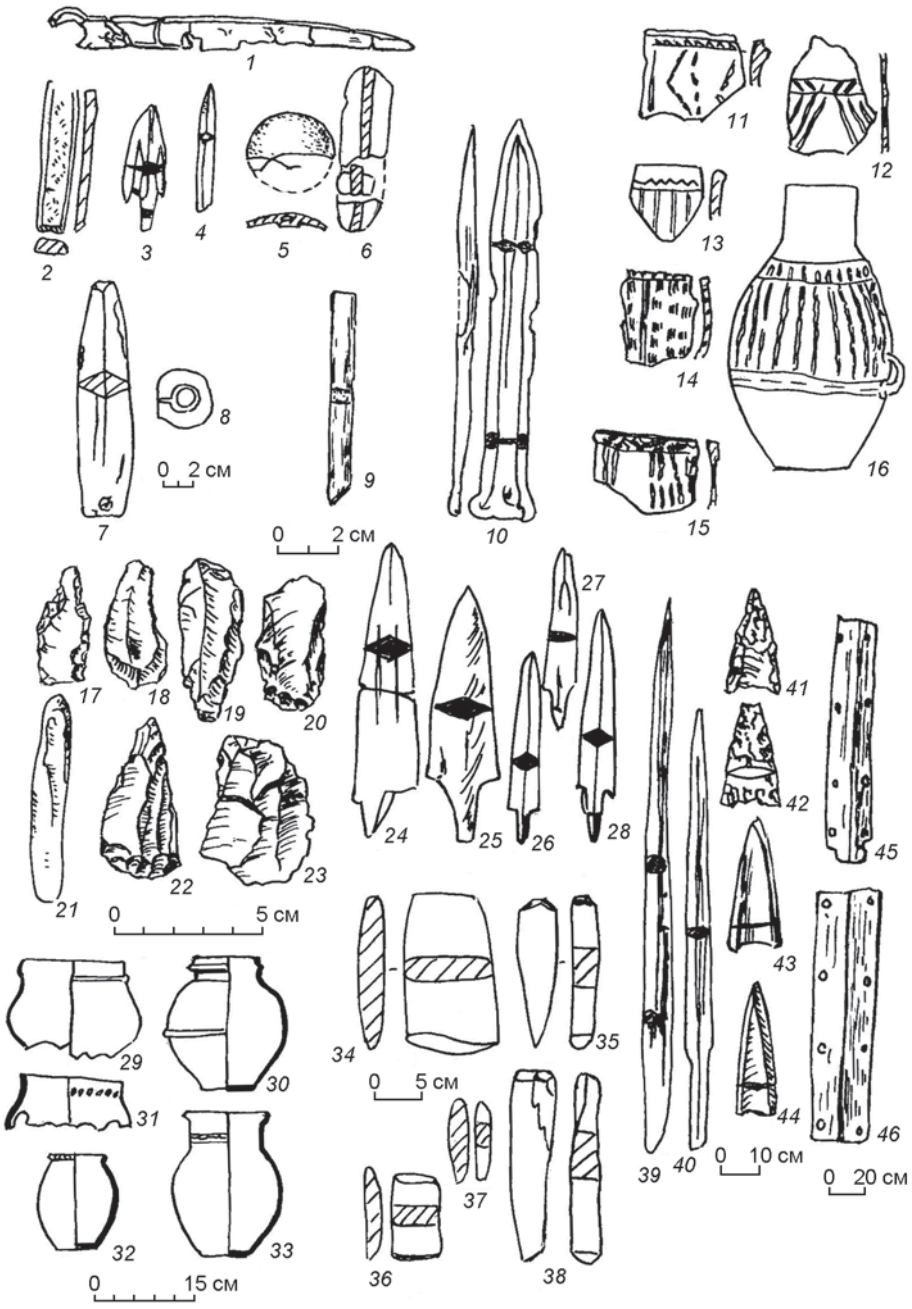


Рис. 42. Изделия из глины, камня, кости, раковин и металла эпохи бронзы Кореи.

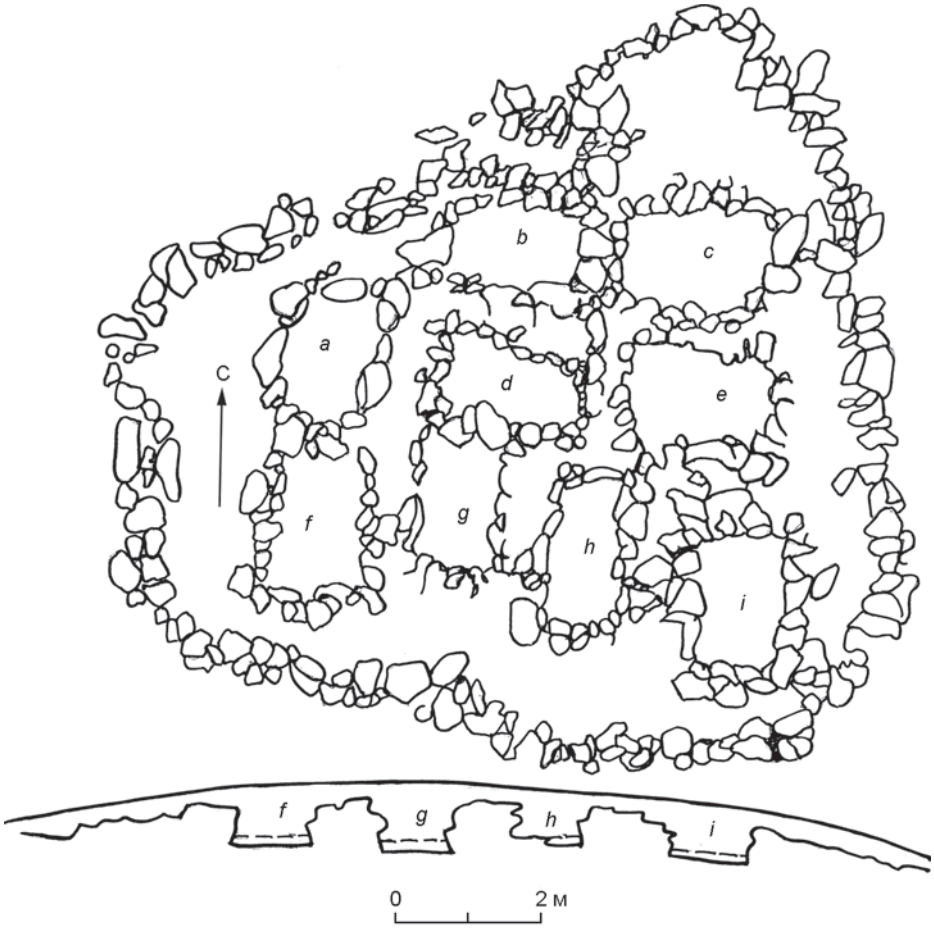


Рис. 43. Могильник Чангунсан.

пах наматывался шнур для лучшего совмещения орудия с рукояткой. Костяные кинжалы делали из расколотых вдоль трубчатых костей животных. Особенно замечательные образцы таких кинжалов найдены на стоянке Енгильсодян. По краям их около острого конца пропиливались пазы, в которые вставлялись каменные вкладыши (рис. 42, *10*). Рукоятка кинжалов более широкая и массивная по сравнению с клинком. Особый интерес такой тип орудия вызывает еще и потому, что форма отдельных экземпляров его позволяет определить истоки появления на последующих этапах развития культуры своеобразных «скрипковидных» кинжалов из бронзы. Среди новых по типу каменных топоров привлекают внимание клиновидные, четырехгранные в сечении инструменты с узким, заточенным под острым углом концом в виде стрежня. Все грани орудия самым тщательным образом отшлифованы. Такие изделия найдены па стоянках Симчхон, Кымтхан, Одон и Конгви.

Среди керамики главное место занимают сосуды коричневого цвета, как правило, без орнамента. Узоры на такой посуде встречаются лишь в исключительных случаях и

только на горловине сосудов. Широкое распространение получает также красная керамика, которая характеризуется многообразием форм и усложнением их. Впечатляющи, в частности, огромные кувшины для хранения пищевых запасов, разнообразные горшки и другие образцы столовой посуды. Многочисленность памятников второй половины II тыс. до н. э., а также обилие и разнообразие обнаруженных при их раскопках коллекций позволяют выделить отдельные локальные культуры эпохи бронзы, отличающиеся при их единстве своеобразными особенностями.

Первый такой район, о своеобразии культуры бронзы которого во второй половине II тыс. до н. э. много сказано выше, охватывает северо-запад Кореи, а также юг Маньчжурии, главным образом Ляодунский полуостров и бассейн р. Ляохэ. Этот район характеризуют материалы, полученные при раскопках следующих памятников: поселение Синамри (2-й слой участка № 2), Шуандацзы и Яндува (Ляодун), раковинные кучи Тэдэсана, поселения и связанные с ними погребения Кансана, а также мегалитические погребальные сооружения, открытые на берегу Бохайского залива. Особый интерес среди находок вызывают, естественно, немногочисленные, но типологически чрезвычайно характерные изделия из бронзы. Внимание, в частности, привлекает уже упомянутый слабо изогнутый бронзовый нож, найденный на поселении Синамри. На конце его рукоятки сохранилась часть кольца, по ее краям отчетливо выделяются выступы (рис. 42, *1*). Длина сохранившейся части ножа 18,6 см, ширина лезвия 1,9 см. На этом же поселении обнаружена бляшка. Выпуклая поверхность ее гладкая, без орнамента, а на вогнутой внутренней прикреплено ушко (рис. 42, *5*). Диаметр бляшки 3,8 см, толщина 1,5 мм. Такого рода бронзовые изделия считаются типичными для культуры этапа поздней бронзы северо-запада Кореи и прилегающих к этой зоне районов древней Маньчжурии. Из других бронзовых изделий заслуживают внимания плоские орудия, найденные на поселении Яндува (рис. 42, *6*), и приостренный шиловидный инструмент или, возможно, наконечник стрелы, обнаруженный при раскопках раковинных куч Тэдэсана (рис. 42, *4*).

Среди каменных орудий множество инструментов типологически почти неотличимо от соответствующих изделий позднего неолита и ранней бронзы Кореи. К ним относятся топоры, тесла, молоты, точила, долота и ножи. Однако обращает на себя внимание изобилие топоров с характерно скошенным лезвием и клиновидных топоров (рис. 42, *34, 35*). Особой спецификой отличаются, пожалуй, узкие «уступчатые» топоры, прямоугольные в сечении. Они впервые появляются на вооружении древних обитателей Кореи. Долота изготавливались из камня, кости и рога. У долот из расколотых трубчатых костей крупных животных затачивался приостренный конец, а у таких же по назначению роговых изделий ровно стачивалась тыльная поверхность. Один конец ножей из плоских плиток сланца и обломков длинных костей животных затачивался, а у противоположного просверливались сквозные отверстия. Сельскохозяйственные орудия представлены в коллекциях костяными мотыгами (рис. 44, *1*) и полулунными ножами, напоминающими по внешним очертаниям раковину (рис. 44, *2–4*). У большинства таких ножей или серпов лезвия и обушки закруглены, хотя изредка встречаются экземпляры с прямым лезвием или обушком. Сланцевыми были также наконечники копий и стрел (рис. 44, *5–8*). Копья в большинстве случаев линзовидные в сечении. У них треугольное лезвие и подпрямоугольные насады, на краю последних иногда просверливались отверстия. Наконечники стрел, как правило, короткие, без черешков, шестигранные или ромбические в сечении. Однако встречаются также длинные стрелы с выемчатым основанием. Для

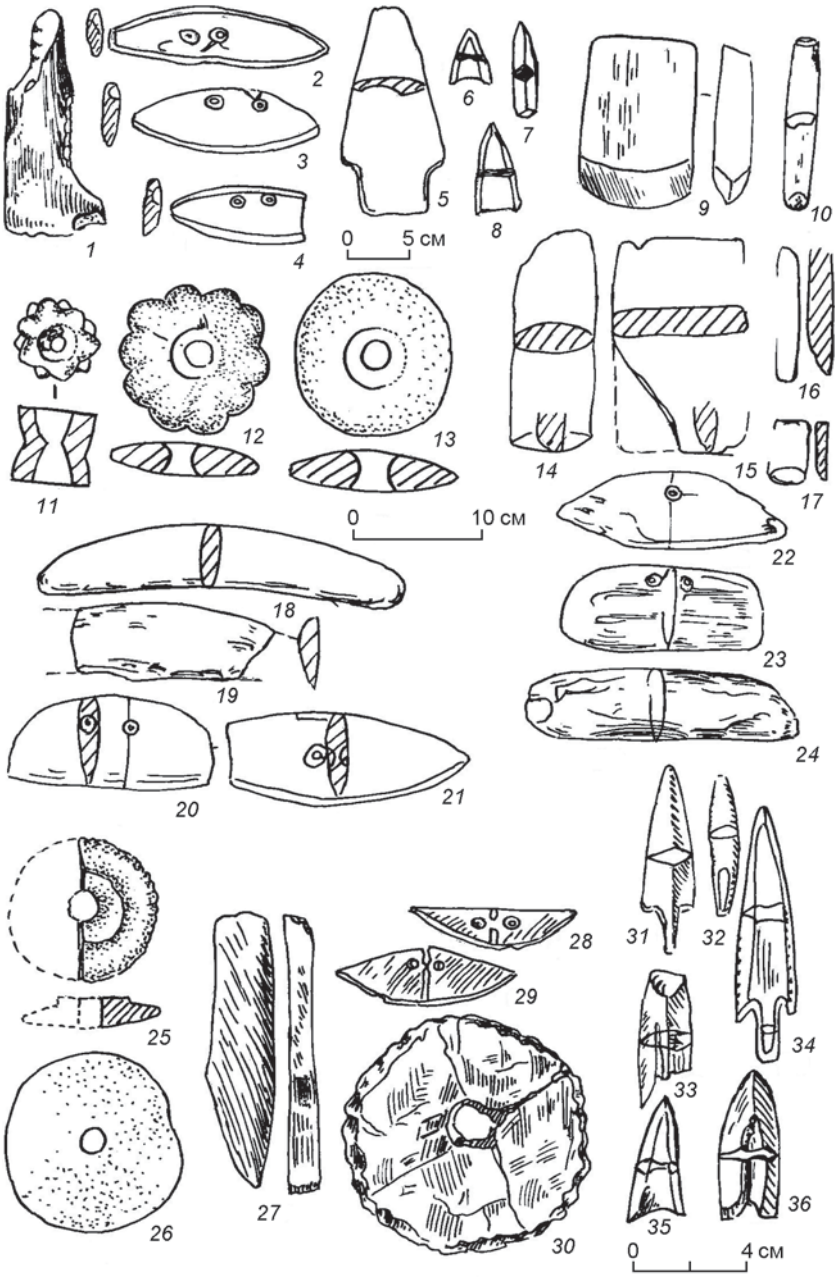


Рис. 44. Изделия из камня, кости и глины эпохи бронзы Кореи.

культуры северо-запада полуострова и юга древней Маньчжурии по-прежнему остаются характерными луновидные топоры-палицы.

Кость и камень служили также сырьем при выделке орудий рыбной ловли (крючки и грузила), прядения (пряслица) и домашнего обихода (иглы, проколки). Рыболовные крючки представляют собой заточенные с двух концов стержни, посредине которых вырезался желобок для привязывания лески. Пряслица вырезались из плоских плиток сланца.

Украшения из сланца и яшмы представлены в коллекциях круглыми, подпрямоугольными или трапециевидными подвесками с просверленными на одном конце отверстиями. Подвески из глины плоские, продолговатые, с отверстием на одном конце. Кроме того, среди украшений упоминаются стержневидные, округлые в сечении заколки, подвески из обструганных берцовых костей, имеющие сверлину на конце, бусины из птичьих костей и кусочков рога оленя, подвески из целых, специально подобранных раковин с отверстиями по одному краю или в середине. В последнем случае раковины обтачивались по кругу.

Для керамики северо-запада Кореи и бассейна р. Ляохэ на этапе поздней бронзы характерна примесь в тесте талька, асбеста и крупнозернистого песка. Внешняя поверхность сосудов гладкая, ровная, светло- или красно-коричневая. Среди типологических разновидностей их наиболее характерны кувшины с округлым туловом, высоким горлом и плоскими вогнутыми поддонами (рис. 45, *15–20*). Кувшины такого типа, несомненно, происходят от неолитических, но на этапе поздней бронзы они становятся многочисленными и представлены широкой вариацией форм. В изобилии встречаются сосуды типа «танди». Орнаментировались они налепными опоясывающими валиками и, кроме того, налепами в виде «петушиных гребешков» и «гусиных лапок». На туловах сосудов типа «танди» прикреплялись по 4 шишковидных налепа, которые из-за небольшого размера явно не могли служить ручками. Назначение их поэтому чисто орнаментальное. У отдельных сосудов украшались не только шейка, но и тулово. Правда, орнамент ограничивался несколькими полосами, а остальная поверхность оставалась гладкой. Чаши и чашки, как и кувшины, во многом сохраняют неолитический облик. Но они тоже стали многочисленнее. Для них характерны поддоны и подставки (рис. 45, *7–9*). Поверхность отдельных чаш, помимо налепов, украшалась резным орнаментом: опоясывающими полосами коротких наклонных черточек – последним отзвуком резного елочного узора.

Представление о жилищах эпохи бронзы северо-запада Кореи можно составить на основании подпрямоугольных полуземлянок, раскопанных на поселениях Шуандацзы II и Яндува. Длина их 4,3–5,3, ширина 4,2–4,8 м. Стены жилищ сооружались из каменных плит и поднимались на высоту до 1 м. Иногда каменная кладка завершалась надстройкой из глины. Пол в жилищах утрамбовывался. Очажная яма обкладывалась по краю обломками плитняка, а дно ее выстилалось обломками керамики. В отдельных жилищах, однако, на дне очагов фрагменты керамики отсутствовали. На полу прослежены немногочисленные ямки от столбов, поддерживавших кровлю (рис. 46). Корейские археологи относят к эпохе поздней бронзы часть дольменов провинции Северная Пхёнан, а также Ляодунского полуострова. Точная датировка дольменов во многих случаях затруднена, поскольку, разграбленные еще в древности, они не содержат, за редким исключением (дольмены Хуандункуан), каких-либо культурных остатков. Дольмены сооружались из четырех вертикально поставленных плит, прикрытых сверху еще одной (рис. 47). Судя по нетронутым могильным сооружениям такого типа, в погребальную камеру клали одного умершего. В одном из дольменов помимо костей челове-

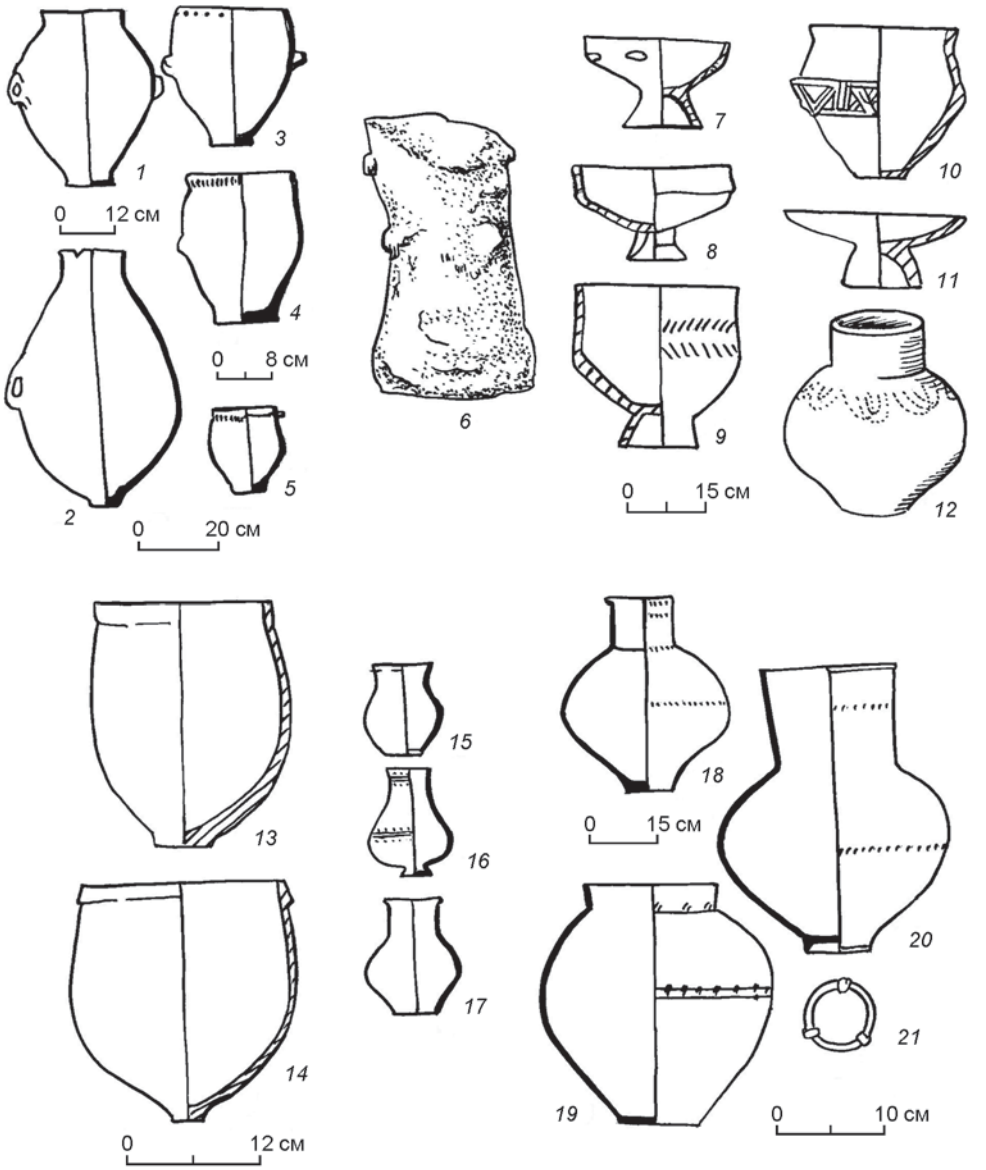


Рис. 45. Изделия из глины эпохи поздней бронзы Кореи.

ка находились 3 сосуда и тяжелый звездчатый топор-палица. Два найденных горшка типа «танди» украшены у горлышка налепным валиком. В тесто сосудов примешан тальк. У третьего горшка, тоже типа «танди», горлышко короткое, стенки гладкие, черные по цвету, но в отдельных местах видны коричневатые полосы. Корейские археологи считают, что эти сосуды следует отнести к керамике типа юлы, для которой характерны налепные с узором валики у горлышка. Такая керамика обнаружена на поселениях Шуандацзы II и III, а также в нижнем культурном слое поселения Цоганча. Звездчатые топоры-палицы

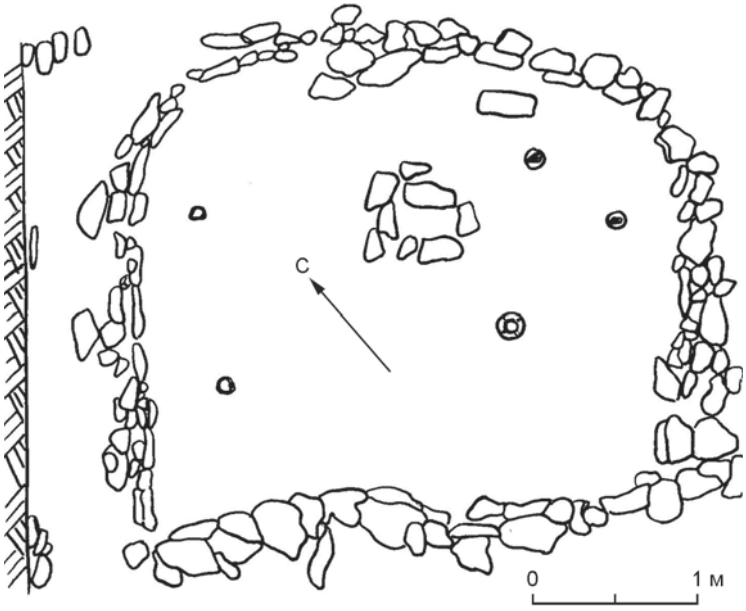


Рис. 46. Жилище эпохи бронзы северо-запада Кореи.

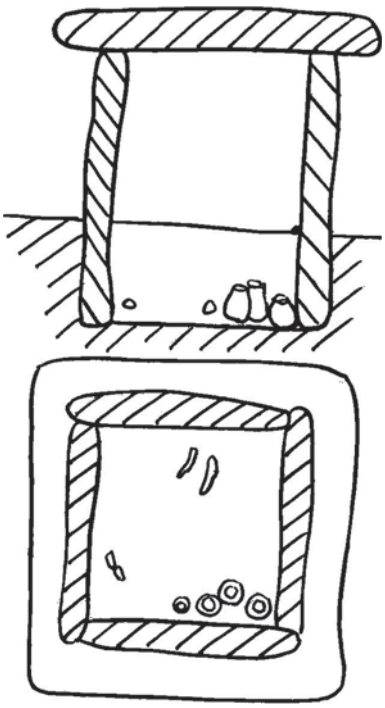


Рис. 47. Типичный дольмен эпохи поздней бронзы.

с 6 зубцами на верхней и нижней стороне найдены на памятниках типа Конгви (г. Канге провинции Чаган). Помимо дольменов для эпохи поздней бронзы, по-видимому, характерны также могильные сооружения из камней, скорее всего, близкие по типу каменным ящикам. Такие могилы встречаются на вершинах холмов рядом с поселениями. Однако сведения о них, как и о найденном в подобных захоронениях инвентаре, скудны и неопределенны (раковинные кучи Тэдэсана, Чангунсана, Санхенсана). Корейские археологи считают, что находки из таких захоронений представляют культуру типа Шуандацзы III Ляодунского полуострова.

Второй район локальной культуры эпохи поздней бронзы охватывает бассейн рек Тэдонгана и Черёнгана, главным образом территорию провинций Южная Пхёнан и Южная Хванхэ. Памятники, открытые здесь, относятся к культуре синхындон, для которой характерна керамика типа юлы. Наиболее известны среди них поселения (иногда с могильниками, расположенными рядом с ними), открытые в районе Синхындона (уезд Бенсан) и Симчхона (уезд Хванчжу) провинции Северная Хванхэ, Соккё уезда Ёнъён провинции Южная

Хванхэ, Кымтхан района Садон и Мудин района Екпхо г. Пхеньяна. На каждом из перечисленных поселений открыты жилища, в которых обнаружено большое количество разнообразного инвентаря. Изделия из бронзы, как и на северо-западе полуострова, немногочисленны: лишь в жилище № 8 поселения обнаружено долотцо и в жилище № 7 поселения Синхындона – обломки бляшек. Основную часть находок составляют каменные орудия: наконечники стрел, кинжалы, палицы, полулунные ножи, зернотерки, тесла, топоры, в том числе с уступом, а также своеобразные дисковидные изделия с отверстием в центре, которые корейские археологи определили как «каменные деньги».

Часть наконечников стрел имеют черешки и жальца, у других черешки отсутствуют. Большая часть наконечников стрел ромбовидные или линзовидные в сечении, но встречаются также отдельные экземпляры с шестигранным сечением (рис. 42, *26–28*). Длина некоторых наконечников достигает 13, ширина черешка 1 см. Такие изделия отличаются небрежностью обработки. Корейские археологи предполагают, что они могли использоваться как остроги при ловле рыбы. Каменные ножи и кинжалы изготовлялись с черешками, по краю которых наносились насечки для шнура, что способствовало лучшему совмещению клинка с рукояткой (рис. 42, *24, 25*) У кинжалов и ножей, найденных на поселении Канно уезда Чунхва провинции Южная Пхёнан, на черенках просверливались отверстия, следовательно, метод крепления их был иной. Поперечное сечение клинков линзовидное или ромбическое. Для кинжалов, найденных в Кымтхане и Канно, характерны, кроме того, желобки для стока крови, но такие изделия редки. У полулунных серпов из сланца обушки, как правило, прямые, а лезвия закруглены и заточены с одной стороны (рис. 44, *28*). У отдельных экземпляров слегка закруглены и обушки (рис. 44, *29*). Что касается рубящих орудий типа топоров, то в бассейнах рек Тэдонгана и Черёнгана преобладают узкие, уступчатые, прямоугольные в сечении инструменты (рис. 44, *27*). Луновидные топоры-палицы также многочисленны. У одного из них, найденного в Симчхоне, край по кругу зубчатый, в виде пилы (рис. 44, *25*). «Каменные деньги» представляют собой круглые диски шлифованного сланца. Диаметр их 30–40, толщина 2–3 см (рис. 44, *30*). Они довольно часто встречаются в жилищах. Просверленные в центре отверстия позволяли составлять из дисков целые связки таких «монет». В целом сланец в бассейнах рек Тэдонгана и Черёнгана стал основным материалом для разного рода изделий.

Керамика эпохи поздней бронзы бассейнов рек Тэдонгана и Черёнгана типологически чрезвычайно однообразна и проста. Среди посуды преобладают сосуды типа юлы – с широким округлым туловом и резко зауженной нижней частью, иногда с поддоном (рис. 45, *13, 14*). По краю венчика сосудов прилепливался валик, который рассекался редкими, со значительным наклоном насечками. Поверхность тулова сосудов коричневая с красноватым или желтым оттенком. Встречаются также серые с темным оттенком изделия. В керамическое тесто примешивался песок, а иногда и тальк. У отдельных сосудов слегка выделяется шейка.

Жилища культуры Синхындон по форме квадратные или прямоугольные. Глубина их котлованов не более 30 см, а отдельные постройки углублены на 10 см и выглядят по существу как наземные жилища. Некоторые из них отличаются небольшими размерами (20–25 м^2), но другие, продолговатые, по площади довольно обширны. Длина их 16 м, ширина 5 м. Судя по следам перегородок и наличию двух очагов, каждая из таких построек разделялась на две обособленные части. Пол в жилищах представляет собой слой хорошо утрамбованной и обожженной глины. Столбы каркаса пост-

роек устанавливались в специально вырытые ямки, располагавшиеся по окраине углубления-котлована, но иногда они закреплялись прямо на полу (жилища поселений Синхындон и Тхосон). Столбы устанавливались на расстоянии 10–20 см друг от друга. Конструкция очагов в постройках предельно проста: в полу для них выкапывалась ямка, которая, в отличие от очагов полуземлянок северо-запада Кореи, не обкладывалась камнями. При раскопках в Синхындоне и Мудине удалось установить, что стены домов сооружались из досок, которые затем обмазывались глиной. Крыша, очевидно, крылась соломой. Сгоревшие остатки ее обнаружены при раскопках одного из жилищ поселения Синхындон.

Погребальные сооружения эпохи поздней бронзы в долинах рек Тэдонгана и Черёнгана подразделяются на два вида: дольмены и каменные ящики. Первые из них сооружались из четырех крупных плит, перекрытых сверху пятой. К боковым плитам затем подсыпалась земля, которая скрывала их полностью. Снаружи оставалась лишь верхняя плита дольмена. Такого рода монументальные погребальные сооружения опустошались грабителями в глубокой древности, возможно, уже современниками их строителей. Из-за отсутствия в дольменах культурных остатков точная датировка их затруднительна. Однако по аналогии с дольменами северо-запада Кореи и Ляодунского полуострова можно с достаточной степенью уверенности говорить, что часть из них относится ко второй половине II тыс. до н. э. и, возможно, к началу I тыс. до н. э. Уверенность в справедливости и оправданности такого заключения увеличивается в свете находок в несколько необычных по типу дольменах, открытых и раскопанных недалеко от стоянки Симчхон уезда Хванчжу провинции Северная Хванхэ и около Чхондина (рис. 48). Каменные ящики в дольменах сооружались из плит, подпертых снаружи каменными глыбами. Сверху ящики перекрывались крупными плитами. В ящиках обнаружены кинжалы, изготовленные из сланца, и уступчатые топоры, типологически аналогичные такого же рода изделиям, найденным при раскопках поселений с керамикой типа юлы. Для пяти кинжалов, обнаруженных в дольменах Киндона и Чхондина, характерны короткие черенки и линзовидное поперечное сечение, а обломки двух уступчатых топоров сходны с такими же по типу орудиями поселений. Наконечники стрел из погребального инвентаря ромбические в поперечном сечении. Отдельные экземпляры их с черешками, но есть и с плечиками в основании. Особую ценность в этой связи представляет открытие в одном из погребений обломка сосуда типа юлы.

Погребальные сооружения в виде прямоугольных каменных ящиков обнаружены в долине р. Ындян уезда Ентхан провинции Северная Хамгён, в уезде Ганчен провинции Южная Хванхэ и около г. Саривона провинции Северная Хванхэ (рис. 49). В ящиках обнаружены обломок «каменной монеты», кинжалы, аналогичные найденным в дольмене Чхондина, раковины, бронзовые и шиферные наконечники стрел с плечиками у основания. Среди украшений упоминаются обнаруженные в Чхондине бусы из камня.

Памятники третьей локальной культуры эпохи поздней бронзы Кореи распространены в бассейне верхнего и среднего течения р. Амноккан. По мнению корейских археологов, культура этого района, которая называется конгви, включала в зону своего влияния и бассейн р. Сунгари. Среди поселений наиболее известны следующие памятники: Конгви, Симгви уезда Сидюн и Тхосон уезда Чунган. Для культуры конгви характерно обилие изготовленных из сланца полулунных ножей и серпов (рис. 44, *18–21*). Вариации из форм многочисленны: ножи с прямым обушком и округлым лезвием, с округлым обуш-

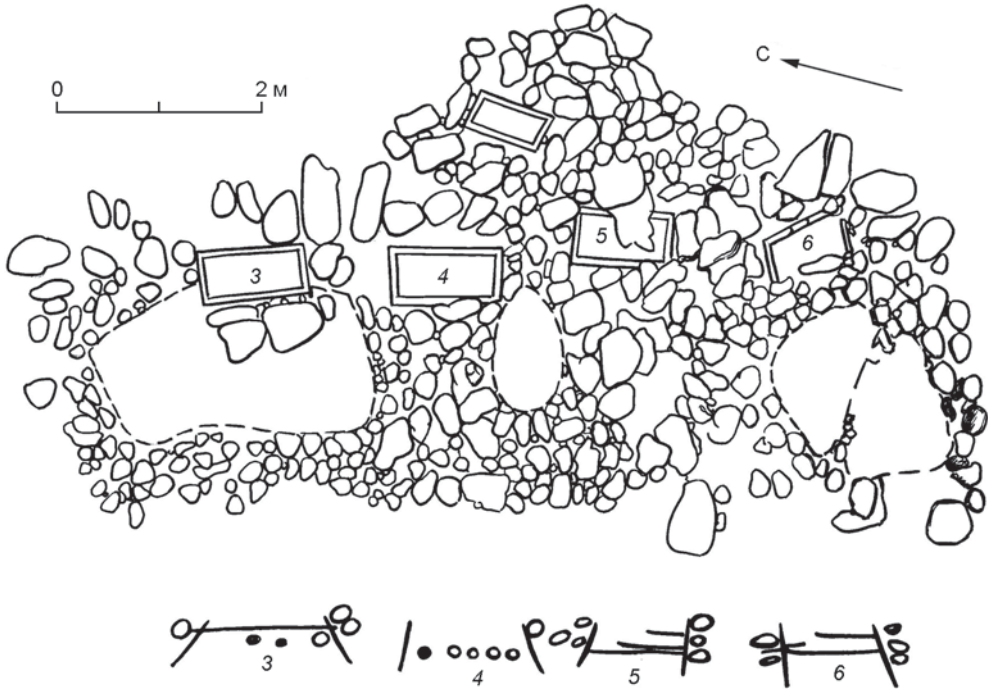


Рис. 48. Могильник с захоронениями в каменных ящиках эпохи поздней бронзы.

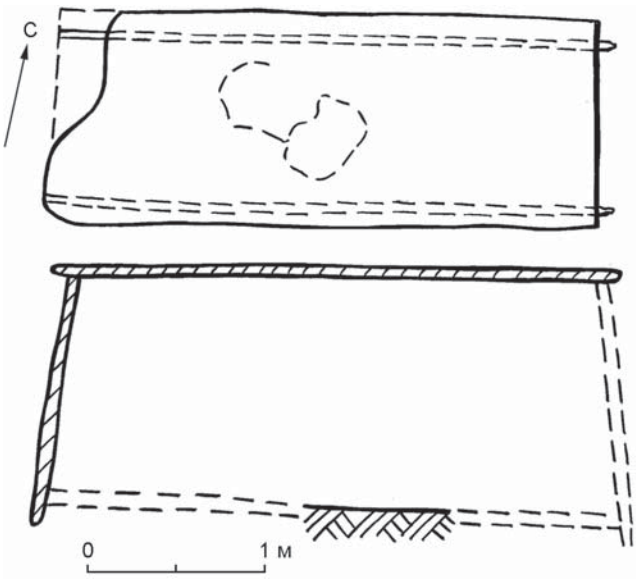


Рис. 49. Погребальные сооружения в виде каменных ящиков эпохи поздней бронзы.

ком и прямым лезвием, с округлыми обушком и лезвием, по форме близкие раковине, с двусторонним лезвием. Среди рубящих инструментов упоминаются клиновидные топоры и орудия такого же типа, но со скошенным или тупо заточенным лезвием (рис. 44, *14, 15*). В поперечном сечении они линзовидные и прямоугольные. В коллекциях наконечников стрел преобладают шлифованные из сланца (рис. 44, *31–36*). Одни из них с черешками, а другие – с вогнутым основанием и жальцами. В поперечном сечении наконечники стрел без черешков шестигранные, с жальцами – ромбовидные и шестигранные, с

черешками – ромбовидные, плоско-выпуклые, шестигранные и треугольные. Стрелы из обсидиана обиты. У этих наконечников выемчатые основания и треугольное поперечное сечение. У шлифованных луновидных топоров-палиц края ровные или зубчатые (рис. 44, *11–13*). Количество зубцов иногда достигает 10, а у некоторых массивных в поперечном сечении палиц оформлялись даже два ряда зубцов.

Керамические комплексы культуры конгви составляют главным образом крупные сосуды с ручками типа «ханари», близкие современным горшкам для воды «мультоньи» (рис. 45, *1, 2*), котловидные изделия «танди» с налепными выступами-рукоятками в средней части тулова (рис. 45, *3, 4*) и чаши. В тесто при изготовлении сосудов примешивались песок, слюда, а также, в редких случаях, тальк. Высота сосудов типа «ханари» достигает 50 см, диаметр шейки – около 10 см. Тулово сосуда расширяется от шейки до петлеобразных, вертикально закрепленных ручек, а затем резко сужается к плоскому донышку. У отдельных сосудов типа «ханари» дно очень узкое, сходное с донышками сосудов типа юла. У котловидных с плоским дном изделий типа «танди» отсутствует шейка. В средней части тулова у некоторых экземпляров прикреплялись горизонтально расположенные ушки, служившие ручками. Простейшие орнаментальные узоры наносились главным образом около горлышка (редкие ямки или прочерченные вертикальные черточки). Ниже венчика порой прикреплялся налепной валик. Глиняные пряслица подразделяются на плоские, конусовидные и трапециевидные в поперечном сечении.

Жилища, характерные для культуры конгви, – квадратные или прямоугольные. Они обычно располагаются группами на обращенных к солнцу склонах прибрежных возвышенностей. Котлованы для полуземлянок выкапывались на глубину 20–50 см. Длина построек достигала 5–10 м. Пол представлял собой плотно утрамбованный слой глины. Почти в центре жилой постройки, слегка сдвинутой к северной стенке, находилась очажная яма, обложенная по краю камнями. В жилищах поселения Конгви дно такой ямы, кроме того, выстилалось сланцевыми плитками. Опорные столбы каркаса построек или вкапывались в ямки, расположенные на равном расстоянии друг от друга вдоль четырех стен котлована, или ставились на специальные опорные камни – своего рода примитивные базы. Стены у домов были деревянными. Их затем обмазывали глиной. Двухскатная крыша крылась соломой. Что касается топографии поселений, то при раскопках в Конгви удалось зафиксировать любопытную особенность. Отдельные жилища этого памятника оказались связанными друг с другом канавой, своего рода «ходом сообщения» (рис. 50).

Погребальные сооружения, характерные для культуры конгви, представляют собой сделанные из плит каменные ящики. Конец погребальной камеры, где располагалась верхняя часть туловища умершего, делался более широким. Сопровождающий покойника инвентарь размещался в специальной пристройке к одной из боковых сторон каменного ящика (рис. 51). Погребения, как правило, оказывались разграбленными. Лишь в одной из могил, раскопанной рядом с поселением Конгви, удалось обнаружить яшмовидные бусы.

Четвертая локальная группа памятников эпохи поздней бронзы занимает территорию восточного побережья полуострова и бассейн р. Туманган. Они относятся к культуре Помый-Кусок II. Помимо верхних культурных горизонтов Сопхохана, описанных ранее, в круг памятников такого типа включаются Помый Кусок II уезда Мусан, Одон уезда Хварён, слой с остатками красноватой керамики Чходо, а также могильник Енгильсодян. Одна из примечательных особенностей культуры Помый Кусок II заключается в продолжении использования обсидиана для изготовления разного рода инстру-

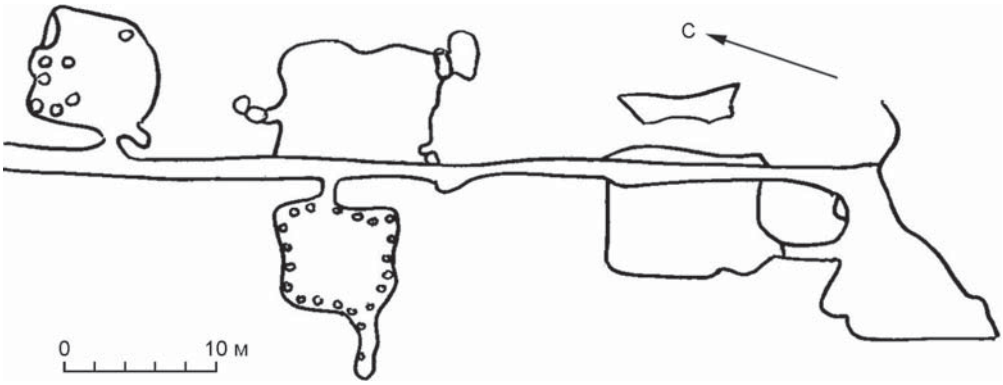


Рис. 50. План жилищ поселения Конгви.

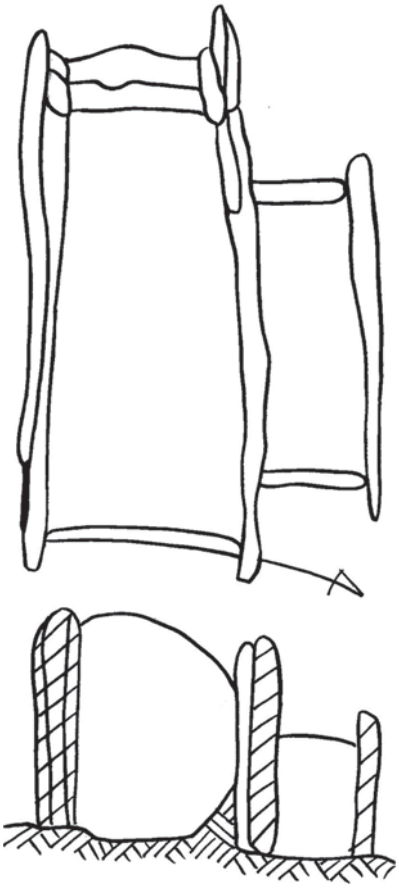


Рис. 51. Погребальные сооружения в виде каменного ящика культуры конгви.

ментов, в том числе ножей, проколок, скребков и наконечников стрел (рис. 42, *17–23, 41, 42*). Количество обитых и ретушированных каменных орудий явно сократилось по сравнению с эпохами неолита и ранней бронзы, однако эти инструменты все же продолжали использоваться, что свидетельствует о преемственности и устойчивости древних традиций. Изделия из обсидиана найдены, в частности, в жилищах № 1 и 2 Одона и в четырех жилищах поселения Помый Кусок II. Короткие треугольные наконечники из обсидиана с выемчатым основанием и жальцами сопровождаются почти такими же по форме шиферными шлифованными наконечниками (рис. 42, *43, 44*). К характерным для культуры изделиям следует отнести каменные или костяные длинные и узкие (в виде ивового листа) наконечники стрел с насадами или со срезанным основанием (рис. 42, *39, 40*). Возможно, такие инструменты использовались как острия острог. Наконечники копий из сланца не копируют по форме копья из обсидиана, датированные более ранним временем. Приостренные концы лезвий сланцевых наконечников копий расширяются до середины лезвия, а затем сужаются к насаду. У наконечников копий из Помого Куска II особо оформлялся черешок, к которому прикреплялось древко. К специфическим изделиям культуры Помый Кусок II можно отнести также длинные костяные прямоугольные пластины лат с просверленными по их краям отверстиями (рис. 42, *45, 46*).

Среди крупных шлифованных орудий многочисленны топоры трапециевидной формы, с широким скошенным лезвием (рис. 44, *9*). Они сменяются затем плоскими клиновидными топорами с прямоугольным поперечным сечением. В работе использовались также тесла и костяные долота (рис. 44, *10*).

Заметно увеличивается количество орудий, связанных с земледелием. При раскопках жилищ часто встречаются плечиковые и роговые мотыги, полулунные ножи и серпы, зернотерки и куранты. Примечательно широкое распространение серпов и ножей, которые ранее в ареале культуры Помый-Кусок II отмечались среди находок чрезвычайно редко. В эпоху поздней бронзы такого рода изделия характеризуются не только многочисленностью, но и многообразием форм. В плане они прямоугольные, полулунные, трапециевидные, лезвия у них округлые, а обушки прямые или круглые. Около обушка просверливались одно или два отверстия (рис. 44, *22–24*). Изредка изготовлялись ножи с двумя лезвиями. По очертаниям они напоминают раковину. Достаточно указать количество сельскохозяйственных орудий, найденных в пяти жилищах поселения Помый Кусок II, чтобы со всей ясностью представить роль земледелия в экономике восточных районов Корейского полуострова на этапе поздней бронзы: плечиковых мотыг – 2, полулунных ножей – 12, курантов – 11, зернотерок – 2, серпов – 1 экз. В жилище № 40 были представлены почти все орудия, связанные с сельскохозяйственным производством. Остатки просяной муки и зерна гаоляна, обнаруженные в жилищах, позволили установить виды злаковых, которые выращивались на полях обитателей поселков культуры Помый Кусок II.

Среди керамических изделий преобладают сосуды с красной лощеной поверхностью. На отдельных поселениях посуда расписывалась поверх красного фона незамысловатыми черными орнаментальными линиями (рис. 45, *12*). Тулово сосудов также украшалось налепными валиками и резными геометрическими линиями (рис. 45, *10*). Венчики у многих изделий отгибались наружу. Из дополнительных налепных деталей упоминаются ушки, располагавшиеся сразу же ниже венчика, и выступы в виде пеньков. Среди разнообразных форм сосудов преобладают кувшины «ханари» и обыкновенные горшки «танди», котелки, плошки. Появляются также чашки с поддонами, первые находки которых отмечены на поселениях востока полуострова (рис. 45, *11*). Помимо красной керамики встречаются изделия с коричневой поверхностью. Такая посуда тоже характеризуется разнообразием типов и форм. Сосудов, украшенных налепными валиками или орнаментальными линиями, очень мало.

Жилища культуры Помый Кусок II – прямоугольные или квадратные (рис. 52). Площадь их различна – 16–60 м^2, но у большинства жилищ – 30–40 м^2. Глубина котлованов полуземлянок 50–170 см. Очаг выкапывался в центре жилища. В жилищах отдельных памятников дно очажной ямы выстилалось плитками, а сама она оконтуривалась по краю камнями. Ямки для столбов располагались в 4 ряда: очевидно, опоры поддерживали более тяжелую конструкцию крыши, которая, возможно, обмазывалась глиной. На дно ямок для столбов, чтобы они не погружались в грунт, клались плитки.

Могилы культуры Помый Кусок II двух типов – грунтовые и в виде каменных ящиков. Устройство грунтовых могил, выкопанных в земле или раковинных кучах, ничем особенным не примечательно. Умершие находились в них в вытянутом положении на спине или слегка скорченными, с подогнутыми ногами (рис. 53). В каменных ящиках плитами выстилалось и дно. В таких камерах хоронили иногда несколько человек. Часто встречались своего рода семейные захоронения мужчины и женщины, а в одной могиле вместе со

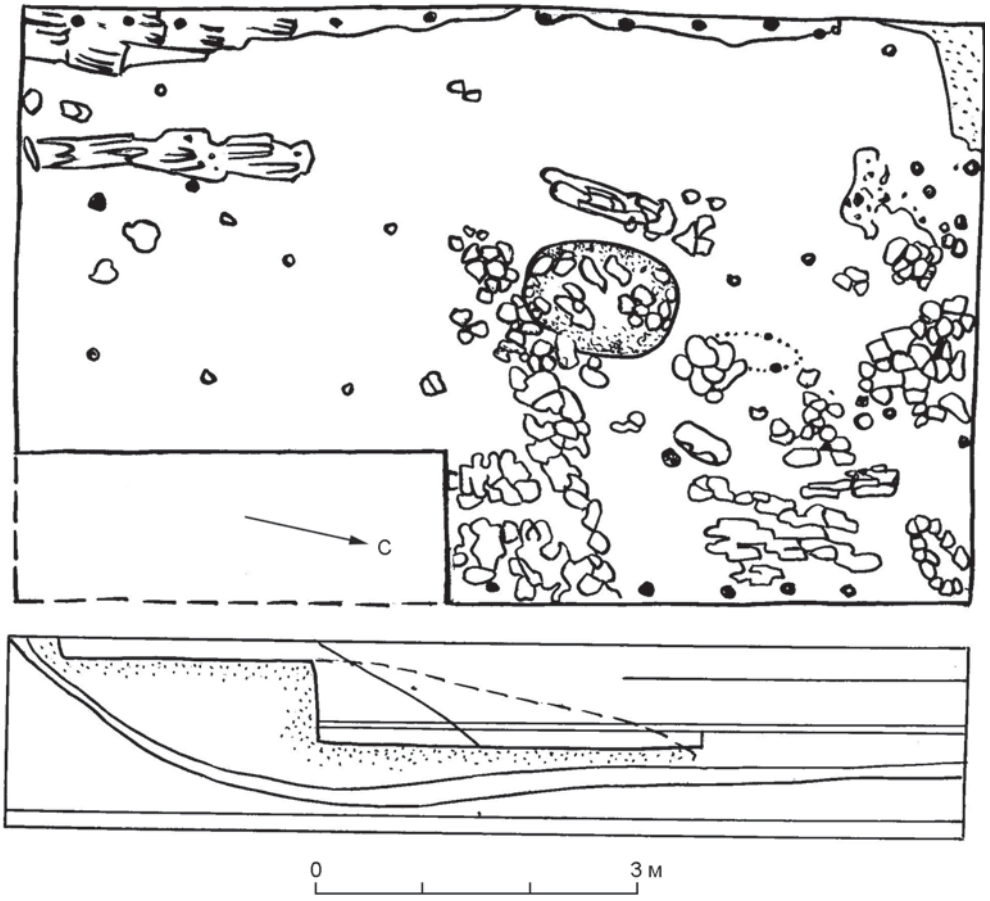


Рис. 52. Жилище культуры Помый Кусок II.

взрослыми лежал ребенок. Ящики порой перегораживались плитой. Удалось обнаружить «двухэтажные» гробницы – в них крышка нижнего ящика служила дном верхнего.

Итак, широкие в масштабах всей страны поиски и раскопки памятников эпохи неолита и бронзы, в ходе исследований которых получены богатейшие материалы, позволяют теперь пересмотреть ряд принципиальных по важности положений, связанных со сложившимися ранее идеями о характере, направленности и темпах эволюции ранних культур севера Корейского субконтинента, а также о связях с соседними культурами, прежде всего древней Маньчжурии, и об истинной роли и значимости их в семействе родственных культур дальневосточного региона. В этой связи достаточно сравнить представления 1950-х годов о культурах неолита и эпохи металла Кореи с современными, чтобы уяснить, насколько разительные произошли изменения[7]. Среди поселений, изученных археологами КНДР за последние два десятилетия, ключевое по значимости

[7] **Воробьев М. В.** Древняя Корея. – М., 1961; **Тен Бяк Ун.** Археологические материалы, раскрывающие происхождение культуры металла в Корее. – Пхеньян, 1957 (на кор. яз.).

Рис. 53. Погребение культуры Помый Кусок II.

место, несомненно, занимает многослойный памятник Сопхохан, который, как никогда ранее, дал возможность наглядно представить эволюцию культур неолита и бронзы Кореи на протяжении более трех тысячелетий. Коллекции керамических, каменных, костяных и роговых изделий из разных культурных горизонтов Сопхохана позволяют увереннее коррелировать и сопоставлять друг с другом памятники из других как прибрежных, так и внутриконтинентальных районов севера Корейского полуострова и примыкающих к ним областей юга древней Маньчжурии, а также, что особенно важно, начать работу по выявлению и определению границ локальных культурных провинций эпох неолита и бронзы Кореи. Именно поэтому, помимо ряда других причин, в статье уделено особо пристальное внимание материалам, полученным при раскопках Сопхохана.

Поистине неоценимы по значимости культурные комплексы и связанные с ними находки, обнаруженные в самом нижнем из культурных горизонтов Сопхохана. Важность их не ограничивается локальной корейской проблематикой, поскольку, если оправдывается датировка жилища № 9 и участка № 1 Сопхохана I началом IV тыс. до н. э., они станут самыми ранними из дальневосточных неолитических комплексов. Ведь на территории древней Маньчжурии, Приамурья и Приморья пока не удалось обнаружить поселения эпохи неолита, столь глубокие по возрасту, следовательно, лишь Сопхохан I отчасти позволяет представить, какого характера находки следует ожидать в этом районе востока Азии. В то же время выявление на Дальнем Востоке культурного пласта, восходящего корнями к V тыс. до н. э., вызывает особый интерес и потому, что теперь окончательно не остается сколько-нибудь серьезных сомнений в синхронности неолита северной окраины Восточной Азии и ее центральных районов, расположенных в пределах лёссового плато Хуанхэ, где с V–IV тыс. до н. э. процветала земледельческая культура крашеной керамики – *яншао*. Все это предопределяет интерес к начальной стадии корейской неолитической культуры и ее специфическим особенностям.

Архаизм культуры Сопхохана I по сравнению с известными ранее стадиями неолита Кореи бесспорен. Справедливость такого вывода подтверждается сравнительной простотой форм сосудов, у которых не наблюдается резкой грани между стенками и донышком, предельной немногочисленностью вариаций типов изделий из керамики, несовершенством отделки поверхности горшков (отсутствие полирования), неравномерностью и слабостью их обжига, а также скудностью и простотой орнаментальных композиций, покрывающих в большинстве случаев верхнюю часть сосудов. Невысокий

для неолита уровень техники обработки каменных изделий становится очевидным хотя бы в свете того факта, что в Сопхохане I не удалось обнаружить ни одного шлифованного со всех сторон и граней орудия. Шлифовка, как правило, ограничивалась кромкой рабочего лезвия, что свидетельствует об одной из начальных стадий использования техники шлифования каменных инструментов. Сравнительно архаической оставалась также техника обивки, во многом напоминающая палеолитическую. Недаром скребки и ножи из роговика и диорита оказались в общем близкими изделиям донеолитических эпох. То же, впрочем, можно сказать, анализируя типологию и особенности обработки костяных и роговых наконечников копий. О начальной стадии культуры неолита нижнего горизонта Сопхохана свидетельствует и необычайно огромное жилище с многочисленными очагами, несомненно, предназначенное для большого коллектива людей, очевидно, объединенных в несколько родственных семей. Полуземлянка № 9 отражает архаическую для неолита востока Азии стадию общественного развития, когда жилье строилось не для отдельных семей, что наблюдается позже, а, возможно, для целого рода.

Однако за чертами определенного примитивизма явственно проступают на удивление прогрессивные для раннего неолита особенности культуры памятника Сопхохан. От неолита большей части пустынной и степной зон Центральной и Восточной Азии, а также горно-таежных областей юга Сибири с их стоянками бродячих охотников и рыболовов, культура поселения Сопхохана I отличается прежде всего оседлостью его обитателей. Обширные по площади, углубленные на 1 м полуземлянки, достаточно сложные по конструкции, сооружались не на сезон, связанный с охотой или рыбной ловлей, а на длительный срок, во всяком случае на несколько лет, а вероятнее всего – на ряд десятилетий. Жилища эти отличались относительно строгой правильностью очертаний, обилием очагов, дифференцированных по назначению, и весьма специфически отделанным полом, когда замешанная с мелкими гальками глина утрамбовывалась, а затем обжигалась для большей прочности. Таким образом, уже на ранней стадии неолита возникают характерные строительные приемы и традиции.

Вторая, не менее впечатляющая, особенность Сопхохана I – ярко выраженная многоотраслевая направленность хозяйства культуры раннего неолита Кореи. Среди форм экономики этого времени наиболее неожиданная и замечательная – земледелие, очевидно, зафиксированное на одной из ранних стадий становления. Правда, комплекс инструментов, подтверждающих такое заключение, представлен, по существу, лишь одними, хотя и чрезвычайно важными орудиями – мотыгами характерных форм. Однако поскольку действительно в последующее время землю для посева злаковых обрабатывали именно такими орудиями из камня, исключительный по важности вывод о том, что земледелие как особая отрасль хозяйствования появляется на самой ранней из известных стадий неолита Кореи, выглядит достаточно убедительным. Кроме того, сами по себе отдельные особенности устройства жилищ Сопхохана I, в частности вымазанные глиной участки пола, раскрывают детали быта, присущие скорее земледельцам, чем охотникам и рыболовам. Но, насколько позволяют судить фаунистические остатки, обитатели полуземлянок нижнего культурного горизонта поселения не ограничивали свою хозяйственно-промысловую деятельность обработкой земли и, разумеется, собирательством. Помимо охоты на оленей, кабанов и барсуков, которая, кстати, велась, по-видимому, с помощью собаки, не в меньшей мере, чем земледелие, удивительны, учитывая ранний возраст памятника, морской зверобойный промысел и рыболовство в прибрежных морских водах. Костные остатки морских животных – тюленя и кита, а также скопления в кухон-

ных отбросах большого количества раковин крупных моллюсков подтверждают мысль о выходе в море обитателей жилищ Сопхохана I. Весомость заключения о земледелии, рыболовстве в прибрежных водах, а также в особенности о морском зверобойном промысле как важнейших хозяйственных отраслях раннего неолита Кореи исключительно велика. В случае подтверждения правильности датировки Сопхохана I возникнет необходимость фиксации на неолитической карте культурно-хозяйственных зон Восточной Азии нового, неведомого ранее очага древнейшего земледелия. Множественность таких центров производящего хозяйства на крайнем востоке Азиатского континента, с одной стороны, усложнит проблему истоков, становления и эволюции земледелия в этой части Старого Света, а с другой – в ином свете представит роль единственного до недавнего времени земледельческого очага неолита Восточной Азии, приуроченного к бассейну среднего течения Хуанхэ. В частности, не столь очевидным станет значение яншао как определяющего и уникального на востоке Азии центра земледельческой культуры эпохи неолита, под влиянием которого, как считалось до недавнего времени, происходила коренная перестройка хозяйства неолитических племен Внутренней Монголии, юга древней Маньчжурии, Кореи и даже Японии. Разумеется, такая сложная проблема заслуживает особого анализа, который должен вестись с учетом материалов по земледелию каменного века в пределах основных культурно-этнических районов Дальнего Востока. Но что касается Кореи, то уже сейчас с появлением новых фактов ясно, насколько велико должно быть значение ее культур в сложном процессе перехода к земледелию тех групп дальневосточного населения, которые ранее довольствовались ведением присваивающего хозяйства. С этой точки зрения значение материалов из нижнего культурного горизонта поселения Сопхохан трудно переоценить, ибо, как выясняется, истоки корейского земледелия восходят по крайней мере к началу IV тыс. до н. э. Не меньший интерес вызывают материалы, подтверждающие начало включения моря в орбиту хозяйственного освоения ранненеолитическими жителями прибрежных районов северо-востока Корейского полуострова. Костные остатки тюленей и кита, крупные раковины моллюсков, гарпуны и остроги, которые, возможно, использовались в ходе добычи морских продуктов питания, со всей определенностью свидетельствуют о том, что в приморских областях Кореи в конце V – начале IV тыс. до н. э. началась хозяйственно-производственная адаптация и целенаправленная ориентация на морской промысел. Он составлял одну и на первых порах, возможно, далеко не самую главную сторону хозяйствования прибрежного населения полуострова. Тем не менее, это было начало процесса, который позже и в иных местах Дальнего Востока и крайнего северо-востока Азии привел к появлению культур, специализирующихся на морском промысле. Речь, в частности, идет об охотской культуре, памятники которой широко распространены на Сахалине и Хоккайдо. В решении вопросов генезиса охотской культуры много дискуссионного вследствие того, что ее истоки остаются загадочными. В местах средоточия поселений охотского типа не известны более ранние памятники, культуру которых можно было бы принять за подоснову специфического хозяйственно-производственного комплекса «охотских» зверобоев и рыболовов. Вот почему в концепциях о происхождении охотской культуры преобладают миграционные мотивы: корни ее искали то на севере Азии, в районах Сибири, примыкающих к Берингову и Охотскому морям, на востоке, в зоне Курил и Камчатки, то, напротив, на юге, в приморских областях русского Дальнего Востока и даже южнее. Между тем открытия в Сопхохане позволяют предполагать иные пути решения проблемы охотской культуры. Речь идет отнюдь не о том,

чтобы объявить о новом возможном центре ее происхождения, хотя, разумеется, в связи с новыми находками роль прибрежных зон юга Дальнего Востока снова привлечет к себе пристальное внимание. Гораздо важнее подчеркнуть иное: истоки адаптации к морю, как показывают результаты раскопок в Сопхохане, несравненно более глубоки по времени, чем предполагалось ранее. Поэтому следует, не увлекаясь вычерчиванием новых миграционных маршрутов, приложить максимум усилий на поиски в зонах распространения поселений охотской культуры неолитических памятников, раскопки которых, возможно, как раз и позволят получить окончательный ответ на вопросы, связанные с анализом процесса становления культур, ориентированных по экономике на море.

Последнее, но чрезвычайно важное обстоятельство, на которое необходимо обратить особое внимание в связи с характером находок в нижнем горизонте Сопхохана, заключается в том, что ряд основополагающих особенностей материальной культуры корейского неолита формируется уже на самой ранней из выявленных его стадий. В первую очередь заслуживают внимания типология керамики и характер орнаментации ее, поскольку то и другое определяет самое значительное в культуре – ее этнос. Сосуды Сопхохана I могут считаться исходными для глиняной посуды разных типов последующих этапов неолита Кореи. Из них «вырастают» затем столь примечательные для корейского неолита усеченно-конические сосуды и горшки с плавно округлым туловом. Не менее примечательно также то, что поверхность глиняных изделий в Сопхохане I украшалась оттисками гребенки, поскольку различные вариации вдавленного гребенчатого орнамента для неолита Кореи – одна из специфических черт. Недаром гребенчатые узоры господствуют в орнаментике керамики по существу во всех горизонтах, открытых при раскопках в Сопхохане. Те же древние традиции прослеживаются и в изготовлении орудий из камня, кости и рога: мотыги, наконечники копий, гарпуны, остроги, костяные острия, найденные в более поздних горизонтах, в большинстве своем восходят по типологии к соответствующим изделиям нижнего культурного слоя Сопхохана. Местные корни корейского неолита и ярко выраженная преемственность в культурных традициях, которые отчетливо прослеживаются на ряде этапов его развития, не подлежат сомнению. Неолитическая культура Кореи, возникла, несомненно, на местной почве и на протяжении нескольких тысячелетий, вплоть до эпохи бронзы, сохраняла свою специфику. К сожалению, отсутствие среди открытых местонахождений каменного века мезолитических памятников пока не позволяет представить детали процесса генезиса неолита Кореи, но вопрос этот остается открытым для большинства неолитических культурных районов Северной, Центральной и Восточной Азии.

Значительно полнее предстает характер культуры заключительного этапа раннего неолита Кореи. Комплексы, вскрытые в Кунсане I и Цитхабе, при сравнении с жилищами и находками в них поселения Сопхохан II позволяют с достаточной определенностью поставить вопрос о локальных подразделениях в неолитической культуре полуострова. По-видимому, от самого раннего периода очередной этап отделяется сравнительно большим промежутком времени, поскольку в культуре отмечаются разительные перемены. Достаточно упомянуть хотя бы то обстоятельство, что огромные вытянуто-овальные жилые постройки более не встречаются. На смену им появляются небольшие, в большинстве случаев округлые полуземлянки, в которых жили отдельные, немногочисленные по составу семьи. Однако к тому же времени относятся и жилища подквадратные или подпрямоугольные, с плавно закругленными углами, и даже квадратные постройки, которые характерны преимущественно для последующих периодов неолита.

В жилищах отчетливо прослеживаются ямки от столбов, позволяющие реконструировать каркас построек. Интересно, что на дно ямок для устойчивости опор насыпалась галька. У входа в полуземлянки начали сооружать нечто вроде порога, а внутри жилищ помимо очага появляются хозяйственные ямы, в которых хранились индивидуальные для каждой семьи запасы пищи. Пол полуземлянок, как и ранее, покрывался утрамбованной и обожженной глиной, в которую стали подмешивать толченые раковины. Однако глиной обмазывают теперь не только пол, но также стены котлована и крышу. Налицо, таким образом, коренные изменения в архитектуре жилья, вызванные существенной перестройкой общественной структуры, в частности, распадом «больших семей». Вытянутые в ряд по одной линии полуземлянки Сопхохана II принадлежали, очевидно, одному роду, который состоял из нескольких «малых семей». Поселки в таком случае, в зависимости от их размеров и количества рядов полуземлянок, могли быть родовыми или родоплеменными.

В инструментарии, обслуживающем хозяйство, и в керамике тоже бросаются в глаза примечательные изменения – свидетельство очевидного прогресса культуры финала раннего неолита. Прежде всего, обращает на себя внимание широкое применение техники шлифования: среди комплексов каменных изделий появляются топоры, тесла и мотыги, полностью или частично обработанные шлифовкой. Кроме того, наряду с обработанными отжимной ретушью наконечниками стрел и копий впервые в большом количестве появляются типологически разнообразные орудия того же назначения, но оформленные с помощью шлифования из мягких пород камня, главным образом из сланца. Земледелие остается той отраслью хозяйствования, которому уделяется, по-видимому, большое внимание. Во всяком случае, уже на финальной стадии раннего неолита не только заметно усовершенствовались инструменты, с помощью которых велась обработка земли и вообще земляные работы, связанные с постройками жилищ и других хозяйственных комплексов, но появились и такие замечательные изделия, как зернотерки и куранты, которые без каких-либо сомнений подтверждают упрочение позиций земледелия в экономике неолитических племен Кореи как одного из главных направлений хозяйствования. Такой вывод особенно справедлив в отношении локальных культур глубинных районов полуострова, где охотничий промысел и, конечно, в первую очередь рыболовство не могли играть столь весомой роли, как в прибрежных зонах. Не случайно зернотерки в раннем неолите зафиксированы лишь при раскопках поселений Кунсан I и Цитхаб. Отсюда можно сделать вывод, что хозяйственная специализация, определяемая особенностями природного окружения отдельных областей, возникла и закрепилась уже на ранней стадии неолита Кореи. Если земледелие прогрессировало более стремительно в районах, отдаленных от моря, то на побережье, судя по находкам в жилищах Сопхохана II, в значительной мере усовершенствовались охота, рыболовство и морской промысел, что находит, в частности, отражение в расширении и улучшении инструментов из кости и рога. Достаточно в этой связи рассмотреть наборы наконечников стрел, дротиков и копии, разного рода острий и кинжалов, чтобы убедиться в справедливости такого заключения.

Общий прогресс не мог не найти отражения в изготовлении керамики. Качество ее повысилось уже оттого, что в тесто помимо песка стали примешивать слюду, тальк, асбест и измельченные раковины, причем в отдельных локальных районах неолитических культур возникали свои традиции подготовки керамического теста и разрабатывались специфические рецепты его состава. Бросается в глаза резкое увеличение количества

типов сосудов: появляются чашки, котелки, кружки и «стаканы». Поверхности изделий стали заглаживать и полировать специальными инструментами. Нельзя не обратить внимания и на новые характерные детали в конфигурации сосудов: стенки во многих случаях изгибом отделяются от дна, появляются отогнутые наружу венчики. В керамическом производстве Сопхохана II зародилась новая традиция: изготовлять неорнаментированные красно-коричневые сосуды из глины. Не меньший интерес вызывают также отмеченные корейскими археологами своеобразные технические приемы, которые применяли гончары при формовке посуды. Если в Сопхохане II горшки «выколачивали», то в Кунсане I и Цитхабе применяется ленточный способ и «метод лепки». Отмеченные особенности подкрепляют вывод об усиливающейся уже на стадии поздней поры раннего неолита Кореи тенденции формирования локальных вариантов в целом единой по определяющим особенностям культуры. Оправданность такой мысли в наиболее яркой форме подтверждается спецификой типологии керамики и композиции сосудов Сопхохана II, с одной стороны, посуды Кунсана I и Цитхаба – с другой.

Культура Кореи первой половины III тыс. до н. э. относится к начальной стадии развитого неолита. Он характеризуется заметными изменениями как в сфере материальной и духовной культуры, так и экономики, что удается отчетливо зафиксировать благодаря увеличению числа открытых и раскопанных памятников. В этот период полностью исчезают округлые полуземлянки, а вместо них на поселениях сооружают лишь квадратные или подпрямоугольные жилища с характерным образом закругленными углами. Кровля построек, как и ранее, поддерживалась с помощью столбов, вкопанных вдоль края котлованов, но прочность и устойчивость опорного каркаса обеспечиваются еще (помимо окончательно закрепившегося приема размещать на дне ямок камни и кости) дополнительными подпорками главных отдельных столбов. Отмечаются также случаи, когда дополнительные столбы ставились между основными рядами. Интерес представляет также отмеченное в отдельных полуземлянках увеличение толщины глиняного слоя с примесью раковин – пола жилища, утрамбованного и обожженного. Все эти примечательные конструктивные изменения свидетельствуют о продолжающейся эволюции строительных приемов, призванных улучшить планировку жилых построек и сделать их более надежными и удобными. Планировка поселков остается прежней: дома сооружались друг около друга отдельными рядами. Особого упоминания заслуживают лишь впервые зафиксированные постройки, которые находились, очевидно, в общем владении родоплеменного коллектива. В таких полуземлянках хранился производственный инвентарь и хозяйственные припасы.

В инструментарии многоотраслевого хозяйства развитого неолита Кореи также происходят крупные изменения. Техника обработки камня продолжала совершенствоваться и исключительно высокого уровня достигла в начале III тыс. до н. э., что было особенно впечатляющим, поскольку в качестве сырья для орудий стал применяться такой превосходный материал, как обсидиан. Не случайно поэтому первые вкладышевые инструменты появляются именно в то время. Типология каменных орудий, предназначенных для охотничьего хозяйства, отличается значительным разнообразием, что свидетельствует, с одной стороны, о продолжающемся поиске новых и наиболее рациональных форм инструментов, а с другой – о специализации отдельных промыслов. Если, однако, попытаться выделить самое существенное в экономике неолита Кореи начала III тыс. до н. э., то, судя по увеличению количества и усовершенствованию форм каменных орудий для обработки пашни, земледелие окончательно превратилось

в ту базу, которая стала уверенно обеспечивать общий прогресс культуры. Достаточно сказать, что именно на этапе существования поселения Сопхохан III на северо-востоке Кореи, в крае относительно суровом, появляются первые зернотерки и куранты. Увеличивается размер мотыг, отмечается общая тщательность их отделки; в типологии таких орудий становятся заметными весьма примечательные черты изменений, которые приводят затем к появлению мотыг классических форм. Замечательно также то, что расширяется сам набор орудий, предназначенных для земледелия. Так, в Сопхохане III впервые были обнаружены так называемые «каменные лопаты» с острым лезвием. Они, по-видимому, в значительной мере повышали качество и темпы возделывания поля. Но, пожалуй, ничто не может по значимости сравниться с фактом появления среди земледельческих орудий внутренних районов Кореи жатвенных серпов и каменных наконечников плугов. Последние, без сомнения, знаменуют собой подлинную революцию в способах обработки земли, что ставило производящее хозяйство в экономической системе неолита Кореи вне какой-либо конкуренции. Чумиза и курмак, известные по находкам злаковые, выращивались на пашнях, становясь для населения самым надежным источником питания. Если рассматривать примечательные перемены в экономике и изменение значимости ее отдельных направлений, нельзя не обратить внимания на то, что именно в период резких сдвигов в уровне земледельческого хозяйства в неолите Кореи отмечаются факты, свидетельствующие о зарождении и развитии не менее важной отрасли производства – животноводства. Помимо собак, количество костных остатков которых (в частности, черепов), а также целых скелетов заметно возрастает по сравнению с предшествующим этапом неолита, среди одомашненных животных впервые появляются, по-видимому, свиньи, о чем свидетельствуют их скульптурные изображения. Трудно сказать, насколько верна интерпретация скульптурной головки жеребенка, но если корейские археологи правы в оценке этой находки, то не говорит ли она о появлении у неолитического населения Кореи одомашненной лошади? Утверждать подобное категорически невозможно, учитывая уникальность скульптуры, но столь же трудно отвергать постановку такой проблемы. Не исключено, что разгадка ее – в связях племен полуострова с населением степной зоны юга древней Маньчжурии и Внутренней Монголии, где в тот же период неолита появляется ряд определяющих элементов культуры каменного века Кореи, в частности, лемехи плугов, мотыги, каменные лопаты, а главное – та же, в сущности, керамика.

Для начальной стадии развитого неолита, кстати, характерны настолько значительные изменения в типологии и стиле орнаментации посуды, что образцы ее могут служить надежным хронологическим критерием при определении возраста памятников и отдельных культурных комплексов. Прежде всего, следует отметить усовершенствование техники производства керамических изделий. Помимо лепки и ленточного способа при изготовлении сосудов стал, очевидно, применяться поворотный круг, улучшился обжиг, воздействие огня на отдельные участки тулова глиняных изделий стало заметнее равномерным, а цвет сосудов из-за этого более ровным. Стенки сосудов сделались значительно тоньше, чаще начало применяться лощение их поверхностей. Обращает на себя внимание появление у сосудов слегка приподнятого дна, четко выделенной шейки и даже ручек. Многие формы керамических изделий – результат эволюции установившихся ранее разновидностей, и не удивительно, что на поверхности сосудов по-прежнему господствуют гребенчатые, елочные и пунктирно-точечные узоры. Вместе с тем среди орнаментальных композиций отчетливее просматриваются геометрические фигуры

вроде треугольников, ромбов и квадратов. Однако наиболее характерны и специфичны для начального этапа развитого неолита Кореи сосуды с округлым туловом, особо выделенной шейкой и отогнутым венчиком. Именно они украшались принципиально новым видом орнамента, в состав которого входили криволинейные и спиралевидные узоры. Криволинейные мотивы характерны также для пунктирно-волнистых орнаментальных композиций, образующих узор в виде перевитого шнура. Таким образом, начальной стадии развитого неолита Кореи присуще существование нескольких вариаций орнаментики сосудов и отдельных предметов искусства. Семантика орнамента остается в большинстве случаев загадочной, однако криволинейные мотивы, возможно, удастся связать в будущем с земледельческими культами. Ведь недаром спиралевидные узоры появляются на новых по типу сосудах как раз в тот период, когда земледелие становится ведущей отраслью хозяйства неолитических обитателей Кореи. Богатство и разнообразие орнаментики, по-видимому, является отражением усиливающейся дифференциации и локализации отдельных культурных районов в неолите субконтинента. Важно, однако, при этом иметь в виду, что, судя по созвучности разных орнаментальных мотивов в одном керамическом комплексе, процесс локализации происходил одновременно с усилением связей между обособившимися культурными областями. Следовательно, неолит Кореи, как некое целое, продолжал сохранять глубинное единство, обусловленное общей подосновой и прочностью определенных традиций.

Последнее, на что следует обратить внимание в связи с анализом новых элементов в культуре начальной стадии раннего неолита, касается открытия при раскопках поселений разного рода фигурок животных, а также специфически оформленных изделий из кости, которые, возможно, представляют собой схематические скульптурные изображения женщин. Эти находки приоткрывают завесу относительно культов, связанных с тотемизмом и идеями о множественности миров, так же, как позволяют предполагать становление культа матери-прародительницы и хозяйки-хранительницы очага. Не исключено, что появление женских скульптур связано с усиливающейся ролью в экономике земледелия. Именно оно вызвало развитие культа плодородия, Земли и небесных стихий.

К финальной стадии развитого неолита в основном завершается эволюция жилищ полуземляночного типа. Они во вторую половину III – в начале II тыс. до н. э. приобретают строго правильные геометрические очертания: котлованы теперь выкапываются квадратные или прямоугольные, с прямыми, а не закругленными, как ранее, углами. Крышу поддерживали не только ряды столбов, вкопанных по краю, но также один или два ряда столбов, которые устанавливались в центральной части постройки. Заслуживают упоминания признаки того, что, возможно, жилая площадь полуподземного дома, судя по характеру находок, стала подразделяться на женскую и мужскую половины.

Земледелие в конце неолита, по-видимому, продолжало доминировать в экономике, хотя несколько странным представляется внезапное исчезновение среди находок главного земледельческого орудия предшествующей стадии культуры – каменного лемеха для плуга. Не исключено, однако, что его заменили деревянным лемехом, возможно, более практичным и требующим меньших усилий для изготовления. Значимость земледелия подтверждает изобилие мотыг, среди которых впервые появляются новые типологические разновидности – с выемками по сторонам и так называемые плечиковые, с широким сечковидным лезвием и узкой рукояткой, отчетливо отделенной от полукруглого или прямого рабочего края уступами. Мысль о значимости земледелия в экономике

подкрепляют находки первых жатвенных ножей полулунной, а затем и прямоугольной формы, изготовленных из сланца и раковин. Зерно по-прежнему растиралось на зернотерках с помощью курантов, многочисленных на поселениях. И все же, при всей очевидности факта важности занятия земледелием, трудно отделаться от впечатления, что возможности увеличения его продуктивности в условиях технической вооруженности каменного века почти исчерпали себя. Поэтому, очевидно, не случайно в конце неолита становится заметным увеличение разнообразия орудий, связанных с рыболовством и морским промыслом в прибрежных районах Кореи (новые типы гарпунов, рыболовные крючки составного типа) и предельное усовершенствование охотничьего снаряжения во внутриконтинентальных областях полуострова. Необычайно широкое использование обсидиана позволило довести технику обработки камня до невиданного ранее совершенства. Достаточно взглянуть на типологически разнообразные наконечники стрел, изящно выструганные плоскости наконечников копий и ножей, чтобы убедиться в справедливости заключения. Обилие ножевидных пластин, отличающихся строгой правильностью и совершенством отделки, свидетельствует о том же. Появление на предшествующем этапе развитого неолита своеобразных сосудов, украшенных новым по стилю спиралевидным орнаментом, кажется, не допускало возможности очередной резкой смены в узорах. Тем не менее, такое явление произошло. Спирали в орнаментике на финальной стадии неолита исчезли или, как считают корейские археологи, трансформировались, превратившись в характерные меандровые узоры. Действительно, речь не должна в данном случае идти о коренном нарушении традиций, поскольку меандровая орнаментика оказывается связанной в основном с теми же по типу сосудами, которые ранее украшались спиралями. Состав теста посуды, сам по себе способ нанесения узоров и тщательность обработки поверхности изделий подтверждают такой вывод. О том, что неолит Кореи как особая культурно-этническая общность продолжал развиваться в русле давно определившихся тенденций и традиций, едва ли подверженных определяющим влияниям со стороны, свидетельствует устойчивость многих появившихся ранее керамических форм и украшающих такую посуду орнаментов вроде гребенчатых оттисков и разнообразных по вариациям елочных узоров. Поэтому впечатляющие перемены в орнаментике, столь резко отделяющие одну стадию неолита от другой, можно расценивать как показатель мобильности и гибкости культуры, ее жизненности и силы. Кстати, изменения в узорах на керамике позднего неолита не ограничиваются сменой криволинейных мотивов на меандровые. Ведь столь же примечательно пристрастие гончаров финальной стадии неолита к украшению посуды треугольными и прямоугольными фигурами, а также композициями, напоминающими плетенку. Вместе с таким очевидным расцветом разнообразной по вариациям прямолинейно-геометрической орнаментики в период, когда неолитическая культура достигла возможного максимума в своем развитии, появляются первые признаки примечательных изменений, которые приводят затем к вступлению древних обитателей Кореи в эпоху металла. Так, часть керамики Сопхохана V становится более простой, а украшающие ее узоры – менее сложными, уменьшается площадь орнаментированной поверхности сосудов. У венчиков неорнаментированной посуды появляются первые налепные валики, столь обычные для керамики эпохи бронзы Кореи. О близости этапа, на котором стали применяться металлические орудия, свидетельствуют также образцы крашеной керамики, топоры со своеобразно скошенными лезвиями и мотыги с выемками по сторонам. Все это считается характерным для культуры, датированной II тыс. до н. э.

Выявление памятников, которые следует отнести к эпохе бронзы, – одно из значительных достижений корейской археологической науки, поскольку до недавнего времени считалось, что каменный век на Дальнем Востоке из-за отсталости и периферийности района продолжался чуть ли не до рубежа нашей эры. Сейчас, когда определились главные черты культуры II тыс. до н. э., стало понятным, что явилось причиной ошибочности такой точки зрения. В заблуждение исследователей вводило, прежде всего, широкое использование каменных орудий почти до середины I тыс. до н. э., что создавало, при поверхностном рассмотрении материалов, реальное впечатление необычайно долгого переживания традиций каменного века, как будто давно изжитых в соседних районах Восточной Азии. В действительности же речь может идти лишь о сохранении в культуре Кореи II тыс. до н. э. определенного ряда традиций, живого наследия предшествующих эпох, а отнюдь не о культурной отсталости и примитивизме. Последнее тем более окажется несправедливым и неоправданным, если припомнить, что каменные изделия в той же по существу мере, как и в Корее, оказываются характерными для культур ранней бронзы не только степной зоны Центральной Азии, но также и для древнейшей на востоке Азии цивилизации, зародившейся в бассейне среднего течения Хуанхэ. В свете известного теперь о неолите Кореи после раскопок многослойного поселения Сопхохан, а также в результате исследований нескольких ключевых по значению памятников в центральных районах полуострова становится очевидной оправданность заключений корейских археологов о том, что древнее население их страны не миновало эпохи бронзы.

Вместе с тем не следует закрывать глаза на сложности, которые предстоит еще преодолеть в будущем при дискуссиях о культурах ранней бронзы Кореи. Наибольшие трудности заключаются в том, что пока в материалах раскопок памятников II тыс. до н. э. чрезвычайно редко попадаются изделия из металла, а заключения о знакомстве с ним обитателей поселений приходится делать с помощью косвенных доводов, главным образом исходя из анализа типологии все тех же каменных орудий – кинжалов, наконечников копий и ножей из сланца и обсидиана, порой определенно копирующих их металлические прототипы. Не меньшее препятствие – сбивающее с толку изобилие и разнообразие каменного инвентаря, при изучении которого трудно отделаться от впечатления, что им представлена культура не металла, а неолита. В самом деле, нелегко вообразить, что столь совершенные изделия из обсидиана, обработанные тончайшей отжимной ретушью, ножевидные пластины, сколотые с подпризматических и конических нуклеусов, шлифованные каменные топоры, ножи и серпы сделаны мастерами, которые знали иное, чем камень, сырье для изготовления орудий – медь и бронзу.

Между тем, очевидно, так оно и было, поскольку помимо открытия ряда изделий из металла нужно все же еще учитывать и значительные изменения в облике культур, которые датируются на севере Кореи II тыс. до н. э. Это в особенности справедливо, если обратиться к анализу керамических комплексов с их разнообразием типологических форм и чрезвычайно упрощенной по сравнению с неолитической орнаментацией. Жилища эпохи бронзы Кореи близки неолитическим, но отличаются большей строгостью и правильностью форм. Земледелие, судя по обилию мотыг, зернотерок и серпов, окончательно закрепилось в качестве ведущей отрасли экономики, а вместе с ним, по всей видимости, возросла роль культов, связанных с плодородием, что нашло отражение в увеличении среди находок количества женских скульптурных изображений из глины. Не меньшее значение приобрело животноводство, в котором особо важное место за-

няло, по-видимому, свиноводство. Многоотраслевое направление экономики в эпоху бронзы обеспечило достаточно быстрый прогресс всей культуры в целом и заложило прочный фундамент расцвета ее в период Древнего Чосона – первого в истории Кореи государственного образования.

Таковы контуры главных событий в культурной истории севера Кореи на этапах неолита и бронзы, как они представляются теперь в свете последних достижений археологов КНДР. Для выяснения исключительного по важности вопроса истинной роли корейских культур финальных стадий каменного века и начала эпохи металла в истории дальневосточного культурно-этнического района необходим анализ материалов соответствующих культур соседних с полуостровом территорий материковой части Восточной Азии. Такая проблема, однако, выходит за рамки задач, поставленных в статье, и заслуживает особого разбора. Это будет сделано в специальной публикации, посвященной культурам неолита и бронзы древней Маньчжурии, Внутренней Монголии и Восточного Туркестана.

Приложение

В. В. Ахметов

МЕМОРИАЛЬНЫЙ КОМПЛЕКС ПОГРЕБЕНИЙ ВАНОВ ГОСУДАРСТВА КОРЁ В ГОРОДЕ КЭСОНЕ

Вокруг Кэсона – столицы Кореи эпохи Корё (918–1392) – расположено большое количество гробниц правителей этого государства. Особенно много их в горах Сонаксан к северу и на южных склонах гор Мансусан к западу от Кэсона. Места для сооружения гробниц выбирали по принципам геомантии, согласно которым для погребения особо подходят южные склоны упомянутых гор [Ким Инхо, 2007, с. 284].

Самой известной из корёских гробниц является погребение 31-го правителя династии – Конмин-вана, самого почитаемого и по сей день вана Корё, проводившего решительный политический курс по восстановлению независимости государства от монгольского владычества. Годы жизни Конмин-вана – 1330–1374 гг., годы правления – 1352–1374 гг.

Географически могила Конмин-вана располагается на склоне горы Мусонбон гряды Понмёнсан, недалеко от Кэсона, возле села Хэсон уезда Кэпхун провинции Северная Хванхэ. Могила отличается хорошей сохранностью.

В 1365 г. супруга Конмин-вана – юаньская принцесса Луго (по-корейски *Ногук тэджан конджу*) умерла при родах. В память о ней ван решил построить пышный погребальный комплекс. Конмин-ван лично участвовал в проектировании гробницы и контролировал работы по ее строительству. Непосредственное руководство возведением погребального комплекса осуществлял выдающийся зодчий Ким Сахэн (?–1398). Его таланты пригодились и во времена новой династии Чосон (1392–1910), пришедшей на смену Корё. На восьмом десятке лет жизни он построил гробницу королевы Кан (посмертное имя *Синдок ванху*, 1356–1396), второй супруги Ли Сонге (основателя династии Чосон).

Процесс строительства растянулся с 1365 по 1372 гг., т. к. при возведении гробницы Ногук-тэджан рядом строилась гробница и для самого вана. В итоге получилось парное сооружение. На восточной стороне погребального комплекса расположилась могила супруги вана Чоннын, а на западной стороне – могила вана Хёллын.

Конмин-ван являлся официальным главой буддийской церкви Корё и по свидетельству летописей был глубоко верующим буддистом. В его погребальном комплексе хорошо просматривается влияние буддийской символики.

Могильные курганы располагаются на прямоугольной площадке, специально подготовленной на склоне холма. От подножья холма к курганам идет лестница, ведущая к трем площадкам на разных уровнях. Их соединяют небольшие каменные лестницы. На нижнем

уровне находятся скульптуры воинов, а выше – скульптуры чиновников и каменные фонари. На самом высоком уровне расположены могильные курганы. Таким образом, верхний уровень – «пространство вана и его супруги», второй уровень сверху – «пространство гражданских чиновников», третий уровень – «пространство военных чиновников».

Под курганами располагалась погребальная камера, к которой вел коридор. Высота камеры 2,3 м, длина – 2,97 м, а ширина – 3 м. Длина коридора составляла 9,1 м, ширина – 2,04 м, высота – 1,82 м. На стенах и потолке погребальной камеры обнаружены фрески. На стенах изображены 12 персонажей знаков зодиака – *бодхисатв*, на потолке – звезды, например, солнце, *пуктучхильсон* (семь звезд), известное нам как созвездие большой медведицы. Изображение семи звезд известно также по когурёским могильным фрескам. Культ семи звезд присущ современному корейскому шаманизму.

Каждый из курганов в нижней части опоясан двенадцатью каменными плитами (т. н. «каменными ширмами», которые являются атрибутом исключительно гробниц правителей). На поверхности плит изображены восседающие на облаках двенадцать персонажей – символов знаков зодиака в виде бодхисатв на фоне клубящихся облаков. В углах высечено изображение *ваджры* – атрибута буддийского ритуала. Курганы окружены каменными парапетами-оградками. Перед каждым могильным курганом найдены горизонтально расположенные каменные плиты, которые, вероятно, использовались во время ритуальных действий. Возле каждого кургана есть каменная колонна, которая оберегает погребенных. На этом же уровне располагаются скульптуры четырех каменных тигров и двух баранов.

Скульптуры баранов, направленные головами от могильного кургана, отгоняли все плохое и способствовали благополучному пребыванию умершего на том свете. Иероглиф «баран» имеет особое значение в дальневосточной культуре. Он входит в состав иероглифов со значением «красивый», «благоприятный, счастливый», «добрый». Соединения иероглифа со значением «я» дает значение «правильный, верный». Именно поэтому иероглиф «баран» и изображение настоящего барана воспринимались как благоприятный знак [Чхон Чинги, 1995, с. 482].

Каменный фонарь, расположенный на втором уровне, считается элементом буддийской архитектуры. На нем изображена раковина с тремя жемчужинами, верхняя из которых высечена в виде знака великого предела (кор. *тхэгык*). Понятие «великого предела» активно использовалось в неоконфуцианстве, которое заимствовало его из даосизма. На этом же уровне расположены четыре скульптуры чиновников: две справа и две слева. На уровень ниже размещаются воины: два слева и два справа.

Традиция возведения каменных скульптур возле гробниц до Конмин-вана не предполагала четкого разделения на воинов и чиновников.

В период Объединенного Силла и в эпоху Корё скульптуры на могилах правителей выглядели иначе. Например, чиновничья одежда могла сочетаться с мечом. Иногда изображалось некое подобие воина, но в простой одежде и вооруженного лишь дубинкой.

Скульптуры же на могиле Конмин-вана четко разделяются на чиновников и воинов (точнее – на гражданских и военных чиновников): одни одеты в чиновничью одежду и держат дощечки для записей, другие – в доспехах и с мечами.

Каменных скульптур чиновников насчитывается четыре: 2 изображают молодых людей, а 2 – возрастные. Чиновники постарше расположены ближе к кургану, а помладше – дальше. Воины расположены в обратном порядке: ближе к кургану стоит молодой воин, на отдалении – старый.

Скульптуры чиновников схожи с изображением 12 персонажей знаков зодиака – *бодхисатв* на фреске в погребальной камере гробницы Конмин-вана, а также с изображением тех же персонажей на каменных плитах, опоясывающих подножия курганов. Все они одеты в схожую одежду. Поза ничем не отличается: они держат в руках перед собой дощечки для записей. На фресках на головном уборе персонажа изображено животное соответствующего знака зодиака.

Изображения на фресках и скульптуры перед курганами отображают представление о правителе как центре мира, повелителе времени и сторон света, которому прислуживают в т. ч. буддийские божества в одеяниях конфуцианских чиновников, держащие таблички для записей и готовые внимать повелениям правителя даже после его кончины.

У подножья холма, на котором расположен погребальный комплекс, имеется Т-образный в плане реконструированный павильон для ритуалов. Такие павильоны у гробниц правителей возводили именно в Корё.

Из исторических летописей, в частности из «Корёса» и «Корёсаджорё», нам известно, что Конмин-ван после похорон супруги часто приезжал к гробнице. После совершения поминального ритуала правитель проводил время около гробницы, где его одолевали грустные думы. Он распоряжался, чтобы играли музыку и подносил жертвенное вино духу супруги в павильоне для ритуалов. Конмин-ван нарисовал своими руками портрет супруги, днем и ночью был с ним. Принимая пищу, он был подвержен тяжелым мыслям и в течение трех лет после смерти жены не ел мясного [Лим Ёнэ, 2008, с. 171].

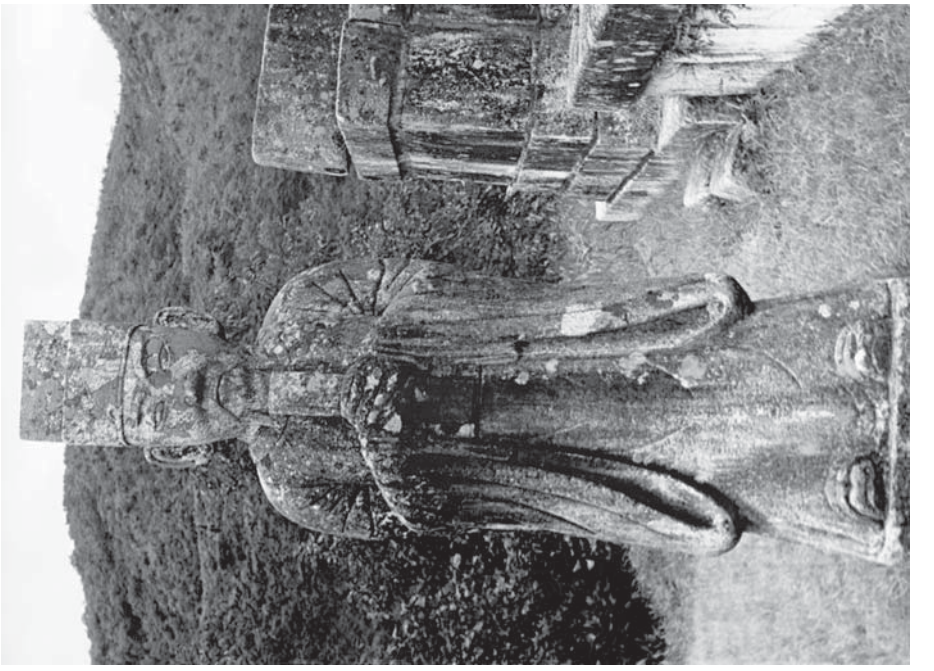
Погребальный комплекс Конмин-вана и его супруги подвел черту под погребениями правителей эпохи Корё и стал образцом при строительстве гробниц правителей новой династии Чосон.

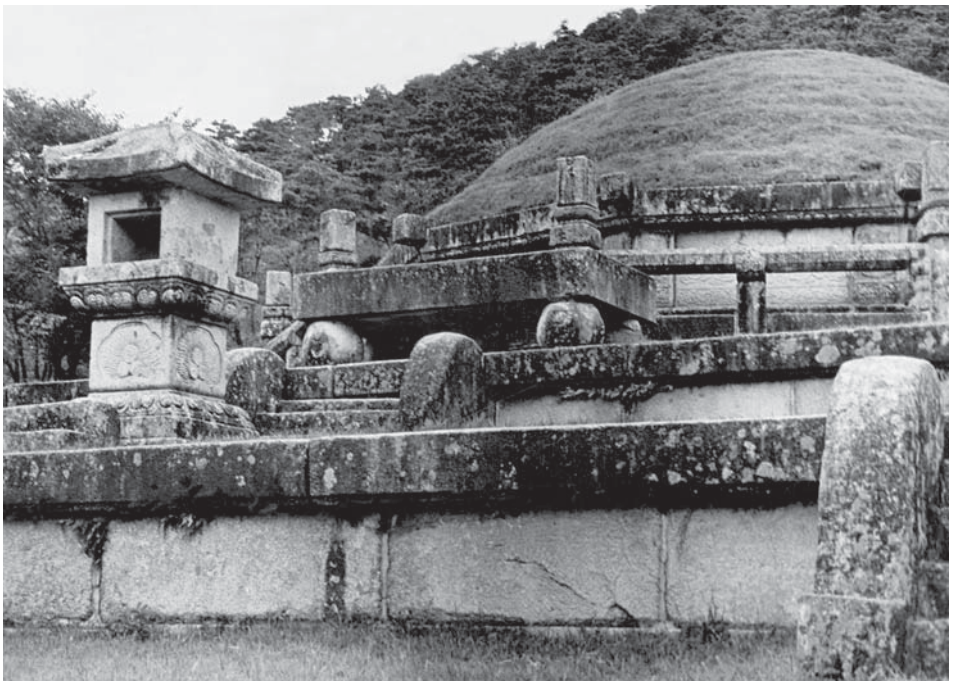
Список литературы

Ким Инхо. Поминально-погребальная обрядность при погребении правителей эпохи Корё // Хангукчунсесаёнгу. – 2007. – № 29. – С. 265–299.

Лим Ёнэ. Кёрюро пон хангук пульгё чогак (Корейская буддийская скульптура: влияние традиций соседних стран). – Сеул: Хагёнмунхваса, 2008. – 264 с.

Чхон Чинги. Баран в восточной культуре // Хангукмунхва санджин саджон (Корейский словарь символов). – Сеул: Тусандона, 1995. – С. 482.





ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ И ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Алеутские острова 16
Аляска, полуостров 16
Амноккан, река 185, 195
Амса, археологический памятник 122, 137
Амсадон (Амсари), археологический памятник 6, 7
Амур, река 8, 15
Анак, исторический памятник 41, 79, 80
Анангула, один из Алеутских островов 16
Анкоридж, столица штата Аляска 16
Анхаккун, архитектурный памятник 80, 82, 90
Аримицу Кё:ити, японский ученый 86
Афганистан, государство 17

Бангудэ, район 7
Бенсан, уезд 186, 193
Бицзыво, археологический памятник 93
Бичурин И. 14
Бохай (Пархэ), средневековое государство 14, 66, 78, 86, 88–92, 99
Бохайский залив 189
Бубхо, археологический памятник 104

Ван Сан Ак 84
Варёнчён (Волунцюань), археологический памятник 71, 73
Винамсон, горная крепость 79
Воробьев М. В. 31, 103, 200
Вэй, средневековое государство 91
Вэнь-ван (Да Циньмао) 89

Ганчен, уезд 195
Гарин-Михайловский Н. Г. 98
Гончаров И. А. 98
Гунсанни 7
Гусанни, археологический памятник 6

Деревянко А. П. 6, 9, 10, 20, 23, 26, 36, 40, 50, 54, 58, 62, 63
Дунбэй, регион в Китае 9
Дуньхуа, город 89

Екпхо, район г. Пхеньяна 194
Енбен, уезд 122
Енгильсодян, археологический памятник 188, 197
Енсондон, археологический памятник 139
Ентхан, уезд 195
Енчхон, уезд 139, 165

Ёнган, уезд 84
Ёнори, город 79
Ёнъён, уезд 193

Известковая гора 74
Ингачен (Иньцзяцунь), археологический памятник 71, 73, 74
Иргебаев А. Т. 20, 93

Йончхон, полуостров 69
Йончхон, уезд 92
Йонъёндон, археологический памятник 9

Каваджи, археологический памятник 7
Канг, город 186, 193
Канно, археологический памятник 194
Кансан (Ганшан), археологический памятник 70–73, 166, 189
Кансо, могильник 31, 79, 82, 88

Кафаров П. 13–15
Квапчжу, уезд 122
Кёнги, провинция 122
Кёнсан, провинция 122
Ким Ги Ун 20, 21, 23–28, 31, 32, 41–45, 51–53, 56, 57, 59, 60
Ким Ён Ган 64, 67, 77, 92, 106
Ким Ир Сен 13, 19, 21, 27, 31–39, 41, 43, 44, 46, 47, 49, 51, 56, 57, 61, 64
Ким Син Кю 77
Ким Сок Хён 20, 26, 28–30
Ким Чон Хёк 79, 80, 82, 83, 86, 90, 91
Кимхэ, археологическая культура 9
Кимцаньган – река в провинции Северная Пхёнан 74
Киндон, археологический памятник (дольмен) 195
Кобаяси Кэйитиро, японский ученый 86, 87
Когурё, древнее государство 28, 31–33, 41, 57, 66, 76, 78–93, 96, 99, 100, 231
Комын-Кэбон, археологический памятник 122, 136
Конгви, археологический памятник 186, 188, 193, 195, 197, 198
Конопацкий А. К. 10, 20, 23, 29, 47
Косанри, археологический памятник 6
Кульпхо, археологический памятник 25, 29, 68, 69, 77
Кульпхори, местность 68
Кунсан I 68, 69, 109, 112–115, 120, 121, 125, 205
Кунсан II 125, 126, 128, 129, 136–138, 164
Кунсанни, археологический памятник 8, 68, 69
Кунсанни II, археологический памятник 68
Курбанов С. О. 98, 99
Кымганса – «Алмазный храм» около г. Пхеньяна 82
Кымтханни, археологический памятник 71
Кэсон, город 19, 22, 23, 31, 34, 36, 40, 47, 52–54, 56–*60, 64*
Кюсю, остров в Японском море 7, 8, 76

Ларичев В. Е. 5, 9, 10, 12–14, 17, 26, 54, 97–99, 100, 139
Левин М. Г. 8
Ленин В. И. 44, 96
Ли Сын Рок 20, 21, 23, 24, 27,42, 51
Лолан, округ 9, 74, 75
Лусан (Лоушан), археологический памятник 71–73
Лян, средневековое государство 87
Ляо, средневековое государство 88, 96
Ляодун, полуостров 70, 80, 186, 189
Ляоси, район 74
Ляохэ, река 8, 69, 70, 76, 79, 80, 99, 139, 189, 191

Майхэ, река 74
Мангёндэ, место, где родился Ким Ир Сен 31, 33–35, 49
Мансудэ, гора 34
Маркс К. 96
Марсель, город 14
Махан, древнее протогосударство 9
Мисари, археологический памятник 6, 7
Мисонли, археологический памятник 93
Мичхон ван (Анак III) 79–81, 83
Момму Тенно, император 86
Моранбон, гора 40–42
Морэсан, археологический памятник 93
Муданьцзян, река 88
Мудин, археологический памятник 194, 195
Мукдэн, город 73
Мусан, уезд 69, 139, 197
Муянчэн, археологический памятник 73

Намгусанни, археологический памятник 7
Намдэмун, южные ворота крепости в Кэсоне 57
Наннан, см. *Лолан*
Наньван (Нинъань), могильник 88
Нара, столица Японии в VIII в. 28, 30, 77, 82, 86, 87, 92, 95, 100
Нёнбён, уезд 68
Никольское, село на о-ве Анангула 16
Нонпхори (Нонпхо), археологический памятник 69, 116, 158–165

Оджинри, археологический памятник 6
Одон, археологический памятник 7, 9, 70, 71, 188, 197, 198
Ои до, археологический памятник 6
Окладников А. П. 19, 20, 22, 23, 25, 28, 29, 36, 40, 47, 50, 54, 58, 63, 64, 67, 77, 93, 103
Ончон, уезд 112
Осанни, археологический памятник 6, 7

Окадэра, храм в Нара 82
Оун-1, археологический памятник 7

Пагён, водопад 56, 58–60
Пак Чин Ук 74
Паркинсон Н. С. 100
Пёнхан, древнее протогосударство 9
Пименов 93
Помый Кусок, археологический памятник 6, 8, 69–71, 75, 139–142, 146, 157, 159, 162–166, 182, 186, 197–201
Понсан, уезд 74
Порт-Артур, город 72
Пуджоегун, археологический памятник 74
Пудонни, археологический памятник 74
Пуё, средневековое государство 78
Пунчхонли, могильник 81
Пусан, город 6, 69, 74, 122, 139, 158
Пханмунджом, город 52, 56, 60, 61, 63
Пхеньян, столица Северной Кореи 10, 18, 19, 21, 31, 32, 34, 39, 41–43, 45, 51–53, 56, 59, 63, 66, 67, 70, 72–75, 77, 80, 82, 89, 94, 96, 97, 99, 100, 103, 104, 122, 186, 194, 200
Пхеньянская равнинная крепость 80
Пхёнан, северная провинция 9
Пхёнан-намдо, провинция 9
Пэкче, средневековое государство 76, 87, 91
Пэнма, горная крепость 79

Рейган Р. 16
Рюкчонсан, гора 89

Садон, район 122, 186, 194
Самгак, парк в г. Кэсоне 57
Санамли, археологический памятник 53
Санван, уезд 63
Санвон, пещера недалеко от Пхеньяна 77, 78
Санвонган, река 77
Сандал до, археологический памятник 6
Санмэ, район г. Саривона 186
Саннодэ, археологический памятник 6
Сантхаза (Шуантоуцзы), археологический памятник 69
Санхак, археологический памятник 185
Санхенсан, археологический памятник 193
Санчон, археологический памятник 7
Саньлинтунь, район в уезде Ниньань 89
Саньтицзы, археологический памятник 70, 72
Саривон, город 186, 195
Седжунни, археологический памятник 9, 68
Седюк, археологический памятник 122, 164
Сеул, столица Южной Кореи 7, 8, 36, 94, 100, 214
Сечтунли, археологический памятник 68
Сечхонни – Ренгабо, археологические памятники 74
Си до, археологический памятник 6
Сидюн, уезд 195
Силла, средневековое государство 91
Симгви, археологический памятник 195
Симчхон, археологический памятник 186, 188, 193–195
Синамни III, археологический памятник 92, 93
Синамни, деревня 64–66
Синамри (Синари), археологический памятник 165, 186, 189
Синхындон, археологический памятник 186, 193–195
Синчхан, уезд 74, 166
Синьчён, археологический памятник 71
Синыйджу, город 53, 55, 64, 65, 92
Со Гук Тхэ 106
Соккё, археологический памятник 193
Сокталли, археологический памятник 7
Сонгукни, археологический памятник 8
Сонгюнгван, исторический памятник, павильон эпохи Корё 57
Сонджук, парк в г. Кэсоне 57
Сонсанни, археологический памятник 74
Сонуи до, археологический памятник 6
Сопхохан, археологический памятник 6–8, 68–71, 104, 106, 116–119, 122, 136, 150–152, 154, 157, 166, 172–179, 182, 183, 185, 197, 201–204, 210
Сопхохан I, археологический памятник 68, 104, 106, 108, 109, 111, 113, 115, 117, 201–204
Сопхохан II, археологический памятник 68, 69, 109, 111–113, 115–117, 119–122, 125, 131, 132, 204–206
Сопхохан III, археологический памятник 68, 69, 122, 125, 127–129, 131, 132, 134–138, 152, 154, 166, 207
Сопхохан IV, археологический памятник 69, 139, 142, 143, 145, 148–154, 156
Сопхохан V, археологический памятник 69, 139, 140, 142, 143, 145–151, 156, 209

Сопхохан VI, археологический памятник 70, 166, 167
Сопхохан VII, археологический памятник 70
Сохын, уезд 74
Соя до, археологический памятник 6
Ссанёнчхон, могила в уезде Лёнган пров. Южная Пхёнан 84
Сугари, археологический памятник 6
Суй, средневековое государство 87, 88
Сунгари, река 69, 70, 76, 99, 195
Сунчжон, уезд 79
Сунчхон, археологический памятник 80
Сяоиньцзы, археологический памятник 70

Такамацудзука, могильник 86, 87
Тан, средневековое государство 87, 92
Тансан, археологический памятник 185
Тибет, регион Центральной Азии 14
Тигровая Падь, см. *Помый Кусок*
Токсан, археологический памятник 68
Толстой А. Н. 21
Тонсандон, археологический памятник 122, 158, 162, 163, 166
Туманган, река 9, 70, 74, 76, 77, 88, 197
Тхосонни (Тхосон), археологический памятник 69, 139, 141, 157, 195
Тэджон, город 8
Тэдонган, крепость 41
Тэдонган, река 8, 40, 71, 76, 193–195
Тэдэсан, археологический памятник 189, 193
Тэсан, археологический памятник 164
Тэсан, деревня 185
Тэсонсан, гора 79
Тэсонсан, горная крепость 79, 81
Тэхуксан до, археологический памятник 6
Тэчхон, уезд 79

Ульчу, залив у южного побережья Корейского полуострова 7
Унги, уезд 68, 104
Уссури, река 15
Уссурийск, город 14
Фендлер К. 10

Хаджоюн, король 74
Хамгён (Хамгёндо), провинция 8, 45, 68, 69, 74, 122, 139, 158, 166, 195
Хамхын, город 21, 26, 31, 34, 42–46, 48, 52, 53, 56
Хань, древняя империя 9, 75, 87, 99
Хаседон, археологический памятник 74
Хван Ги Док 67, 69
Хванхэ, провинция 74, 186, 193–195, 212
Хванчжу, археологический памятник 186, 193, 195
Хверён, археологический памятник 74
Хуандункуан, археологический памятник 191
Хуанхэ, река 33, 102, 201, 203
Хугури, район 67
Хунамни, археологический памятник 7
Хыури, село 77

Цзиньбоху, горная крепость 89
Цзиань, город 33, 79, 80, 82
Цимпори, могильник 79, 89
Цитхаб, археологический памятник 109, 112, 113, 115, 120–122, 124, 128, 129, 136, 137, 164, 204–206
Цоганча, археологический памятник 192
Цымхындо, город 71

Чаган (Чагандо), провинция 69, 139, 186, 193
Чамо, горная крепость 79
Чангунсан, археологический памятник 70, 186, 188, 193
Чан Сан Ёль 78–80, 85, 86, 89, 90
Черёнган, река 71, 193–195
Чжоукоудянь, пещера 78
Чжоукоудянь-1, археологический памятник 68
Чжоукоудянь-13, археологический памятник 68
Чебоксаров Н. Н. 8
Ченчжу, уезд 164
Чеджудо, остров 6
Чён Чхан Ён 72
Чинпори, могильник 83
Чинхан, древнее протогосударство 9
Читамни, археологический памятник 6, 7, 68, 69
Чо до, археологический памятник 6
Чоджири, археологический памятник 6
Чонбэкдон, поселок 74
Чончжу, уезд 185
Чосон (Кочосон), древнее государство 9, 10, 33, 66, 71, 75, 78, 80, 82, 85, 86, 94, 161, 211, 213, 214

Чу Ён Хон 81, 84, 85
Чунган, уезд 69, 139, 195
Чходо, археологический памятник 197
Чхонгонни, археологический памятник 74
Чхонджин (Чходжин), город 69
Чхондин, археологический памятник (дольмен) 195
Чхончхонган, река 74
Чхондынмалле, археологический памятник 92, 93, 139, 141, 146, 157, 159, 163–166

Шабшина Ф. И. 98
Шаньдунский полуостров 8, 9
Шуандацзы, археологический памятник 189, 191–193

Ыйчжу, город 79
Ындян, река 195

Эгами Намио 86

Юсан, уезд 122, 103

Яксури, могильник 80
Ялуцзян, река 76
Янгули, археологический памятник 8
Яндува, археологический памятник 189, 191
Янцзы, река 102
Янь, древнее царство 9
Яньцзи, горная крепость 89
Яньцзы, археологический памятник 70
Японские острова 76

КРАТКИЙ СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ

Ссирым – корейский вариант вольной борьбы.
Супак – букв. «ручной удар»; корейская национальная борьба.
Босиги – бытовая посуда.
Канэдзяку (сяку) – японская мера длины.
Ком – меч с двулезвийным клинком.
Куксу – длинная корейская лапша.
Мэккунь – «лук Когурё», отличающийся особой мощностью; из него часто выпускали стрелы со свистульками, которые издавали устрашающий свист.
Ондоль – «теплый камень» (*кан*); вариант отопительной системы.
То – оружие с одним лезвием.
Хваль – лук (оружие).
Хосин – букв. «но́совая обувь».
Чабеги – бытовая посуда.
Чи – китайская мера длины.
Чивэй – украшение конька крыши, похожие на клюв птицы.
Чумча – «ударная телега» для разрушения городских ворот и крепостных стен.
Чучхэ – «сам себе голова», «опора на собственные силы»; самостоятельность, независимость.
«Южное море» – так корейцы называют Корейский пролив.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГПНТБ – Государственная публичная науно-техническая библиотека
ИАЭТ СО РАН – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИФФ СО АН СССР – Институт истории, филологии и философии АН СССР
МГУ – Московский государственный университет
НГУ – Новосибирский государственный университет
РАЕН – Российская академия естественных наук
РАУК – Российская ассоциация университетского корееведения
СО АН СССР – Сибирское отделение Академии наук СССР
СО РАН – Сибирское отделение Российской академии наук

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора (*С. В. Алкин*) 5

ЧАСТЬ I 11
Предварение повествования (*В. Е. Ларичев*) 12
Впечатления от поездки в КНДР
(19 сентября – 16 октября 1974 года) (*В. Е. Ларичев*) 18
Послесловие (*К. Фендлер*) 98

ЧАСТЬ II 101
Неолит и бронзовый век Кореи (*В. Е. Ларичев*) 102

Приложение. Мемориальный комплекс погребений ванов
государства Корё в г. Кэсоне (*В. В. Ахметов*) 212

Географический и именной указатель 226
Краткий словарь терминов 231
Список сокращений 232

Научное издание

Ларичев Виталий Епифанович

ПУТЕШЕСТВИЕ АРХЕОЛОГА
В СТРАНУ УТРЕННЕЙ СВЕЖЕСТИ

Фотографии в книге из архива *В. Е. Ларичева*
Иллюстративный материал к части II подготовлен *С. А. Шендрик*
Фото на первой странице обложки из кн.: **Korean** historic relics. – Pyongyang: Cultural Relics publishing house, 1980. – Pl. 51
Фотопортрет на последней странице обложки выполнен *В. Т. Новиковым*

Редактор *М. А. Коровушкина*
Технические редакторы *М. В. Геращенко, А. А. Фурсенко*
Дизайнер обложки *А. А. Фурсенко*

Подписано к печати 20.02.2012 г. Бумага офсетная. Формат 70 × 100/16. Офсетная печать.
Усл. печ. л. 18,8. Уч.-изд. л. 19. Тираж 300 экз. Заказ № 297.

Издательство Института археологии и этнографии СО РАН
630090, Новосибирск, пр-т Академика Лаврентьева, 17.